

Джон
Армстронг

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

ФАКТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Труд Джона Армстронга, известного советолога и украинолога, — это документированная история украинского национализма времен Второй мировой войны. Автор подробно представил разнообразные социальные элементы националистического движения, проследил борьбу внутри его группировок и деятельность их лидеров в политической атмосфере тех лет. Он подверг глубокому анализу природу этого явления, распространение его в различных частях Украины, особенности проявления в период немецкой оккупации и источники живучести, а также показал, как оно трансформировалось под влиянием среды, в которой зародилось. Коснулся и крайних форм национализма — агрессии и зверств в отношении мирного населения в стремлении к расовой чистоте.

Книга особенно интересна тем, что базируется на многочисленных малоизвестных источниках: архивных материалах, мемуарах, статьях, которые настолько красноречивы, что позволяют читателям делать собственные сопоставления и выводы относительно феномена украинского национализма.

ISBN 978-5-9524-3894-1

9 785952 438941

ЦЕНТРОЛИГРАФ

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Д. Армстронг

Джон Армстронг УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ФАКТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Джон Армстронг

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

John Armstrong

Джон Армстронг

UKRAINIAN NATIONALISM

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

ФАКТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

**Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ**

УДК 323.14(-161.2)
ББК 66.1(0)
А83

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

А83 Армстронг Джон
Украинский национализм. Факты и исследования /
Пер. с англ. П.В. Бехтина. — М.: ЗАО Центрполи-
граф, 2008. — 368 с.

ISBN 978-5-9524-3894-1

Труд Джона Армстронга, известного советолога и украинолога, — это документированная история украинского национализма времен Второй мировой войны. Автор подробно представил разнообразные социальные элементы националистического движения, проследил борьбу внутри его группировок и деятельность их лидеров в политической атмосфере тех лет. Он подверг глубокому анализу природу этого явления, распространение его в различных частях Украины, особенности проявления в период немецкой оккупации и источники живучести, а также показал, как оно трансформировалось под влиянием среды, в которой зародилось. Коснулся и крайних форм национализма — агрессии и зверств в отношении мирного населения в стремлении к расовой чистоте.

Книга особенно интересна тем, что базируется на многочисленных малоизвестных источниках: архивных материалах, мемуарах, статьях, которые настолько красноречивы, что позволяют читателям делать собственные сопоставления и выводы относительно феномена украинского национализма.

УДК 323.14(-161.2)
ББК 66.1(0)

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2008
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2008

ISBN 978-5-9524-3894-1

Глава 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА

Летом и осенью 1942 года германские армии катились по просторам Украины; к ноябрю вся Украинская Советская Социалистическая Республика была в их руках. Во всем мире понимали значимость завоевания этой огромной территории с ее сорока миллионами жителей. Аграрное богатство Украины, которая была известна как «житница СССР», огромный промышленный комплекс Донецкого бассейна и богатые минеральные запасы — все это потерял Советский Союз и приобрела Германия. Пока что политические последствия этих завоеваний обращали на себя меньшее внимание, чем экономические, но они в некотором отношении превосходили по важности экономический эффект.

Хотя отдельное политическое развитие стало давней традицией на Украине¹, современный национализм — доктрина о том, что люди четко выраженной другой культуры должны создать независимое государство, — пришел поздно на эту землю. Для близкого наблюдателя первые зародыши национализма среди образованных групп населения на Украине появились, очевидно, в начале XIX века, и к середине того века Тарас Шевченко, величайшее имя в украинской литературе, давал поэтическое выражение националистическим чувствам. Однако организации исключительно политического характера, выразившие претензии на украинскую государственность, сформировались значительно позже². У студента, изучающего современную политику, именно это позднее появление украинского национализма вызывает неподдельный ин-

терес. Есть мало вещей более важных для понимания политических сил, формирующих современное общество, чем взаимодействие национализма в его различных проявлениях и социализма в его распространившихся формах. В этом отношении украинский национализм особенно значителен, потому что сформировался в то же время, когда марксистский социализм стал влиятельной идеологией в Российской империи. В то время, когда украинский национализм приобретал определенные политические цели, а доминирующий элемент — русский марксизм — принял политическую форму советского коммунизма, отношения между этими двумя силами становились все более сложными.

Этот факт, а также то обстоятельство, что украинский национализм являлся значительной силой, направленной на обеспечение себе поддержки пятой части населения Советского Союза, пожалуй, заслуживает того, чтобы украинский национализм стал предметом детального изучения, даже при том что он никогда не достигал своей главной цели — создания по-настоящему независимого государства. Более того, важность взаимодействия национализма и коммунизма предполагает, чтобы изучение было сфокусировано на той части украинской этнографической территории, которая между 1920 и 1941 годами находилась под советским правлением. Этот регион, обычно известный как Восточная Украина, был подвергнут полному воздействию советской системы до периода, охватываемого в настоящем труде, в то время как Западная Украина была разделена между некомунистическими Польшей, Румынией и Чехословакией в течение почти всего периода между двумя мировыми войнами. Хотя упор делается на Восточной Украине, Западная Украина также рассматривается в значительной степени как регион, в котором национализм проявлял себя особенно энергично и служил базой националистической активности.

Настоящий труд носит прежде всего политический характер по своей тематике и рассматривает национализм как движение, стремящееся к созданию независимого государства. Но он не ограничен политическим аспектом в узком смысле термина³. Поскольку украинские национа-

листы не преуспели в организации государственного аппарата, то существует ограниченное поле для изучения конституционных или юридических структур. Как вскоре станет очевидным, природа различных националистических идеологий делает интенсивное изучение украинской политической философии предметом ограниченной ценности. Исходя из этого, я прилагал усилия, чтобы следовать по пути, иногда описываемому как «социология политики». Я проследил историю националистических партий и, насколько возможно, описал разнообразные социальные элементы националистического движения.

Много усилий было затрачено исследователями, чтобы проанализировать природу национализма и определить источники его живучести. Никому это не удалось в полной мере, так как подобно всем динамическим движениям, которые вышли далеко за пределы их первоначальных сред обитания, национализм приобрел дополнительные оттенки, а также трансформировался под влиянием различных веяний той среды, в которой он зародился. Это проблема специфической трудности — определить в любой стране, почему то или иное движение пустило корни; особенно это верно в отношении Украины. Одним из наиболее частых стимулов националистических настроений является религия, но образование самостоятельной украинской православной иерархии было скорее результатом роста националистического чувства, чем его причиной⁴. Другим стимулом национализма является существование отличительных народных традиций и быта. В дополнение к отличительным народным художественным формам, о чем будет упомянуто позже, было еще и явное различие между социальной организацией большинства украинских крестьянских общин до 1917 года и российских крестьян. На Украине народ, например, обычно не следовал излюбленной российской системе «передела», или периодического перераспределения сельхозугодий с вытекающим отсюда подчинением индивидуального крестьянина коллективу⁵. В 1905 году, до того как этот народ стали считать отдельной нацией, Маккензи Уоллес, проницательный наблюдатель за делами в царских владениях, отметил следующее:

«Город Киев⁶ и окружающая страна — на самом деле малороссийские, а не великороссийские, и между этими двумя группами населения есть глубокие различия — различия в языке, одежде, традициях, народных песнях, поговорках, фольклоре, быте, коммунальной организации. В этих и других отношениях малороссы, южные русские, русины или хохлы, как их по-разному называют, отличаются от великороссов севера, которые составляют доминирующий фактор в империи и которые дали этой замечательной структуре ее существенные характеристики. Действительно, если бы я не боялся без нужды беречь патриотические настроения моих великоросских друзей, у которых есть своя любимая теория на этот счет, я сказал бы, что мы имеем дело с двумя разными нациями, более далекими друг от друга, чем англичане и шотландцы. Различия объясняются, я считаю, частично этнографическими особенностями и частично историческими условиями»⁷.

Как заметил Уоллес, языковые различия между украинцами и русскими существенны. Фактор языка действительно использовался очень часто как решающий критерий для различения двух этнических групп⁸. На протяжении XIX столетия самостоятельный, но все еще развивавшийся украинский литературный язык строился на речи, распространенной среди крестьянства. Этот язык принадлежал к восточнославянской языковой группе и поэтому ближе к русскому, чем к любому другому языку, хотя русский не очень понятен большинству крестьян. Однако он уже обосновался как литературный язык Восточной Украины, до того как литературный украинский стал заметным явлением, и был привычным почти для всех образованных украинцев в Советском Союзе.

Важно заметить тем не менее, что приверженцы украинского национализма руководствовались вовсе не такими критериями, как религия, народный быт или язык; более весомым для них стало обращение к общей исторической традиции, утверждение, что украинский народ, когда-то великий и независимый, потерял свое наследие. В Европе на рубеже столетий существовали, на взгляд поверхностного наблюдателя, два класса наций: те, которые воплотили себя в независимые государства, и те, которые

нет⁹. Фактически вторая группа была подразделена на «исторические» нации, представители которых помнили, что обладали в современной истории собственной устойчивой государственной формой, и нации, которые не были настолько удачливы. Среди первых можно упомянуть поляков, чья республика исчезла в предыдущем веке, чехов, которые по-прежнему сохраняли остатки своего старого государства в Богемии. Однако для таких народов, как латыши, словенцы, а также для жителей Украины, никогда такого соборного момента, как государственность, не существовало; следовательно, нужно было хорошо поворошить страницы истории, чтобы подыскать сопоставимый символ единства.

Так как для становления нации было жизненно важно, чтобы ее язык и ее история воплощались в работах, которые могли вдохновлять лояльность национальной идее, то вполне естественно, что лидерами националистического движения должны были стать писатели. Здесь уже упоминался национальный поэт Шевченко, и он всего лишь один из ряда писателей — таких как Николай Костомаров и Иван Франко. Историки, которых возглавлял Михайло Грушевський, кто, возможно, больше чем любой другой заслуживает право называться отцом украинского национализма, были не менее важны¹⁰. Ранние лидеры движения — интеллектуалы почти что все без исключения — люди более слова, чем дела, — факт, который должен был иметь большое значение для будущего развития украинского национализма.

Часть усилий по стимуляции исторического сознания жителей Украины сосредоточивается вокруг попытки показать, что их этническими и духовными предками являлись жители Киевской Руси, и опровергнуть, что русские произошли из средневекового киевского государства. Намного больше энергии было употреблено, однако, на изучение истории казаков из Запорожской Сечи (оплот за днепровскими порогами) и попытке показать, что их борьба с Польшей и Россией была на самом деле попыткой образовать независимое украинское государство¹¹. Этот акцент был понятен, ибо память о свободолюбивых и воинственных предках — казаках была еще жива среди про-

стых людей. В связи с этим преподносился особенным образом поразительный успех в XVII веке лидера казаков Богдана Хмельницкого, который водил свои армии против Польши на берега Вислы. Последующая история того, как Хмельницкий стал вассалом Москвы, чтобы обеспечить независимость от Польши, и как цари затем постепенно поглощали территорию его преемников, питает главное историческое обоснование утверждений, что союз с русскими был навязан Украине, то есть речь идет об одном из основополагающих национальных мифов¹².

По всей вероятности, все это могло бы никогда не пустить корни без наличия отличительных исторических традиций, языка и нравов; современный украинский национализм развивался как двойственная подражательно-защитная реакция на зарубежный национализм. Германское националистическое движение начала XIX столетия с его романтическим акцентом на прославление национального прошлого, языка и обычаев простых людей оказало сильное влияние на зарождающийся украинский национализм. Более того, в пределах Австро-Венгерской империи культурно продвинутая часть украинцев находилась в тесном соприкосновении с глубоким национализмом галицких поляков. Поляки составляли в действительности правящий класс Галиции, которая однажды была частью польского королевства. Половина населения этой провинции, говорящая на украинском, никогда не теряла понимания своего национального отличия, так как между украинским и польским языками существует значительное различие, а этническое разделение совпадало с церковным. Поляки были римскими католиками, в то время как украинцы, хотя также состояли в подчинении папе римскому, были почти все христианами греческого (то есть византийско-славянского) обряда. Следовательно, неудивительно, что духовенство изрядно способствовало пробуждению украинского национального чувства в Галиции. Наиболее видным из таких священников был митрополит Андрей Шептицкий. Он был выходцем из семейства, которое относилось к польской знати, но чувствовал себя украинцем; его жизненный путь, длившийся почти полный период украинской националистической деятельности от

рубежа столетия до завершения периода, охватываемого в этой работе¹³.

Причины, почему украинское националистическое движение возникло в пределах Российской империи, не так и очевидны. К началу XX столетия большая часть видных людей украинского этнического происхождения, похоже, была русифицирована по части культуры и национального чувства, даже если иногда и становилось ясно, что они помнят элементы иной культуры родового прошлого¹⁴. Что Российская империя смогла выполнить такую крупномасштабную ассимиляцию — дань той степени, в какой она была наднациональна и избегала узких концепций этноцентризма. Хотя в шестидесятых годах и возникло влиятельное течение, когда Н.Т. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» провозгласил приход панславизма, основанного на этнической русской гегемонии¹⁵, для многих, особенно для чиновников правящей бюрократии, царское правление оставалось выражением экуменической традиции империи, «Третьего Рима», но такой, которая основывала свою власть на символах скорее всеобщего характера, чем национальной исключительности.

Однако претензии Российской империи на то, чтобы быть воспринятой, ослаблялись ее неспособностью решать социальные вопросы. Но какая бы масса культурных различий и исторических реминисценций ни способствовала формированию украинского националистического

* С конца XVI века автор пересказывает на митрополита Шептицкого — несведущий читатель подумает в вышеприведенном контексте, что это человек из тех времен. В действительности он ушел из жизни в 1944 году, а до этого выходец из польской знати, прежде чем «почувствовать себя украинцем», успел послужить офицером австрийской армии. Потом он приветствовал приход на Украину «освободителей» — гитлеровские войска. При нем униатская церковь благословляла украинских эсэсовцев дивизии «Галычина». Во время оккупации он позволял нарушать запрет на работу в воскресные дни — для работы на «освободителей». Множество таких документов было выставлено несколько лет назад в Ивано-Франковске на выставке, посвященной Шептицкому, — разумеется, не с целью разоблачения, а как национальные реликвии. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Автор несколько напутал: это сочинение не Н.Т., а Николая Яковлевича Данилевского, русского социолога и публициста, действительно идеолога панславизма.

движения, трудно представить, как бы оно могло возникнуть, если бы к этому в большей степени не примешивался базисный раскол в социальном устройстве украинского общества. Там в необычной степени национальность совпала с экономическим классом. Почти все украинцы, за исключением кучки интеллигенции, были крестьянами; землевладельцами и чиновными лицами были поляки или русские, в то время как коммерческая буржуазия была в значительной степени еврейской. При таких обстоятельствах любое националистическое движение, вероятно, легко становится и классовым, и лидеры такого движения будут напирать на аграрную реформу и освобождение крестьянина от «эксплуататорских» групп.

И произошло, конечно, так, что украинский национализм стал врагом коммунизма. В основном коммунизм¹⁵ в Российской империи в дореволюционный период и во время революции 1917 года был движением городским. И его идеология, и его практические возможности прежде всего побуждали сторонников коммунизма искать поддержку среди городских промышленных рабочих, ведомых и вдохновляемых группой инакомыслящих интеллектуалов. Он втягивал в себя все нации царской России, но был преобладающе русским и еврейским. Рабочую массу составляли в основном русские, а те немногие украинские рабочие, которые обосновались до 1917 года в городах, были по большей части русифицированы по языку и сознанию. Но коммунистические лидеры, с их четким осознанием реальных социальных условий России, поняли, что никакое чисто городское движение не сможет добиться успеха в стране на четыре пятых крестьянской. Поэтому они старались, особенно после мартовской революции 1917 года (очевидно, что речь идет о Февральской революции. — *Примеч. пер.*), через механизм Советов вовлекать сельского жителя в революционное движение. Здесь коммунисты натолкнулись на оппозицию украинских националистов. В условиях беспорядка и дезорганизации после свержения царя украинские националисты были способны из стадии квазизаконной группы партий, намеревавшихся прежде всего пробуждать приверженность к культурному национализму, перейти к положению реальной, пусть и шаткой, по-

литической силы. С весны 1917 до лета 1920 года эта сила, хотя и не представляла больше единственного «движения», оказалась способной поддерживать ряд украинских правительств на территории Украины.

В задачи этой работы не входит детальное рассмотрение природы этих правительств, о которых уже много говорилось в других трудах¹⁶. Однако необходимо, по крайней мере, перечислить их. Первое, сформированное в апреле 1917 года, было известно как Украинская центральная рада («рада» является эквивалентом русскому слову «совет»), но в течение первых месяцев ее деятельности это был, по существу, полуавтономный административный орган, признававший верховенство Временного правительства в Петрограде. Демократическая и строго социалистическая по идеологии, Рада явилась детищем левых интеллектуалов, которые преобладали в национальном движении перед войной. В январе 1918 года она провозгласила независимость Украины, но немцы, оккупировавшие Украину в феврале 1918 года, разогнали Раду. Ее сменил квазимонархический режим, возглавляемый выходцем из землевладельческой аристократии Павлом Скоропадским, потомком гетмана, или вождя запорожских казаков¹⁷. После ноябрьского перемирия 1918 года это правительство, больше не поддерживаемое германскими войсками, пало и было заменено новым режимом, известным как Украинская народная республика (УНР)*. Он просуществовал почти два года, но был подвержен превратностям судьбы из-за усилий коммунистов завоевать Украину, стремления белых антибольшевистских армий вернуть Украину в Россию и желания Польши расширить сферу влияния до Днепра. Администрация, известная как Директория, скоро оказалась под контролем своего могущественного деятеля — Симона Петлюры, который как командующий вооруженными формированиями приоб-

* Скоропадский в 1918 году бежал в Германию. Погиб в 1945 году во время бомбардировок союзниками Баварии. «Во время Второй мировой войны П. Скоропадский пытался наладить диалог украинских политиков с гитлеровцами с целью создания независимой монархической Украины» (*Історія України*. Львів, видавництво «Світ», 1998. С. 236).

рел в тот период такую известность, что его имя с тех пор стало синонимом борьбы за национальную независимость среди наименее образованных элементов украинского населения.

Эти правительства, давшие Украине некоторую стабильность, получили поддержку многих из тех, кто хотел установления некоммунистического режима. Безусловно, немало людей, желавших крепкой власти, возлагали надежды и на консервативные военные формирования Деникина и Врангеля, белых генералов. Однако, прежде чем последний стал крупной фигурой, столь же консервативная власть в лице гетмана поддерживалась значительной частью верхних слоев царского общества, включая множество офицеров вооруженных сил. Приняв идею независимой Украины, некоторые офицеры, такие как генералы Всеволод Петров (Петрив) и Михаил Омелянович-Павленко, остались сторонниками националистического украинского режима, который пришел на смену режиму Скоропадского, и оказали ему ценную помощь в силу своих профессиональных качеств¹⁸.

С другой стороны, за исключением группы Скоропадского лидерство в украинском националистическом движении в течение революционного периода находилось главным образом в руках интеллектуалов, и даже многие из последователей гетмана были писателями и учеными. Образованная молодежь Украины разделилась на тех, кто хотел участвовать в большевистском движении, и тех, кто выбрал путь левого национализма. Виктор Приходько, националист, который пережил тот период, описывает первых как людей, мысливших на «планетарном» уровне, желавших решить мировые проблемы все и сразу, а претензии на национальную общность рассматривавших как местные. Одним из его школьных товарищей был Владимир Затонский, который позже стал одним из наиболее рьяных коммунистических деятелей Украины*. Даже перед войной он, утверждает Приходько, отказался иметь что-либо

* В.П. Затонский занимал высокие партийные и государственные посты на Украине и в Москве. Подвергся сталинской репрессии и погиб в 1938 году.

общее с украинскими культурными акциями, подобно «Просвите» — просветительскому обществу в городе Каменец-Подольском, где они были студентами, а предпочел связаться с «иностранцами» — русскими и евреями и был быстро вовлечен в революционное социалистическое движение¹⁹. Основой для выбора в этом поколении молодых интеллектуалов, похоже, был случай, или психологический тип индивидуума, который, сделав первоначальный выбор, все более и более укреплялся в нем под совокупным воздействием сформировавшихся ассоциаций. Таким образом, ко времени, когда революционные конфликты близились к завершению, образованные классы на Украине были совершенно раздроблены. Еще более разделенным было крестьянство — реальная основа любого движения независимости. Они — или по крайней мере те, кто преуспевал выше среднего уровня, — первоначально приветствовали создание украинских правительств. Растущее бессилие новых режимов и их увлечение фракционной борьбой и нереалистичными программами вместо практических мер вызывали явное равнодушие или потерю доверия крестьянства. Однако, согласно суждению одного из самых способных студентов революционного периода, украинский крестьянин предпочел националистическое правительство любой красной или белой администрации, поддерживающей центральный режим²⁰.

Тот факт, что коммунисты победили физически, не может служить доказательством серьезной народной поддержки, ибо в основном ее оказали русские городские рабочие извне Украины. Однако украинское правительство Петлюры было значительно дискредитировано, потому что не сумело уделить достаточного внимания потребностям крестьянства и установить закон и порядок. Кроме того, союзом с Польшей оно нарушило свое обещание представлять всю украинскую нацию. Это следовало из того факта, что Галиция, которая при распаде габсбургской монархии сформировала собственную Западноукраинскую республику, была отдана варшавскому режиму как плата за помощь на востоке. С этим решением большинство населения Галиции отказалось соглашаться. Однако Польша и Советский Союз заключили мир (автор не в курсе, что тог-

да еще не было такого понятия — Советский Союз, которое появилось в 1922 году. — *Примеч. пер.*), и вскоре после этого остатки украинской армии и бюрократии перешли в Польшу, чтобы быть там интернированными. Из этого укрытия группа в несколько сотен человек под командованием полковника Георгия Тютюнника совершила в октябре 1921 года последнюю отчаянную вылазку в оккупированную Советами Украину²¹.

После этого Восточная Украина оказалась под властью коммунистов, которой уже невозможно было бросить военный вызов. Какое-то время, однако, казалось, что рост националистических настроений — они росли даже среди тех, кто давно был сторонником марксистских доктрин, — мог бы принести то, чего не удалось добиться оружием. Чтобы понимать эту ситуацию, необходимо вспомнить, что коммунисты при Ленине изменили свою первоначальную позицию, чтобы апеллировать к национализму нерусских. В январе 1918 года, вскоре после прихода большевиков к власти, III съезд Советов утвердил теоретическое право всех наций царской империи идти своим путем и отделиться от большевистского правительства в Москве. В то же самое время это право перечеркивалось упоминанием о том, что оно может быть осуществлено только «трудящимися массами». Хотя позиция коммунистов была сформулирована более чем двусмысленно, их приверженность тезису о том, что интересы трудящихся представляет только коммунистическая партия и что нероссийские компартии составляют неотделимую часть центральной большевистской организации, превращала на деле самоопределение в фикцию. В последующие годы центральное партийное руководство использовало вооруженную силу когда можно, чтобы подтвердить, что местные компартии, низведенные до уровня простых филиалов единой партии, должны «править» в своей отдельной нации, которая составляла часть царской империи.

Изначально поставив целью жесткий коммунистический контроль, лидеры большевиков, однако, сделали широковещательные заявления против «великорусского шовинизма» и определили, что культура каждой нации должна быть «национальной по форме, социалистической

по содержанию». Поощренные этим очевидным желанием развития национальной культуры в ущерб российскому культурному господству, которое навязывалось их народам в царские времена, многие из коммунистических лидеров наций с установлением коммунистического контроля энергично принялись налаживать независимую культурную жизнь. На Украине главным таким руководителем в начале двадцатых годов был нарком образования Александр Шумский; после его смещения в 1927 году на его место пришел Николай Скрипник, еще более рьяный коммунист, но твердый сторонник украинского культурного национализма²². До какой степени эти люди были искренними приверженцами украинского национализма и до какой степени их благосклонность к нему мотивировалась желанием обеспечить себе народную поддержку и обуздать высокомерную власть Москвы с ее идеей интернационализма, который, по мнению Москвы, более соответствовал родоначальной коммунистической идеологии, трудно сказать. Во всяком случае, они пошли довольно далеко в поощрении чисто украинских черт и традиций, особенно в просвещении, литературе и образовании. В то время как эти коммунистические сторонники украинского национализма всегда составляли лишь долю правящей группировки на Украине и, следовательно, полностью не могли искоренить проникновение русских традиций в украинскую культурную жизнь, они, однако, способствовали развитию поколения молодых людей, которые привыкли думать и писать на украинском литературном языке, хотя многие продолжали расценивать владение русским как признак культуры.

Возможно, коммунисты группы Скрипника оставались в сердце более преданными коммунизму, чем национализму. Иначе обстояло дело, конечно, с очень большой группой интеллектуалов, одни из которых были представителями входящего в жизнь поколения, другие — из тех, что поддерживали национальные правительства революционного периода, но позже приняли советскую власть. Особенно заметным среди последних был Михаил Грушевский (Мыхайло Грушевський); хотя он некоторое время был президентом Рады (Центральной рады в 1917—1918 гг. —

Примеч. пер.), он решил вернуться на Советскую Украину, когда, казалось, там открылась возможность для националистической деятельности. Для него и его группы, которая состояла преимущественно из ученых и людей литературы, реальная цель состояла в том, чтобы пересмотреть коммунистическое предписание и строить культуру «социалистическую по форме, национальную по содержанию». Таким образом получилось, что Грушевский, который всегда в определенной мере принимал социалистическую доктрину как базу для необходимых реформ на Украине, уделил внимание марксистской идеологии в своих исторических сочинениях, но ясно показывал, что высшей реальной ценностью для него была украинская нация. Кроме того, он и его группа придерживались позиции, что исторически и экономически Украина была больше связана с Западной Европой, чем с Россией.

С коммунистической точки зрения такие идеи таили в себе достаточную опасность; в то время как коммунизм мог допустить на какое-то время в основе своей антипатичные ему формы, он не мог позволить, чтобы его собственные формы использовались как прикрытие для развития независимой идеологии. Похоже, Сталин, который настаивал на самом строгом соблюдении всех соответствий, принялся сокрушать «отклонение» украинцев в национальном вопросе, как только его власть набрала достаточную силу. Действительно, первые шаги в этом направлении были сделаны уже в 1927 году. Крупная атака развернулась, однако, в 1930 году — это были увольнение Грушевского с его академического поста (в 1929 году он был академиком АН СССР. — *Примеч. пер.*) и репрессии против его научного журнала «Украина». Наряду с атаками, которые развернулись против представителей интеллектуальной жизни, включая некоторых преданных марксистов, подобно историку Яворскому, выступавшему за независимое развитие Украины, прошли суды над учеными, обвиненными в принадлежности к подрывной лиге освобождения Украины²³. Вряд ли случайно, что эта кампания преследований явилась простым совпадением по времени с коллективизацией сельского хозяйства на Украине. Во многих отношениях образование колхозов

(по-украински «колгосп») ударило по украинскому крестьянину гораздо сильнее, чем по российскому. Первый был в основном более зажиточным, и, следовательно, терять ему было больше; кроме того, отсутствие традиционной общинной сельскохозяйственной организации на Украине делало для него новую систему более чуждой и отталкивающей.

Похоже, именно украинское крестьянство составило огромную, если не преобладающую часть тех несчастных миллионов людей, депортированных как «кулаки» в Сибирь или Казахстан либо в голодные жалкие трущобы разрастающихся советских городов. Очень вероятно, что эта ситуация породила потенциальную основу для национального восстания, которую создавал экономический и социальный гнет со стороны иностранных правителей подобно тому гнету, что существовал до войны со стороны польских и русских правительственных чиновников и землевладельцев. Коммунисты часто были вынуждены опираться на неукраинских — русских и еврейских — интеллектуалов, рабочих из городов, где они имели реальную поддержку, или людей, привезенных из самой России, чтобы выполнять планы коллективизации. Следовательно, вероятно, подавление националистической интеллигенции в это время носило, по крайней мере частично, характер превентивной меры, направленной на ликвидацию группы, которая сама по себе несла в себе ограниченную опасность, но могла бы оказаться реальной угрозой для коммунистов, если бы смогла использовать недовольство крестьян, чтобы обратить их к национализму.

В то время как в Советской Украине занимались подавлением четко выраженного национализма, несколько иное развитие событий имело место в Западной Украине. В Польше крайне националистическая политика поляков, которые славились шовинизмом и когда находились под властью Австрийской империи, стала носить еще более угнетающий характер по отношению к украинцам с восстановлением польского национального государства. Как было выше отмечено, соглашение Петлюры с поляками вызвало глубокое недовольство украинцев в Галиции. Хотя большинство националистов пытались сгладить

критику против Петлюры лично, особенно после его убийства в Париже в 1926 году, большинство западных украинцев не поддерживали эмигрантское правительство Украинской народной республики. Западноукраинцы, напротив, пытались найти собственные подходы к проблеме поддержания украинского уклада жизни в условиях притеснения не тоталитарными, но нетолерантными иностранными националистическими правительствами.

Одним из предпринятых шагов было формирование законно признанных партий, которые проводили избирательные кампании и посылали своих представителей в Польский сейм, где те пытались защищать интересы этой группы населения в рамках средств, разрешенных правительством. Этот вид политической деятельности наряду с широким разнообразием работы, нацеленной на развитие украинской культуры и поддержание национальной самобытности, поглощал усилия весьма значительной части западноукраинской интеллигенции в двадцатых и тридцатых годах. В частности, в эту деятельность было вовлечено большинство людей старшего поколения, которое выросло в относительно мирных и стабильных условиях австрийского правления, затем круги, близко связанные с грекокатолической церковью, и большинство людей либеральных профессий. Хотя и существовало несколько мелких партий, которые имели авторитарные наклонности, большая часть политических сил этого рода была сгруппирована в Украинском национальном демократическом объединении (Українське національне демократичне об'єднання — УНДО), которое было определено демократическим по характеру, в его программе перемешались католическая, либеральная и социалистическая идеологии. Его усилия увенчивались весьма незначительным успехом — от периодов относительно удовлетворительного сотрудничества с поляками до ожесточенного бойкота со стороны невыносимо репрессивного режима²⁴.

Некоторые западноукраинцы скоро отвергли путь подлаживания под польское правительство; в начале двадцатых они обратились к коммунизму, связав с ним надежды на удовлетворение и национальных чаяний, и социальных потребностей. Хотя экономическое положение галицких

украинцев было не столь бедственно, как на востоке Украины до и после войны, они страдали от нехватки сельскохозяйственных площадей, от невысокой производительности сельского хозяйства и, прежде всего, от того факта, что огромное большинство административных и рабочих мест в городах, которые могли бы служить в будущем естественным полем приложения сил и способностей для их сыновей, были заняты поляками и евреями. На Волыни условия были намного хуже; вероятно, они были столь же плохи, как и экономические условия в пределах Советской Украины до 1930 года. Следовательно, для коммунистической пропаганды существовала широкая экономическая база. В обстоятельствах, в которых, похоже, складывался националистический украинский коммунистический режим в Киеве, эта пропаганда обратила усиленное внимание и на националистические элементы среди западноукраинцев. В результате две прокоммунистические организации — Украинская партия труда (Українська партія праці) и партия сельских тружеников (селянсько-робітничка партія — сельроб) — имели значительный успех, особенно на Волыни. С чисто националистической точки зрения более серьезным явилось то, что многих студентов, хребет нового поколения, которое должно было бы продолжать поддерживать национальную жизнь, привлекла коммунистическая программа²⁵.

В то же самое время широкую поддержку получили крайние движения разного типа. Движение, которое известно у американских ученых как «интегральный национализм», возникло в Западной Европе на исходе XIX столетия, значительно раньше того, как коммунизм стал фактором какой-либо реальной политической важности. Общепризнано, что одним из первых выразителей этой идеологии был Шарль Морра, который вместе с группой крайних французских националистов и проповедников политической реакции основал «Аксьон франсэз» на рубеже столетий. Интегральный национализм никогда не пользовался особой привлекательностью во Франции или других западноевропейских странах, но в двадцатых годах в измененных формах он стал доминирующей силой в «недовольных» странах Центральной и Южной Европы.

Здесь он был элементом, который обеспечил идеологическую платформу для фашизма Муссолини и для подъема нацистской партии в Германии. Его влияние также сильно ощущалось в ультранационалистических партиях Польши, Венгрии, Румынии и Югославии. Поскольку интегральный национализм по определению скорее движение отдельных наций, чем универсальная идеология, и потому, что его сторонники отвергают систематические рациональные программы, трудно определить его точную природу. Следующие характеристики, однако, выделяются: 1) вера в нацию как высшую ценность, которой все другие должны быть подчинены, — по существу, тоталитарная концепция; 2) обращение к мистически постигаемым идеям сплоченности всех индивидуумов, составляющих нацию, обычно при условии, что биологические характеристики или необратимые результаты общего исторического развития сплели их в одно органическое целое; 3) подчинение рациональной, аналитической мысли «интуитивно правильным» эмоциям; 4) выражение «национальной воли» харизматическим лидером и элитой националистических энтузиастов, организованных в единую партию; 5) прославления активного действия, войны и насилия как выражения высшей биологической живучести нации²⁶.

В двадцатых годах эти концепции нашли отражение больше в европейской и меньше в американской мысли, даже если они не были открыто восприняты как политическая программа. Среди угнетенных наций Восточной Европы, где условия отличались от условий государств Центральной Европы и где новая идеология в конечном счете возобладала, новые идеи были с готовностью приняты, но в несколько измененной форме. Так было в Западной Украине в двадцатых годах, где две существенно отличных друг от друга группы подготовили почву для интегрального национализма²⁷. Одна черпала свою силу из недовольства галицких солдат, которые вынесли на себе основную тяжесть борьбы украинцев за освобождение, ради того чтобы Польша зачислила их в граждан второго сорта. Наиболее активными были ветераны сечевых стрельцов, формирования, которым командовал полковник Эвген Коновалец в Вос-

точной Украине. После краха Украинской народной республики эти части были расформированы в Галиции; многие из членов формирования объединились (в 1920 году) в нелегальную военизированную организацию, известную как Украинська вийськова організація — УВО. Во время ожесточенной борьбы с поляками в двадцатых годах с этой группой обращались жестко, ей отвечали актами насилия. По существу, однако, это была скорее военная оборонительная группа, нежели террористическое подполье.

Реакцией на коммунизм стало появление более радикальных националистических групп. Как отмечалось, в начале двадцатых коммунистическое влияние угрожало большей части украинского студенчества; это было верно не только в отношении законно признанных университетов, но и для подпольного университета, который создали во Львове украинские ученые, чтобы дать академическое образование сотням молодых людей, которых поляки не допускали в высшие учебные заведения. Один из основных факторов отвращения студентов от коммунизма и вовлечения их в националистическое движение, организованное в 1926 году как Союз украинской националистической молодежи (Союз української націоналістичної молоді — СУНМ), была работа Дмитро Донцова. Выходец с Восточной Украины, Донцов стал активным пропагандистом национализма еще перед Первой мировой войной. В начале двадцатых его учение стало походить на учения интегральных националистов, хотя очевидно, что он заимствовал большинство своих идей скорее у немецких националистов типа Фихте и Хердера, чем у Морра или итальянцев, таких как Парето и Д'Аннунцио, например, Объем рукописи не позволяет произвести реальный анализ идеологии, которую Донцов с огромным успехом распространял среди молодежи Галиции. Эта идеология отклонялась от основ интегрального национализма и содержала в себе следующие особенности: 1) акцент на силу, свойственный этой идеологии, в значительной степени выражался в отсутствии возможности длительной открытой оппозиции доминирующей группе, в защите терроризма; 2) поскольку государства, которое можно было бы превозносить как носителя «национального идеала», не

существовало, подчеркивалась огромная важность абсолютной приверженности «чистому» национальному языку и культуре; 3) отсутствие традиции государства, которое через свои институты и легальные структуры поддерживало бы национальные чаяния, и оппозиция существующим государствам вели к крайнему прославлению «нелегальности» как таковой; 4) в близкой связи с двумя предшествующими пунктами существенный иррационализм идеологии был выражен фантастическим романтизмом, который был, однако, среди сравнительно неискушенных украинцев более спонтанным и подлинным, чем циничное отклонение разумного со стороны немцев и итальянцев; 5) бездействие старшего поколения и его склонность к компромиссам с польскими «оккупантами» способствовали естественной тенденции интегрального национализма к тому, чтобы полагаться на молодежь и отвергать умеренность старших.

То, как эти элементы в идеологии доминирующих националистических партий повлияли на курс событий во Второй мировой войне, и есть главная тема этой работы. Здесь следует, однако, подчеркнуть, что интегральный национализм был не единственным выражением иностранного влияния на идеологию здешних националистических партий в период между двумя мировыми войнами. Также большое значение имели революционные традиции, которые распространились совсем рядом, на территории царской империи. В своей террористической подпольной деятельности в конце двадцатых и начале тридцатых годов, которая включала в себя прежде всего убийства польских должностных лиц и представителей советской власти, украинские группы брали пример с движений подобно российской «Народной воле» 1870-х годов*. В других отношениях они (и на самом деле другие

* Все эти утверждения следует оставить на совести автора. Известно, что народовольцы, во-первых, шли на самопожертвование, а во-вторых, факты свидетельствуют, что народовольцы, как правило, отказывались от воплощения замысла, когда видели, что могут погибнуть невинные люди, особенно дети. Наследники же — по автору — народовольцев вырезали целые семьи просто по национальному признаку (взять хотя бы резню поляков на Волыни). Наконец,

интегральные националисты, подобно германским нацистам) копировали большевистские методы, особенно в организации секретной политической полиции для поддержания «чистоты» партии и безжалостных методов внутрипартийной борьбы. Резкость и пренебрежение к правде в пропаганде также свидетельствуют о подобных влияниях. При этом у них остались, однако, сильные элементы либеральных и демократических, а также христианских принципов, даже если участники движения на словах отрицали их. Образование, уважение к установленной власти, индивидуальному выбору и народному волеизъявлению никогда полностью не исключались в реальной деятельности большинства самых радикальных групп. Интегральный национализм был лихорадкой, которая поразила некоторые наиболее активные элементы поколения после 1918 года, но легче понять это и, возможно, смириться с этим применительно к этой нации, чем к другим, которые имели больше возможности для самовыражения через государство и на основе закона.

В двадцатых годах Украинская военная организация и Союз украинской националистической молодежи постепенно перетянули на свою сторону почти все политически активные элементы запада Украины, кроме тех, которые стояли на стороне умеренных легальных партий. Помимо этого, всегда сохранялись близкие связи между организацией ветеранов и студенческой группировкой; в 1929 году эти связи были оформлены созданием ОУН (Организация украинских националистов), в которой обе группировки соединились в единую партию, которая была призвана продолжать борьбу и политическими, и насильственными средствами против всех угнетателей украинской нации²⁸. Путем обращения к разочарованной молодежи, жившей под польским правлением, и привлечения на свою сторону многих недовольных эмигрантов с востока Украины новое движение быстро обрело весомую силу.

в двадцатых годах украинские националисты вряд ли успели так легко заразиться российскими революционными нравами — особенно если принять во внимание их столь идеалистические, как их рисуют, замыслы.

В течение восьми лет им руководил бывший командир сечевых стрельцов Коновалец. Его убийство, почти наверняка осуществленное советским агентом, 23 мая 1938 года стало серьезным ударом по ОУН.

Прежде чем новое руководство организации утвердилось у власти, оно столкнулось с ситуацией, которая явилась бы серьезнейшим испытанием и для куда более опытного руководящего органа. Соглашения, заключенные в Мюнхене в октябре 1938 года, ослабили Чехословацкую республику; украинские националисты начали агитировать за автономию маленькую и отсталую область Закарпатской Украины. В этом их поощрял нацистский режим, который хотел использовать украинский национализм как элемент, заинтересованный в разрушении чехословацкого государства, что облегчало бы последующее доминирование Германии. Очевидно, немцы хотели также поддержать украинский национализм Закарпатской Украины как потенциальную угрозу Советскому Союзу и Польше. В октябре 1938 года националисты объявляли, что Закарпатская Украина является «свободным, федеральным (в составе Чехословакии) государством», и в конечном счете Прага признала ее автономию, хотя экономически более важная часть была уступлена Венгрии. Местные украинские националисты, большинство которых были членами ОУН или сочувствовали ей, были организованы и готовы к тому, чтобы потребовать более решительных действий от руководителей ОУН, живших в эмиграции в Германии и направленных в Закарпатскую Украину по совету немецкой разведки²⁹. Основная часть их действий была посвящена формированию военизированной организации «Карпатская сечь», которая, они надеялись, сформирует ядро армии всеукраинского государства.

Когда немцы в марте 1939 года заняли Богемию и Моравию, они позволили Венгрии оккупировать остальную часть Закарпатской Украины. Украинские националисты были информированы относительно этого решения, и им было рекомендовано подчиниться венгерскому правлению³⁰; они решили, однако, взять отчаянный курс на объявление независимости Закарпатской Украины с правительством, возглавляемым священником монсеньором

Августином Волышиным. Эта «независимость», однако, продлилась лишь несколько дней; «Карпатская сечь» была не способна оказать эффективное сопротивление хорошо вооруженной венгерской армии. Первая крупная, почти за два десятилетия, попытка националистов освободить украинскую землю от иностранного владычества потерпела неудачу. Это событие стало предвестником еще многих подобных разочарований для ОУН и для всех украинских националистов³¹.

Примечания

¹ Термин «Украина» употребляется в этом труде (за исключением случаев, когда явно имеется в виду другое) для обозначения территории, включенной в Украинскую ССР в 1946 году. По существу, эта территория (за исключением Закарпатской Украины, о которой коротко говорится в некоторых местах этого труда) была включена в Украинскую ССР в 1941 году. Эта территория весьма близко соответствует — за исключением, как отмечается в главе 11, восточной части — украинской «этнографической» территории, то есть территории, на которой местное население говорит по-украински. (Здесь и далее сноски и примечания с цифрами принадлежат автору. — *Примеч. пер.*)

² *John S. Reshetar. The Ukrainian Revolution, 1917—1920: A Study in Nationalism* (Princeton: Princeton University Press, 1952). P. 12.

³ Не было сделано никаких попыток рассмотреть прежде всего культурные аспекты национализма (например, литературные произведения) военного времени в той мере, в какой они напрямую связаны с национализмом как организованным политическим движением. В главе 13, однако, литературные течения, которые представляют собой резонанс националистических идей, являются главным предметом рассмотрения.

⁴ См. главу 8.

⁵ *Cf. Geroid Tanquary Robinson. Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917*. New York: The Macmillan Company, 1949.

⁶ Вторая форма написаний некоторых названий — украинская. Населенный пункт в этом труде встречается обычно в форме, употребляемой властью, которая с 1945 года контролировала район, где он находится. Это значит, что населенные пункты, находящиеся теперь в СССР, обозначены русскими формами, а некоторые, находящиеся теперь в Польше, — польскими формами. Там, где украинские названия отличаются, они даются в скобках после первого наименования. В некоторых случаях (особенно если речь идет о реках), когда другая форма уже устоялась для тех, кто читает по-английски, мы вышеупомянутой практике не следуем.

⁷ *Sir Donald Mackenzie Wallace. Russia* (New York: Henry Holt and Company, 1905). P. 347.

⁸ В этой работе мы называем тех, кто говорит на украинском языке как на своем родном, украинцами, но при этом не подразумеваем, что говорящие на нем обязательно отдают себе отчет в своей национальной обособленности.

⁹ Эта концепция выражена в книге Хью Сетон-Уотсона *Eastern Europe between the Wars, 1918—1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1946. P. 268—269.

¹⁰ Ср. *Reshetar. The Ukrainian Revolution*. P. 9.

¹¹ Сравните объем текста, отведенного этим двум периодам по отношению к общему объему работы, в изложениях украинских националистов, таких как Мыхайло Грушевський, *A History of the Ukraine*, ed. O.J. Vernadsky / New Haven: Yale University Press, for the Ukrainian National Assotiation, 1941, и *Дмитро Дорошенко. History of the Ukraine* (trans. Hanna Keller /Edmonton: The Institute Press, Ltd., 1939).

¹² *Theodore Mackiw. Prince Mazepa* (Chicago: Ukrainian Research and Information Institute, Inc., 1967).

¹³ См.: *Степан Баран*. Митрополит Андрей Шептицький и *Ілько Борщак* (Elie Borschak — этот автор больше известен по французской форме своего имени), *Un Prélat Ukrainien: Le Metropolitte Cheptyuckyj (1865—1944)* / Paris: Editions Franco-Ukrainiennes, 1946. Тот факт, что приходским священникам грекокатолического обряда разрешалось жениться, означал, что их национальные чувства могут переходить из поколения в поколение — фактор исключительной значимости для дальнейшего существования носителей «национального идеала».

¹⁴ *Изаак Мазепа*. Україна в огні и бурі революції, 1917—1921: В 3 т. (Munich: Prometei, 1950—1951); и *Володимир Винниченко*. Відродження нації: Історія української революції, марець 1917 — грудень 1919: В 3 т. (Vienna, 1920).

¹⁵ Большевицкая фракция Российской социал-демократической партии не принимала названия «коммунист» до 1917 года, но во избежание путаницы я использую последний термин применительно к непрерывному по существу движению.

¹⁶ *Reshetar. The Ukrainian Revolution*.

¹⁷ Скоропадский был потомком по косвенной линии Ивана Скоропадского, избранного гетманом в 1708 году (Левобережной Украины; участвовал в войне против шведов — в отличие от сидевшего в Киеве гетмана Мазепы).

¹⁸ Биографии этих офицеров чрезвычайно интересны, так как проливают свет на процесс украинизации царских аристократов. Так, в родословной генерала Петрова больше норвежского и финского, чем украинского, но за несколько поколений до его рождения семейство обосновалось на Украине; известно, что «его национальное самосознание был пробуждено» финскими и шведскими офицерами-националистами из Великого княжества Финляндского во время прохождения службы в Варшаве в 1904 году. То, что дивизия, начальником штаба которой он являлся, была на 80 процентов укомплек-

тована українцями, когда произошла Октябрьская революция, возможно, побудило его встать в ряды национального движения (см. «За Украину», 28 января 1945 г., с. 2, и 1 февраля 1945 г., с. 2). Омелянович-Павленко был сыном генерала из донских казаков и грузинской княжны, во время большевистской революции он находился в Одессе и присоединился к украинцам. См.: *Мирослав Мартынец*. Генерал-полковник М. Омелянович-Павленко (Вісті братства кол. вояків Першої УД УНА, август—сентябрь 1952. С. 1).

¹⁹ *Виктор Приходько*. Краківські вісті. 1942. 18—19 января. С. 2.

²⁰ *William H. Chamberlin*. The Ukraine: A Submerged Nation (New York: The Macmillan Company, 1944). Кроме того, один из лучших коммунистических историков революционного периода на Украине, М. G. Rafe, бывший сторонник еврейского Бунда, говорит: «естественное» развитие крестьян (и рабочих, особенно на сахарных рафинадных заводах в маленьких городах) шло в сторону «национального социализма», «Украины для украинских крестьян», правда, он добавляет, что их вдохновляла «реакционная буржуазная интеллигенция»; см.: Два года революции на Украине: эволюция и раскол Бунда. М., 1920. С. 8. См. также всесторонний анализ Борыса (*Jurij Borys*. The Sovietization of Ukraine, 1917—1923), особенно с. 57—72 и 164—170.

²¹ *Мазена*. Україна в огні і бурі революції. Т. 3. С. 96—105.

²² За прошедшие сорок лет появилось немало крупных научных работ по различным аспектам советского правления на Украине до Второй мировой войны. Наиболее важные: *Borys*. The Sovietization of the Ukraine, во многих отношениях лучшая монография по Советской Украине того периода; *Robert S. Sullivant*. Soviet Politics and the Ukraine, 1917—1957 (New York: Columbia University Press, 1962); *George S. N. Luckyj*. Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917—1934 (New York: Columbia University Press, 1956); *Basil Dmytryshyn*. Moscow and the Ukraine, 1918—1953 (New York: Bookman Associates, 1956); *Hryhory Kostiuk*. Stalinist Rule in the Ukraine (New York: Frederick A. Praeger, 1960). *Jurij Lawrynenko*. Ukrainian Communism and Soviet Russian Policy toward the Ukraine: An Annotated Bibliography (New York: Research Program on the USSR, 1953).

²³ См., в частности: *Kostiuk*. Stalinist Rule in the Ukraine. P. 86—89, который убедительно доказывает, что эта организация и связываемый с нею «союз украинский молодежи», возможно, никогда не существовали вообще. См. также: *Luckyj*. Literary Politics in the Soviet Ukraine. P. 154—155; *John S. Reshetar*. National Deviation in the Soviet Union, American Slavic and East European Review, XII (April, 1953), 162—174; *Т. Скубытський*. Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 27—40; и *Boris Krupnyts'kyi*. Die ukrainische Geschichtswissenschaft in der Sowjetunion 1921—1941, Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas, 1941.

²⁴ См.: *Raymond L. Buell*. Poland: Key to Europe (3rd ed.; New York: Alfred A. Knopf, 1939).

²⁵ *Stepan Baran* in *Krakov's'ki Visti*, January 18—19, 1942. P. 2; *Е. М. Галушко*. Нариси історії ідеологічної та організаційної діяльності

КПЗУ в 1919—1928 (Львів: Видавництво Львівського університету, 1965).

²⁶ Классическая дискуссия по интегральному национализму см.: *Carlton J.H. Hayes*. The Historical Evolution of Modern Nationalism (New York: Macmillan, 1948). См.: *John A. Armstrong*. Collaborationism in World War II: The Integral Nationalist Variant in Eastern Europe, *Journal of Modern History*, XL (September, 1968), 396—410.

²⁷ Опубликованные источники включают в себя: *В. Мартинець*. Українське підпілля від УВО до ОУН: Спогади і матеріали до передісторії і історії українського організованого націоналізму (Winnipeg, 1949); Богдан Кравців в «Українець-Час», 10 юня 1951; и *Василь Рудко* (*Р. Лисовий*). Розлам в ОУН // Українські вісті. 1949. 23 мая.

²⁸ Украинские авторы обычно используют термин «националист» применительно только к ОУН. Я употребляю термин в западном понимании этого слова.

²⁹ Рассказы участников и свидетелей тех событий в закарпатско-украинском «государстве» см.: *Василь Вереш-Сірмянський*. Закарпатська молодь // Українські вісті. 1947. 16 марта. С. 6; *Степан Росоха*. Карпатська Україна в боротьбі за державу. Там же, и *Юрій Таркович*. Сонце із заходу // Українські вісті. 1948. 17 марта. С. 5. О роли ОУН см. также *Рудко* (Українські вісті. 1949. 16 мая. С. 3) и *Seton-Watson*, *Eastern Europe between the Wars*. P. 395.

³⁰ Германский консул в Хусте [Закарпатская Украина] в Министерство иностранных дел, 14 марта 1939 года, и госсекретарь фон Вайцзеккер германскому консулу в Хусте, 15 марта 1939 года, Германия, *Auswärtiges Amt, Documents on German Foreign Policy, 1918—1945*, ed. Raymond J. Sontag et al., Series D, Vol. IV (Washington: Government Printing Office, 1953). P. 210, 237.

³¹ *Степан Росоха*. Історія українського війська (Winnipeg: Vydavets' Ivan Tyktor, 1953. P. 593—603) и *Roman Il'nyts'kyi*. Deutschland und die Ukraine, 1934—1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik, ein Vorbericht, Vol. I (Munich: Osteuropa Institut, 1955) о национализме в Закарпатской Украине.

Глава 2

УКРАИНЦЫ И ПОЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА

Мало какие группы в Европе 1939 года выигрывали от изменения статус-кво больше, чем националистическая Украина. Все, кто мечтал о независимой и единой Украине, понимали, что она может возникнуть только в результате серии катастрофических перемен в Восточной Европе. Единственным же событием, которое могло бы инициировать такие сдвиги, была большая война.

В течение многих лет наиболее вероятной войной такого рода представлялась война между Польшей — возможно, при поддержке одной или более западных держав — и Советским Союзом. Позже, после прихода к власти Гитлера и феноменального роста германской мощи, вероятными противниками стали казаться Германия и Польша, с одной стороны, и СССР — с другой. Украинские националисты чувствовали, что любой из этих раскладов, вероятно, приведет к освобождению Советской Украины, поскольку и польские, и германские лидеры давно держали в своих главных планах на востоке отторжение этих земель от Москвы. Окончание польско-германского сближения в середине тридцатых рассеяло надежды на немедленную комбинацию сил в Центральной Европе против коммунистического угнетателя, но открывало перспективу, вряд ли менее привлекательную для многих украинцев, разрушения немцами ненавистного польского государства. Следовательно, несмотря на серьезное разочарование, вызванное нежеланием немцев поддерживать эмбриональное украинское «государство» в Закарпатской Украине, националистические круги в большинстве своем были готовы к концу

1939 года подстроиться к германской политике, как они это делали в предшествующие годы. В то время как шок от августовского германо-советского пакта о ненападении вызвал многочисленные вопросы относительно обоснованности этого курса, он не отвратил наиболее активные элементы от поддержания сотрудничества с Германией. Немногие, если вообще такие были, могли предвидеть, что Германия фактически позволит Советскому Союзу поглотить западноукраинские земли.

Движение Павла Скоропадского, возможно, из всех украинских националистических движений меньше всех подготовлено было воспринять столь неожиданные изменения, произошедшие после августа 1939 года. Как было отмечено выше, даже в дни своего правления на Украине это движение никогда не было численно велико. В эмиграции же оно еще более ослабло из-за того, что многие из его первоначальных сторонников были в глубине сердца приверженцами российской монархии и не видели проку в поддержании украинского «монарха», разве что он окажется единственным возможным правителем. В результате этого оттока сторонников гетман и его оставшиеся последователи по своим взглядам стали еще больше националистами; однако они вряд ли могли конкурировать с ОУН на этом поле, и они испытывали недостаток престижа УНР, который позволил бы им претендовать на место прямых наследников тех, кто когда-то пытался реализовать мечту о построении современного украинского государства. За исключением маленькой группы в Великобритании, основная масса эмигрантских сторонников Скоропадского были организованы на территории Большой Германии в «Украинскую громаду», которая, по их утверждениям, еще в 1940 году составляла около 3500 человек¹. Большинство были людьми средних лет и старше.

Нехватку численности и молодежной энергии гетманцы возмещали престижем своих сторонников. Наиболее видным среди них был — до своей смерти в 1931 году — Вячеслав Липинский, талантливый историк и философ, который, по признанию многих, считался наиболее оригинальным и глубоким украинским мыслителем периода после 1918 года. В рассматриваемый период его влияние в

«Громаде» было усилено группой способных историков во главе с Дмытро Дорошенко. Официальная идеология движения была компромиссом между философскими рефлексиями таких людей и острыми проблемами реальной политики, особенно потребностью приспособления к зарождающемуся «новому порядку».

Опубликованный в 1940 году «катехизис» последователем гетмана делал упор на неизменной цели движения — скорее территориальный, чем этнический патриотизм как база будущего украинского государства². Украинская нация, как заявлялось там, является организованным коллективом украинского народа, принадлежащего к «арийской» расе³ — двусмысленное утверждение, которое было одновременно уступкой нацистской доктрине и намеком на готовность принять как часть в лоно украинской нации русских и польских «арийцев», живущих на украинской земле. Остальная часть программы была откровенно консервативной: классовое общество, основанное на учете интересов людей от «плуга», «станка» и «слова», гарантия права на жизнь, работу по призванию и защиту закона⁴. Церковь должна быть независимой, но единой с монархией⁵. Достаточно очевидно, что ввиду жестоких условий той сумятицы, которой предстояло охватить Украину в течение военных лет, доктрины, основанные на размышлениях о долгих путях украинской истории, будут поняты и оценены только наиболее мыслящими представителями новых поколений, выросших при сталинизме или привлеченных активностью крайнего национализма. Идеология гетманцев сама по себе, вероятно, доказывала непреодолимость препятствий на пути реализации властных планов группировки гетмана.

Несколько парадоксально, в свете ее идеологической позиции, которая фундаментально отличалась от учений национал-социалистов, группировка Скоропадского имела близкие связи с правителями Третьего рейха. Имелся, конечно, весомый прецедент для такой позиции — полная зависимость гетмана от оккупационных сил кайзера Вильгельма; кроме того, про гетмана известно, что у него были личные дружественные отношения с Германом Герингом⁶. Консерватизм гетманцев, хотя и отличался в важных во-

просах от нацизма, был полезен немецким лидерам как фактор, который мог быть использован против коммунизма. Все же из-за тенденции этой группировки избегать насильственного действия она была менее пригодна практически для целей нацистских лидеров, чем намного более близкие к ним идеологически националисты ОУН. Временами консервативная осторожность сторонников Скоропадского достигала почти полной пассивности. В декабре 1940 года, например, их орган утверждал, что украинский вопрос не решается в настоящее время, и осуждал «агитаторов», которые пытаются «формировать министерства и задумывать международные комбинации», в рамках которых такое урегулирование могло бы иметь место⁷. Позже это приведет к почти невероятному спокойствию по отношению к немецкой жестокости на Украине. Например, 30 августа 1942 года сам гетман Скоропадский советовал своим сторонникам проявлять осмотрительность, сотрудничать с немцами против большевиков и выжидать мира. Он закончил утверждением, что «немцы должны быть убеждены, что украинцы — честный народ»⁸.

С точки зрения идеологии и политической ориентации УНР была на противоположном полюсе украинской политики. Во многих отношениях, однако, ее развитие шло почти параллельно развитию гетманского движения. УНР была, конечно, «законной» преемницей республики 1918—1920 годов. Как было выше упомянуто, наследником первого президента, Симона Петлюры, был Андрей Левицкий, который продолжал считать себя главой государства с правительством в изгнании и, следовательно, стоящим над партиями. Фактически к 1939 году основная масса его сторонников были членами Украинской социал-демократической партии, хотя аура легитимности держала других, особенно социал-революционеров, в состоянии непрочной преданности ему. Кроме того, идеология группировки была бесспорно социалистической и демократической — хотя и несколько устарелого типа в силу довольно небрежно сформулированной утопической теории предреволюционной эры.

Некоторые тревожные события имели место в рядах УНР. Несомненно, никакая демократическая группа не

могла бы пережить восемнадцать лет эмигрантского существования без каких-либо признаков вырождения. Основа силы демократического правительства и правления — частое возобновление поддержки путем выноса своей политики на всенародный вердикт и набора новых сил из народных масс — оказывается недейственной в условиях эмиграции. Это по существу своему динамическое явление становится статичным вследствие отрыва от масс, и члены такого правительства начинают заниматься собой. Здоровые явления демократической политики заменяют личная вражда, фракционность и борьба за внешнюю поддержку. Так шли дела и в УНР. Когда началась война, «правительство» было рассеяно в трех европейских столицах. Некоторые из менее важных министров были в Праге, где до недавнего времени демократическая атмосфера и поддержка чехословацкого правительства создали благоприятный климат для развития украинской культуры. В Париже находились Вячеслав Прокопович, премьер-министр, и Александр Шульгин, министр иностранных дел. Главным центром, однако, была Варшава — резиденция президента Левицкого и его министров Сальского и Смаль-Стоцкого.

Такое распределение приблизительно соответствовало связям правительства с европейскими правительствами. Основными были связи с Польшей, как это было при Петлюре в последние месяцы его правления. У правительства в изгнании связи с Польшей стали еще теснее⁹. Когда разразилась война, значительное число прежних офицеров Украинской республиканской армии служили как профессиональные военные (офицеры по контракту) в польской армии. Кроме того, прометеевское движение, которое было основано украинцами в двадцатых годах и возглавлялось Смаль-Стоцким, всецело поддерживалось Варшавой. Это движение, которое пыталось объединить эмигрантских лидеров наций Советского Союза (исключая русскую), играло большую роль в польских планах создания блока государств в Восточной Европе, от Финляндии до Кавказа, в котором Польша могла стать истинно великой державой, пользуясь своим «естественным» положением лидера. Украинские лидеры прометеевского движения знали, конечно, о целях Польши, но, в своем

подавляющем большинстве желая освобождения этих народов от коммунистического ярма, принимали помощь варшавского правительства¹⁰.

С точки зрения реальной политики зависимость лидеров УНР от Польши вполне понятна. К сожалению, польское окружение сделало многое для того, чтобы дать им почувствовать все минусы положения изгнанников. Тенденция к шовинизму в польском государстве, его быстрый отход от демократических принципов в тридцатых годах и атмосфера милитаризма и фракционности перекликаются в некоторой степени с параллельными процессами в украинском движении.

Результатом связей лидеров УНР с Польшей, а также следствием их демократической идеологии стало то, что они предпочли продолжать свою деятельность во Франции и Румынии, где получили определенную поддержку от официальных кругов. В Румынии находилась большая группа украинских эмигрантов, но политическая атмосфера там быстро ухудшилась подобно тому, как это было в Польше. Условия во Франции были гораздо более благоприятными, и тамошнее украинское республиканское общество, включавшее в себя людей, занимавших высокие места в правительстве УНР, осталось в основном демократическим по взглядам. Франко-советский договор, однако, казалось, уничтожил любую надежду на реальную помощь со стороны Франции. В то же самое время, как было отмечено, перспектива польско-германского сотрудничества против Советского Союза становилась реальнее. Эта перспектива была настолько привлекательна для лидеров УНР, что многие, включая президента Левицкого, отказывались видеть реальное ухудшение в германо-польских отношениях даже в конце лета 1939 года и отчаянно надеялись на поворот в немецкой политике даже после объявления о заключении договора Молотова—Риббентропа¹¹.

Когда вспыхнула война, десятки украинских офицеров верно несли свою службу в рядах терпевшей безнадежное поражение польской армии. В ответ польское правительство уделяло явно незначительное внимание вопросам безопасности руководства УНР в Варшаве. Однако Левицкий в конце концов сумел покинуть Варшаву и переехать в

украинскую этнографическую область Польши. Там его команда получила известие о довольно быстром подходе советских сил. Было решено, что предпочтительнее попасть в руки немцев, чем своих архиврагов. Перед тем, однако, как сдать немцам, президент сумел сообщить Прокоповичу, что, в соответствии с конституцией, тот должен принять обязанности президента и что Шульгин должен, в свою очередь, стать премьер-министром¹². Прометейцы, возглавляемые Смаль-Стоцким, достигли Львова и были в даже большей опасности перед лицом советского продвижения, но они также успели достичь немецких линий и были благополучно эвакуированы, вероятно, благодаря специальным усилиям адмирала Канариса, начальника разведки, который рассчитывал сохранить группировку для будущего использования против Советского Союза¹³.

После того как украинские республиканцы неохотно приняли покровительство немцев, те сразу стали обращаться с ними как с вражескими военнопленными. Их организация была объявлена незаконной, а лидеры оказались под строгим наблюдением и ограниченными в передвижениях. Однако вскоре к ним стали относиться менее строго. Множеству украинских «офицеров по контракту», номинально военнопленным, позволяли перемещаться в пределах оккупированной немцами Польши, в то время как нескольким политическим лидерам была предоставлена даже работа, связанная с написанием для немцев исследований по Украине. Несомненно, эти послабления были отчасти вызваны готовностью Левицкого и других лидеров поддерживать неофициальные контакты дружественного характера с немецкими представителями. Как будет показано, однако, они никак не желали становиться пешками в руках немцев и при удобном случае старались восстановить собственную свободу действий¹⁴.

В течение некоторого времени «правительство-премьер» в Париже было способно проводить независимую политику. Прокопович и Шульгин активно помогали делу союзников, особенно усилиями по вербовке значительного числа рабочих украинского происхождения в планируемый легион, который надеялись создать для помощи Финляндии в ее борьбе против Советского Союза. Пре-

где чем их планы смогли материализоваться, эти люди были захвачены в плен в результате быстрого германского вторжения во Францию. Шульгина направили в концлагерь, Прокопович умер через несколько месяцев после французской капитуляции, и вся значимая деятельность в этом регионе прекратилась.

ОУН, которая быстро увеличивала свое влияние в тридцатых годах, пошла другим курсом. Убийство Коновальца явилось серьезным ударом, но его наиболее болезненные последствия почувствовались не сразу. Вскоре после этого ОУН с головой ушла в формирование украинского «государства» в прикарпатской области Чехословакии. Крах этого проекта в марте принес крайнее разочарование. Это, однако, не дискредитировало ОУН в глазах большинства украинских националистов. В конце концов они увидели, что украинцы начали решительную, хотя и краткую, борьбу против обрушившихся на них невзгод, в то время как другие народы Чехословацкой республики подчинились диктату соседних держав, не оказав никакого сопротивления. Тысячи молодых закарпатских украинцев оказались в изгнании (главным образом в Большой Германии), расширив таким образом ряды ОУН. «Карпатская сечь», военная организация, которая боролась с венграми, заняла свое место в украинской легенде наряду с запорожскими казаками, сечевыми стрельцами и отрядом Тютюнника. Чистым выигрышем оказалось скорое повышение престижа организации, хотя сомнения в мудрости курса, которому она следовала, проявятся позже.

На момент начала войны руководство ОУН оставалось во многом таким же, как и до смерти Коновальца. Кроме его руководителя, Андрея Мельника, был еще и Провод в составе восьми членов. Важная роль этих людей в описываемых далее событиях требует того, чтобы подробнее сказать о личности каждого и их прошлом. Двое были генералами революционного периода; ОУН, как большинство украинских организаций, считала желательным иметь в руководстве лица, которые напоминали бы о днях активной борьбы за освобождение, чтобы таким образом теснее связать организацию с националистическим мифом. Роль генерала Курмановича, кажется, в значитель-

ной степени была ограничена этими соображениями престижа; нельзя сказать то же самое о генерале Капустянском, которому предстояло сыграть смелую и активную роль в националистической организации на востоке Украины после июня 1941 года. Ни один из них, однако, похоже, не оказал значительного воздействия на формирование политики организации. Также ограниченную значимость в формировании политики имели двое из более молодых членов руководства — Ярослав Барановский и Дмытро Андриевский. Барановскому было лишь тридцать три года, когда вспыхнула война, он был человеком совсем другого поколения, чем большинство членов руководства. Родом из Галиции, он являлся активным членом подпольной студенческой организации во Львове, был заключен в тюрьму поляками. Позже он продолжил изучение юриспруденции в Австрии¹⁵. Его возраст и предыдущий жизненный путь, похоже, сделали его естественным звеном в связи между руководством и галицкой националистической молодежью, и действительно, вплоть до 1940 года его влияние в этой группе было значительным. К сожалению для него, его репутация находилась в постоянной опасности и могла в любой момент рухнуть из-за того, что его брат, Роман, был агентом польской полиции, хотя Ярослав со всех точек зрения был вне подозрений¹⁶. Андриевский, хотя был лишь несколькими годами старше Барановского, имел отличную от того биографию и функции в организации. Он уехал с Восточной Украины молодым человеком, некоторое время находился на дипломатической службе республики, а затем обучался на инженера в Бельгии. Примкнув к движению, он взял на себя значительную часть его внешних сношений, хотя главные контакты, поддерживавшиеся с Германией, осуществлялись через другие каналы. Его умеренность и писательский талант сделали его ценным достоянием организации¹⁷.

Следующими по шкале важности в Проводе были двое военных, намного моложе, но и активнее, чем упомянутые выше генералы. Ричард Ярый был уникален среди членов Провода тем, что не был украинцем по рождению. Нельзя сказать с уверенностью, был ли он чехом или немцем по происхождению; он служил офицером в австро-венгерской ар-

мии наряду с многочисленными галицкими украинцами, а с распадом этой державы его жребий пал на борющуюся Украинскую республиканскую армию. Он служил лояльно и хорошо, а после провала украинских усилий продолжал сотрудничать со своими товарищами в УВО. Поскольку Германия набирала силу, он установил тесные связи в кругах германской военной разведки. Для других членов Провода он был хорошим товарищем, талантливым сторонником их дела, которое отчаянно нуждалось во всякой помощи, и желанным посредником в отношениях с немцами. В то же самое время его считали амбициозным, предполагали, что он не слишком щепетилен. Некоторые из его коллег чувствовали, что его преданность украинскому национализму не была чистосердечной¹⁸. Полковник Роман Сушко, подобно Ярому, служил и в австро-венгерской, и в украинской армиях. Хотя и дискредитированный в нацистских кругах, он также был в тесном контакте с абвером. В отличие от Ярого, однако, он был типичный западноукраинец из галицкого крестьянского рода¹⁹.

Самыми влиятельными лицами считаются Мыкола Сциборский и Омелян Сенук. Сциборский родился в Житомире в 1897 году, в семье царского армейского офицера, юность провел в Киеве. Таким образом, он знал Восточную Украину такой, какой она была до революции. После службы в украинской армии он эмигрировал в Прагу, где учился на инженера и экономиста²⁰. Примкнув к УВО и ОУН в течение этого периода, он быстро поднялся до положения официального теоретика ОУН; в этом качестве он оказался весьма влиятельным. Сенук, в отличие от Сциборского, являлся практическим организатором. Родом из Галиции (его отец был чиновником во Львове), он был также ветераном революционной борьбы, как и австро-венгерской армии²¹. Он принимал участие в подпольной работе в Польше в двадцатых годах, но вообще расценивался более молодым поколением как слишком умеренный и слишком консервативный. Но он, похоже, пользовался доверием Коновальца до самой смерти последнего и сразу после нее унаследовал практическое руководство организацией. В этом своем качестве он стал переходным звеном в передаче власти полковнику Андрею Мельнику.

Мельник был в состоянии сыграть роль уникальной важности в украинском националистическом движении. Во многих отношениях его естественные качества превосходно удовлетворяли данной роли. Этот человек прекрасно держался, с величием и достоинством, но одновременно отличался своим дружелюбием и самообладанием, и это среди людей, чувство собственного достоинства и уравновешенность которых, как правило, замещались грубостью и экстремизмом. Родившийся в крестьянской семье Восточной Галиции, он был несколько старше (сорока восьми лет), чем большинство его коллег. После получения инженерного диплома в Вене в 1912 году²² он служил в австро-венгерской армии. Там, как вспоминают, его коллеги-офицеры, австрийцы и украинцы, звали его «лорд Мельник» — не из сарказма, а в знак искреннего уважения воплощенной в нем английской концепции джентльмена, тогда еще считавшейся идеалом в Центральной Европе²³. В своей последующей карьере, в которой не было особых взлетов, он не сделал ничего, что повредило этой репутации. При Коновальце он был начальником штаба сечевых стрелцов, а позже отбывал срок в польской тюрьме за участие в УВО. В отличие от большинства других лидеров, однако, его карьера в тридцатых годах проходила спокойно. Следуя своему инженерному образованию, он работал управляющим в огромном лесном поместье львовского митрополита.

Трудно сказать, можно ли считать Мельника набожным католиком, но, несомненно, он был гораздо ближе к церкви, чем почти все его коллеги. В течение множества лет до принятия Мельником руководства организацией он был председателем католической молодежной организации «Орло»²⁴ в Галиции, которую большая часть оуновской молодежи тех мест считала антинационалистической. Кажется вероятным, что его выдвижение на пост руководителя в Проводе очень устраивало круги грекокатолической церкви, которые таким образом надеялись рассеять антиклерикальные тенденции в ОУН и предотвратить дальнейшее распространение антихристианских элементов в ее идеологии. Одновременно близость Мельника к церкви и его умеренность, несомненно, приветствовались многими членами Провода, особенно Се-

ныком. Обстановка в Польше была в высшей степени неблагоприятна для создания и развития надежной основы для организованного украинского национализма, независимо от его идеологии. Террористический ответ на жестокое и кровавое подавление поляками всех национальных чаяний был понятен и приемлем время от времени для всех элементов в ОУН и одобрялся даже более широкими кругами галицкого общества. С течением лет, однако, эта тактика приобрела тенденцию выхода из-под контроля и, как следствие, наносила удар по целям организации, так как вызывала еще более жесткие репрессии, а также отчуждение тех членов украинского сообщества, которые все еще надеялись вести нормальный образ жизни. Отчуждение стало особенно явным к концу тридцатых, когда легальные украинские партии в Польше приобрели тенденцию все более отделять себя от подполья и пытались нормализовать отношения с польским правительством. Чтобы остановить эту тенденцию, ОУН нуждалась в более благоразумном и умеренном руководстве; связи с церковью, особенно с влиятельным митрополитом Шептицким, могли стать неоценимыми²⁵.

Реальная трудность для такого сближения состояла в том, что оно было абсолютно несосместимо с развитием и идеологией ОУН. Официально Провод был приверженцем интегрального национализма. В политическом контексте Центральной Европы тридцатых годов это подразумевало, что он сильно тяготел к фашистскому тоталитаризму. Тоталитарный элемент в идеологии ОУН состоял в акцентировании нации как сущности, ценимой выше всего прочего. Ей следовало служить любыми средствами, которые могут потребоваться. Сторонники ОУН утверждали, что государство — это попросту наиболее удобная форма национальной жизни, а не абсолютная ценность сама по себе, в отличие от нации²⁶. Эта позиция была необходимой тактически, чтобы отчетливо выразить отличие ОУН от гетманского движения. Отведение государству второго места, однако, уводило движение еще далее в направлении обожествления мистической концепции нации, вплоть до расизма. «Национализм основан на чувствах, которые несет расовая кровь»²⁷.

Несовместимость таких доктрин с христианскими учениями нельзя было скрыть даже в атмосфере туманного романтизма, распространенного во многих националистических кругах. Так, католический глава Закарпатской Украины монсиньор Воышин в похвалу Мельнику отметил, что это человек типично европейской культуры, с идеологией, основанной на христианстве, и отличающийся от множества националистов, которые ставят нацию выше Бога²⁸.

Это утверждение было, вероятно, справедливым, но сделало положение Мельника еще более аномальным. Мельник был лидером движения, чьей официальной идеологией был тоталитаризм; кроме того, все условия того времени и самого движения способствовали усилению тоталитарного элемента. Он пробовал действовать вопреки этой волне, умерить, хотя бы слегка, философию насилия движения. Чтобы добиться успеха, он был вынужден утверждать свою власть как автократический глава движения. Сейчас с исторических позиций может показаться верным, что тоталитаризм и автократическая власть отделимы друг от друга. В Центральной Европе 1939 года, однако, было трудно действовать, разграничивая эти понятия.

На деле сам Мельник отказывался даже пытаться поддерживать претензии на диктаторскую власть. В документах, которые имеют отношение прежде всего к нему и на содержание которых он, можно допустить, мог влиять, к нему обращаются чаще как к директору Провода, чем как к «вождю». Попытки сделать из Мельника некий мистический образец национальной воли присутствует в упоминании его как руководителя, в котором воплотился гений нации — как в Шевченко, Коновальце, а теперь и в Мельнике²⁹, — а также в словах о его «монолитном характере»³⁰. В целом, однако, более отчетливо звучал мотив воинской субординации в отношениях с более высокой инстанцией, чем безудержное подчинение воле харизматического вождя. «Руководство [Провод] несет ответственность перед историей, перед будущими поколениями, перед нацией (включая тех, кто были, и тех, кто будет), перед Богом, но никогда перед своими подчиненными! Это вело бы к анархии, ведь такое положение поставит под вопрос порядок в любой армии»³¹.

Но по мере того как потребность в подавлении фракционерства становилась все более насущной, от этой умеренной позиции все больше отходили в пользу прямой приверженности принципу вождизма — *Führerprinzip*.

Из вышеприведенной дискуссии видно, что присутствовал острый конфликт между «естественными» тенденциями в идеологии движения и характером личности и убеждениями его руководителя. Если бы вопрос ограничивался эмигрантской секцией ОУН, мог бы быть достигнут компромисс или Мельник мог бы даже выйти победителем. Надо заметить, что из девяти членов Провода (включая самого Мельника) все, кроме двоих, были армейскими офицерами. Кроме того, почти все они служили не только в нерегулярной в некотором роде украинской армии, а и в весьма дисциплинированном офицерском корпусе Российской или Австро-Венгерской империи. Стандарты военной дисциплины и чести не позволяли им полностью поддерживать принцип, что все средства являются законными, по крайней мере когда этот принцип должен был применяться во фракционной борьбе в пределах их собственной группы против их признанного руководства. Кроме того, всем, за исключением Барановского, было за сорок, и можно предполагать, что прожитые годы выработали у них иммунитет против импульсивных и насильственных акций.

Если бы, однако, ОУН была ограничена работой в эмиграции, то она вряд ли получила бы большее влияние, чем УНР или гетманцы. Фактически, в отличие от этих двух группировок, она была преимущественно западноукраинской по составу. Правда, из девяти членов Провода трое были восточнуукраинскими эмигрантами. Из них, однако, двое имели очень ограниченное влияние, в то время как Сциборский был обязан своим высоким положением прежде всего своим теоретическим способностям. Кроме того, Провод не был точным отражением рядового состава организации. На первое место он ставил не представительство самых важных групп ОУН с Волыни, Закарпатской Украины и Буковины³². Более важную роль играла разница в возрасте; основной частью членов ОУН и ее наиболее активной составляющей была молодежь с юга Галиции. Как

обсуждалось в предыдущей главе, это поколение, живя двойной жизнью, обучаясь в подпольном университете, находясь под постоянной угрозой ареста польскими властями, обращалось к актам насилия, и многие пострадали за свои дела. Считалось, что эмигрантские лидеры уклонялись от трудностей и опасностей борьбы или, по крайней мере, были не способны понять спрос на нее.

Эти настроения подчеркивались разницей в возрасте между руководством и основной массой членов организации из Галиции. Существовал разрыв приблизительно в десять лет между средним возрастом официального эмигрантского руководства и неофициального лидера на родине; рядовые члены в Галиции были еще моложе. Уже само по себе это различие было достаточно существенно; недостаток зрелости неизбежно ведет к экстремизму среди членов организации, подобной ОУН. Имелись, однако, дополнительные факторы большой важности. Более молодая группа испытывала недостаток опыта роста в стабильном довоенном обществе. Кроме того, старшее поколение имело возможность бороться за украинскую государственность открыто и в легальной форме. Создавая государство и армию, пусть и в течение лишь короткого времени, оно избежало разрушительного чувства собственной неполноценности, которое было результатом проживания в государстве, управляемом представителями другой национальности. У старшего поколения были свои мирные годы, за которыми последовала славная борьба, у более молодого поколения был только опыт горькой, неоднозначной борьбы против польских репрессий. Таким образом, это поколение затаило в себе чувство напряженности, своего рода комплекс неполноценности перед лицом официального руководства.

Нельзя сказать, что руководство было совершенно не виновато в этой ситуации. Большинство его галицких членов разделили трудности борьбы против Польши (трое из них прошли через тюрьмы), а жизнь в изгнании не намного предпочтительнее даже подпольного существования в родной стране. Поколение, к которому пришла зрелость в годы войны, однако, рассматривало себя как закрытое элитарное общество, членство в котором было

невозможно для более молодых людей. Следующее выражение может объяснить закрытость элитарных рядов: «Я не против поиграть в политику, но я против того, чтобы играть в нее с моими детьми». И всюду применялся прием, зливший других: постоянное использование военных званий, приобретенных в ходе войны и, следовательно, не достижимых для более молодых людей, чья военная служба (когда этого нельзя было избежать) ограничивалась срочной службой в польской армии.

Пока Коновалец был жив, его весомый авторитет и, как известно, умелое разрешение конфликта поколений не давали этой проблеме приобрести серьезный масштаб, хотя и возникали громкие протесты со стороны более молодой группы. Мельник встретился с гораздо более сложным комплексом проблем: он должен был попытаться объединить украинское население Галиции под крылом организации, но любая модификация идеологии или тактики была бы расценена более молодыми людьми как измена; он должен был попытаться выторговать интересы украинцев в переговорах с гораздо более сильными сторонами — процесс, в котором любая импульсивная акция могла стать фатальной. Вдобавок те самые факторы, которые побудили Мельника оказывать сдерживающее влияние в ОУН, сделали его неспособным держать в узде революционную молодежь. Его связь с церковью была вроде черного флага для их антиклерикализма. Его спокойствие и достоинство не производили особого впечатления на людей, чьим идеалом лидера был заговорщик с железной волей. Его отказ от возведения идеи нации в абсолют был воспринят как признак слабости, если вообще был понят. В стабильном обществе Мельник, несомненно, был бы в высшей степени полезным гражданином или даже успешным государственным мужем, но его характер мало подходил для лидера террористов-заговорщиков. Так была подготовлена катастрофа внутри самой мощной украинской националистической организации.

Но первой пришла великая катастрофа войны. Многие годы германская политика влияла на ОУН. Эта связь была подкреплена полуфашистской по природе идеологией ОУН, и, в свою очередь, зависимость от немцев вела к уси-

лению фашистских тенденций в организации. Анализ соотношения сил привел ОУН к поиску германской помощи, поскольку Германия была единственной силой, имевшей волю или средства напасть на архиврагов ОУН — Польшу и Советский Союз. Большой проблемой, намек на которую содержался в предыдущем абзаце, было выстроить отношения с немцами таким образом, чтобы, сотрудничая, не превратиться в их марионеток, ибо неравенство сил между сторонами было, конечно, огромным.

До 1939 года украинские националистические лидеры были уверены, что Германия действительно заинтересована в обеспечении независимости Украины, и считали, что она будет честно вести себя с ними. Однако они были зависимы от Германии менее, чем можно было справедливо предполагать. В отличие от гетманской группировки, которая сконцентрировалась близ Берлина, ОУН была более равномерно распределена по большей части Центральной и Западной Европы. И Коновалец, и Мельник часто ездили по Европе, но избегали останавливаться на контролируемых Германией территориях. Однако в лице Ричарда Ярого они имели постоянный канал связи с той частью германского режима, которую представляли адмирал Канарис и абвер. Летом 1939 года полковник Сушко также тесно сотрудничал с немцами, готовя в Винер-Нойштадте, Австрия, группу в две сотни человек, которая должна была действовать как вспомогательная при вермахте в готовящемся нападении на Польшу; эта вооруженная ячейка должна была поднять восстание, которое, как надеялась ОУН, приведет к независимости украинцев в этой стране³³. Более того, де-факто зависимость ОУН от Германии сильно возросла в результате иммиграции ее членов на германскую территорию в 1939 году, особенно в протекторат «Богемия-Моравия», где вскоре образовался центр закарпатских украинцев, а вскоре был основан про-оуновский печатный орган «Наступ»³⁴.

Несмотря на эти все более прочные пути зависимости, когда Провод решил провести II съезд организации в августе 1939 года, местом встречи был выбран Рим вместо какого-нибудь немецкого города. На съезде было решено, что штаб Мельника должен находиться в Швейцарии и

что следует вести осмотрительную политику в отношении Германии³⁵. Во время паузы в работе съезда пришло известие о пакте Молотова—Риббентропа со всеми его уступками Советскому Союзу. Соглашение было открыто осуждено официальным органом ООН³⁶. Война, однако, фактически начиналась в это самое время, и Провод никак не мог, даже если бы и хотел, отойти от договоренностей о военном сотрудничестве с немцами.

Канарис, после некоторых колебаний, явившихся следствием его неуверенности относительно советских намерений в Восточной Польше³⁷, позволил группе Сушко перебазироваться с территории Словакии на украинскую этнографическую территорию на реке Сан, но в этом месте группе пришлось повернуть обратно из-за продвижения советских войск³⁸. В пределах собственно Галиции произошло по крайней мере одно маленькое восстание против польского режима, несомненно инспирированное националистами³⁹. С точки зрения ООН экспедиция Сушко принесла пользу хотя бы тем, что послужила вооруженным эскортом Ярославу Барановскому, который прибыл к местным группам как делегат Провода. Его миссия состояла в том, чтобы дать последнюю информацию относительно щекотливой ситуации, возникшей в результате советской оккупации, и предупредить их, чтобы они не раскрывали себя⁴⁰. Это, несомненно, было необходимо, потому что, если бы всю развернулись восстания против и без того разваливающейся польской власти, они были бы бесполезны, но раскрыли бы подполье перед приближающимися советскими силами.

Следует упомянуть, что краткая польская кампания повлияла определенным образом на дальнейшее развитие ООН. Поскольку немцы подходили к Варшаве, перед польскими властями встала проблема, что делать с политическими заключенными, особенно украинцами. После различных попыток эвакуировать их наиболее важным заключенным позволили либо по решению властей, либо по милости охраны выйти на свободу⁴¹. Таким образом лидерам галицкой группы, озлобленным годами заключения, дали снова развернуть свою деятельность.

Краткая польская война, которая явилась начальной главой в разворачивающейся всемирной борьбе за пере-

кройку мира, имела важное значение для украинской национальной жизни. Впервые в современной истории галицкое население было действительно объединено с восточными украинцами в едином государстве. Однако это государство было самым страшным врагом украинских националистических движений. Эти обстоятельства не могли не оказать значительного воздействия на развитие националистических движений, и фактически радикальный процесс перестройки украинских сил был уже на марше; в течение этих двадцати месяцев после польского коллапса этот внутренний конфликт привлечет к себе почти столько же внимания со стороны украинского эмигрантского сообщества, как и более крупные события мировой политики.

Примечания

¹ См.: Українська дійсність. 1-е изд. 1940. 15 ноября. С. 1, орган гетманской группировки. Чтобы ознакомиться со сжатым, но в целом точным и глубоким обобщением позиций этой и других украинских группировок в середине 1941 года, см. меморандум на основе досье германского министерства по делам оккупированных восточных территорий (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete, Осс Е-4 /5/), в Yiddish Scientific Institute (далее Осс Е-4 [5]). Так как подпись неразборчива, я не смог определить имя автора этого меморандума.

² *А.М. Андрієвський*. Катехизис, або наставлення в державній науці для українського гетьманця-державника (Берлин, 1940. 15 августа).

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 21 и далее.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ *Joachim Joesten*. Hitler's Fiasco in the Ukraine. Foreign Affairs, XXI (January, 1943). P. 334.

⁷ *Українська дійсність*, передовая статья, 1940. 1 декабря. С. 1.

⁸ *Український державник*, альманах на 1943 рік (Берлин, без даты). С. 8. В результате слабостей, указанных выше, гетманская группировка играла сравнительно незначительную роль в развитии реальных политических сил на Украине в течение периода, являющегося предметом этой работы. Посему нет смысла отвлекаться от обсуждения более важных проявлений активности.

⁹ По крайней мере, они стали теснее после убийства Петлюры. Как отмечалось выше, он оставил Польшу из-за политики подавления украинской культуры и быта в границах Польши. Левицкий,

однако, считая возможным оставаться в Варшаве, и в результате недовольство галицких элементов вынудило его еще более сблизиться с польским режимом.

¹⁰ О прометеевском движении в начале войны см. написанное его лидером Смаль-Стоцким *The Struggle of the Subjugated Nations in the Soviet Union for Freedom: Sketch of the History of the Promethean Movement*, *Ukrainian Quarterly*, III (Autumn, 1947). P. 324—344.

¹¹ Интервью 13.

¹² Интервью 22; *Наступ*. 1940. 9 марта.

¹³ Cf. *Karl Abshagen*. *Canaris, Patriot und Weltbürger* (Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1949). P. 217; интервью 13.

¹⁴ См. главу 4.

¹⁵ См. некролог в «Наступе», 30 мая 1943 г., с. 5.

¹⁶ Интервью 52, 75; *Богдан Михайлюк*. Бунт Бандери, 1950. С. 50.

¹⁷ Интервью 48, 67.

¹⁸ Интервью 67.

¹⁹ См. некролог: *Львівські вісті*. 1944. 2 февраля. С. 2; письмо Райнхарду Хайдриху, *Aussenpolitisches Amt der NSDAP, Reichsleitung*, 18 сентября 1940 г.

²⁰ См. некролог в «Наступе», 27 сентября 1941 г., с. 1.

²¹ Там же.

²² *Наступ*. 1940. 12 декабря. С. 3.

²³ Интервью 62.

²⁴ *Енциклопедія українознавства*, изд. Володымыр Кубийович и Зе-нон Кузеля (Мюнхен: Наукове товариство ім. Шевченка, 1949). С. 959.

²⁵ Это дедуктивный анализ, сделанный на основе обстановки в ОУН, а также прошлого и связей лиц из ОУН. Его нельзя подтвердить документально, но, кажется, он вполне соответствует всем известным фактам. По поводу комментариев относительно подозрений, порожденных связями Мельника с церковью и поддержкой его со стороны Сенька, см.: *Василь Рудко (Р. Лисовий)*. *Розлам в ОУН // Українські вісті*. 1949. 23 мая. С. 3. Следует заметить, что несколько критиков первого издания этой книги возражали против утверждения, что более молодое поколение оуновцев склонялось к антиклерикализму, хотя другие согласились с этой интерпретацией. Помимо украинских критиков самые веские возражения выдвинул Hans J. Veyer в *Historische Zeitschrift*, CLXXXVI (октябрь 1958). С. 422—424. Этот вопрос никогда, вероятно, не сможет быть прояснен окончательно, но я остаюсь при убеждении, что моя первая интерпретация является по своему существу правильной. Для подтверждения см.: *Лев Шанковський*. *Похідні групи ОУН* (Мюнхен: Видавництво «Український самостійник», 1958). С. 36.

²⁶ Максим Орлик в «Наступе», 17 августа 1940 г., с. 2. Главным образом я полагался на периодические издания довольно большого тиража (приблизительно в 6000 в случае с «Наступом») как основные источники по идеологии ОУН этого периода. Более философские трактаты Донцова и особенно Сциборского «Нациократия» представляют куда больший интерес для изучающего политическую теорию. Из-за целей этой работы, однако, кажется предпочтитель-

ным использовать хоть и менее глубокие источники, но такие, что производят большее воздействие на рядовых членов и придерживаются новых течений в идеологии и ее изменении.

²⁷ Сигма в передовой статье в «Наступе». 1940. 23 марта. С. 1.

²⁸ Интервью для «Наступа». 1940. 21 декабря. С. 3.

²⁹ Український вісник. 1941. 1 февраля. С. 2.

³⁰ Наступ. 1940. 14 декабря. С. 1.

³¹ Наступ. Передовая. 1941. 1 февраля. С. 1.

³² Следует подчеркнуть, что было несколько других лидеров (старшего поколения), чье влияние превосходило влияние некоторых членов Провода. В этих неофициальных группах Закарпатская Украина (но не Волынь и не Буковина) были адекватно представлены. Восточные украинцы имели сверхпредставительство по сравнению с числом их рядовых членов.

³³ *Любомир Ортинський*. Дружини українських націоналістів (ДУН) // Вісті братства кол. вояків 1. УД УНА (июнь—июль 1952 г.). С. 4; Abshagen, *Canaris*. P. 217.

³⁴ «Наступ» основал в Закарпатской Украине доктор Степан Росоха, но после разгона там украинского правительства Росоха переехал в Прагу, где сумел возобновить публикацию примерно в начале 1940 года. Хотя сам он не состоял в ОУН, он был горячим сторонником и почитателем Мельника, и страницы его издания всегда были к услугам оуновских авторов. В дополнение к этой газете, к которой до закрытия в 1943 году немецкая цензура относилась сравнительно мягко, в Берлине выходил без предварительной цензуры «Український вісник», так как номинально был не газетой, а бюллетенем для членов Украинского национального союза в Германии. Как и «Наступ», официально этот бюллетень не был оуновским, но тесно следовал оуновской линии и, по-видимому, был более влиятельным, чем официальные печатные органы ОУН; однако их выпуски военного времени теперь малодоступны.

³⁵ Вдобавок он сам был утверждён главой Провода. Интервью 61, 67.

³⁶ *ОУН у війні*, информационная секция ОУН (УНР), 1946. Апрель. С. 24—28, цитируется «Національна пресова служба» («пресс-релиз» ОУН, доступ к которому мне не удалось получить) за 1 сентября 1939 г.

³⁷ *Abshagen*. *Canaris*. P. 208—209.

³⁸ Интервью 8, 14, 67; *Никон Налівайко*. Легіоні в національних війнах // Народна воля. 1949. 27 октября. С. 2.

³⁹ «Наступ», 16 марта 1940 г., с. 3, описывает формирование группы из трех сотен партизан под Львовом с 11 по 17 сентября для борьбы с польской полицией, которая совершала злодеяния, и с целью отбросить польских партизан и войска.

⁴⁰ Интервью 67.

⁴¹ Интересное описание того, как некоторые из этих украинцев вышли на свободу, см.: *Микола Климішин*. Смертний похід // Наступ. 1940. 24 февраля. С. 3; это описание подтверждается в интервью 76.

Глава 3

РАСКОЛ

К концу сентября 1939 года казалось, что Германия определенно перестала обращать внимание на украинских националистов. Соглашение, которое позволило Советскому Союзу занять территорию Польши до линии Буга и Сана, означало на деле, что компактная украинская область в Галиции, украинская земля, с которой были связаны сильнейшие националистические чувства, переходила под власть советского режима. В некоторых нацистских кругах утверждали, что ячейки ОУН на занятых Советским Союзом областях будут распущены¹. Несколько маленьких районов с украинскими поселениями оставались, однако, под германским контролем в составе того, что теперь называлось генерал-губернаторство Польша. Кроме мелких приграничных районов, это были район города Хелм (Холм) и область, заселенная лемками², — пересеченная местность, отрог северного склона Карпат от Пшемысля (Перемышля) почти до Кракова. Большинство лемков были выносливыми, но обедневшими горцами, говорившими на украинском диалекте. При польском режиме они подвергались таким же репрессиям, как и украинцы Восточной Галиции, но низкий экономический потенциал этого региона препятствовал существенному расселению в этих местах польского населения.

* В XIV веке Даниил Галицкий основал город Холм. Потом он оказался на территории Польши под названием Хелм. Лемки — этнографическая группа на западе Украины.

В хелмском районе проводилась политика насильственной денационализации. Его смешанный этнографический состав был усложнен изменениями в религиозной политике. Первоначально многие из жителей этой местности, включая огромное большинство украинцев, были грекокатоликами, подобно галицким украинцам. При Александре II проводилась жесткая репрессивная политика, направленная на усиление православной церкви и подавление грекокатолической церкви. Многие районы, где преобладал грекокатолический обряд, были насильственно переданы православной церкви, а множество храмов католического обряда, которые были обвинены в проведении служб для грекокатоликов и которые сопротивлялись их передаче православной церкви, были захвачены. Или потому, что они когда-то тяготели к православию, или потому, что они приучились к нему более чем за десятки лет, многие из «конвертированных»^{*} конгрегаций сохранили некоторые связи с ним и после того, как область стала частью Польши. Подталкиваемое частью католических священнослужителей (грекокатолическая иерархия противилась этому),

* Снова приходится заметить, что если бы автор заглянул поглубже в историю, то обнаружил бы, что была такая Брестская уния 1596 года, когда православная церковь на западе Украины (и Белоруссии) была загнана под начало Рима, но с сохранением прежних обрядов (зная это, автор вряд ли стал бы утверждать, что «первоначально многие из жителей этой местности, включая огромное большинство украинцев, были грекокатоликами, подобно галицким украинцам»). Этот акт насильственного прозелитизма положил начало насаждению на западноукраинских землях так называемой грекокатолической, или униатской, церкви. Процесс сопровождался сопротивлением православных верующих, захватами православных храмов, преследованием православных служителей и верующих, причем эти кампании неоднократно возобновлялись и с помощью польских властей. Известно, что освободительные движения в Польше начинались с вешания православных священников. Хотя в самой Польше к униатству относились как к религии второго сорта, или «крестьянской», — см., например, статью об униатстве в *Encyclopaedia Britannica*. В последнее время — при непротивлении украинских властей, и оранжевых, и дооранжевых — такая практика конфессионального передела вовсю производится при участии наследников ОУН, которые стали образцовыми грекокатоликами, хотя идеология самой ОУН была достаточно антиклерикальной — как и положено у уважающих себя фашистов.

польское правительство захватывало многие храмы, а в некоторых случаях сжигало их дотла. Православные священники изгонялись, а их место занимали католические пасторы, латинского, а не греческого обряда. При ограниченном круге интеллектуалов другие украинские общины мало чем могли помочь украинцам Хелма, и в результате политика денационализации принесла полякам значительный успех².

Более двадцати месяцев этим маленьким и обиженным судьбой территориям выпало служить главной базой для осуществления украинских националистических усилий. Причиной того, что они могли выполнять эту функцию, явилась преднамеренно двусмысленная германская политика в отношении украинских движений в течение этого периода. Пакт Молотова—Риббентропа, который послужил формальным препятствием для использования украинских националистических настроений, направленных на разрушение Советского Союза, расценивался нацистскими лидерами в действительности просто как перемирие, рассчитанное, однако, на неопределенный срок. Любая открытая поддержка украинских националистов рассматривалась бы Советским Союзом как недружественный жест, если не подготовка к нападению; исходя из этого, Гитлер решил вести дела с украинцами с большой осторожностью, поскольку дружественные отношения с Советским Союзом были в его интересах³. В то же время макиавеллизм образа мышления нацистских правителей подводил их к тому, чтобы использовать украинский национализм как козырную карту в будущих непредвиденных обстоятельствах. Чтобы энергия украинского национализма не ослабевала, было необходимо дать ему какой-то минимум поддержки, но непрямой и скрытой.

Кроме того, присутствие нескольких сотен тысяч украинцев в генерал-губернаторстве давало возможность превратить в жизнь любимый принцип флорентийского теоретика — разделяй и властвуй⁴. Целью реализации этого принципа применительно к нацистской политике было уничтожение национального сознания народов генерал-губернаторства, чтобы их либо поглотила бы «более высокая» немецкая нация, если они «расово приемлемые», либо

их можно было бы держать за послушных илотов, если они «биологически неполноценные». Первым шагом в этой политике должен был быть раскол между национальностями путем внедрения чувства этнической обособленности в каждую национальную подгруппу и продвижения на местные гражданские и полицейские должности представителей меньших национальных групп⁵. В соответствии с этой политикой, маленькая украинская группа в генерал-губернаторстве должна была поддерживаться в ущерб полякам, которые рассматривались как наиболее опасные противники германских интересов в этом регионе. В марте 1940 года Гитлер выразил личное горячее желание использовать антипольские настроения украинцев. Чтобы избежать проблем в отношениях с Советским Союзом, он, однако, дал указание обойтись без какой-либо «украинской национальной партии» или подобного широкого формирования, а ограничиться органом с консультативными функциями в пределах генерал-губернаторства⁶. В соответствии с этим указанием, глава администрации генерал-губернаторства Франк сказал своим подчиненным через месяц, что можно позволить создание украинских организаций социальной взаимопомощи, но ни в коем случае не более солидные⁷.

Нацистская тактика предусматривала использование украинского национального чувства в качестве противовеса польскому, чтобы поддержать немецкое правление в генерал-губернаторстве. После того как поляки были бы уничтожены как национальная субстанция, настал бы черед и украинцев быть либо абсорбированными немцами, либо сведенными к положению илотов. Поскольку первый этап процесса требовал снисходительного отношения к украинцам, то националистическим группам в генерал-губернаторстве дозволялось вести ограниченную, но заметную деятельность. За несколько месяцев до того, как Гитлер принял решение относительно создания украинской социальной организации, украинцы генерал-губернаторства приступили сами к созданию рудиментарной национальной организации. Этому шагу не препятствовали, потому что многие должностные лица второго плана, особенно доктор Фриц Арльт, руководитель ведомства по

делам национальностей в администрации генерал-губернаторства, осознали необходимость вызвать у украинцев дружеские чувства и пытались использовать чисто тактическую терпимость вышестоящих к этой национальной группе, чтобы предоставить украинцам способ национального самовыражения⁸.

Организационная работа началась с создания широкого круга организаций в районах, где было значительное число украинцев. Например, Украинский национальный совет был сформирован в районе реки Сан, Украинский национальный комитет — в Ярославле и Украинский центральный комитет — в Хелме⁹. Поначалу, похоже, существовало некоторое соперничество между этими центрами, которое явно было спровоцировано местными группами, которые не принимали в соображение более широкие политические интересы¹⁰. Более дальновидные элементы из числа украинцев генерал-губернаторства считали, однако, что необходимо укреплять позиции, насколько возможно, и понимали необходимость единства. Различные элементы сотрудничали в работе по созданию этого единства, включая членов таких организаций, как Украинский национально-демократический союз, который выделялся среди легальных украинских организаций при поляках, и людей, которые до этого не играли никакой активной роли в политике. Среди последних был доктор Владимир Кубийович, считавшийся видным географом и горячим, но далеким от политики патриотом. В дополнение к этим элементам видную роль играла и ОУН. Ее главным представителем был полковник Сушко, который после вынужденного бегства из района Сана остался на оккупированной немцами части Польши, где он продолжал сотрудничество с вермахтом, особенно в формировании полиции. Стараниями этих групп в середине ноября 1939 года в Кракове было организовано совещание украинской общины. Совещание направило депутацию к гаулейтеру Франку¹¹.

Кубийович был естественным лидером на этом этапе. При всей его политической неопытности он до войны имел превосходные связи в немецком ученом мире и бегло говорил по-немецки. В отличие от многих других лидеров он не был беженцем с советских территорий, а уроженцем мест,

где жили лемки, то есть относился к числу тех немногих украинцев, против кандидатуры которых советская сторона не имела бы оснований для протеста. И самое главное, он был способен поддерживать свой прежний престиж патриота, не примыкая ни к одной из сторон в силу своего такта, умеренности и благоразумия. Он был также способен выполнить трудную задачу ведения переговоров с немцами, не унижая при этом собственного достоинства и достоинства своих братьев украинцев. На этой стадии, однако, сомнительно, чтобы смог пройти в жизнь проект формирования единой организации, несмотря на способности Кубийовича, если бы не поддержка со стороны полковника Сушко с его националистической организацией и его близкими отношениями с германскими властями.

Во всяком случае, именно Кубийович и Сушко выбили разрешение на учреждение ассоциации во главе с центральным комитетом¹². Процесс объединения украинских групп в одну ассоциацию продолжался значительное время. Вероятно, это было вызвано естественными трудностями, с которыми столкнулись украинские лидеры в разработке сложной организации после двадцати лет почти полного отстранения украинцев от участия во всякого рода администрациях, также задержкой в получении Франком одобрения со стороны Гитлера. 13—15 апреля 1940 года, однако, представители украинских групп открыто встретились в Кракове в качестве правящего комитета, а в начале июня этот орган был официально признан Франком как Украинский центральный комитет¹³.

Это было значительным достижением, хотя на бумаге новый орган был чрезвычайно ограничен в своих функциях, которые, в соответствии с указаниями Гитлера, были определены как забота о благосостоянии украинского населения генерал-губернаторства. Для этой цели комитету предоставили право готовить бюджет, покрываемый частично ассигнованиями из казначейства генерал-губернаторства. Ему было разрешено развернуть сеть комитетов помощи в украинской этнографической зоне. Среди наиболее важных формальных функций организации было распределение помощи, полученной от филантропических агентств в Соединенных Штатах и от Меж-

дународного Красного Креста¹⁴. Однако, как это обычно бывает с украинскими организациями, работающими под властью деспотических иностранных режимов, формальный аспект деятельности организации был не самым главным. Формально комитет не имел никакого контроля над образованием, но через германские власти был способен оказывать большое влияние на выбор учителей и учебных пособий. Через контроль над социальными фондами он имел возможность сделать более доступным для многих детей посещение украинских школ¹⁵. Исходя из вышесказанного, он вносил важный вклад в оживление украинской культурной жизни в области.

Эта образовательная деятельность осуществлялась параллельно с развитием и украинской прессы. Ноябрьское совещание, помимо предварительной работы по созданию центрального представительного органа, основало (также под руководством доктора Кубийовича) крупномасштабное агентство печати, которое выпустило ряд новых школьных текстов на украинском языке и популярных украинских произведений¹⁶. Еще более важно, что оно стало издавать газету, которая стояла на две головы выше любой другой украинской, на занятых немцами территориях. «Кракивськи висти» (немцы запретили использование слова «украинские» в названии) была одной из немногих газет, которые не стали партийным органом; она все время служила форумом, на котором были широко представлены разнообразные точки зрения. Кроме того, это была единственная газета такого рода, которая располагала существенными материальными ресурсами и привлекала к себе многих по-настоящему талантливых авторов. Она подвергалась более строгой цензуре, чем украинские газеты в Большой Германии (хотя намного менее строгой, чем была установлена для газет, издававшихся на оккупированных позже территориях далее на восток); тем не менее она оказалась способной отразить значительный диапазон украинской жизни и мысли и стала неоценимым свидетелем событий военных лет.

С точки зрения украинских национальных интересов благоприятная политика немцев в отношении культурной деятельности группы была особенно ценна тем, что позволила восстановить некоторые основы, утраченные при

польских репрессиях. Подробное изложение методов, какими украинцы сумели улучшить ситуацию в этой области в течение первых военных лет, заняло бы много места. Достаточно одной статистической выкладки, чтобы показать общий характер достигнутого за эти годы. В 1942/43 учебном году в генерал-губернаторстве было 4173 школы, где преподавали на украинском языке¹⁷, хотя на той же территории до 1939 года их было только 2510 — из которых только 457 были чисто украинскими¹⁸. Наиболее значительный прогресс имел место в Хелмской области, где осенью 1939 года был отмечен большой приток интеллектуалов, сбежавших от советской власти в Восточной Галиции, которые привнесли новую энергию в культурную жизнь украинского сообщества¹⁹.

Чтобы завершить картину, нужно, однако, добавить, что методы, использовавшиеся украинцами, чтобы отвоевать у поляков утерянные позиции, не ограничивались культурными процессами. В соответствии с политикой, описанной выше, немцы часто назначали мэрами этнографически смешанных городков лиц из числа украинских элементов, таким образом давая последним решительное преимущество в гражданской администрации. Отдельная полицейская система была также укомплектована благоприятным для украинцев образом, хотя немцы осуществляли плотный контроль за этими формированиями. Тем не менее в многочисленных случаях позиции украинцев в полицейских подразделениях позволяли им притеснять поляков и даже нападать на них²⁰.

В то время как украинские националистические силы укреплялись через создание новой базы в генерал-губернаторстве, ОУН серьезно ослаблялась лютым внутренним конфликтом. Фундаментальные причины этого конфликта были исследованы в предшествующих главах. Его каталитическим элементом стало освобождение из польских тюрем наиболее активных лидеров более молодого поколения.

В Кракове, где оказалось большинство таких людей, они вошли в контакт с теми своими товарищами, с которы-

ми вместе боролись и страдали до тюрьмы, и таким образом сложилась новая группировка. Номинальным лидером был Владимир Лопатинский, который был официальным лидером «края» ОУН — то есть организации на украинской этнографической территории в Польше²¹. Вместе с ним прибыли туда и другие молодые люди, которые давно и активно боролись против польских властей, — Иван Гаврусевич, Ярослав Горбовый, Лев Ребет и многие другие. По большей части эти энергичные люди в силу характера своей подпольной работы были ограничены территорией Польши и, следовательно, не были хорошо знакомы с более широкими аспектами деятельности ОУН. Это была крепкая группа мятежников, весьма храбрых и привыкших к полной опасностям жизни, но не имевших навыка в решении теоретических и сложных практических вопросов. Были среди них, однако, два молодых человека, которые незадолго до этого имели возможность понаблюдать вблизи за работой организационного штаба своими глазами. Одним был Дмытро Мырон, которому позже выпадет случай доказать свой талант организатора подполья в Восточной Украине, а вторым — Ярослав Стецко.

Стецко (сын священника) выделялся в группе быстрым умом и способностью обобщать свой опыт в форме политических предписаний. Подобно большинству других, он был приговорен к тюремному заключению во время массовых судов над членами ОУН в 1936 году. Однако его вину не могли доказать в той мере, как вину многих других, и поэтому он был освобожден с началом войны. Принимая активное участие в организационной работе ОУН, он вызывался Мельником в Рим летом 1939 года, чтобы помочь в подготовке II съезда. Роль Стецко в Риме не совсем ясна. Согласно одной версии, он был освобожден от обязанностей по подготовке съезда Сциборским, когда показал свою неспособность удовлетворительно выполнить их²²; если это правда, то такой щелчок по носу вряд ли, вероятно, увеличил его любовь к своему шефу и мог действительно посеять в нем семя недовольства всем руководством ОУН. Во всяком случае, совершенно ясно, что Проводу не хватило чутья, чтобы обеспечить себе длительную лояльность этого блестящего молодого члена ОУН.

В ретроспективе, по крайней мере, Стецко усомнился в мудрости политики, проводимой старшими. Это была осторожная политика, и особенно неприятным аспектом этой осторожности, по мнению Стецко, была забота о поддержании добрых отношений с Германией, несмотря на неоднократные разочарования, которые эта держава доставляла украинцам. Перед завершением римской встречи Стецко, однако, имел обнадеживающую беседу с Мельником; после чего он временно стал его поддерживать. У Мельника, возможно, были некоторые сомнения, касающиеся правильности позиции возвеличивать себя до руководителя Провода. В приливе молодого энтузиазма Стецко желал — по крайней мере в теории — придания авторитаристской окраски идеологии ОУН. В одной из своих восторженных речей он восхвалял Мельника как великого вождя и героического борца и призвал к непоколебимой верности ему — такой же, какой был удостоен Коновалец, — «вождь умер, да здравствует вождь!»²³.

К началу 1940 года Стецко под воздействием очередного промаха оуновской политики, ориентированной на одобрение немцев, и ощущая нетерпение самых молодых членов своей группы начал выражать недовольство официальными лидерами партии. Его способности сделали его видным членом нарождающейся фракции, но это было объединение не того рода, чтобы искать лидера среди интеллектуалов. Основное, в чем обвиняли эти люди старшее поколение, была робость, недостаток решимости; по сему эта мятежная группировка выбрала лидера, который в необычной степени обладал несгибаемой волей и готовностью к отчаянным действиям. Им оказался глава террористической группировки, занимавшейся нападением на польских официальных лиц, Степан Бандера.

К январю 1940 года новая группировка достаточно окрепла, чтобы Бандера и Лопатинский смогли поехать к Мельнику в Рим с рядом требований²⁴. Точно не ясно, каковы были эти требования, ибо участники конфликта предлагали разные версии. По словам сторонников Бандеры, ядром их декларации было требование изменить ориентацию политики ОУН так, чтобы она меньше зависела от немцев. В частности, они говорят, что их лидеры требова-

ли, чтобы Мельник перенес штаб организации в нейтральное государство и с новых позиций наладил сотрудничество с западными странами в целях формирования легиона из украинцев, находящихся во Франции, для помощи Финляндии в отражении советского нападения²⁵. Хотя в этих утверждениях есть что-то правдоподобное, принимая во внимание прошлое и будущее сотрудничество окружения Мельника с немцами, сторонники официального лидера указывают, что и сам Бандера сотрудничал с немцами, когда это было выгодно, и что сторонники Мельника во Франции с рвением работали над созданием упомянутого легиона, хотя сторонники Бандеры утверждают, будто именно они предложили эту идею²⁶.

Несмотря на то что формулировки многих требований, представленных Бандерой и Лопатинским, оспариваются, в целом выражается согласие, что самая четкая из них касалась изменений в составе Провода. Лидеры «края» требовали смещения Барановского²⁷, Сенька и Сциборского. Из-за влияния двух последних лидеров согласие с этим требованием означало бы настоящую революцию в руководстве ОУН, тем более что Бандера и его товарищ требовали, чтобы те были заменены представителями более молодой группировки. Данный пункт спора очень важен, но причины, представленные двумя эмиссарами, показательны для психологии молодых мятежников.

Обвинение против Сенька возвращает нас к самым ранним стадиям разногласий между двумя поколениями в националистической организации. Когда Бандера, Стецко и другие галицкие террористы были арестованы за нападения правительственных чиновников польской национальности, была представлена масса письменных свидетельств, подтверждающих их участие в заговорщической деятельности, которые сделали их защиту безнадежной в условиях Польши. Эти материалы были получены поляками от чешских властей, которые, в свою очередь, получили их неизвестно откуда. Точно, однако, то, что Сеньк, как административный помощник Коновальца, был тем, кто первоначально готовил документы. В группировке «края» это событие вызвало возмущение, там приписывали происшествие небрежности Сенька в работе с важными до-

кументами и неумении хранить их должным образом. Были ли они правы в своих суждениях, трудно определить, но легко можно представить себе, как такое чувство могло перейти в ненависть за время тяжелых лет пребывания в тюрьме. Обвинение, однако, более существенно указывает на трудное положение тех, кто пытается из-за рубежа направлять фанатическое подпольное движение в стране, где оно должно существовать и нести жертвы. Это также резко подчеркивает основу напряженных отношений между человеком действия, революционного порыва, и администратором, на которого никогда не смотрят как на человека, несущего свою долю груза.

Обвинение против Сциборского еще более обличительно. За несколько лет до этого, когда тот был редактором органа ОУН в Париже «Українське слово», в редакцию газеты пришел коммунистический агент, который пытался убедить его предать национальное дело. Вместо того чтобы выкинуть этого человека вон, Сциборский, как рассказывают, завел с ним идеологическую дискуссию. Группировка Бандеры теперь утверждала, что Сциборский не сумел быстро среагировать, потому что он всерьез рассматривал предложение коммуниста, и подкрепила обвинение заявлением, что нахождение сестры Сциборского в Киеве позволяет советской сети держать его на поводке. Если учесть энергию Сциборского в борьбе с коммунизмом и до и после инцидента, это обвинение кажется безосновательным. Акцент на его виновности в том, что он вступил в дискуссию с коммунистом, с другой стороны, весьма показателен. Уже говорилось, Сциборский был прирожденным теоретиком, человеком, который поставил словесный дар на службу движению. Как ни парадоксально, его собственная теория делала основной акцент на воле, необходимости действия и примате народного духа (Volkgeist). Тот факт, что его наиболее экстремистски настроенные ученики, воспитанные в духе неприятия рационализма, вначале бросали тень на его репутацию, а затем стали ему смертельными врагами, можно назвать поэтическим воздаянием²⁸.

Независимо от того, имело ли место обсуждение каких-либо еще предложений «края», не подлежит сомнению, что Мельник твердо отверг требование о смещении своих

коллег. Его недоброжелатели утверждают, что такие действия свидетельствуют об отсутствии гибкости или даже о надменном отношении к более молодым членам организации. Его поклонники придерживаются той точки зрения, что это — убедительное доказательство его верности принципам, верности своим преданным товарищам. Какое бы из этих суждений ни было правильным, отсутствие согласия скоро привело к открытому конфликту. Бандера и Лопатинский вернулись домой, и 10 февраля на тайной сходке молодых галицких лидеров в Кракове Бандера был назначен главой нового, «революционного», Провода²⁹.

Большая часть времени оставшегося 1940 года была отдана острой борьбе противостоящих фракций, направленной на укрепление позиций и перетягивание на свою сторону неопределившихся элементов. Вначале борьба велась довольно сдержанно с обеих сторон. Еще оставалась возможность уладить разногласия³⁰. Антагонизм между конкурирующими фракциями усилился тем не менее из-за попыток группы «край» перетянуть на свою сторону некоторых из старших членов организации. Последние (за редкими исключениями) понимали, что пытаться сформировать свой контрдиректорат было верхом самонадеянности со стороны этих молодых людей. Более того, они утверждали, что стремление бандеровцев заручиться их поддержкой доходит до подталкивания к прямому предательству товарищей, и расценивали подобные предложения как бесчестные и наглые³¹. Со своей стороны представители молодого поколения считали, что пытаются свергнуть негибкое и своевольное руководство, чтобы реализовать впоследствии истинные задачи организации. Поэтому их расстраивало, что старшие презрительно отклоняют все предложения.

Обострение достигло предела после серии переворотов и контрпереворотов в разгар лета. Молодые сторонники Бандеры заняли штаб украинского Центрального комитета в Кракове. Административные должностные лица, большинство из которых не были связаны с ОУН, расценили эти действия скорее с раздражением, чем с прямой враждебностью, но когда возвратился полковник Сушко, он быстро изгнал захватчиков³². Затем, в августе, он повел

маленькую группу своих сторонников, набранных, вероятно, во вспомогательных полицейских формированиях, с которыми он активно сотрудничал, в набег на бандеровский штаб в Кракове, который закончился уничтожением их тайного печатного органа и захватом множества документов³³. К тому времени все переговоры о воссоединении были прерваны, и к ноябрю конфликт перешел в открытую бойню на улицах Кракова. Как отмечалось выше, нацистские круги вообще презирали ОУН и особенно не доверяли Сушко. Офицеры военной разведки (абвера), с другой стороны, убеждали фракцию Бандеры урегулировать свой конфликт с фракцией Мельника; поскольку они хотели избежать дальнейшего раскола в среде украинских политических группировок³⁴.

В самой Большой Германии всех украинцев, за исключением сторонников прогетманской «Громады» (главным образом восточные украинцы), предполагалось объединить в составе УНО (Українське національне об'єднання), полуофициально признанного германскими властями. Внепартийная организация, УНО, однако, расценивала национализм как ведущую идеологию и действовала как социальный придаток ОУН³⁵. Глава, полковник Тymoш Омельченко, был твердым сторонником «законного» Провода ОУН Мельника. После того как более молодое поколение подалось к Бандере, Омельченко и его помощники приказали, чтобы все члены УНО докладывали о попытках «раскольнической деятельности» и в конечном счете очистили организацию от активных сторонников Бандеры³⁶. В июне 1941 года Омельченко присоединился к Кубийовичу в попытке убедить германские власти поддержать идею независимой Украины — в рамках расширенных географических границ и под руководством Мельника, «который теперь, несомненно, пользуется наибольшим авторитетом среди украинцев... как единственный человек, которому можно доверить управление украинской нацией»³⁷.

Позиция лидеров УНО была важна, поскольку эта организация становилась сильнее из-за серьезного притока украинцев из областей, оккупированных Венгрией и СССР. Если в 1937 году УНО состояла из нескольких десятков человек, то в 1938-м в нее влилось почти четыре

сотни, в 1939-м — приблизительно 2000 и почти 11 000 — в 1940 году³⁸. Поскольку украинские иммигранты состояли в значительной степени из фабричных и сельскохозяйственных рабочих, отделения были сформированы в многочисленных городах собственно Германии, на территории протектората и районов, недавно аннексированных у Польши³⁹. Но поскольку руководство было не способно управлять УНО, сторонники Бандеры быстро насадили в этих местах свои собственные ячейки. Таким образом, в 1941 году существовали параллельные и противоборствующие центры украинской жизни во многих городах и индустриальных центрах Большой Германии⁴⁰.

Пытаясь поставить под контроль националистическое движение, обе стороны затеяли споры, а также прибегли к организационному давлению. Многое происходило на «устном» уровне, особенно со стороны группы «край», которая, в сравнении с мельниковцами, не обладала ни физической базой, ни опытными полемистами, необходимыми для соревнования в прессе. Представители этой группы напирала на колебания и неудачи старшего Провода, доказывали, что те находятся в зависимости от иностранцев, и утверждали, что новое поколение лидеров хочет возвратиться к чисто военной организации наподобие УВО, оставляя политические и идеологические вопросы легальным партиям типа УНДО⁴¹. Существенным, однако, как выше указывалось, было обращение бунтарей к молодежи, ее воле, действию.

За контраргументами, предлагавшимися мельниковцами, легче проследить, потому что они излагались в открытых периодических изданиях, хотя и в несколько завуалированной форме. Часть контраргументации составлялась теми, кто не состоял в ОУН, особенно церковными иерархами. Епископ Иван Бучко, который считался близким сторонником Шептицкого и который позднее стал главой всей Украинской католической церкви, всюду расхваливал Мельника. Епископ был в то время в Америке с пастырским посещением украинских иммигрантов; в одном из своих интервью в Нью-Йорке он, как сообщали, заявил, что украинские националисты представляют цвет нации, обладают выдающейся личностью в лице Мельни-

ка как лидера⁴². Как выше отмечалось, монсиньор Вольшин тоже ставил Мельника выше других националистических лидеров. Сомнительно, однако, что такие заявления, несмотря на авторитет их авторов, способствовали укреплению позиций Мельника ввиду явного антиклерикализма молодежных кругов⁴³.

В аргументации мельниковцев основной упор делался, однако, на обязанность членов такой авторитарной организации, как ОУН, соблюдать субординацию в отношениях с руководством. Как уже отмечалось, характер Мельника и его взгляды не способствовали этому. Тем не менее партийные органы воздавали все больше хвалы лидеру, и все чаще разгорались теоретические дискуссии о природе его позиции⁴⁴. Главной проблемой для любой авторитарной организации является установление легитимности ее лидера. Если сомнения в лидерстве нельзя подавить силой, нужно обратиться за благословением к фигуре из прошлого, которой поклоняются все. Поэтому непрестанно повторялось, что Коновалец назначил Мельника своим преемником и что Мельник созвал римский съезд во исполнение долгосрочных указаний убитого лидера⁴⁵. Подвергались резкому осуждению «называющие себя националистами», но «впадающие в либерально-демократические грехи» личного неподчинения руководству и партийных интриг⁴⁶. Несколько позже, подчеркивая воинский долг членов ОУН соблюдать дисциплину, один из представителей «законной» группы заявил, что исключение из организации означает «моральную смерть»⁴⁷.

Однако оставалась еще одна область, в которой развевалась борьба за власть. Отмечалось, что почти все влиятельные старые члены организации отвергли предложения бандеровской группировки к союзу. Было одно исключение — Ярый. У этого натурализовавшегося украинца одно время были разногласия с Мельником по поводу, как говорят, финансовой отчетности, а также разногласия, вызванные его стремлением высвободиться из-под контроля Мельника в переговорах с немцами⁴⁸. В появлении нового центра Ярый, очевидно, увидел возможность уйти от подчинения тем, кого считал эмигрантским сборищем, безнадежно сбившимся с пути к реальной цели.

Он полностью порвал со старым Проводом и перевел свои ценные контакты на «край», в молодой энергии которого увидел единственную надежду на развитие сил освобождения⁴⁹. Но, поступив так, он восстановил многих против нового движения, поскольку казалось странным, что только иностранец присоединился к бандеровской группировке. Почти с самого начала это обстоятельство способствовало появлению подозрений, что именно внешние силы — Советский Союз, а также Германия — инспирировали бунт, чтобы ослабить националистическое движение⁵⁰. Был ли Ярый простым орудием абвера или старался использовать немцев, чтобы достичь целей националистов, сказать трудно; но представляется почти точным, что слухи о его связях с коммунистами беспочвенны.

Такие подозрения, однако, не помешали краевой группе продолжать формирование своей организации. Как будет показано далее, сильная нелегальная сеть сохранялась и в оккупированной Советским Союзом Галиции, руководил ею взбунтовавшийся Провод. В генерал-губернаторстве был отмечен также значительный прогресс. В марте 1941 года в Кракове была созвана генеральная конференция ОУН-Б(андеровцев) — в противовес римской — «Второй съезд ОУН»⁵¹. К этому времени значительная часть молодого поколения националистов включилась в новое движение, и уже начали появляться его ответвления. С одной стороны, «активисты» — Бандера и его первый помощник Стецко — полностью сохраняли контроль над организационной структурой. Им всеми силами помогал Мыкола Лебедь, один из первых краевых лидеров, который был теперь утвержден третьим в команде. Лебедь взялся за организацию службы безопасности (СБ) — службы безопасности. ОУН-Б было необходимо иметь свою тайную полицию подобно всем организациям, будь они в подполье или при власти, которые требуют монолитного подчинения лидеру и не шепетильны в выборе средств. В Лебеде — маленьком, спокойном, но решительном и жестком — СБ нашла довольно квалифицированного руководителя, впоследствии снискавшего — себе и возглавляемой им организации — дурную славу благодаря своей жестокости.

Очевидно, несколько поодаль от ведущей группы стояло множество молодых людей, которых в организации прежде всего привлекала военная сторона. Они еще не пользовались влиянием, но их наиболее типичному представителю, Роману Шухевичу, предстояло позже быстро пойти вверх. Еще дальше от руководящего ядра стояла группа, чьи цели включали в себя и социальные, как и национальные, аспекты желанной революции. Их лидером был Иван Митрынга, сын галицкого крестьянина, который был назначен Коновальцем специальным «референтом» по социальным вопросам. Он и его коллеги были слишком неприметны, чтобы обеспечить себе место у руля организации, но есть мнение, что они все же имели влияние на формирование платформы организации. Их программа, повторяя «волюнтаристские» элементы — упор на волю, действие, дисциплину, презрение к здравому рассудку и «националистическому» элементу верховенства нации (согласно декалогу движения, его члены, как было сказано, должны были ставить интересы украинской нации превыше всего), — давала некоторое место размышлениям о социальных вопросах. В то время как коммунистическая система отвергалась, осуждался и либеральный капитализм, а некий слабо очерченный социализм приветствовался⁵².

В то время как самую сильную украинскую партию разрывал фракционный конфликт, ее члены, наряду с членами менее авторитарных группировок, пытались поддерживать остатки независимой жизни в областях, полученных Советским Союзом. Галиция, реальная база организованного украинского национализма, перешла под коммунистический контроль в сентябре 1939 года. Поначалу лидеры легальных партий, похоже, не понимали всей значимости этой перемены. Большинство из них выросло при относительно толерантном австрийском режиме и даже под властью Польши было способно занимать позицию напряженного сотрудничества с властями. Значительное число чувствовало или по крайней мере надеялось, что подобное возможно и при советском режиме. Следует подчеркнуть, что эти люди были решительными антикоммунистами; большинство из них

боролось с коммунизмом, когда он представлял собой весомую силу в Галиции двадцатых годов. Но коммунисты того времени, делавшие ставку на украинский национализм и не имевшие еще законченной тоталитарной доктрины, представляли собой совершенно иного противника, чем та коммунистическая партия, которая правила Советским государством в 1939 году.

22 сентября, когда советские войска подходили ко Львову, восьмидесятилетний Константин Левицкий, когда-то руководитель западно-украинской республики, начал формирование украинского непартийного комитета для ведения дел с оккупантами. С помощью доктора Степана Барана, видного лидера УНДО, из описаний событий которого можно узнать подробности этого эпизода украинской истории, удалось собрать приблизительно двадцать местных лидеров. Группа выбрала делегацию из семи человек для установления контактов с Красной армией. За два дня до этого они смогли получить аудиенцию у генерала Иванова, советского командующего, который вежливо принял их, но препроводил к некоему Мищенко, «директору по гражданским делам Западного фронта»⁵³. Тот произнес несколько добрых слов на хорошем украинском; он обещал, что не будет никаких преследований, и все имевшее место до советской оккупации будет предано забвению. Эмиссары, особенно интересовавшиеся гарантиями безопасности культурного общества «Просвита» и грекокатолической церкви, были направлены Мищенко к специальным лицам, в ведении которых находились эти вопросы.

Пожилой Левицкий вернулся домой с ощущением, что миссия по налаживанию связей с новым оккупантом удалась. Но его более осторожный помощник, доктор Баран, в качестве директора самой крупной украинской газеты «Дило» направился к издателю газеты «Новый час» Зенону Пеленскому, чтобы обсудить с ним и А.Т. Чеканюком, главой нового учреждения по делам печати, вопросы, связанные с продолжением украинской журналистской деятельности⁵⁴. И тут стало ясно, что на самом деле означает советское вторжение. Чеканюк уже был включен в редакцию «Дила» и, очевидно, хорошо ознакомился с позицией

и прошлым своих просителей. Он сообщил им о приехавшем коллективе из двадцати советских журналистов, которые начали подготовку к выходу преемницы «Дила» — коммунистической «Вильна Украина», и недвусмысленно дал понять своим «гостям», что их талантам может быть найдено применение, если направить их в правильное русло, руководство же прессой остается полностью в руках коммунистов⁵⁵.

В течение недели несколько ведущих фигур местной украинской общины, включая Константина Левицкого и секретаря представительского комитета Ивана Нымчука, были арестованы. Какое-то время, однако, членов делегации, посетившей советский штаб, не трогали, и несколько человек сумели убежать на оккупированную немцами территорию⁵⁶. Лидеры УНДО также были арестованы; доктор Дмытро Левицкий, глава партии и украинской делегации в Польском сейме, — 28 сентября, в это же время арестовали и его наиболее видных коллег. Арестованных лидеров направили в Москву, — как считают, в печально известную тюрьму на Лубянке, — и ни о ком из них, за редким исключением, с тех пор никто не слышал⁵⁷. Коммунисты, избавившись от основных националистических политических деятелей, приступили к созданию собственной политической организации в Галиции и на Волини. Даже официальная советская версия гласит, что сформировать «народное одобрение» по поводу присоединения оккупированных земель к Советскому Союзу удалось в минимальные сроки. «Украинский национальный конгресс» (так автор именуется то, что по-украински называлось «Народни Зборі Західной України». — *Примеч. пер.*), «избранный» сразу после советского вторжения, собрался 26 октября; 1 ноября председатель пленарного комитета М.И. Панчишин направил просьбу о вхождении в Украинскую Советскую Республику; 15 ноября Верховная рада (Верховный совет) одобрила просьбу, и таким образом восток и запад Украины «соединились»⁵⁸.

Несмотря на полную замену независимой печати и политических организаций коммунистическими учреждениями, в первые месяцы были предприняты значитель-

ные усилия, направленные на привлечение народной поддержки новому режиму. Возможно, одной из причин этой попытки было желание повлиять на умы украинцев за пределами увеличившейся Советской Украины, особенно в генерал-губернаторстве. В протоколе к соглашению о германо-советской границе и договору о дружбе от 28 сентября 1939 года, который определил границу между частями Польши, аннексированными двумя тоталитарными державами, предусматривалось, что правительство СССР не будет ставить никаких препятствий миграции этнических немцев из Восточной Польши в Германию. Это обеспечило нацистам право «возвратить домой» десятки тысяч германоговорящих жителей Волыни. В ответ Германия подтверждала равное право белорусов и украинцев выезжать в Советский Союз⁵⁹. В соответствии с дальнейшими условиями протокола, советской комиссии по «репатриации» позволялось посещать в начале 1940 года область, где жили лемки⁶⁰; однако к концу июня ей удалось побудить только три с половиной тысячи украинцев пересечь границу в сторону Советского Союза⁶¹.

Кампания по приобретению друзей в Галиции и на Волыни имела отчасти отрицательные последствия (очевидно, с точки зрения националистов. — *Примеч. пер.*); избегалось применять меры, которые могли бы разжечь антисоветские настроения. Деятельность церкви не была полностью подавлена. Хотя церковь и подвергалась резкой критике⁶², ее недвижимое имущество было передано государству, а религиозные ордена распущены⁶³. Советские власти ослабили влияние духовенства на молодежь, ликвидировав систему католических школ и заставляя детей вступать в коммунистические организации⁶⁴. Однако митрополит Шептицкий был уважаемой фигурой⁶⁵. Интеллигенции, не занимавшей видных мест в политике, предоставлялось заниматься своими делами, хотя представителям некоторых профессий, например юристам, пришлось сменить род деятельности⁶⁶. Положительной стороной было то, что украинский язык получил гораздо большее распространение, чем при поляках. В частности, Львовский университет был формально украинизирован

и по языку преподавания, и по штату сотрудников, хотя к сопротивлению оставшихся польских профессоров против чтения лекций на украинском языке власти относились снисходительно⁶⁷. Студенты вузов Восточной Украины ездили на экскурсии в Западную Украину, а львовские студенты с поощрения коммунистов — в Киев⁶⁸. Другие элементы галицкого населения — преподаватели, врачи, артисты — ездили в Киев, чтобы участвовать в украинских культурных мероприятиях⁶⁹.

Однако спустя сравнительно короткое время советская администрация, кажется, убедится, что такое «либеральное» отношение к украинским национальным чаяниям непродуктивно. Примерно с середины 1940 года украинские оккупационные войска, которые, очевидно, были в слишком дружественных отношениях с местным населением, были заменены частями, укомплектованными солдатами, призванными на службу в Средней Азии⁷⁰, приграничная с генерал-губернаторством полоса в несколько миль была очищена от населения, и пересечение границы стало почти невозможным⁷¹. Было положено начало коллективизации сельского хозяйства⁷². Возможно, не менее важным, чем эти целенаправленные действия, было направление десятков тысяч советских государственных, партийных и армейских работников на запад Украины, и местное население было серьезно раздражено непомерной численностью чужеродных элементов⁷³.

Хотя и невозможно знать, какими мотивами руководствовалась советская власть, переходя к более жесткой политике, можно предположить, что сыграло свою роль негативное отношение населения к эпохе «терпимости». Власти, вероятно, скоро обнаружили, что студенческие обмены имели эффект, противоположный задуманному, поскольку западноукраинские студенты были неприятно удивлены бедностью на востоке Украины и господством во многих номинально украинских местах русского языка и культуры⁷⁴. С другой стороны, у восточноукраинских студентов, приезжавших во Львов, появлялась первая возможность заразиться вирусом «буржуазного национализма»⁷⁵. Помимо нежелательных идеологических последствий, прежняя политика не предотвратила

подпольной деятельности молодых националистов в Галиции.

Большинство членов ОУН, конечно, не могли покинуть оккупированные советскими войсками земли. Невозможно получить достоверные свидетельства того, насколько активно оставшиеся националисты продолжали свою деятельность, но они наверняка воздерживались от открытой оппозиции режиму. Тем не менее в конце 1940 года НКВД удалось выследить значительное число националистов, которые были приговорены к смерти или тюремному заключению после судебного процесса во Львове, известного по документам ОУН как «суд над пятьюдесятью девятью». Среди приговоренных был Крымницкий, руководитель движения ОУН на оккупированных советскими войсками территориях⁷⁶. По всей вероятности, он и его товарищи стояли на стороне Бандеры в его споре с Мельником. Конечно, оставшиеся члены организации, которые, несмотря на серьезные потери в их рядах, были способны и далее существовать как организованное подполье, стали приверженцами нового лидера. Новый руководитель подполья, Иван Климов, являлся одним из наиболее фанатичных сторонников Бандеры, какими могло похвастаться это фанатичное движение молодого поколения⁷⁷. Несмотря на то что многие в Галиции поддерживали полковника Мельника, сомнительно, чтобы они проявляли достаточную активность — или проворность — для формирования даже подобия подполья, хотя, очевидно, агенты sporadически контактировали со штабом в генерал-губернаторстве.

Ситуация на Волыни была менее благоприятной для националистической деятельности, чем в Галиции, так как никогда тот же процент молодежи не был завербован там ОУН, как в Галиции. В большей части этой области, если не во всей, ни у Мельника, ни у Бандеры не было своих организаций, хотя представители, вероятно, были⁷⁸. УНР, с другой стороны, как будет сказано дальше, была способна установить непрочные связи с группой, сформированной националистической молодежью в отдаленных городках Костополе и Людвиполе — области близ прежней границы между польской и советской Волынью.

Ситуация в Буковине до июня 1940 года во многих отношениях была сходной с той, что существовала в Галиции перед сентябрем 1939 года. Украинское население (приблизительно четверть миллиона) было подвергнуто со стороны румынского правительства политике денационализации, которая серьезно ограничивала преподавание на украинском, а также использование этого языка в прессе и культурной деятельности. Как и в Галиции, легальная печать и партия существовали, но последняя работала в рамках возможностей, предоставленных румынскими властями. Имелось и довольно большое отделение ОУН, работавшее в подполье. Большое число украинцев проживало и в Южной Бессарабии. Эта часть украинской этнической группы, однако, была настолько отсталой в культурном отношении и настолько отрезана географически от районов, где национализм был силен, что, похоже, не играла никакой роли в националистических движениях военного времени.

В июне 1940 года, когда Германия завершала Французскую кампанию, Советский Союз начал настойчиво выдвигать требования территориальных уступок со стороны Румынии. Давно считалось, что Москва при первой благоприятной возможности заберет назад Бессарабию, аннексию которой Румынией она никогда не признавала. Претензии на Буковину, однако, вызвали, очевидно, шок у германских участников переговоров, предметом которых было урегулирование требований русских. Германская сторона напомнила, что Буковина никогда не была частью Российской империи и что там находилась большая немецкая колония. Молотов привел контраргумент: Буковина является «недостающей частью» Украины; он согласился ограничить свои требования северной, преобладающе украинской частью, и предложил разрешить репатриацию этнического немецкого меньшинства⁷⁹.

Германия не была готова к разрыву с СССР, поэтому Румынии пришлось уступить. 28 июня ее силы покинули Черновцы (Чернівці), главный город Буковины, и он был занят Красной армией. Последующие события развивались подобно тому, как это было за девять месяцев до этого во Львове, но в более быстром темпе. Ведущая газета «Час» была советизирована, и появился новый, коммуни-

стический, орган — «Нова Рада», правда, был снят запрет со многих украинских книг, наложенный румынскими властями⁸⁰. Украинский «Народный дом» и другие национальные культурные общества были закрыты. В то же время советская печать развернула кампанию разоблачения репрессивных мер, направленных румынами на подавление украинской культурной жизни. Советские авторы выражали возмущение по поводу трудностей, которые пережила украинская интеллигенция в Черновцах, хотя петлюровские элементы вызывали у них негодование⁸¹. Многим видным украинцам не позволили вкусить новой «интеллектуальной свободы», они были арестованы или расстреляны как националистические «контрреволюционеры». Известно, однако, что германский консул и комиссия по репатриации этнических немцев сумели вывезти многих украинских политических лидеров и священнослужителей православной церкви⁸². Во всяком случае, много тысяч беженцев, главным образом молодые люди, подались в Германию, дав новый стимул той части ОУН, которая оставалась под руководством Мельника⁸³.

Подчинение Западной Украины советской власти принесло смерть или тюремное заключение значительному числу видных украинцев; население было подавлено страхом, его свобода была серьезно ограничена. Эти факторы не могли не иметь большого значения, ибо создали ситуацию, при которой украинцы этих областей, по крайней мере первоначально, приветствовали бы любую силу, которая противопоставила бы себя Советскому Союзу, не вдаваясь в природу такой силы. Советская оккупация длилась, однако, относительно короткий период времени, да и политика, предписанная Москвой, была умеренной в первые месяцы, чтобы не вызывать отчуждения со стороны местных жителей. Следовательно, жесткость коммунистического правления не была в состоянии уничтожить материальную или психологическую основу для будущего возрождения националистической силы. Ожесточенная фракционная борьба, развернувшаяся в течение того же самого периода в областях, подчиненных Германии, была важнее, поскольку означала, что в решающий момент истории украинские националисты не были едины.

Примечания

¹ Письмо из внешнеполитического отдела НСДАП (Aussenpolitisches Amt der NSDAP) в адрес заместителя главы СС Гейдриха от 18 сентября 1940 года, где об ОУН говорится как «не больше чем» о «национальном галицком отростке поваленного дерева великоросского социал-революционного движения».

² *Adrien Boudou. Le Saint-Siege et la Russie: Leurs Relations Diplomatiques au XIXe Siecle, Vol. II* (Paris: Editions Spes, 1925). P. 440. См. также: *Hugh Seton-Watson. Eastern Europe between the Wars, 1918—1941* (Cambridge: Cambridge University Press, 1940). P. 335; *Raymond L. Buell. Poland: A Key to Europe* (3rd ed.; New York: Alfred A. Knopf, 1939). P. 279n; *Volodymyr Kubiiovych. Die ukrainische Volksgruppe, Das Generalgouvernement, I* (December, 1940). P. 14—19.

³ На это указывает не только приказ Гитлера вести осторожно дела с украинцами в генерал-губернаторстве, чтобы избежать трудностей в отношениях с Россией (Memorandum for the files concerning the session of the RVA [Reichsverteidigungsausschuss], Warsaw, March 2, 1940, ЕС 300; далее ЕС 300), но также и тот факт, что даже намного позже он просил Бормана проследить, чтобы работа Лайббрандта «СССР» (которая была явно проукраинской) не ходила даже среди членов нацистской партии, так как могла бы попасть в плохие руки с неприятными последствиями для германо-русских отношений (Борман Розенбергу, 25 ноября 1940 г., СХLIII 258, Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее СХLIII 258).

⁴ Точная фраза, использованная гаулейтером Франком, выражающая его политику в отношении разных национальностей в генерал-губернаторстве (из дневника Франка, Abteilungsleitersitzung, Краков, 12 апреля 1940 г., с. 6, USSR Exhibit /документы, представленные на Нюрнбергском процессе советским обвинением. — *Примеч. пер.*/ 223; далее USSR Exhibit 223).

⁵ См. меморандум, содержащий общую политику, намеченную Гиммлером и одобренную Гитлером, относительно народов на Востоке (май 1940 года, NO 1880). Фактически Гиммлер хотел отколоть лемков от основной массы украинцев; однако нет никаких свидетельств, что в этом направлении были предприняты какие-либо существенные усилия.

⁶ ЕС 300.

⁷ USSR Exhibit 223.

⁸ Это утверждение основано на интервью с указанными немецкими официальными лицами и с украинцами, которые были бенефициарами умеренной политики немцев по отношению к украинской общине. Интервью 8, 11, 36, 46.

⁹ *Краківські вісті. 1942. 29 марта. С. 3.*

¹⁰ Я не могу представить доказательства, что конфликт в ОУН обусловил какие-либо трудности при создании организаций в районах.

¹¹ *Краківські вісті. 1942. 29 марта. С. 3.*

¹² Ibid.; Interview 9.

¹³ Енциклопедія українознавства, изд. Володымыр Кубийович и Зенон Кузеля (Мюнхен: Наукове товариство им. Шевченка, 1949). С. 580—582.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Interview 9.

¹⁶ Краківські вісті. 1942. 2 января. С. 3.

¹⁷ Это относится, конечно, к расширенному генерал-губернаторству, включающему Восточную Галицию. Однако это показательно для расширения масштабов украинской образовательной системы, которая во всех отношениях была более выразительной, чем в областях к западу от Сана и Буга. Более детально о культурных и организационных процессах см.: *Roman Il'nyts'kyi. Deutschland und die Ukraine, 1934—1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik, ein Vorbericht*, Vol. I (Munich: Osteuropa Institut, 1955). S. 253—258.

¹⁸ *П. Ісаїв*, статья об украинских школах в генерал-губернаторстве во время Второй мировой войны, Енциклопедія українознавства. С. 952; *Buell. Poland*. P. 279. Остальные школы были «смешанными», отданными, по словам Бьюэлла, польским учителям.

¹⁹ *Юрій Таркович*. Забути землі // Краківські вісті. 1942. 10 мая. С. 1.

²⁰ Отчет о работе начальника Ordnungspolizei, 11 ноября 1940 г., Осс Е-2(11), в Yiddish Scientific Institute (далее Осс Е-2 [11]). Это германское официальное лицо докладывало, что вследствие «отсутствия должной подготовки» украинская вспомогательная полиция проявляла предвзятое и даже враждебное отношение к полякам; он привел пример, когда пришлось арестовать двух украинских офицеров за то, что они не стали препятствовать нападению вооруженных украинцев на поляков. Эти его замечания относятся к районам со смешанным населением (особенно к Хелму и области) до того, как возникли широкомасштабные акции насилия, как это описывается в главе 6.

²¹ Интервью 24, 75.

²² Интервью 67.

²³ Текст в «Наступе», 13 декабря 1941 г. Эта статья была, конечно, опубликована спустя долгое время после раскола, чтобы дискредитировать сторонников Бандеры. Обсуждение начальной фазы раскола основано прежде всего на интервью (24 и 67) с украинскими лидерами, хорошо знакомыми с представителями обеих сторон противостояния на этой стадии.

²⁴ *Степан Бандера*. В десятую ріхницю створення Револуціонного Проводу ОУН. Сурма (февраль—март 1950). С. 6.

²⁵ В отличие от проекта легиона по версии УНР, о чем говорилось в предыдущей главе, план ОУН предлагал создание вооруженного формирования, полностью независимого от польских вооруженных формирований в эмиграции.

²⁶ Интервью 52.

²⁷ Об обвинениях в адрес Барановского см. *ОУН у війні*. Информационный отдел ОУН(УНР). 1946. Апрель. С. 37; интервью 75.

²⁸ Предыдущая дискуссия о причинах раскола строилась прежде всего на интервью (особенно 24, 52, 67, 75-м) с некоторыми из главных действующих лиц и их главными приверженцами. Опубликованные источники, содержащие противоречивые сведения, включают в себя статьи Бандеры в «Сурме» и «ОУН у війни». С. 34—35; в них представлены противоположные точки зрения. Несколько более беспристрастен (хотя склоняется ближе к позиции Мельника) Василь Рудко (Р. Лисовий). Розлам в ОУН // Українськи висти. 1949. 23 мая. С. 3; и 1949. 27 октября. С. 3. Рудко не придает слишком большого значения внешним причинам раскола и справедливо подчеркивает, что главным источником конфликта являлась разница в темпераментах и опыте прошлого между представителями двух поколений. Ильницький настаивает, что истинной причиной раскола было желание более молодой группы перестать равняться на Германию и искать поддержки западных союзников (с. 266). Ильницький публикует заявление под названием «Требования Степана Бандеры к Андрею Мельнику, 1940 год» (с. 363—367) с последующем «отчетом» Бандеры об ответе Мельника. Ввиду отсутствия точной даты я подозреваю, что все это основано скорее на субъективных воспоминаниях Бандеры, чем на документах того времени. Ильницький признает (с. 271), что не существует современных опубликованных материалов в поддержку его позиции, и это представляется мне (как и многое в позиции Ильницького) в высшей степени предвзятым.

²⁹ Бандера в «Сурме». С. 4.

³⁰ Український вісник. 1941. 19 октября. С. 2; *Богдан Михайлюк*. Бунт Бандери, 1950. С. 52 и следующие.

³¹ ОУН у війні. С. 37.

³² Интервью 9.

³³ ОУН у війні. С. 33; *Зиновій Матла*. Південна похідна група Munich: Tsitsero, 1952. С. 52.

³⁴ Наступ. 1940. 16 ноября; Українська дійсність. 1940. 1 декабря. С. 1.

³⁵ Український вісник. 1941. 10 сентября. С. 2; и 1943. 10 января. С. 3.

³⁶ См. OCC E-4 (5).

³⁷ *Memorandum from Omel'chenko and Kubiiiovych, Aussenpolitisches Amt der NSDAP, Reichsleitung, June 10, 1941.*

³⁸ Український вісник. 1943. 10 января. С. 8.

³⁹ То есть в Позене (Познани) и Западной Пруссии; в генерал-губернаторстве УНО не существовало.

⁴⁰ Это проявилось несколько позже, когда сторонники Бандеры смогли организовать многочисленные петиции от украинцев, работающих в Германии, с просьбой освободить Бандеру из заключения, см. OCC E-4 (9), in Yiddish Scientific Institute (далее как OCC E-4 [9]), и с осуждением «подрывной деятельности» среди украинских рабочих в Германии в издании «Український вісник», 30 марта 1941 г., с. 1.

⁴¹ Бандера в «Сурме». С. 2. Существенно, что те же аргументы приводятся в подпольной публикации апреля 1942 года (Бюллетень. № 4. С. 5—7).

⁴² Наступ. 1940. 19 октября. С. 3.

⁴³ Другие влиятельные элементы поддерживали Мельника или, по крайней мере, осуждали тактику бандеровцев. В добавление к меморандуму Омельченко и Кубийовича, представленного немцам, последний поддерживал Мельника более косвенно — например, в статье, осуждающей политическую опрометчивость и склонность к насилию со стороны молодежи (*Український вісник*. 1941. 30 марта. С. 1). Позже (Там же. 1941. 10 апреля) несколько профессоров призывали украинскую молодежь высших учебных заведений на территории Большой Германии поставить национальное единство выше партийных интересов.

⁴⁴ Например, 14 декабря 1940 года «Наступ» посвятил Мельнику всю первую полосу по случаю его дня рождения; 23 декабря ему снова была посвящена вся первая полоса.

⁴⁵ Наступ. 1940. 5 октября. С. 1.

⁴⁶ Там же. 1940. 12 октября. С. 1.

⁴⁷ Там же. 1941. 24 мая. С. 4.

⁴⁸ Интервью 67.

⁴⁹ Согласно письму, которое Ярый написал мне (датировано Пасхой 1953 года).

⁵⁰ *Український вісник*. 1940. 10 сентября. С. 2.

⁵¹ *Микола Лебедь*. УПА: Українська Повстанська Армія (Пресове бюро УГВР — Українська головна визвольна рада, 1946). С. 14; *Петро Мірчук*. Акт відновлення української державности. 30 червня 1941 року (Нью-Йорк, Головна управа організації оборони чотирьох свобод України, 1952). С. 17.

⁵² *Борис Левицький*. Историчне значення розламу в ОУН // Вперед, № 2(11) 1950. С. 5—6. Дискуссія по поводу тенденцій и лиц в недавно сформированной ОУН-Б основана прежде всего на интервью (24, 31, 75, 76) с несколькими из его наиболее активных членов. Соратники Лебеда, однако, отрицают, что он играл главную роль в СБ. Но см. Ярослав Стецко, 30 червня 1941: Проголошення відновлення державности України (Toronto: League for the Liberation of Ukraine, 1967); там Лебедь внесен в число создателей (с. 184) СБ.

⁵³ В то время в Коммунистической партии Украины было по крайней мере три высокопоставленных должностных лица с такой фамилией. Наиболее ценная работа о советском правлении в Западной Украине в 1939—1941 годах — весьма обширное собрание свидетельств очевидцев, собранное во время немецкой оккупации Миленой Рудницкой: *Мілена Рудницька*. Західна Україна під більшевиками (Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка в Америці, 1958).

⁵⁴ Чеканюк, специалист по политической журналистике, был редактором главной киевской газеты «Комуніст», в 1940 году он стал кандидатом в члены Центрального комитета Коммунистической партии Украины.

⁵⁵ Информация, изложенная в предшествующих абзацах, основана главным образом на статье Степана Барана «Зустріч з більшевиками» в «Краківські вісті», 12 апреля 1942 г. и 14 апреля 1942 г., подтверждена во всех существенных аспектах в интервью 41, 78.

⁵⁶ Баран. Зустріч // Краківські вісті. 1942. 12 апреля. С. 2.

⁵⁷ Краківські вісті. 1942. 22 марта. Похоже, отдельные участники борьбы за независимость Украины одновременно были арестованы или казнены (Краківські вісті. 1941. 3 августа. С.2).

⁵⁸ С.М. Белоусов и О.П. Оглоблин. Західна Україна (Київ: Академія Наук УРСР, Інститут історії України, 1940). С. 108 и далее. Панчишин был, очевидно, выбран советскими властями скорее потому, что он был уважаемым львовским врачом, а не из-за того, что являлся сторонником коммунистов. См.: К. Паньківський. Від держави до комітету (Нью-Йорк: Життя и мислі, 1957). С. 23.

⁵⁹ Germany, Auswärtiges Amt, Nazi-Soviet Relations, 1939—1941, Documents from the Archives of the German Foreign Office, eds/ Raymond James Sontag and Lames Stuart Beddie (Washington: Department of State, 1948). P. 104—105.

⁶⁰ Krakauer Zeitung, 1940. 18—19 февраля. С. 6, сообщает о выезде одной тысячи украинцев из этого региона после посещения его советскими специальными представителями.

⁶¹ Наступ. 1940. 29 июня. С. 2—3. В статье, весьма враждебной к советскому режиму, ввиду демонстративно сердечных отношений СССР с Германией в то время утверждалось, что «усиленная пропаганда» со стороны советских представителей, которой помогала «пророссийская интеллигенция», но которой противостояли «здоровые украинские элементы», закончилась скудной миграцией, указанной выше. Либо это один из не столь уж редких примеров возможностей Праги публиковать материалы, не соответствующие курсу германской политики, либо кто-то во власти дал сигнал к развертыванию антисоветской кампании уже на столь раннем этапе. В последнем случае это могло быть тонко спланированным ответным ударом в подспудном конфликте по поводу советских претензий на Буковину. С другой стороны, еще в марте Krakauer Zeitung напечатала сообщение одного немца о посещении деревень в районе проживания лемков. Он хвалил молодых украинцев, отмечая, что на них была одежда национальных синих и желтых цветов и что его приветствовали возгласами «Хайль Гитлер» и «Слава Украине» (Kra-kauer Zeitung. 1940. 7 марта. С. 5).

⁶² См.: Ф. Ястребов. Уніатське духовенство на службі у польского панства // Комуніст. 1939. 9 октября. С. 2.

⁶³ Die Tragödie der ukrainisch-katholischen Kirche Ukraine in Vergangenheit und Gegenwart. 1952. Январь. С. 14.

⁶⁴ Краківські вісті. 1942. 18 марта. С. 4; Степан Баран. Митрополит Андрей Шептицький. Мюнхен: Вернигора Українське видавниче товариство, 1947. С. 112.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Интервью 36.

⁶⁷ Официальную советскую версию см.: М. Марченко (новый ректор Львовского университета). Львівський університет на нових шляхах // Комуніст. 1939. 16 декабря. С. 2. Но польские коммунисты (включая Владислава Гомулку) продолжали активную пропаганду во Львове. Павло Калениченко. Польска прогресивна еміграція в СРСР

в роки Другой Світової війни. Київ: «Видавництво Академії Наук Української РСР. 1957. С. 28.

⁶⁸ Інтерв'ю 51; Краківські вісті, 1943. 17 сентября, о поездке приблизительно сорока студентов львовского ветеринарного училища в Киев весной 1940 года.

⁶⁹ *Артур В. Юст*. Krakauer Zeitung. 1941. 12 августа. С. 5.

⁷⁰ *Михайло Когут*. Як жило галицьке село під большевиками // Краківські вісті. 1942. 1 марта. С. 6; сообщение об интервью с доктором Х.Й. Байером (германское должностное лицо, работавшее в Галиции), Український вісник. 1941. 16 июля. С. 3.

⁷¹ Наступ. 1940. 29 июня. С. 3; Краківські вісті. 1940. 10 ноября. С. 3, основано на статье в Frankfurter Zeitung.

⁷² *Когут*. Краківські вісті. 1942. 1 марта. С. 6; Краківські вісті. 1941. 25 ноября. С. 2; 1942. 17 мая. С. 4. См., в частности: *Рудницька*. Західна Україна під большевиками. С. 333 и далее.

⁷³ Краківські вісті, 1942. 13 января. С. 4, отмечают, что из-за притока польских беженцев после начала войны и с прибытием советских должностных лиц население Львова при советской оккупации увеличилось с 318 тысяч до 450 тысяч. 14 августа 1941 года газета напечатала письмо из Львова, в котором утверждалось, что число советских официальных лиц вместе с их семьями достигло ста тысяч. Юст в Krakauer Zeitung. 1941. 12 августа. С. 5, делает вывод на основании количества голосов, поданных на выборах в советы в Станиславе летом 1940 года, что население этого города выросло, должно быть, более чем на 40 тысяч человек, тысяча из которых, утверждает он, были офицерами НКВД. *Рудницька* (Західна Україна під большевиками), с. 94, оценивает приток населения в 200 тысяч. Более подробно John A. Armstrong. The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus (New York: Frederick A. Praeger, 1959), Chapter 8.

⁷⁴ Краківські вісті. 1943. 17 сентября. С. 3.

⁷⁵ Інтерв'ю 51.

⁷⁶ См., например: *Михайлюк*. Бунт Бандери. С. 4. Ср.: Український вісник. 1941. 17 августа. С. 4, перепечатка статьи из «Українські щоденні вісті» (Львов).

⁷⁷ Інтерв'ю 43.

⁷⁸ Мельниковцы с тех пор утверждали, что их организаторы, которые значительное время находились на Волыни, были убиты бандеровцами незадолго до начала германо-советской войны или как только она началась; см.: *Михайлюк*. Бунт Бандери. С. 88; *О. Штуль*. В ім'я правди. До історії повстаного руху в Україні. Rotterdam, 1947. С. 10.

⁷⁹ Посол в Москве фон дер Шуленбург в министерство иностранных дел, 26 июня 1940 г., *Nazi-Soviet Relations*. С. 159.

⁸⁰ Наступ. 1940. 3 августа. С. 3.

⁸¹ *Бесарабія і північна частина Буковини* // Комуніст. 1940. 30 июня. С. 2; *С. Журакович* и *Э. Патнер*. Місто під Прутом // Комуніст. 1940. 5 июля. С. 3.

⁸² Краківські вісті. 1941. 7 сентября. С. 3.

⁸³ См. главу 4.

Глава 4

ВТОРЖЕНИЕ НА УКРАИНУ

Задолго до того как Запад разгадал намерения Гитлера, тот начал приготовления к кампании против Советского Союза. Уже в 1940 году немцы тайно сформировали учебные военные части из украинцев. Вербовка осуществлялась под прикрытием официальных утверждений, будто эти части созданы только для фольксдойче, их назначение было замаскировано названием Reichsarbeitsdienst (Служба рейха по набору рабочей силы), и эта служба являлась главной в своем роде на территории генерал-губернаторства. Через несколько лет осведомитель-украинец сообщил — его сообщение было передано по разведывательным каналам без исправлений в разведуправление высокого уровня — иностранные части «Восток», — что «пятнадцать тысяч украинцев служили в германской армии в 1941 году разведчиками, парашютистами, диверсантами и переводчиками». Многих также готовили для службы в полиции¹. Сначала с украинской стороны за подготовку этой армии отвечал полковник Сушко, и обучающиеся находились под влиянием группы Мельника. Но после полного раскола бандеровские элементы стали главенствовать во многих учебных частях, которые состояли преимущественно из молодых людей, годных для полной строевой службы².

* «По подсчетам историка О. Субтельного, почти 220 тысяч украинцев пошли на сотрудничество с оккупантами, служили в немецкой армии либо в полиции». Історія України. Львов, видавництво «Світ», 1998. С. 306. Эта же цифра приводится в сноске 52 к главе 7 книги.

По этой причине или потому, что они были недовольны попытками ОУН-М (группы Мельника) в чем-то следовать независимым от них курсом, немцы все более и более поворачивались лицом к раскольнической фракции. Это особенно проявилось в начале весны 1941 года, когда вермахт начал менее скрытое развертывание украинских частей. Первая такая часть была известна под кодовым названием *Nachtigall* и была организована в генерал-губернаторстве. Номинально только рядовой персонал состоял из украинцев, в то время как все офицеры были немцами. Фактически, и немцы об этом знали, там был полный штат «неофициальных» офицеров-украинцев во главе с лидером «военного крыла» ОУН-Б Романом Шухевичем. Поначалу в «Нахтигале» состояло полторы сотни человек, но к началу войны она разрослась до батальона³.

Второе формирование, большее по численности, но менее значимое политически, было создано в Австрии. Там украинцам было формально предоставлено больше командных полномочий, чем в «Нахтигале». Де-факто командиром являлся полковник Ярый, диссидентский элемент старого Провода, который находился в самых тесных личных отношениях с офицерами абвера, занимавшимися этим формированием, и сразу снискал уважение молодых подчиненных. Иван Гаврусевич, один из бандеровских лидеров, отвечал за вербовку, которая осуществлялась среди обширной украинской колонии в Австрии. До 1940 года главной украинской организацией на австрийской территории была контролируемая ОУН студенческая «Сечь» в Вене. Эта организация продолжала оставаться лояльной к Мельнику, но большинство украинских рабочих склонялись к поддержке нового движения. Именно среди них в основном Гаврусевич набирал новых рекрутов, хотя приблизительно четверть была набрана из числа студентов, главным образом в военно-медицинской школе в Граце. Были приняты меры, чтобы это формирование, которое организаторы называли дружинами украинских националистов, удерживать в руках бандеровской группы, хотя оно лишь наполовину фактически относилось к новой партии. В отличие от «Нахтигала», который был одет в серую полевую форму вермахта, в

«Роланде», как называли воинскую часть, составленную из «дружинников», носили форму, подобную форме галицкой части украинской армии революционного периода⁴.

Как явствует из приведенного описания, эти части вермахта были подготовлены, можно сказать, на временной основе при активной помощи нескольких ведущих лидеров ОУН-Б, но без использования организационной структуры этой группы. Однако Бандера и его главные подручные были в курсе происходящего и относились к этому с одобрением, так как видели в создании данного подразделения средство для укрепления позиций своего движения⁵. Кроме того, очевидно, весной 1941 года было достигнуто взаимопонимание между руководством ОУН-Б и некоторыми офицерами вермахта, в частности относительно использования украинцев в приближающейся войне. Это соглашение было неофициальным и крайне неопределенным. На основании беглых упоминаний в германских документах того времени и воспоминаниях украинских и германских офицеров, участвовавших в этих договоренностях, можно сделать вывод, что они предусматривали: немцы позволят бандеровцам заниматься политической деятельностью в областях, которые будут оккупированы, в то время как рейх будет по собственному усмотрению организовывать экономику на занятых территориях в соответствии с потребностями военной промышленности⁶.

Помимо трудностей с определением экономических и политических сфер, это рудиментарное соглашение было искажено несколькими ошибками. Бандеровцы, невежественные по части юридических формулировок и вообще неопытные в составлении формулировок любого вида, считали, что им предоставлена свобода в политической области. Представители вермахта, очевидно, полагали, что Германия поддержит дело украинской независимости, но их нацистское руководство никогда и не помышляло о таком курсе. С другой стороны, армейские офицеры думали, что могут контролировать новую украинскую партию, пока продолжается междоусобица, и рассматривали политическую деятельность Бандеры как локальный, вспомогательный способ достичь победы.

Когда вспыхнула война, недолговечность этих договоренностей тут же проявила себя. Не успели сообщения о начале боевых действий достичь Кракова, как бандеровцы организовывали Украинский национальный комитет, который был призван служить, согласно их декларации, инструментом сплочения всех украинских национальных сил для освобождения родины. Пользовавшийся высоким уважением бывший офицер армии УНР генерал Всеволод Петров был определен в президенты, видным членам большинства украинских партий были гарантированы посты в комитете — наряду с представителями самого ОУН-Б, во главе с доктором Горбовым⁷. Такое неожиданное появление новой партии в качестве лидера консолидации украинских сил в генерал-губернаторстве объяснялось двумя факторами: ее непоколебимой решимостью, воплощенной в быстрых действиях, взять на себя командование и широко распространенным мнением, что немцы ее поддерживают. Реальные планы этой руководящей группы, однако, не раскрывались перед видными украинскими деятелями, которые доверяли ее руководству⁸.

Обеспечив видимость широкой поддержки в эмиграции, бандеровцы быстро перешли к своей цели «обустройства» территорий, занимаемых немецкими войсками. Тем временем, однако, пугающие события происходили в пределах советских границ. В первые часы после начала войны в ряде мест разразились восстания подпольщиков, которые имели успех в борьбе против советских войск в некоторых весьма отдаленных районах, где плохо проходимость местность давала возможность легковооруженным повстанцам эффективно действовать против советских сил безопасности. Такие восстания имели место в районе Самбора в пределах двух суток после начала войны и далее на восток — в районах городов Подгайцы и Монастыриска, там украинская милиция взяла на себя полицейские функции и распустила колхозы до прихода немцев⁹. В менее защищенных районах, однако, советские репрессии были ужасны. Части немецкой военной полиции, вошедшие во Львов, когда город был еще в пожарах, дали наиболее красочное и обстоятельное сообщение об обстановке. В подвалах главной политической тюрьмы НКВД трупы лежали в четыре-пять

слоев; многие из найденных трех с половиной тысяч жертв, должно быть, были убиты сразу после начала войны. В другой тюрьме было много убитых из сельской местности, и были они убиты, похоже, тупыми предметами, за несколько дней до взятия Львова. Хотя убийства носили сильную антисемитскую окраску, было признано, что незначительное меньшинство заключенных, убитых перед бегством НКВД, были евреями, и отмечено, что «совсем не ясно, обращало ли ГПУ внимание на национальность». Если быть точным, подавляющее большинство убитых составляли представители польской и украинской интеллигенции, включая членов их семей — женщин и детей. В германских сообщениях были резко раскритикованы украинские переводчики за их ненадежность; утверждалось, что они в своих действиях и высказываниях руководствовались эмоциями: настаивали, будто все жертвы — украинцы, оскорбляли попадавшихся им поляков и требовали, чтобы все евреи были немедленно убиты¹⁰.

Спецгруппы СС (SS Einsatzgruppen), с другой стороны, были заняты больше разжиганием этнических раздоров, чем восстановлением порядка в военных целях. Их сообщения подтверждают масштабы массовых расправ со стороны НКВД во Львове и их собственных зверских убийств евреев в небольших городках. В некоторых местах эсэсовцы получали большое удовлетворение оттого, что им удавалось подстрекать местных украинцев к расправам¹¹. В результате значительная часть большого еврейского населения Галиции, а также десятки тысяч советских должностных лиц и членов их семей потянулись на восток, чтобы избежать расправ со стороны немцев.

30 июня, при всеобщей дезорганизации, вызванной этими зверствами, первые группы бандеровцев добрались до Львова. Некоторые, подобно Ярославу Стецко, прибыли нелегально, хотя и при поддержке германских прифронтовых частей. Другие — в составе «Нахтигаля», которая была среди передовых сил вермахта. В документах, предоставленных Польшей в послевоенный период, цитируются показания свидетелей, утверждавших, что солдаты «Нахтигаля» участвовали в зверствах против евреев¹². Однако, поскольку многочисленные украинские переводчики при

германских войсках носили такую же форму, как военная полиция, упомянутая выше, они вполне могли быть реальными виновниками этих злодеяний.

Сторонники Бандеры из «Нахтигалья» и их подпольные сотоварищи по ОУН-Б подобно Стецко были нацелены на другое: извлечь выгоду из неопределенной ситуации в галицкой столице, чтобы обеспечить командные позиции для реализации программы ОУН-Б. За месяцы изоляции от мира вне пределов Советского Союза большинство граждан Львова и не слышали о внутреннем раздоре в ОУН. Кроме того, ужас последних дней советской оккупации заставил их смотреть на немцев как на ниспосланных провидением освободителей; тесная связь бандеровских лидеров с одетыми в серое солдатами вермахта весьма повышала их престиж в глазах соотечественников.

Какие заверения дали бандеровцы немцам за поддержку с их стороны, в какой мере они могли, по их мнению, полагаться на немцев, невозможно определить. Но как бы то ни было, группа ОУН-Б немедленно после появления во Львове назвала доктора Георгия Полянского, видного львовянина, городским головой и сумела организовать собрание «избранных» национальных представителей, причем все это было сделано в один вечер. Они надеялись заполучить для собрания Львовский государственный театр с большим и представительным залом, но оказалось, что его реквизировали для немецкой армии, и пришлось ограничиться маленьким помещением общества «Просвита»¹³. Стецко обратился к собравшимся с заявлением, что съезд эмигрантов в Кракове уже заложил фундамент украинского правительства. Затем провозгласил создание украинского государства. Стоит полностью привести этот текст, так как он дает превосходное представление об образе мышления группы Бандеры¹⁴.

АКТ

Провозглашения украинского государства

1. По воле украинского народа Организация украинских националистов под руководством СТЕПАНА БАНДЕРЫ объявляет о воссоздании украинского государства,

ради которого целое поколение лучших сыновей Украины проливало свою кровь.

Организация украинских националистов, которая под руководством ее создателя и вождя **ЕВГЕНА КОНОВАЛЬЦА** в течение прошедших десятилетий кровавого москальско-большевистского рабства продолжала упорную борьбу за свободу, призывает весь украинский народ не складывать оружия до тех пор, пока суверенное украинское государство не сформируется на всех украинских землях.

Суверенное украинское правительство гарантирует украинскому народу лад и порядок, разностороннее развитие всех его сил и удовлетворение его чаяний.

2. В западных землях Украины создается украинское правительство, которое будет подчинено украинской национальной администрации, которая будет создана в столице Украины — Киеве.

3. Украинская национально-революционная армия, которая создается на украинской земле, продолжит борьбу против московской оккупации за суверенное всеукраинское государство и новый, справедливый порядок во всем мире.

Да здравствует суверенное украинское государство!

Да здравствует Организация украинских националистов!

Да здравствует глава Организации украинских националистов **СТЕПАН БАНДЕРА!**

Город Львов, 30 июня 1941 года, 20.00.

Глава народного собрания
Ярослав Стецко

Встреча, на которой был принят акт — под таким названием вошел этот документ в украинскую полемику, — имела сравнительно малое значение из-за спешки в созыве и небольшого числа участников. Однако это собрание сразу нарекли «национальной ассамблеей». Куда важнее акта провозглашения был тот факт, что в неразберихе после ухода Красной армии и прихода немцев украинцам удалось

получить доступ на львовское радио¹⁵, и Стецко смог зачитать текст акта провозглашения. Кроме того, в течение дня Стецко и некоторым его сподвижникам, включая прежде всего преподобного Ивана Грыньоха, капеллана «Нахтигалья», удалось добиться аудиенции у прикованного к постели митрополита Шептицкого. Не вдаваясь в детали своих отношений с Мельником (позже утверждалось, что митрополит «должен был» знать о конфликте), они информировали его относительно планов провозглашения украинского государства и попросили поддержки¹⁶. Убежденный, очевидно, что группе покровительствуют немцы, и надеясь на скорое установление независимости Украины, митрополит составил пастырское письмо, призывающее народ поддержать новообъявленное правительство, отметив, что «жертвы ради достижения наших целей диктуют необходимость сознательного повиновения распоряжениям правительства, которые не противоречат законам Божиим». Кроме того, он заявил: «Мы приветствуем победоносную германскую армию как освободителя от врага. Мы выражаем наше смиренное почтение образованному правительству. Мы признаем г. Ярослава Стецко главой государственной администрации Украины»¹⁷.

Пастырское письмо зачитал по радио преподобный Грыньох в то же утро, очевидно, в присутствии епископа Слипого, что, похоже, сняло все сомнения насчет легитимности правительства Стецко, которые, возможно, присутствовали у большинства видных украинских деятелей во Львове.

Лидеры бандеровцев поспешили закрепить победу. Они чувствовали потребность найти человека более авторитетного, чем молодой энтузиаст Стецко, — как заместитель Бандеры, он уже объявил себя главой государства, — и уговорили стареющего Константина Левицкого, который лишь за несколько месяцев до начала войны был освобожден из тюрьмы, принять на себя пост председателя парламента или совета старейшин. В то же самое время группа Бандеры приготовилась сформировать «кабинет», в который вошли бы люди широкого спектра партий. Сам Стецко должен был стать «премьером», так как боялся, что человек не из их партии не сможет противостоять немецкому дав-

лению. Бандеровцы должны были занять ключевые посты. Заместителем военного министра хотели видеть Шухевича; министром безопасности стал бы Лебедь, а министром политической координации — Климов (Клымив)¹⁸.

Правительству Бандеры, однако, не суждено было прожить долгую жизнь, достаточную для того, чтобы осуществить эти планы. Провозглашение правительства в зале «Просвиты» вызвало сильное раздражение у офицеров вермахта, организовавших «Нахтигаль». Они-то знали, что это вызовет резкую реакцию правящей нацистской верхушки в Берлине, в то время как сами офицеры надеялись, что с помощью осторожной процедуры смогут обеспечить постепенное развитие дружественного автономного украинского режима, по крайней мере в Галиции, так, чтобы партийная верхушка не поняла, что там происходит. Некоторых из них встревожило, что широкая огласка акта может пробудить русский патриотизм, что нанесет удар по поддерживаемому немцами украинскому сепаратизму и таким образом усилит советское сопротивление¹⁹.

Бандеровская группировка, со своей стороны, понимала, что реакция немцев будет неблагоприятной, но считала, что линию на провозглашение необходимо продолжать, чтобы поставить немцев перед свершившимся фактом. 3 июля сообщения о провозглашении украинской независимости были разосланы разным государствам оси. Бандеровцы рассчитывали на то, что немцам трудно будет предпринять открытые меры против широко раздекларированного «украинского правительства», поскольку такая акция могла бы существенно снизить поддержку германской кампании нерусскими народами Советского Союза. Если бы такое давление было оказано — доказывали позже бандеровцы, — эти народы знали бы, чего ожидать от нацистского режима. На деле Бандера и его сторонники, по-видимому, правильно понимали позицию офицеров вермахта, с которыми они поддерживали отношения. Несмотря на свое недовольство по поводу провозглашения, последние сомневались, стоит ли принимать какие-то контрмеры. Они «подыскивали другой путь», по возможности, а тем временем мирно убеждали влиятельные львовские круги в неадекватности режима Стецко²⁰.

Бандеровская группировка была, однако, не в состоянии оценить всю глубину истинной природы высокой политики Германии. В свете того, что позже происходило на Украине, представляется вероятным, что Гитлер и его прислужники приказали решительно подавлять там любые формы самоуправления независимо от того, имел место этот акт или нет. Однако провозглашение немедленно вызвало реакцию, которой опасались в вермахте. Приблизительно через три дня после акта провозглашения во Львов прибыла одна из спецгрупп СС (SS Einsatzgruppe). Примечательно, что при ней было несколько украинцев в роли переводчиков или «политических репортеров», включая по крайней мере одного видного сторонника Мельника — Шухевича. После нескольких дней прощупывания почвы эта группа дождалась, когда Стецко и его друг Ребет приехали 9 июля в административное здание, и посадила их под «почетный арест»²¹.

Примерно в то же время были арестованы Бандера (которому никогда не разрешали покидать территорию генерал-губернаторства), Гаврусевич, представитель Бандеры в Берлине Владимир Стахов (Володымыр Стахив) и помощники Стецко — Старюк и Ильницкий²². Всех собрали в Берлине, они были допрошены в полиции и офицерами вермахта. Немцы, однако, были предусмотрительны, ибо понимали, что в тот момент для наступающих германских армий могут быть созданы значительные трудности, если в Галиции возникнут беспорядки из-за решительных мер против руководителей ОУН²³. В то же время они предупредили бандеровцев о возможных серьезных последствиях их действий, побуждали их лидеров отозвать акт и согласиться на статус в Восточной Галиции, сходный с таковым Украинского центрального комитета в Кракове. Бандера и его сторонники отказались; однако их не посадили в тюрьму. Напротив, номинально находясь под домашним арестом, они были вправе продолжать политическую деятельность в Берлине; Стецко даже смог съездить в Краков, где консультировался с Лебедем, которому он тайно передал командование всеми операциями на украинской территории²⁴.

Тем временем волна, поднятая провозглашением, все еще работала в Галиции на Бандеру. Несколько неоунов-

ских администраторов, которые были при Стецко и Ребете, когда их арестовывали, испытали тошнотворное чувство, видя, как к украинцам, которые до этого создавали о себе впечатление ответственных лидеров, действующих в согласии с немцами, на этот раз отнеслись как к капризным детишкам, вышедшим за границы дозволенного²⁵. Большинство населения, с другой стороны, не знало о действительной подоплеке отъезда лидеров бандеровской группировки. В городах Восточной Галиции люди, радуясь ниспровержению советского правления, предполагали, что независимость Украины действительно является свершившимся делом, и приветствовали новое «правительство», с восторгом заверяя его в верности²⁶.

С самого начала войны бандеровская группировка взялась за осуществление еще одного амбициозного плана. Совершенно недовольная перспективой учреждения правительства на прежних польских территориях, ОУН-Б решила распространить свое влияние и на Восточную Украину. Сторонники Бандеры понимали, что это будет чрезвычайно медленный процесс подчинения одного города за другим, а в случае оппозиции со стороны немцев такое развитие событий и вообще может быть быстро приостановлено. Исходя из этих соображений, в последние месяцы перед началом войны бандеровцы тайно организовывали группы из молодых людей (и женщин) с той целью, чтобы они действовали как пропагандисты и организаторы в восточных областях. В последние дни июня эти образования, которые были известны под названием «похідні групи» (буквально «походные группы» или «маршевые группы») собрались (несомненно, вермахт закрывал на это глаза) в удобных пунктах вдоль восточной границы генерал-губернаторства²⁷.

Две походные группы должны были пересечь Северную Украину. Одна, под руководством Мыколы Климишина, который сопровождал Лебеда в его бегстве из-под польского тюремного конвоя, имела пунктом назначения Киев²⁸. Вторая группа, под предводительством Мыколы Сенишина, готовилась идти на Харьков. Третья оперативная группа, которая собиралась разбиться на несколько подгрупп, предназначалась для юга Украины²⁹. Задачи перед группа-

ми стояли действительно амбициозные. Они должны были доводить до масс львовский акт, готовить «государственный аппарат» и создавать украинскую армию из бывших солдат Красной и польской армий³⁰. Ресурсы, доступные для выполнения этих проектов на обширных просторах Украины, были едва ли соразмерными с масштабами задач. Группы были неодинаковые по численности, но каждая насчитывала не один десяток человек. Для передвижения на приличные расстояния они были снабжены велосипедами и фургонами; некоторым группам повезло с мотоциклами, и на всех был выделен один автомобиль. В Кракове с помощью тех, кто работал в легальной прессе, тайком заготовили множество пропагандистских листовок, но далеко не в миллионах экземпляров³¹.

Нехватку материальных ресурсов группы компенсировали предприимчивостью. В первые же дни они поняли, что немцы не намерены оказывать им сердечный прием, и поэтому решили обходить большие города и места сосредоточения немецких войск. Когда встреч нельзя было избежать, они шли напрямую и иногда заявляли, что являются «эmissарами независимого украинского государства». Командиров и солдат вермахта раздражало присутствие незваных гражданских лиц в зоне их операций. Однако большинство из них слышали о сотрудничестве молодежного движения с германскими властями. Более того, во многих случаях они проявляли несомненную симпатию к украинским националистическим чаяниям, поскольку им уже довелось увидеть трогательную благодарность, с которой украинцы приветствовали своих предполагаемых освободителей от советской тирании, и их готовность сотрудничать в борьбе против большевистского режима. И офицеры прифронтной полосы просто говорили молодым людям, чтобы они отправлялись обратно в Галицию, не применяя против них законов военного времени. Бесшабашные молодые люди соглашались повернуть обратно, но, едва скрывшись с глаз, выбирали обходные пути на восток³².

В результате в светлые летние месяцы этим группкам, тащившимся вслед за могущественным вермахтом, удавалось-таки осуществлять кое-что из своих программ. В ав-

густе северная оперативная группа достигла Житомира, где помогла группе местных жителей создать администрацию на весьма краткий срок и вызвать столь же недолговременный энтузиазм среди молодых горожан³³. Южная группа покрыла даже большее расстояние; она шла в июле по Галиции, ведя пропагандистскую работу, в конце месяца достигла Винницы, а 2 сентября была в Днепрпетровске (Екатеринославе, или, более романтично, в Сечеславе), в восьми сотнях километров от начального пункта движения³⁴.

Менее живописными, но потенциально более важными были воинские формирования бандеровцев. Как выше отмечалось, «Нахтигаль» приняла участие во взятии Львова, где ее командиры сыграли большую роль в проведении организационных мер в духе бандеровской группы. Хотя офицеры вермахта, курировавшие «Нахтигаль», знали о роли преподобного Грынбоха, Шухевича и Георгия Лопатинского в акте, они защищали их от ареста³⁵. «Нахтигаль» пошла и дальше на восток вместе с вермахтом и в конце августа достигла Винницы, где люди из состава этой части вступили в негласный контакт с южной оперативной группой³⁶.

«Роланд» же, с другой стороны, не имела прямого отношения к действиям в Галиции. Перед началом войны эта часть была направлена через Венгрию в румынскую Буковину. Имели место значительные трудности в отношениях с румынами из-за попыток украинских националистов установить контакт с местными украинцами — румынскими подданными. После начала войны, однако, эта часть была направлена вслед за наступающими немецкими войсками через Бессарабию, за Днестр, на украинскую этнографическую территорию к северу от Тирасполя, где и оставалась до начала сентября³⁷.

В то время как самая молодая украинская националистическая партия добивалась все новых, хотя и переменных успехов, ее главный конкурент не дремал. Отход большей части галицкой молодежи от «законной» ОУН под началом Мельника нанес ей действительно тяжелый удар. Однако ОУН сохранила несколько очень важных позиций.

Во-первых, не все молодые люди присоединились к раскольникам; довольно много молодежи Галиции и Волыни осталось на стороне старших, то же, вероятно, можно было сказать и о большей части молодого поколения в Закарпатской Украине и Буковине. Во-вторых, старшее поколение националистов имело куда больший опыт, чем молодые бунтари; это должно было быть особенно ценным применительно к действиям на востоке Украины, где большинство старших людей пережило революционный период. А где опыт, там и связи, ибо Коновальцу удавалось поддерживать кое-какие связи со своими сторонниками в Восточной Украине³⁸. В-четвертых, ОУН-М, хотя, похоже, временно оказалась вытесненной в планах вермахта ее конкурентом, никогда в действительности не теряла связи с немцами и была готова извлечь выгоду из этой связи, как только бандеровцы лишатся немецкого покровительства.

6 июля 1941 года несколько ведущих украинских националистов, которые служили офицерами в Украинской республиканской армии, присоединились к Мельнику в адресованном Гитлеру обращении, которое было направлено через абвер. Подписали обращение, помимо Мельника, который обозначил себя просто как «полковник в отставке», генералы Омелянович-Павленко и Капустянский, полковники Сушко, Стефанив и Дьяченко, а также Михайло Хроновят. Обращение гласило:

«Украинский народ, многовековая борьба которого за свою свободу не имеет равных в истории других народов, от всей души поддерживает идеалы Новой Европы. Весь украинский народ жаждет принять участие в реализации этих идеалов. Мы, старые борцы за свободу в 1918—1921 годах, просим, чтобы нам вместе с нашей украинской молодежью позволили принять участие в крестовом походе против большевистского варварства. За двадцать один год оборонительной борьбы мы принесли кровавые жертвы и страдаем особенно в настоящее время от ужасного избиения многих наших соотечественников. Мы просим, чтобы нам позволили идти плечом к плечу с легионами Европы и нашим освободителем — германским вермахтом, и поэтому просим разрешить нам создать украинское военное формирование»³⁹.

Готовность пристегнуться к нацистской колеснице, выраженная в этом обращении, оказалась, однако, бесплодной, потому что самоуверенные нацистские лидеры не были настроены обзаводиться союзниками, которые впоследствии могли принести массу неприятностей. Меньше чем через месяц после обращения Мельника УНО было вынуждено объявить, что немцы разрешают восточным украинцам, которые были раньше советскими гражданами, но не тем, кто никогда не жил при советском режиме (сюда входила основная часть эмиграции), поступать на службу в полицию. Она предупредила своих членов, что некоторые, кто попытались пробраться на восток Украины, были «интернированы» и выпущены только после вмешательства берлинского штаба УНО⁴⁰.

Сам Мельник довольно характерно отреагировал на новую ситуацию, чем еще раз проявил умеренность политики и сомнительную эффективность своих подходов. Вскоре после начала войны он обратился ко всем «националистам» с призывом к единству во имя решения новых больших задач, открывающихся перед движением, и просьбой прекратить действия фанатиков-фракционеров. Далее он убеждал всех не забывать о целях национализма, с тем чтобы подойти с удовлетворительными итогами к третьему великому съезду украинских националистов (дается перевод названия с английского. — *Примеч. пер.*)⁴¹. Последнее утверждение — очевидный намек на то, что, как бы сторонники Бандеры ни были неудовлетворены результатами второго съезда, у них появляется шанс продвинуть свою программу на новом съезде, если только они вернуться на путь истинный. Перед лицом опрометчивых, но энергетичных действий, которые осуществлял краевой Провод в первую неделю войны, такому обращению было суждено быть воспринятым скорее как показатель слабости, чем как подлинное выражение стремления к согласию, коим, скорее всего, оно и было в действительности. Очень вероятно, что не поправило ситуации и более позднее, спустя несколько недель, обращение Мельника ко «всем украинцам», в котором декларировалась его готовность забыть все, что имело место, если все возвратятся в лоно ОУН и продемонстрируют добрую волю⁴².

Даже если такие сентиментальные доводы и могли повлиять на настроения раскольников, их эффект был сведен к нулю, в частности, тем, как сторонники Мельника отреагировали на немецкие меры против мятежа Стецко (имеется в виду не согласованная с немцами инициатива «провозглашения независимости» во Львове. — *Примеч. пер.*). Вероятно, соответствует действительности то, что прямое сотрудничество с германской полицией было инициативой отдельных лиц вроде Шушкевича, принятой без согласия или даже постановки в известность Провода. Однако можно понять, что благодаря сотрудничеству таких людей с айнзатцгрупп сторонники Бандеры сделали вывод, что их противники были в союзе с оккупационной державой. Более того, если группировка Мельника, как таковая, и не сотрудничала с немцами против другой фракции ОУН, она наверняка получила удовлетворение от провала последней. 16 июля орган ОУН перепечатал содержание интервью Байера корреспонденту «Краковских вестей», в котором этот официальный германский представитель, только что вернувшийся из Львова, опроверг сообщения, распространенные Украинским национальным комитетом, о том, что там было сформировано «западноукраинское региональное правительство» под руководством Стецко и что вермахт в лице доктор Ганса Коха признал «украинскую администрацию» на «собрании» во Львове⁴³.

Сторонники ОУН-М также поспешили в Восточную Галицию, чтобы обеспечить себе долю в контроле над регионом. Бандеровцы, конечно, быстро лишились власти во Львове, хотя, как отмечалось, последствия их мятежа еще в течение некоторого времени ощущались в областях, далеких от главного города Галиции. Когда стало очевидно, что немцы не оказывают помощи Стецко, поддержка украинцев тоже быстро сошла на нет. В конце июля совет старейшин, который он образовал, был расширен на семнадцать новых членов и переименован в Национальный совет⁴⁴. Очевидно, тут не обошлось без германского влияния; наряду с изменением названия произошли и кое-какие изменения в составе, мельниковцам разрешили заменить сторонников ОУН-Б⁴⁵. Константин Левицкий ушел в

тень; с большим нежеланием доктор Константин Панкивский, который до войны был мелким политиком в составе УНДО, не связанным ни с одним крылом ОУН, принял руководство «секретариатом», действовавшим в качестве исполнительного органа⁴⁶. Несколькими неделями спустя организация была переименована в Украинский краевой комитет, во главе которого остался Панкивский⁴⁷.

Тот факт, что роль ОУН-М в реорганизации администрации в Восточной Галиции после фиаско бандеровских лидеров была более ограничена, чем ее роль в создании украинской администрации в Кракове в 1940 году, не слишком сильно, вероятно, беспокоил в тот момент ОУН-М, поскольку ее первейшим желанием было использовать возможность вторгнуться в пределы Восточной Украины. Было использовано два типа вторжения. Пользуясь давними связями с немцами, сторонники Мельника обеспечили себе множество должностей переводчиков, консультантов и прочих в частях вермахта. Эти посты давали теперь право попасть на восток легальным путем. Но, поскольку мельниковцы опасались, что немцы наложат ограничения на националистическую деятельность, они не делали ставку лишь на легальные средства. Подобно бандеровцам, но полагаясь в значительно большей степени на сотрудничество с германскими властями, которое они рассчитывали обеспечить благодаря связям с вермахтом, лидеры мельниковцев организовали ряд групп, которые должны были направляться в Восточную Украину без специального разрешения. Как и бандеровский проект, мельниковский предусматривал создание трех основных групп. Северная должна была пересечь Волынь через Житомир по направлению к Киеву, а в конечном итоге ей следовало дойти до Харькова. Центральная группа должна была следовать маршрутом бандеровской южной оперативной группы через Винницу к Днепропетровску и затем на Донбасс. Наконец, как и у бандеровцев, южная группа мельниковцев должна была отколоться от основной массы в Виннице и следовать в Одессу и Николаев⁴⁸.

Все эти группы, и особенно южная, намного уступали по численности подобным бандеровским. Они уступали бандеровцам и потому, что многие из их членов были за

пределами самого активного возраста. Однако, к счастью для мельниковского предприятия, они получили незапланированное, но чрезвычайно ценное подкрепление в лице пяти с лишним сотен буковинцев, главным образом молодых и энергетичных людей. Оуновское подполье на Буковине активизировалось с началом войны, а после того как румынские и венгерские войска вступили в эту область, ОУН до середины июля действовала открыто. Затем румынские власти, беспокоясь, что возвращение Румынией области будет поставлено под угрозу украинским движением независимости, стали подвергать националистов жестоким репрессиям. В некоторых районах имели место настоящие схватки между украинскими националистами и румынской жандармерией. Последняя оказалась слишком крепким орешком для оуновских сил. Многие молодые люди из украинских групп сопротивления сбежали на север. Некоторые перебрались на восток Украины, другие через Галицию в Винницу⁴⁹. Здесь при помощи ОУН-М, сотрудничавшей с немцами, большое число их было завербовано во вспомогательные полицейские формирования, другие же тем не менее ушли дальше — на Киев, Житомир, Умань и Проскуров, где многие вошли в промельниковские полицейские части. Другой группе, намного меньшей, удалось пересечь юго-запад Украины в сторону Николаева, где они основали центр ОУН-М.

Крупной базой мельниковцев в Восточной Украине в конце лета 1941 года был, однако, Житомир. Ситуация в Житомире особенно важна. Первая база ОУН-М в Восточной Украине, Житомир являлся также первым крупным городом к востоку от советской границы до 1939 года, открытым для националистической деятельности. Развитие событий в Житомире помогает объяснить роль националистического движения на востоке Украины в период его «медового месяца».

Эмбриональную «администрацию» ОУН-Б быстро отставили в сторону; очевидно, сторонники националистов в городах, ранее приветствовавшие бандеровцев, теперь перешли на сторону ОУН-М, не очень-то отдавая себе отчет о разногласиях между фракциями. Хотя мельниковцы служили стимулирующим фактором, гораздо большую

часть работы по созданию новой администрации проделали люди из местных жителей, типа главы администрации области Александра Яценюка, руководителя городской администрации Павловского и почти всех глав его департаментов⁵⁰. Появилось множество националистических организаций, включая «Просвиту», церкви и действующий театр. В украинских радиопрограммах с разрешения немцев участвовали местные артисты. Были вновь открыты школы, включая две гимназии и педагогический институт, была создана местная школьная администрация⁵¹.

Население города после депортации евреев уменьшилось до 42 тысяч (включая 7 тысяч поляков и 2 тысячи русских). Однако экономическую жизнь стимулировало возобновление работы сахарно-рафинадного завода и других промышленных предприятий; были вновь открыты рынки, поощрялось частное предпринимательство⁵². В городе имелось 179 врачей — весьма много по отношению к общей численности населения⁵³. Образовалось чрезвычайно активное молодежное объединение, ставшее известным на западе Украины как Сечь (Січ); оно занималось организацией спортивных состязаний, хорового пения, театральных кружков, создало оркестр⁵⁴.

Все эти организации контролировались украинскими националистами, хотя основной задачей было создание украинского территориального государства, которое объединило бы людей любого этнического происхождения, живущих на украинской земле. И таким образом получилось, что одним из главных административных должностных лиц — главой администрации района (то есть сельского района вне города (так в тексте. — *Примеч. пер.*) был поляк, а начальником экономического отдела городской администрации — русский⁵⁵. Похоже, между местными группами и представителями ООН, пришедшими с запада, сложились весьма сердечные отношения. Многие местные граждане, главным образом молодые люди да и кое-кто из административных должностных лиц, присоединились к националистической организации. Поддержка была настолько сильна, что появилась возможность организовать новую местную организацию («Краева

Екзекутива») мельниковцев, во главе которой встали сын главы областной администрации и еще один местный лидер⁵⁶. В целом влияние ОУН-М в жизни Житомира к концу лета 1941 года было преобладающим.

Первые организаторы ОУН-М прибыли, похоже, с вермахтом. А первейшим среди них был Богдан Конык, из Галиции, занимавшийся прежде всего налаживанием полицейской службы. В конце июля вместе с молодым украинским журналистом с Карпат Георгием Тарковичем, чьи многочисленные статьи являются одним из главных исторических источников того периода (очевидно, для автора. — *Примеч. пер.*), он с разрешения немцев направился в близлежащий лагерь советских военнопленных и набрал добровольцев в полицию⁵⁷. Захвалинский, выходец с Восточной Украины, который когда-то состоял в Украинской республиканской армии, но проживший много лет во Франции на положении простого рабочего, был назначен начальником полиции. Он был сторонником Мельника. Заместителем был выбран Календа, из местных, человек, не связанный с какой-либо фракцией, а адъютантом начальника стал буковинец, сторонник Мельника⁵⁸.

Главная задача полиции состояла в том, чтобы подготовиться к обоснованию в Киеве, после того как столица попадет в руки немцев. Для той же цели, вполне очевидно, создавалась газета «Українське слово»; этот орган был предназначен для скорейшего перевода в Киев. И подготовка главных пропагандистов восточной группы ОУН-М шла полным ходом. Среди них были Иван Рогач, закарпатский украинец, Ярослав Чемеринский, один из ведущих писателей эмиграции, и Петро Олийник. При их деятельном участии было привлечено множество способных местных журналистов, хотя не все из них были сторонниками Мельника⁵⁹.

Все эти приготовления служили фоном для более знаменательного события в развитии житомирской базы — прибытия туда лидеров фракции с целью взять в свои руки руководство кампанией по завоеванию Восточной Украины. Сам Мельник остался на прежнем месте, возможно, потому, что его отъезд вызвал бы подозрение немцев, но верхушку Провода представляли и Сенык, и Сциборский.

С ними прибыл доктор Кандыба, сын известного восточноукраинского поэта, жившего в эмиграции. Кандыба, более известный как Ольжич, был достаточно молодым человеком тридцати с лишним лет. Хотя он учился на археолога, в течение нескольких лет был одним из видных лидеров ОУН, но не входил в Провод. Теперь ему было поручено заниматься группами, выдвинувшимися в Восточную Украину⁶⁰.

Эти три лидера пересекли Галицию в середине августа, сделав краткую остановку во Львове. Они вели себя осмотрительно, стараясь не рекламировать свою поездку; по видимому, ни в Галиции, ни по пересечении границы Волыни, где требовался специальный пропуск, немцы им не досаждали. ОУН-М всегда отрицала, что будто бы имелось какое-либо соглашение с немцами относительно этой поездки, но весьма вероятно, что высокие должностные лица вермахта были в курсе этого, по крайней мере неофициально. Во всяком случае, достигнув Житомира в последних числах августа, лидеры ОУН действовали там весьма открыто. Однако внезапно их миссии был положен конец.

В семь часов тридцать минут теплого летнего вечера 30 августа, когда Сенык и Сциборский, возвращаясь с собрания местной полиции, подходили к главному перекрестку Житомира, к ним приблизился молодой человек и несколько раз выстрелил в них из пистолета. Одна пуля прошла сквозь шею Сеныка сзади, он умер сразу. У Сциборского пуля прошла обе щеки, и он умер через несколько часов от потери крови⁶¹.

Убийца был застрелен украинскими и немецкими полицейскими, когда пытался бежать; тут же подошла машина немецкой полиции и увезла труп убийцы. Было трудно определить, кто подстроил убийство. Паспорт убийцы, однако, показал, что это был Степан Козый и что он был западноукраинцем⁶². Почти сразу сторонники Мельника обвинили в заказе убийства ОУН-Б, утверждая, что Козый состоял в той группе. Их утверждения подтверждали следующие обстоятельства: 1) ожесточенные нападки со стороны ОУН-Б на двух убитых лидеров⁶³; 2) факт, подтверждаемый секретным сообщением одного из самых

компетентных немецких специалистов на Украине, что бандеровцы распространяли в Киеве листовки, оправдывающие эти убийства, сразу после того, как они свершились⁶⁴; 3) существование секретной директивы Провода ОУН-Б, в которой говорилось, что мельниковским лидерам нельзя позволить добраться до Киева. Сторонники Мельника в то время упоминали о «смертном приговоре», вынесенном бандеровским руководством этим двум лидерам задолго до убийства. Обсуждая абсолютно не связанные с этим события, один пробандеровский автор недавно заявил, что решениями «второго бандеровского конгресса» эмиссарам Мельника запрещалось работать на Украине⁶⁵. Совершенно определенно, лидеры ОУН-М знали, что сторонники Бандеры могут применить к ним насильственные меры. Приверженцы ОУН-М сообщали вскоре после убийства, что друзья предупреждали Сенька и Сциборского об опасностях со стороны конкурирующей фракции⁶⁶. После войны официальный источник ОУН-М указывал на предупреждение общего порядка, изданное Мельником весной 1941 года, относительно планов убийства лидеров ОУН-М, разрабатываемых конкурентом⁶⁷.

ОУН-Б, с другой стороны, всегда отрицала причастность к преступлению. По ее утверждениям, это была работа либо германских агентов, которые стремились ослабить ОУН-М, уничтожая ее лидеров, порой выступавших против немецкой политики, и которые в то же самое время намеревались повернуть украинское общественное мнение против группы Бандеры, либо работа коммунистов в попытке породить конфликт между двумя националистическими партиями. Некоторое доверие к последней теории порождает тот факт, что сразу после убийства ОУН-М охарактеризовала Козыя как «твердого коммуниста», который, однако, примкнул к группе Бандеры⁶⁸. Трудно сказать, были ли какие-то основания для таких утверждений, поскольку мельниковцы очень старались привязать бандеровцев к Москве, которая, по их утверждениям, и организовала эти убийства, как и убийства Петлюры и Коновальца⁶⁹. С тех пор, однако, появились слухи, что один украинец, который являлся, по распространенному мнению, бывшим коммунистом, состоял в контакте

с Сеньком и Сциборским, в чье окружение, подозревают, могли внедрить предателя советские агенты.

Ввиду этих противоречий невозможно выяснить, кто был реальным заказчиком преступления. Зная принципы и характер бандеровцев, нужно, однако, признать, что такой поступок не был бы для них вопиюще отталкивающим. Издание столь категорического приказа, подобного упомянутому, в кризисной атмосфере того периода легко могло привести опрометчивого молодого члена ОУН-Б к совершению убийства. Был ли дан прямой приказ, или эта акция могла быть следствием более общего приказа, изданного бандеровским Проводом, — эти вопросы, скорее всего, останутся без ответа.

Расправа имела прямые последствия. Во-первых, резко обострилась напряженность между двумя фракциями ОУН. Группа Мельника немедленно развернула неистовую кампанию в прессе против оппозиционной партии. Утверждалось, что ОУН-Б в предшествующие три месяца осуществила целый ряд убийств мельниковцев. Этот ряд предположительно включал в себя регионального руководителя Ивана Мицька и его заместителя на Волыни Александра Куца и двух лидеров походных групп ОУН-М — Шульгу и Шубского⁷⁰. В передовой статье в «Наступе» было заявлено, что «время амнистии для них [бандеровцев] прошло и их грехи не могут быть прощены»⁷¹. Мельник, однако, отказывался давать санкцию на репрессалии насильственного характера. В том же номере «Наступа» он возложил полную ответственность за преступление на «отщепенцев», но ограничился призывом, чтобы все украинцы воздерживались от контактов с ними, и выразил надежду, что трагедия очистит украинскую национальную жизнь от преступности и анархии⁷².

Независимо от ответственности, которую они, возможно, несли за убийства, сторонников Бандеры скоро настигла кара. Немцы арестовали всех членов ОУН-Б в самом Житомире, и некоторые из них были казнены. В начале сентября айнзатцгрупп СС арестовали и казнили большинство членов трех подгрупп южной оперативной группы в Балте, Николаеве и крымском городе Джанкоке⁷³. В Николаеве, по крайней мере, члены ОУН-М сообщили

о своих конкурентах-бандеровцах немцам⁷⁴. Экспедиция на южный полуостров была любимым проектом ОУН-Б, и полное уничтожение группировки разрушило их надежды. Кроме того, хотя некоторые бандеровцы сумели уйти в подполье, деятельность ОУН-Б в Кировограде и Кривом Роге, а также в других районах юга Центральной Украины была серьезно подорвана. Еще большее уныние у бандеровцев вызвал тот факт, что немцы положили конец деятельности подразделений северных оперативных групп, которые направлялись в Киев, чтобы «провозгласить» там украинское государство, как это было сделано во Львове. Немцы разогнали их в Василькове и Фастове⁷⁵. Некоторые из членов групп бежали в Полесье, где скрывались в лесах, а кое-кто тайно проник в столицу. Примечательно для характеристики руководства будущих операций, что оставшимся главным центром ОУН-Б был Днепропетровск.

Кажется невероятным, что негодование по поводу убийств спровоцировало репрессии против бандеровцев, ввиду как минимум презрительного отношения, с которым в СС относились ко всем украинцам. Однако доклады СС и тайной полиции этого периода четко показывают, что полномасштабные репрессии не проводились, пока ОУН-Б не совершила «убийств многочисленных сторонников Мельника»⁷⁶. Очевидно, что решение принять решительные меры против бандеровцев складывались в эсэсовских кругах в течение нескольких недель. Негодование по поводу бунта Стецко, который открыто расклеивал призывы Климова к тайному сбору оружия для нужд будущей украинской армии, и упрямое стремление оперативных групп на восток, несомненно, сыграли свою роль. Вдобавок в СС стекались разнообразные слухи относительно деятельности групп, включая такие невероятные, как планирование ими восстания против немцев, а также следует упомянуть неправдоподобную версию, будто действия их групп были инспирированы коммунистическими агентами. Основной причиной репрессий в то время, похоже, было намерение айнзатцгрупп СС произвести полную чистку на востоке Украины, чтобы поставить ее под тотальный германский контроль, и подготовить западные земли к введению гражданского управления⁷⁷. Негодование сторонников Мель-

ника, вызванное убийством их товарищей, и сочувствие, выказанное многими другими украинскими националистами, по всей вероятности, просто использовались как оправдание для безжалостного уничтожения другой националистической группировки.

В то время как две мощные националистические группировки занимались лихорадочной деятельностью в новооткрытой Украине, группировка УНР была вынуждена играть второстепенную роль. Как отмечалось в предшествующей главе, группировка Левицкого установила контакт с подпольной группой в восточной части бывшей польской Волыни. Эта группа, которая была сформирована в свободной ассоциации с УНР перед самой войны как «Украинское национальное возрождение» («Українська національна відродження»), ушла в подполье, когда вошли советские войска. В 1940 году один из его членов, Тарас Боровец, техник каменоломни в районе Костополя, провел консультации с Андреем Левицким, которого считал главой украинского государства. Боровец беседовал с президентом и тремя его военными советниками (полковниками Валийским, Садовским и Литвиненко), составляя план развертывания партизанской организации. Боровец поддерживал также контакт с членом мельниковского Провода полковником Сушко, который обещал — несмотря на острые идеологические разногласия — направить силы ОУН-М на Волынь для сотрудничества с Боровцом. Последний, возвратясь на Волынь, начал приготовления к активным операциям⁷⁸. Это маленькое подполье должно было стать ядром «Полесской сечи» («Поліська січ»), которой была отведена роль территориального подразделения Украинской повстанческой армии (Українська повстанська армія — УПА)⁷⁹. Это формирование не могло, однако, начать реальную деятельность, пока германское вторжение не ликвидировало советские репрессии. Тогда Боровец, который взял военный псевдоним Тарас Бульба — имя легендарного лидера украинского крестьянского восстания (так в тексте. — *Примеч. пер.*) — установил контакты с вермахтом, обеспечив разрешение развернуть «Полесскую сечь» как силу, которая должна была воевать с арьергардами советских войск и партизанами⁸⁰. Начав с кампании на-

бора в районе города Людвиполя, он быстро собрал в свое нерегулярное войско около 10 тысяч человек.

Опытных офицеров совершенно не хватало. Сам Боровец, подобно многим украинцам его возраста, прошел военную службу в польской армии, но только как сержант, поэтому, когда знакомый волынский член ОУН-М Олег Стуль предложил ему организовать подготовку офицерского состава, Боровец охотно согласился⁸¹. Неизвестно, обеспечил ли Боровец разрешение со стороны своих номинальных начальников в УНР, но в тот период напряженность между ними и ОУН-М в Польше значительно спала. В середине августа Боровец и Стуль встретились во Львове с членами Провода ОУН-М Сеньком и Сциборским, но обещанные офицеры в Северную Волынь поступали медленно. Тем временем повстанцы из «Полесской сечи», как могли, очистили леса Полесья и Северной Волыни от сторонников коммунистов. Так как у вермахта в тот момент не было времени отвлекаться на столь отдаленную область, власть там была почти полностью в руках украинцев. Вермахт разрешил организовывать легковооруженную украинскую милицию, личный состав которой не должен был превышать одного процента от численности местного населения. В частности, 213-я дивизия безопасности (очевидно, имеется в виду SD. — *Примеч. пер.*), ответственная за борьбу с советскими парашютистами в Сарнском районе, признала «Сечь» в качестве районного милицейского формирования. Для украинцев, находившихся под началом Боровца, весь треугольник Пинск—Олевск—Мозырь считался олевской республикой⁸².

В ноябре, однако, немцы решили объявить набор на места гражданских администраторов; они распустили «Республику» и «Сечь». Боровец и его люди, несмотря на горькое разочарование, не могли сопротивляться. Формально партизанская организация была распущена, но командир, не ставя никого в известность, удалился с группой сторонников приблизительно в сотню человек в лесистую область между Костоподем и Людвиполем, в родные места. Здесь нелегальный лагерь оставался примерно до середины 1942 года, но была проведена только одна открытая операция против рассеянных остатков советских

партизан. Немцы знали о существовании группы и о том, что она нелегально собирает брошенное советское оружие, но считали бессмысленным пытаться войти в опасную лесную зону, чтобы разогнать группировку, и были прежде всего заняты борьбой с советскими врагами⁸³.

Как будет описано дальше, Бульбе и его группе суждено будет сыграть существенную роль в развертывании националистических сил на более поздней стадии войны. В 1941 году, однако, мало кого из националистов интересовала крошечная группка лесных партизан. В то время единственными активными элементами казались две фракции ОУН.

Примечания

¹ Abwehrabteilung III / Walli III, April 22, 1944, transmitting «On the question of the National Movements in Galicia»; *Степан Гуляк*. Полк из Холодного Яра в Рівному // Вісті братства кол. вояків І. УД УНА. 1952. Август—сентябрь. С. 7.

² Abwehrabteilung III / Walli III.

³ *Никон Наливайко*. Легіони в національних війнах // Народна воля. 1949. 27 октября. С. 2.

⁴ *Любомир Ортинський*. Дружини українських націоналістів (ДУН) // Вісті братства кол. вояків л. УД УНА. 1952. Июнь—июль. С. 4; *Роман Ильницький*. Deutschland und die Ukraine, 1934—1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik, ein Vorbericht, Vol. II (Munich: Osteuropa Institut, 1956), ss. 140—142, заявляет, что Шушкевич имел звание лейтенанта германской армии. Ильницький также утверждает, что большая часть обеих формируемой состояла из бывших членов «Карпатской сечи», а не состоящих в ОУН-Б принимали только в исключительных случаях.

⁵ Интервью 24, 76.

⁶ Вопрос о «соглашении» между немцами и бандеровцами является предметом горячих споров. Некоторые лидеры ОУН отрицают, что имело место реальное соглашение, а немцы указывают, что украинцы нарушили слово, объявив о создании своего «правительства» во Львове (интервью 62). Полицейский доклад того времени, который, казалось бы, не должен иметь отношения к этому предмету, подтверждает, что соглашение, содержащее условия, упомянутые в тексте, имело место деятельность и оперативная сводка полиции безопасности и службы безопасности в СССР, январь—март 1942 г., далее упоминается как PS 3876).

⁷ *Петро Мирчук*. Акт відновлення української державності, 30 червня 1941 року. Нью-Йорк: Головна управа організації оборони чотирьох свобод України. 1952. С. 18—20. Утверждается, однако, что

Петров даже не ведал о своем назначении, находясь в то время в прокторате; ср.: *Г. Поликарпенко*. Організація українських націоналістів підчас Другої світової війни (4-я пересмотренная редакция «ОУН у війні», изд. Б. Михайлик. Канада, 1951. С. 69). *Льницький*. Deutschland und die Ukraine, 1934—1945: Tatsachen europaischer Ostpolitik, ein Vorbericht. Vol. II. S. 145, приводит доказательства, что ОУН-Б начала организовывать комитет в апреле, хотя датой официального основания комитета является 22 июня 1941 года.

⁸ Интервью 24.

⁹ Краківські вісті. 1941. 6 августа. Наступ. 1942. 30 августа. С. 2, цитируются «Самбірські вісті», 10 августа 1941 г.; *Льницький*. Deutschland und die Ukraine. Vol. II. S. 167—173. Советское освещение см.: *Н.К. Попель*. В тяжкую пору. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1959. С. 6, 47—48. Там признается, что во Львове и по всей Галиции имели место крупные восстания бандеровцев перед самой войной с Германией и сразу после ее начала.

¹⁰ 454th Security Division, Ia, Kriegstagebuch, September 22, 1941, Anlage (приложение) 95, report of Geheime Feldpolizei, Gruppe 711. July, 7. 1941.

¹¹ Chief of the SP and SD, Report Activity and Situation Report of the SP /Sicherheitspolizei/ and the SD /Sicherheitsdienst/ on events in the USSR, No. 20, July 12, 1941, and No. 23, July 15, 1941 (T 175, Reel 233). В своем обстоятельном труде *The Destruction of the European Jews* (Chicago: Quadrangle Books, 1961), p. 350, Raul Hilberg показывает, что украинцы были вовлечены в насилие против евреев Галиции.

¹² Alexander Droidynski and Jan Zaborowski, *Oberländer: A Study in German East Politics* (Poznan: Wydawnictwo Zachodnie, 1960). Как показывает название, эта работа была посвящена разоблачению германского офицера Теодора Оберлендера, который отвечал за «Нахтигаль» и в момент публикации был членом правительства Федеративной Республики Германии. Я не сумел найти каких-либо подтверждающих свидетельств причастности «Нахтигалья» к антисемитским злодеяниям.

¹³ *Мірчук*. Акт. С. 30; интервью 21 и 24; ср. *Кость Панківський*. Від держави до комітету (Нью-Йорк: Життя і мислі, 1957). С. 55, утверждает, что ОУН-Б могла бы получить для себя театр, если бы захотела.

¹⁴ Перевод сделан со старой машинописной копии декларации, которую мне предоставил Владимир Стахив. Напечатанная версия у Мирчука (Акт. С. 32) называется «Акт воссоздания украинского государства»; противники Бандеры подвергали насмешкам этот шаг как попытку «провозгласить» украинское государство, которое уже существовало с 1918 года. Другие разногласия не столь важны. Прочие версии см.: *Панківський*. Від держави до комітету. С. 111 и далее.

¹⁵ Интервью 21, 24, 63; *Мірчук*. Акт. С. 30; *Василь Рудко* (Р. Лісовий). Розлам в ОУН // *Українські вісті*. 1949. 3 ноября. С. 3. См., в частности, обзор событий в *Auswärtiges Amt*, 21. Juli 1941, Series 5081, *Ausrufung der ukrainischen Staatsgewalt*, где подтверждаются многие детали.

¹⁶ Интервью 24, 63. Они базируются на факте, что Шептицкий был в тесном контакте с Климовым, главой ОУН-Б(андеровцы) в Восточной Галиции. Но см.: *Ярослав Стецко*. 30 червня 1941: Проголошення відновлення державності України. (Toronto: League for the Liberation of Ukraine, 1967). С. 189. Он признает, что не обсуждал конфликт в ОУН с Шептицким или Слипом.

¹⁷ Цитата взята из копии листовки того времени с текстом пастьерского письма.

¹⁸ *Стецко*. 30 червня 1941. С. 226; ср. *Ільницький*. Deutschland und die Ukraine. Vol. II. С. 189; *Мірчук*. Акт. С. 35—36; *К. Паньківський*. Від держави до комітету. С. 40—46; интервью 24. Мирчук и Ильницкий упоминают Петрова как военного министра, в то время как в докладе СД (№ 4529) на этом посту числится Ярый, а Климов — министром безопасности. Ильницкий вносит в список Лебеда просто как государственного секретаря.

¹⁹ Интервью 62. Пробуждения русского патриотизма особенно опасались офицеры Верховного командования вермахта (ОКВ), по свидетельству одного из помощников Стецко (интервью 29).

²⁰ Интервью 62. 444-я дивизия безопасности Іс до 13 января 1942 года воздерживалась от издания приказа, по которому сторонники Бандеры и Мельника, проникшие на оккупированные территории по фальшивым пропускам, выданным якобы вермахтом, арестовывались и передавались в спецгруппы СС (SS Einsatzgruppen).

²¹ *Стецко*. 30 червня 1941. С. 256 и далее; интервью 24, 36, 44, 67. Ср.: *Ільницький*. Deutschland und die Ukraine. Vol. II. С. 187, где датой ареста указано 11 июля.

²² *Мірчук*. Акт. С. 38—39.

²³ Как позже писал глава Винета — бюро министерства пропаганды по вопросам восточных территорий: «Бандера и его ближайшие сторонники были арестованы, но умной тактикой мятежа удалось избежать». Тауберт Розенбергу, 17 февраля 1944 года, Осс Е-4 (1), в Yiddish Scientific Institute (далее Осс Е4 (1)).

²⁴ *Мірчук*. Акт. С. 39; интервью 24, 75. Стецко, Бандера и другие лидеры ОУН-Б были заключены в тюрьму 15 сентября 1941 года. Ср. Ausrufung der ukrainischen Staatsgewalt.

²⁵ Интервью 36.

²⁶ Українське слово (Станислав). 1941. 22 июля; Кремянецькій вісник. 1941. 9 августа. Эти газеты передал мне бывший лидер бандеровцев Володымыр Стахив, но они представляются мне подлинными.

²⁷ Наиболее глубокую и полезную работу о «походных группах» написал Лев Шанковский: *Лев Шанковський*. Похідні групи ОУН. Мюнхен: Видавництво «Український самостійник», 1958. *Ільницький*, Deutschland und die Ukraine. Vol. II. S. 142—144, вкратце сообщает о происхождении этих групп. *Зиновій Матла*. Південна похідна група. Munich; Tsitsero, 1952. С. 4; *Мстислав З. Чубай*. Рейд організаторів ОУН від Попраду до Чорне море (Munich; Tsitsero, 1952. С. 4; *Є. Павлюк*. (Євген Стахів, брат Володымыра Стахова). Боротьба українського народу на східно-українських землях, 1941—1944: спомини очевидця і учасника, Календар провидіння на 1947 рік, Стіваришення

українських католиків в Америці (Філадельфія, Америка). С. 37; *Микола Чарторийський*. Від Сяну по Крим: спомини учасника III похідної групи-Півден (Нью-Йорк: Говерла, 1951).

²⁸ *Матла*. Південна похідна група. С. 4; *Євген Стахів*. Боротьба українського народу. С. 37. Автор утверждає, що командиром був Дмитро Мырон, но Матла, похоже, был ближе к осуществлению этих операций.

²⁹ *Матла*. Південна похідна група. С. 4.

³⁰ *Чубай*. Рейд організаторів ОУН. С. 6.

³¹ Там же. С. 14 и далее; *Матла*. Південна похідна група. С. 4.

³² *Чубай*. Рейд організаторів ОУН. С. 29.

³³ *Євген Стахів*. Боротьба українського народу. С. 39.

³⁴ *Матла*. Південна похідна група. С. 9.

³⁵ Интервью 63. Не путать Георгия Лопатинского с его братом Владимиром, упомянутым выше, который был убит в 1941 году.

³⁶ Там же; *Матла*. Південна похідна група. С. 9—10.

³⁷ *Ортинський*. Дружини українських націоналістів. С. 4. После того как ОУН-Б запретили, эти две части (под их первоначальным названием «Учебный полк «Бранденбург») стали использоваться абвером для специальных задач типа борьбы с советскими партизанами и диверсиями. Начальник Abwehrabteilung II (Lahousen) — офицер связи армии и штабу армейской группы, 16 января 1942 г.

³⁸ Ср.: *Юрій Бойко*. Євген Коновалець і осередно-східні землі. 1947. С. 34—50.

³⁹ Chief of the SP and the SD, Report on Events in the USSR, No. 15, July 7, 1941, NO 5154 (hereafter referred to as NO 5154).

⁴⁰ Український вісник. 1941. 24 юлія. С. 4.

⁴¹ Наступ. 1941. 28 юнія.

⁴² Наступ. 1941. 19 юлія.

⁴³ Український вісник. 1941. 16 юлія. С. 3.

⁴⁴ Енциклопедія українознавства, изд. Володымыр Кубийович и Зенон Кузеля. Мюнхен: Науковое товариство ім. Шевченка, 1949. С. 587.

⁴⁵ Ausrufung der ukrainischen Staatsgewalt; Chief of the SP and the SD, Report on Events in the USSR, No. 34, July 26, 1941. P. 11, NO 2954 (hereafter referred to as NO 2954). Ср. *Паньківський*, Від держави до комітету. С. 72 и далее, который утверждает, что некоторые члены ОУН-Б оставались в Национальном совете. Панкивский также проясняет, что Левицкий, хотя он в конечном счете вышел в отставку, играл важную роль в переходный период. И Панкивский, и Ильницький (*Ільницький*. Deutschland und die Ukraine. Vol. II. S. 216 и далее) описывают долгие споры в рамках Национального совета по поводу позиции, которую следует занять в отношении включения Галиции в генерал-губернаторство.

⁴⁶ Енциклопедія українознавства. С. 587; Наступ. 1941. 1 ноябрь; интервью 36.

⁴⁷ Интервью 36.

⁴⁸ ОУН у війні, інформаційна секція ОУН (УНР). 1946. Апрель. С. 52—54.

⁴⁹ Там же. С. 51; Доклад № 10 представителя рейхсминистерства по делам оккупированных восточных областей в войсковой группе «Зюд» капитана доктора Ганса Коха (Report No. 10 of the Representative of the Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete at Heeresgruppe Süd, Captain Dr. [Hans] Koch, October 5, 1941, PS 053 (далее как PS 053); Chief of the SP and the SD, Report on Events in the USSR, July 1, 1941. С. 21—22.

⁵⁰ Федір С. Єфременко. Краківські вісті. 1941. 1 ноября. С. 2; Sicherungsdivision Section VII, Report of October 4, 1941, NOKW 2129 (далее как NOKW 2129).

⁵¹ Українська дійсність. 1941. 1 октября; Єфременко. Краківські вісті. 1941. 24 и 26 ноября. С. 2 и 3; Краківські вісті. 1942. 25 августа. С. 5; Наступ. 1941. 6 сентября. С. 5. Ср. Chief of the SP and SD, Report of Einsatzgruppen and Kommandos, No. 187, March 30, 1942.

⁵² *Ukrains'ka Diisnist*. September 15, 1941, p. 1, based on *Ukrains'ke Slovo* (Zhitomir), August 3, 1941; Iefremenko in *Krakivs'ki Visti*, October 26, 1941, p. 3.

⁵³ Краківські вісті. 1941. 24 октября. С. 2; многие, однако, были, очевидно, евреями, которых временно не тронули, поскольку они были полезны (Краківські вісті. 1941. 1 ноября. С. 2).

⁵⁴ Краківські вісті. 1941. 26 октября. С. 2.

⁵⁵ Там же. С. 2; и Краківські вісті. 1941. 1 ноября. С. 2.

⁵⁶ Интервью 12, 65; ср.: В. Дружинник. Краківські вісті. 1941. 10 октября. С. 2; ОУН у війні. С. 53.

⁵⁷ Ср.: Таркович. Краківські вісті. 1942. 21 января. С. 2; интервью 35.

⁵⁸ Дружинник. Краківські вісті. 1941. 10 октября. С. 2; интервью 65.

⁵⁹ Наступ. 1941. 8 ноября. С. 3—5; интервью 3, 65.

⁶⁰ ОУН у війні. С. 54.

⁶¹ Наступ. 1941. 20 сентября. С. 3 и показания свидетелей преступления; интервью 35.

⁶² Наступ. 1941. 20 сентября. С. 3 и показания свидетелей преступления; интервью 35.

⁶³ Статья «непартийного корреспондента»: Наступ. 1941. 11 октября. С. 4. В ней говорилось, что Бандера давно заявлял, что Сенок и Сциборский будут первыми, кого он уничтожит «на украинских землях».

⁶⁴ PS 053.

⁶⁵ Наступ. 1941. 20 сентября. С. 1; Чубай. Рейд організаторів ОУН. С. 54.

⁶⁶ Микола Галаган. Український вісник. 1941. 28 сентября. С. 2.

⁶⁷ ОУН у війні. С. 43.

⁶⁸ Наступ. 1941. 20 сентября. С. 3.

⁶⁹ Там же. 1941. 4 октября. С. 4; ср. Chief of the SP and SD, Report on Events in the USSR, No. 101, October 2, 1941. P. 3—4, NO 3137 (далее как NO 3137).

⁷⁰ Наступ. 1941. 20 сентября. С. 3; ОУН у війні. С. 48.

⁷¹ Там же.

⁷² Наступ. 1941. 20 сентября. С. 1.

⁷³ *Матла*. Південна похідна група. С. 22. На то, что не все аресты были частью общего плана, указывает тот факт, что некоторые из них осуществлялись румынами в их оккупационной зоне. Румыны предупредили украинцев, чтобы они убирались из их зоны, но что их не интересует, что те делают по ту сторону демаркационной линии (ср.: *Чубай*. Рейд організаторів ОУН. С. 56). Казни в Житомире, очевидно, имели место сразу после убийств (напр.: *Стахів*. Боротьба українського народу. С. 39). По уничтожению крымских групп см. также Activity and Situation Report No. 6 of the Einsatzgruppen of the SP and SD in the USSR, 1941, NO 2659 (hereafter referred to as NO 2659).

⁷⁴ Обвинения на этот счет Матлы, «Південна похідна група». С. 22, подтверждены в NO. 3137.

⁷⁵ PS 053.

⁷⁶ PS 3876.

⁷⁷ *An analysis* by the office of the Reichsaussenminister of the contents of the Activity and Situation Reports Nos. 1—5 of the Einsatzgruppen of the SP and the SD in the USSR, July 31-September 31, 1941, NO 2650 (hereafter referred to as NO 2650). Cf. Chief of the SP and the SD, Report on Events in the USSR, No. 81, September 12, 1941.

⁷⁸ См.: *Тарас Боровец*. Армія без держави: Спогади (Winnipeg: Volyn, 1981). С. 273—286; «Гриценко», Армія без держави // Українські вісті. 1950. 28 декабря. С. 2; Збройна боротьба України (1917—1950), 1951. С. 7—10; и интервью 37.

⁷⁹ Боровец и его сторонники (см. предыдущую сноску) всегда утверждали, что это они придумали название УПА; он показывал мне удостоверение, выданное его группой в 1941 году, на котором проставлен штамп «Украинская повстанческая армия». Хотя некоторые сторонники Бандеры вроде Мыколы Лебеда («УПА, Повстанська армія / Пресове бюро УГВР, 1946. С. 26) утверждали, что название родилось в ОУН-Б, в настоящее время многие признают приоритет Боровца (интервью 76).

⁸⁰ Commander Army Rear Area 103, Ic, 968/41, Besondere Anordnungen für die Behandlung der ukrainischen Frage; Chief of the SP and the SD Reports from the Occupied East, No. 4, May 22, 1942, with the date of the individual report).

⁸¹ Интервью 12, 72.

⁸² *Боровец*. Збройна боротьба. С. 10; 213-я дивизия безопасности докладывала 25 и 31 августа 1941 года, что тесное взаимодействие с украинской милицией помешало операциям советских парашютистов.

⁸³ *Боровец*. Збройна боротьба. С. 10; интервью 12; No. 4, May 22, 1942.

Глава 5

РЕПРЕССИИ И РЕЙХСКОМИССАРИАТ

Энергичные меры, принятые немцами против бандеровцев, по-видимому, очистили поле деятельности для ОУН-М. Подобно видимому преимуществу, полученному бандеровцами в начале лета, эта благоприятная возможность на поверку скоро оказалась иллюзией. В течение приблизительно двух месяцев, однако, сторонники Мельника могли продолжать серьезные действия в Центральной Украине. Так как начало этого периода совпало с захватом немецкими войсками Киева, а второй город Украины Харьков пал прежде, чем этот период закончился, он оказал большую услугу ОУН-М, дав ей возможность продвинуть националистическую доктрину на бывшие советские территории.

19 сентября 1941 года немцы заняли Киев. Через два-три дня первые группы сторонников Мельника прибыли с житомирской базы и приступили вскоре к организации национальной жизни в городе¹. Это была, мягко говоря, трудная задача, потому что советские войска нанесли серьезный ущерб городу перед отступлением. Большая часть разрушений касалась промышленных объектов и средств связи². Более серьезным препятствием для восстановления антикоммунистической национальной гражданской жизни была массовая депортация интеллигенции. Например, только пять членов Академии наук Украины были оставлены в городе, другие же были эвакуированы в «новую культурную столицу» Украины, как коммунистическое правительство назвало Уфу в Башкирской Автономной Советской Социалистической Республике³.

В дополнение к трудностям, вызванным дефицитом материальных и людских ресурсов, существовала опасность мин-ловушек и затаившихся коммунистических агентов. Последних некоторое время не удавалось выявить, но на пятый день после взятия немцами города в его центральной части стало взрываться немало мин, и это сильно мешало стараниям немцев и украинцев восстановить нормальный образ жизни в городе⁴.

Немедленно по прибытии в Киев совет мельниковских лидеров — Конык, капитан Шулятицкий, который поступил на службу в вермахт, а также Ярослав Гайваз и Роман Бидар, которые, очевидно, прибыли без официального разрешения, — решил поставить своего человека на место помощника бургомистра (Hilfsbürgermeister), или руководителя муниципального административного аппарата. Был выбран Александр Оглоблин, известный историк советского времени. Местное командование вермахта с готовностью согласилось с назначением⁵, что свидетельствует о тесном сотрудничестве ОУН-М с вермахтом на востоке Украины в то время.

Но скоро выяснилось, что полномочия Оглоблина иллюзорны. Владимир Багазий, преподаватель педагогического института, был назначен его заместителем. В отличие от Оглоблина Багазий уже до этого приветствовал националистических лидеров и сразу попытался отождествить себя с ними. Те скоро узнали, что он обладал непомерным честолюбием и не останавливался перед нападкамии на своего начальника, которого обвинял в русофильстве⁶. Очевидно, лояльность Багазие к ОУН и его энергичные действия по реорганизации жизни в городе сделали его незаменимым. Во всяком случае, профессор Оглоблин скоро оказался на втором плане⁷, а в конце октября, после возникновения у него разногласий с германскими властями относительно мер, которые следует принять для укрепления благосостояния граждан Киева, ушел в отставку⁸, и Багазий стал руководителем администрации⁹. Получив этот пост, он отблагодарил ОУН-М за помощь тем, что, используя собственное влияние, сделал приверженцами организации видных официальных лиц¹⁰.

В то время как большинство подразделений городской администрации, занимавшихся экономическими и культурными вопросами, было оставлено в руках местных кадров, оуновцы стремились поставить под начало своих людей наиболее важные направления деятельности — пропаганду и полицию. Из Житомира привезли Захвалинского, чтобы тот взял на себя командование полицейскими формированиями, но по прошествии короткого периода, в течение которого, как утверждают, некомпетентность и распущенная жизнь сделали его кандидатуру неприемлемой для партии, он был заменен одним из галицких лидеров — Романом Бидаром. Скоро приехал и Кандыба, чтобы взять на себя ответственность за пропаганду. С ним прибыл, во главе с Иваном Рогачем, штат газеты «Українське слово», которая должна была печататься в Киеве, но из-за ущерба, нанесенного типографиям в результате взрывов, пришлось несколько недель продолжать ее выпуск в Житомире¹¹.

Захватив Киев, немецкие войска быстро продвигались на восток. Они брали с собой и большинство переводчиков и консультантов, которые составляли существенную часть мельниковцев из ОУН, принимавших участие во «взятии» Житомира и Киева. К концу октября они достигли Харькова, где Конык возглавил пропагандистскую работу. Ему и его помощникам удалось значительно пополнить ряды организации из числа представителей местной интеллигенции, но, как будет показано дальше, достичь в Харькове такого же успеха, как в Киеве, не получилось¹².

Чтобы неоднократные упоминания о сотрудничестве мельниковцев с вермахтом не создавали впечатления о преувеличенной роли ОУН-М в операциях немецкой армии, следует отметить, что последняя брала на службу много переводчиков и консультантов из славян и помимо сторонников Мельника. Некоторые из них были украинцами разных политических убеждений, включая сторонников Бандеры. Немало усилий на то, чтобы освободиться от бандеровцев, было затрачено после принятия решения подавить деятельность бандеровской группировки, но полностью достичь этого не удавалось в течение долгого времени. Кроме того, не стоит забывать о многочислен-

ных гетманцах и сторонниках УНР. Среди последних был, например, Петро Сагайдачный, на которого возлагалась организация выхода самых важных украинских газет¹³. Еще следует упомянуть русских эмигрантов и прибалтийских немцев, владевших русским. Цель вермахта состояла в том, чтобы как можно скорее установить спокойствие и порядок за линией фронта. Для этого было необходимо использовать квалифицированных людей, независимо от их политической ориентации. Верно, конечно, что отдельные офицеры вермахта предпочитали украинцев¹⁴, но выход на первый план в этот период группы Мельника объяснялся прежде всего тем, что не существовало никакой другой организованной группировки, имевшей налаженный контакт с местным населением.

Реальная судьба националистической деятельности на Украине решалась, однако, в Берлине, вдали от офицеров вермахта, проводивших описываемую выше политику. За несколько месяцев до начала войны Гитлер решил создать специальное ведомство по вопросам территорий, которые будут отвоеваны у Советского Союза, оно называлось Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete (рейхсминистерство по делам оккупированных восточных областей); командовать им был поставлен Альфред Розенберг. Розенберг, родом из Прибалтики, основной теоретик национал-социалистической партии, давно занимался вопросами народов Советского Союза. Он являлся твердым сторонником политики ослабления России, независимо от того, останется она коммунистической или нет. Исходя из этого, он смотрел благосклонно на усилия украинских националистов отделить Украину от России при условии, что группы, занятые такой деятельностью, не помешают осуществлению других целей немцев.

В то же самое время, когда начали формировать новое ведомство, которое часто называли «остминистерium» («восточное министерство»), Гитлер решил создать множество огромных провинций-сатрапий в восточных областях; главной среди них должен был стать рейхскомиссариат «Украина». Руководить этой областью плани-

ровалось поставить официальное лицо, наделенное большими полномочиями, но в вопросах общей политики подчиненного Розенбергу¹⁵. Розенберг понимал, что эта неопределенная директива не многого будет стоить, если он не сможет сотрудничать с главой рейхскомиссариата, поэтому выразил протест, когда на этот пост был предложен Эрих Кох, гаулейтер Восточной Пруссии, уже широко известный своим упрямством и жестокостью. Тем не менее Кох получил назначение, поскольку Гитлер, явно рассматривавший Розенберга как непрактичного мечтателя, хотел иметь на Украине решительного и безжалостного человека¹⁶.

Данное назначение явилось предвестником еще более серьезных ударов по «умеренной» политике Розенберга в отношении Украины. Другой аспект нацистской политики вызвал, однако, немедленное возмущение украинских националистов, а именно решение включить Восточную Галицию в «область немецкого заселения», то есть сделать ее частью генерал-губернаторства, а не будущего рейхскомиссариата. Непосредственной причиной для такого разделения украинской этнографической территории было желание иметь прямую связь между Большим рейхом и Румынией, в длительной лояльности которой нацистские лидеры имели основания сомневаться¹⁷. Однако несколькими неделями спустя «ненадежному» придунайскому королевству разрешили управлять всей украинской территорией между Днестром и Южным Бугом¹⁸. Румыны явно собирались со временем присоединить к себе область, которую они называли Трансистрия. Так как украинские националистические круги в большинстве своем и без того ненавидели Румынию, понятно, что второе отсечение украинской этнографической территории воспринималось особенно болезненно даже при том, что регион по культурному развитию и национальному самосознанию находился внизу шкалы украинских областей¹⁹.

Пока делили украинскую территорию, зарождалась еще более серьезная угроза для националистического дела. Из полномочий остминистериума в оккупированных областях исключили полицейские функции, которые сосредоточились в руках Генриха Гимmlера. С начала кампании

рейхсфюреру СС было поручено «наведение порядка» в оккупированных восточных областях. Эту задачу осуществляли айнзатцгрупп, состоявшие из специально подобранных, жестоких полицейских во главе с офицерами СС из ближнего окружения Гимmlера. На время периода стабилизации этим офицерам были даны полномочия в пределах широкого диапазона «мер по умиротворению» в тыловых районах, которые превышали полномочия всех военных командиров. Подразумевалось прежде всего истребление еврейского населения и ликвидация всех коммунистических организаций; «комиссары» и сотрудники НКВД должны были расстреливаться на месте.

Предположения о причинах конфликта между айнзатцгрупп и украинскими националистами были сделаны в предшествующей главе. Сначала мельниковцев не трогали, поскольку их считали политически недееспособными²⁰. В течение лета СП (SP, Schutzpolizei — полиция, до 1945 г. — *Примеч. пер.*) утверждала, что «фракционная группа, возглавляемая полковником Андреем Мельником, преимущественно эмигранты, больше не имеет никакого политического значения», и расценивала ОУН-М как полезный противовес организации Бандеры. К началу ноября 1941 года, однако, сообщения СП предупреждали, что группа Мельника может стать опасной, если из-за борьбы с бандеровской группой ее оставить полностью безнадзорной²¹. Как только ОУН-М обнаружила способность вести организационную работу на востоке Украины, немцы ударили и по ней.

Первая крупная вспышка репрессий против мельниковцев случилась 21 ноября, в день важной для украинских националистов годовщины. В этот день в 1921 году отряд Тютюнника, одно из последних значительных националистических формирований, вторгшихся в Советскую Украину, сделал «последний привал» около небольшого городка Базара на краю лесистой области к северу от линии Киев—Житомир. И ОУН-М решила ознаменовать эту годовщину большой патриотической демонстрацией, которую подробно описал один из ее участников²². Большая группа организаторов была прислана из Житомира; в назначенный день тысячи людей стеклись в Базар для

юбилейных торжеств. Эта демонстрация силы украинского националистического чувства весьма встревожила немцев, и тем более потому, что мероприятие было делом организованной группы, которая получила поддержку со стороны местных украинских властей. Глава районной администрации обратился к толпе, полиция под командованием старого украинского офицера охраняла собравшихся, играл полицейский оркестр. Все эти отличительные черты мероприятия показали недоверчивым германским полицейским властям, что украинцы намеренно бравировали своей независимостью. Репрессии, и очень сокрушительные, не заставили себя ждать. В Базаре провели расследование, и несколько организаторов было арестовано; далее след вел в Житомир, немцы расстреляли около двух десятков членов ОУН, включая одного из лидеров «Экзекутивы». Молодые Ясенюк и Антон Барановский, оставшиеся там лидеры ОУН, избежали такой судьбы, спрятавшись в лесах. Влияние ОУН-М в Житомире было резко подорвано, хотя репрессии затронули не многих административных чиновников, симпатизировавших организации²³.

Без прямых свидетельств делать вывод о том, что демонстрация в Базаре была причиной дальнейших гонений на мельниковцев, было бы несерьезно. Однако приблизительно в то же самое время националисты подверглись решительным репрессиям и во многих других городах; в частности, был нанесен удар по маленькой группе, вышедшей с Буковины на Николаев, по группам в Каменец-Подольском, Чернигове и Полтаве²⁴. Основная кампания репрессий была развернута в столице. Многие акции ОУН-М, не заслуживавшие, по мнению германских властей, решительного подавления, вызывали, однако, усиливающееся раздражение со стороны аппарата Гимmlера. Известная поэтесса Олена Телига стала, не добиваясь разрешения, выпускать националистический литературный журнал «Літаври». Молодежную группировку «Січь» считали потенциально опасной. Мельниковцы создали Украинский национальный совет (Раду), чтобы он действовал как символ единства на востоке Украины, и надеялись, что Рада станет в конечном счете центральным органом

националистической деятельности. Офицеры вермахта на Украине осознавали масштаб неприятностей, которые могла навлечь на себя такая деятельность со стороны высших германских властей, и один из них советовал украинцам трансформировать Раду в более безобидный комитет помощи. Когда этот совет был отвергнут, Раду официально распустили (17 ноября), и она ушла в подполье²⁵. Руководство СП знало о том, что Рада продолжает существовать, и, хотя сочло это слишком незначительным, чтобы прибегать к репрессиям, недоверие к националистам возросло²⁶. При таких обстоятельствах можно понять, почему первый удар пал на легальный, но крайне националистический орган — газету «Українське слово». Ее большой тираж — более 50 тысяч²⁷ — обеспечивал газете, по мнению полицейских властей, потенциальную возможность опасного влияния. Кроме того, редакция газеты, как уже отмечалось, состояла в значительной степени из западноукраинцев и старых эмигрантов; эти элементы рассматривались руководством СП как особо опасные.

К несчастью для националистического дела, за два месяца своего пребывания в Киеве приезжие потеряли поддержку общественного мнения. Отчасти антипатия, которую они вызывали, была обусловлена тем, что они были чужаками, и, даже те, кто родился на востоке Украины, или, как Кандыба, у которого там родился отец, были долго лишены связи с местным населением. Можно сказать, что оуновцы по праву захватили лидирующие позиции, а затем и монополию в муниципальной деятельности, поскольку были лучше организованы, имели более четкое видение того, что хотят, и привыкли брать на себя инициативу. Они иногда демонстрировали чувство превосходства по отношению к местным, и даже если вели себя более тактично, многие местные все равно были склонны подозревать в них снисходительное отношение к себе. Их присутствие в кабинетах местной власти, даже когда они ровно держались с чиновниками, неизбежно вело к трениям. Кроме того, приверженность принципу интегрального национализма означала пренебрежение вопросами социального благосостояния и гражданских прав, имевших большое значение для местного населения

после двадцати лет советской власти. «Лидерский принцип», который на востоке Украины выражался в таких крайних терминах, какие Мельник когда-либо позволял эмиграции, был чужд местным жителям. Лозунг «Петлюра, Коновалец, Мельник — три имени, одна идея» был поначалу бессмысленным для среднестатистического восточноукраинца, так как второе и третье из этих имен были ему неизвестны. После того как было дано объяснение, фраза стала означать для многих, что после смерти Петлюры националистическое движение попало в руки лидеров с получужой Западной Украины²⁸.

Все эти раздражающие факторы можно было бы стерпеть, не имея они определенного идеологического подтекста, который означал серьезные неудобства. Националистическое кредо строилось на «чистоте» украинского народа. Согласно представлениям лидеров ОУН, эта «чистота» подвергалась угрозе в результате проникновения русского элемента — физической иммиграции русских, которых стало особенно много в киевских бюрократических и интеллектуальных кругах, и русского влияния на украинскую культуру и язык. Степень влияния будет обсуждена в одной из дальнейших глав; однако необходимо указать его важность здесь, чтобы понять киевскую реакцию на оуновскую политику. Националисты взялись за радикальную «чистку» чуждых аспектов жизни в городе. Некоторые местные украинцы восприняли эту кампанию с энтузиазмом, иногда заходя в ее реализации дальше пришельцев. Другие же, хотя и были украинцами по происхождению, привыкли к русскому языку и свободно общались с лицами русского этнического происхождения. Следовательно, процесс «чистки» предполагал во многих случаях серьезное разрушение их привычного образа жизни и социальных отношений.

Из-за чрезвычайной важности этого фактора стоит привести с некоторыми подробностями один случай, который представляет собой поразительную иллюстрацию националистической психологии того периода. Он описан в дневнике видного киевского автора Аркадия Любченко, который был эвакуирован советскими властями, но смог остаться в Харькове до самого прихода немцев. Он устано-

вил потом контакт с группами Мельника (который, как было указано, проводил в Харькове ту же политику, что и в Киеве). Всегда националистически настроенный, Любченко скоро сделался восторженным сторонником интегрального национализма. В декабре благодаря своим связям с националистами возглавил харьковскую газету «Нова Украина». Вскоре в редакцию пришел харьковский автор по фамилии Филиппов и сказал Любченко, что подготовил статью, разоблачающую коммунистический режим, которую хотел бы опубликовать. Когда Любченко отверг статью, потому что она была написана по-русски, Филиппов объяснил, что его мать — украинка и что он может представить эту статью на украинском языке, поскольку вопрос языка для него не имеет значения. Любченко с насмешкой ответил, что настоящие украинцы, а таких огромное большинство в газете, не желают иметь ничего общего с человеком, который не решил для себя, украинец он или русский, так как такой человек является «интернационалистом» вроде большевиков²⁹. Легко представить, какое впечатление могли произвести такие доводы на ошарашенного посетителя. Это особенно важно в связи с тем, что работа в таком органе, как газета, для многих было не просто делом престижа или даже средством выражения мнения, но и вопросом жизни или смерти. При быстро ухудшавшемся продовольственном положении в Киеве и Харькове работа в учреждении, признаваемом немцами, следовательно, возможность получать продовольственные карточки и иметь небольшой приработок, была крайне необходима для большинства представителей интеллигенции³⁰.

Ввиду этих обстоятельств неудивительно, что германские противники националистического движения почувствовали: настало время разрушить его престиж атакой на главный орган. 12 декабря 1941 года силами СП было захвачено «Українське слово» и арестовано все руководство газеты, включая Рогача, Чемеринского и Олийника³¹. Кандыба был арестован местной полицией в городском районе, контролируемом ОУН-М, что позволило ему бежать³².

Два дня спустя газета вновь вышла — под названием «Нове українське слово», и редакционная политика газеты резко изменилась. Новым редактором стал Константин

Штепа, исполнявший обязанности ректора Киевского университета. Украинец по происхождению, он служил офицером в царской армии и, хотя имел явные антисоветские убеждения, оставался неприкрытым русским патриотом, выступавшим за принятие русской культуры и языка по всей Украине и поддержание административных связей с Москвой, поэтому являлся убежденным врагом украинского националистического движения³³. В первом номере его газеты была опубликована статья, инспирированная немцами, но приемлемая для Штепы, в которой на националистов нападали за то, что «газету, которая должна была быть информационным изданием, они превратили в рупор своей группировки». Националисты, объяснялось в статье, отказались принять во внимание германские требования, заключавшиеся в том, чтобы газета служила всему обществу; Штепе надлежало «популяризировать» эти идеи, иллюстрацией чего и служила статья на второй полосе газеты с призывом: «работа вместо политики»³⁴.

При Штепе «Нове українське слово» стала раболепствовать перед немцами. Отчасти это объяснялось крайней строгостью и бдительностью германской цензуры; редактор был обязан публиковать за собственной подписью статьи, составленные германскими пропагандистами, хотя документы показывают, что в частных беседах с германскими официальными лицами он подвергал нацистскую политику резкой и смелой критике³⁵.

Националистические статьи, содержащие нападки на основы их движения, задевали за живое тем, что отвергали историческое равенство украинской культуры с русской. Штепа в этом отношении явно зашел дальше коммунистических газет, возвращаясь к традициям «Малороссии», столь ненавистным для украинских националистов³⁶. Сколь бы искренними ни были его чувства русского националиста, для человека украинского происхождения, пишущего на украинском языке в украинской столице, осуждение украинского националистического движения могло расцениваться в националистических кругах не иначе как акт государственной измены.

Глубокой осенью, когда айнзатцгрупп громили группы ОУН-М, администрация рейхскомиссариата обосно-

валась на всей Правобережной Украине, в то время как территория к востоку от Днепра оставалась под управлением вермахта. Согласно планам, составленным в остминистериуме, рейхскомиссариат «Украина» должен был в конечном счете включить все территории Советской Украины в границах, установленных до 1941 года, кроме Трансистрии, Галиции и областей, перешедших к СССР от Румынии в 1940 году. Помимо того, предполагалось, что он расширит границы за счет территорий к югу от линии, примерно проходящей к югу от Курска к Волге и там включит в себя Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья³⁷. На северо-западе рейхскомиссариат должен был охватить несколько южных районов из состава предвоенной Белорусской Советской Социалистической Республики, включая Брест, Пинск и большую часть железной дороги, соединяющей эти города с Гомелем³⁸.

К концу августа процесс умиротворения западной части этой обширной области зашел так далеко, что на совещании между представителями Коха и Розенберга, с одной стороны, и армейскими чинами — с другой, уже планировалось передать ее под управление рейхскомиссариата³⁹, что и было постепенно выполнено в последующие три месяца⁴⁰.

Учреждение рейхскомиссариата не поменяло общих основ временного управления, установленного вермахтом⁴¹. Однако оно внесло совсем новый дух. Под строгий контроль были поставлены многие аспекты украинской жизни, в которой вермахт оставлял относительную свободу действий местным жителям. Вся Правобережная Украина была разделена на пять Generalbezirk (генеральбецирк, укрупненная область. — *Примеч. пер.*) со штабами в Ровно, Житомире, Киеве, Николаеве и Днепропетровске⁴². Каждому генерал-комиссару подчинялось около двадцати гебитскомиссаров, и каждый из них имел под своим управлением крайсгебит (округ. — *Примеч. пер.*), включавший в среднем четыре района. Украинская администрация работала, как правило, только на этом, самом нижнем, уровне⁴³. В каждой деревне были старосты, имелись украинские главы районных администраций. Хотя иногда

украинцы занимали и более высокие посты — консультантов или специалистов⁴⁴, не существовало никакой унифицированной структуры местных администраций, за исключением городов, независимо от величины, где глава администрации был из украинцев. В больших городах, которые не были включены в крайсгебиты, украинские «мэры», однако, находились в строгом подчинении немецким штатткомиссарам.

Столь же важным, как его административная структура, было личное отношение Коха к украинцам, которыми он должен был управлять. Для него они были просто неполноценной расой, колониальным народом, который нужно использовать в интересах Германии. «Они слишком неполноценны, чтобы их сравнивать с немцами»⁴⁵, «последний германский рабочий стоит в тысячу раз больше местного»⁴⁶ — это характерные высказывания, иллюстрирующие его отношение к украинцам. Поэтому бывший мелкий железнодорожный служащий чувствовал себя крайне оскорбленным, когда украинская интеллигенция пыталась организовывать национальную жизнь по собственному усмотрению. Весь тон его администрирования подразумевал, что украинцы были как бы недоразвитым народом, который не мог достичь уровня культуры достойного внимания; те же, кто пытается доказать обратное, просто полубразованные эмигранты-смутьяны, к которым нужно относиться самым строгим образом, так, чтобы они не мешали осуществлять производственные обязанности простым, но полезным «крестьянам» (то есть всем несмутьянам) в интересах немцев.

Одним из первых проявлений решимости Коха сокрушить все центры автономной жизни было уничтожение националистических сил, остававшихся на легальном положении в Киеве. Западноукраинские группировки удалось подавить, но большая группа восточноукраинских сторонников организации Мельника открыто продолжала ограниченную деятельность. Ее руководитель Багазий был таким же националистом, как и арестованные западноукраинцы. Характерный для его самодовольной неосторожности случай имел место примерно в то время, когда Багазий стал мэром. Киев посетила группа ино-

странных журналистов, включая несколько немецких. В их присутствии он выразил верность ОУН, восхваляя Коновальца и Мельника как тоталитарных лидеров, сказав: «Взгляды всех украинцев обращены к Мельнику». Германский офицер, находившийся при этом, попросил журналистов не сообщать об этом высказывании, зная, что это вызовет резкое раздражение нацистских вожаков⁴⁷.

Хотя Эрих Кох и его помощники были во многих отношениях поразительно неосведомлены об истинном характере украинской жизни в Киеве, после откровенности Багазия они с неизбежностью осознали, что тот работает скорее на украинские интересы, чем послушно выполняет немецкие приказы. Очевидно, что антинационалистические силы в редакции газеты «Нове українське слово» сделали все возможное, чтобы вызвать недовольство немцев городской администрацией. Например, газета напечатала статью служащего муниципалитета с критикой эмигрантов, возвратившихся в Киев. Автор высказывал недовольство тем, что из сорока служащих его отдела тринадцать являются приезжими и платят им больше, чем местным, хотя первые вовсе не являются более квалифицированными работниками и их семьи меньше⁴⁸. Учитывая враждебность Коха и его подручных к эмигрантам, такие высказывания, должно быть, вселили в них уверенность, что популярность немцев никак не пострадает, если они искоренят остатки внешнего влияния в киевской жизни.

Вряд ли это были истинные причины ареста Багазия, произведенного в начале февраля 1942 года (по-видимому, указанные в сноске 48. — *Примеч. пер.*). Очевидно, германским должностным лицом, ответственным за падение Багазия, был генерал-комиссар Магуниа, один из ближайших помощников Коха среди должностных лиц рейхскомиссариата. Тот работал, конечно, в тесной координации с СП; обвинения против Багазия в полицейском сообщении крутятся исключительно вокруг его националистических действий⁴⁹. Например, начальник отдела религиозных конфессий, как утверждается, угрожал русофилу епископу Киева Пантелеймону. Другое обвинение касалось «незаконного использования немецкой соб-

ственности», но особое значение имела, похоже, продажа им нефтепродуктов (вероятно, советского происхождения, конфискованных немцами) с целью помочь националистическому делу. Ему предъявили обвинение как лидеру подпольной ОУН-М, и было объявлено, с очевидной достоверностью, что множество организаций, контролируемых националистами, работали под его руководством. Видимо, самым тяжелым обвинением в глазах немецких чинов было, однако, то, что он пытался обеспечить контроль над украинской полицией. Как был выше указано, ОУН-М действительно контролировала основную часть украинской полиции в Киеве, но Багазий едва ли был лично ответственен за это. В целом мотивы снятия Багазия были такими же, какие преобладали всюду в рейхскомиссариате при разгоне националистических групп. Эта акция целиком укладывалась в политику Эриха Коха; он защищал ее от критики Розенберга и продемонстрировал собственную самонадеянность и тупость, добавив несколько несуразных обвинений к тем, что были выдвинуты в докладе СП⁵⁰.

Репрессии против националистических сил в Киеве коснулись не только Багазия. Аресты были нацелены прежде всего на две группы: еще действовавших литературных лидеров примыкавшей к ОУН-М «Лиги украинских писателей» во главе с Оленой Телигой и молодым закарпатскоукраинским автором Иваном Ирлявским и Сечь, которую возглавлял молодой восточноукраинский журналист Иван Кошук, также член ОУН-М⁵¹. В общем было казнено (а это, как правило, происходило вскоре после ареста) около сорока человек⁵², большинство которых являлись студентами-медиками, входившими в Сечь⁵³. Помимо этого несколько основных национальных организаций Киева были вынуждены прекратить свою деятельность, включая Украинский национальный совет. Даже «Просвита» подпала под подозрение и была закрыта на некоторое время⁵⁴.

Эти аресты не пресекли попыток развернуть национализм в Киеве. Подпольная ОУН-М (как и остатки конспиративной группы ОУН-Б) делала все, что могла, чтобы стимулировать националистические настроения. Да и в

городской администрации отнюдь не было произведено резких изменений, как это произошло с редакцией газеты. Немцы, вероятно, не слишком стремились закрыть все отдушины для выхода украинских националистических настроений. Розенберг, несмотря на свое небольшое влияние, в этом отношении проявлял определенную сдержанность, да и сам Кох отрицал, что он антиукраинец⁵⁵. Несомненно, в своем презрении ко всем славянам он не делал различий между украинцами и русскими; его благожелательное отношение к русофильским элементам в журналистике, возможно, было случайным или, по крайней мере, являлась попыткой установить управляемый немцами баланс между группировками.

Снижение влияния ОУН-М было неожиданным и довольно длительным, поскольку репрессии против ее групп продолжались по всему рейхскомиссариату. Кроме того, и это будет подробно освещено дальше, во многих местах появились сильные украинские националистические группы, оппозиционно настроенные в отношении оуновской идеологии; эти группы вели борьбу за развитие национализма, препятствуя таким образом росту влияния ОУН. В других районах сведения о подавлении киевской группы — разгоне Национального совета, похоже, произвели особенно сильное впечатление, заставив там осторожничать и воздерживаться от усилий по созданию националистических организаций. Вследствие этих событий, после февраля 1942 года работа двух ОУН составляла только относительно малую часть общего потока националистических и антинационалистических сил, которые следует рассматривать скорее в их географическом, социальном и идеологическом контексте, чем в порядке общего повествования.

Чтобы понять развитие национализма в течение остальных двадцати месяцев германской оккупации Восточной Украины, необходимо уделить некоторое внимание влиянию германской политики на аспекты жизни, не связанные напрямую с националистическими настроениями. Множество томов крайне неприятной для чтения литературы можно было бы посвятить тем несчастьям, которые причинили многострадальным народам Советско-

го Союза слепые действия германских правителей. Здесь предпринята попытка дать лишь чрезвычайно краткое описание четырех непродуманных аспектов политики, с помощью которой было сделано все, чтобы разрушить жизнь людей в оккупированных районах, и которая, в частности, косвенно повлияла на характер националистических движений.

Первый, и во многих отношениях наиболее грубый просчет германской политики, привел к смерти огромного числа советских военнопленных. Летом и осенью 1941 года сотни тысяч красноармейцев попали в немецкий плен. В основном это произошло из-за быстрого продвижения немецких войск и серьезного перевеса германского оружия; но, по крайней мере частично, это можно объяснить нежеланием бороться за коммунистическую систему и надеждой, что после плена придет более свободная жизнь для всех советских народов. Германская армия была совсем не подготовлена к настолько массовой сдаче в плен. Однако никакие трудности в содержании пленных не могут извинить ужасные последствия пренебрежения людьми, что, в отличие от большинства других злодеяний, совершенных на востоке, было прежде всего ошибкой вермахта. Частично виной тому была неэффективность или жестокость подчиненных вермахту *Etappegruppen* (этаппенгруппен, войск тылового района), но исключительная безжалостность многих высоких офицерских чинов также сыграла важнейшую роль, поскольку развязывала руки их подчиненным⁵⁶. Бесчисленные тысячи пленных были заперты за колючей проволокой на открытых равнинах. Продовольствия не хватало настолько, что военнопленные быстро превращались в живые скелеты; осенью появились случаи людоедства⁵⁷. «Измощенные желтые лица выглядывали из воротников шинелей — передаваемое человеческое страдание», как писал один украинец о посещении лагерей⁵⁸. После наступления холеров сыпной тиф плюс голод стали уносить сотни тысяч человек.

Так как многие из этих лагерей были расположены на Украине, население скоро узнало об условиях в них, даже при том что значительная часть пленных украинского

происхождения была отделена от общей массы и освобождена немцами⁵⁹. Кроме того, вряд ли жители не видели трупов военнопленных, расстрелянных (скорее всего как комиссары или коммунисты) и брошенных в деревнях незахороненными⁶⁰. Естественно, убеждение в том, что немцы хотят истребить славянские народы, получило широкое распространение.

Второй просчет немцев был менее шокирующим, чем отношение к военнопленным, но в конечном счете его отрицательное воздействие на отношения с украинским населением оказалось куда сильнее. Это была политика в области сельского хозяйства. В своем намерении получать больше продовольствия и сырья для укрепления германского военного потенциала нацистское руководство решило эксплуатировать сельское хозяйство Украины так же, как это делали советские правители при проведении коллективизации в двадцатых годах⁶¹. Но немцы были еще менее склонны поставлять в деревню достаточное количество потребительских товаров, чтобы стимулировать труд индивидуального крестьянина, потому что им требовалось направлять их собственным сражающимся войскам. Кроме того, их ситуация была во многих отношениях более трудна, чем у Кремля в 1929 году: материальной базы для реконструкции индивидуальных хозяйств — зданий, оборудования, домашнего скота — часто не хватало, поэтому возвращение к индивидуальному ведению сельского хозяйства, вероятно, означало бы резкое снижение производительности и прибавочной продукции для поставок в Германию.

С другой стороны, у немцев были веские причины уничтожить колхозную систему как существенную особенность советской системы, которую они учили презирать. Огромное число крестьян ненавидело колхозы, похоже, больше, чем любой другой аспект советской системы. Хотя и маловероятно, что эта ненависть была всеобщей, несомненно, такое чувство было сильным среди старших групп населения, тех, что на других условиях готовы были бы сотрудничать с немцами⁶².

Столкнувшись с этой дилеммой, германские правители применили тактику компромисса и обмана. Они обе-

щали распустить колхозы, но, вопреки желанию крестьянина сразу получить землю, мотивировали отказ тем, что процесс должен быть постепенным. Сначала колхозу предстояло трансформироваться в *Gemeinwirtschaft* (громадське господарство), или общественное хозяйство; единственным существенным эффектом было увеличение размера каждого двора. На втором этапе, который должен был последовать в ближайшем будущем, хозяйство предполагалось преобразовать в *Landbaugenossenschaft* (хлиборобська спілка), или сельскохозяйственное товарищество. На этой стадии каждое домашнее хозяйство должно было получить определенный земельный надел и вознаграждаться в зависимости от урожая, снимаемого с этой земли, хотя многие сельскохозяйственные работы предполагалось проводить коллективно, чтобы преодолеть голод, недостаток в тягловых животных, тракторах, топливе для тракторов и инвентаре⁶³.

Там, где программа была выполнена без промедления, большинство крестьянства, по всей видимости, благосклонно восприняло перемены⁶⁴. Однако на большей части Украины, особенно в рейхскомиссариате, процесс шел с досадными промедлениями. Частично это объяснялось тем, что немцы не произвели тщательного обследования земель, прежде чем их делить между хозяйствами. Более серьезным препятствием была преднамеренная обструкция со стороны Коха и прочих, кто, чувствуя, что программа оставит какой-то сектор жизни вне их контроля, выдвигали аргумент, что все это мероприятие кончится снижением поставок. В результате только 10 процентов вместо запланированных 20 *Gemeinwirtschaften* были преобразованы в *Landbaugenossenschaften*⁶⁵. Несмотря на скудные практические результаты, программа деколлективизации стала любимой темой пропаганды Коха — несомненно, потому, что немного было тем позитивного характера, по которым он разрешал дискутировать. В конце концов, однако, постоянно нарушаемые обещания бесспорно привели к потере доверия к немцам, даже к готовности вернуться к советской системе, с ее уже известными пороками. Крестьянская поговорка — «плохая мать все же лучше много обещающей мачехи» — показательна для

суждения крестьян о германской сельскохозяйственной политике⁶⁶.

Проблема обеспечения сельскохозяйственных поставок была тесно связана с проблемой снабжения продовольствием украинского городского населения. Одним из способов, с помощью которых немцы стремились получить больше сельхозпродукции для собственных нужд, был практический отказ от снабжения продовольствием жителей городов. Первая зима особенно показательна в этом плане. Замысел был прост: голодающее городское население изыщет какие-то средства (обмен или другие), чтобы побудить крестьян поделиться частью продуктов, припрятанных и сохраненных сверх того, что смогли получить от них немцы⁶⁷. До некоторой степени, конечно, это было верно. Частные лица ездили по селам, стараясь выменять съестное у крестьян так же, как это происходило после революции. Городские власти и социальные комитеты делали все возможное, чтобы обеспечить продовольствием своих клиентов; в действительности причина того, что немцы разрешали этим подозрительным организациям действовать, состояла в том, что таким образом они сами оказывались освобожденными от необходимости заниматься такими вопросами. Ресурсы, которыми располагали эти органы, были, однако, бесконечно малы по сравнению с потребностями, потому что ценные материалы, оставленные в городах, были реквизированы немцами⁶⁸.

Крестьяне, в свою очередь, мало что могли предложить на продажу. Они жили при регламентированной планируемой советской экономике, когда индивидууму не давали накапливать сельскохозяйственную продукцию, в отличие от более свободной царской системы, при которой более преуспевающие крестьяне обычно имели кое-что на продажу, если предлагалась достаточно привлекательная цена. Крайне тяжелые реквизиции, наложенные вермахтом, особенно в форме произвольных захватов, также сильно приуменьшили запасы. Результатом стала серьезная нехватка продовольствия в городах, особенно в таких крупных, как Киев и Харьков, которая принесла голод и мор зимой и весной 1942 года⁶⁹.

Подобно сельскохозяйственной политике, приведшей к голоду в городах, программа Ostarbeiter была результатом безжалостных усилий, направленных на увеличение германского военного потенциала. В отличие от прежней политики, однако, ее зло даже не может быть оправдано кратковременной целесообразностью. Концепция привоза иностранных рабочих на военные заводы была сама по себе достаточно разумна. Более того, осуществленная должным образом, она могла бы скорее привести к увеличению, а не снижению прогерманских настроений на Украине. Есть надежное свидетельство того, что население поначалу относилось с симпатией к немецким усилиям привлекать рабочую силу на добровольных началах⁷⁰. Кроме того, большое число украинских националистов поддержало эту меру; они не только хотели помочь Германии выиграть войну против Советского Союза, но и полагали, что войти в контакт с передовой германской технологией и вообще с западноевропейской культурой будет ценным опытом для молодых украинцев. Для них это было средство разорвать слишком близкие связи украинской нации с русскими и азиатами из их империи и установить европейскую ориентацию страны⁷¹.

К несчастью, методы, которые немцы применяли по отношению к рабочим-волонтерам, скоро истощили этот источник рабочей силы. Украинцев часто перевозили в ужасных условиях, а по прибытии в Германию размещали кое-как. Квалифицированные рабочие и другие профессионалы, которые вызвались поехать в Германию, чтобы приобрести там опыт, повысить свое техническое умение, использовались в качестве грубой рабочей силы⁷². Наиболее важным, однако, было то, что украинцы, подобно другим остарбайтер, были обязаны носить оскорбительный значок, отличавший их от западных европейцев; им запрещали социальные контакты с последними, и, как следствие, им было запрещено посещать кинотеатры, рестораны и другие общественные места. Добровольцы почувствовали, что немцы относятся к ним (так оно и было со стороны многих немцев), как большевики к заключенным⁷³.

Когда политика сегрегации привела к недостатку добровольцев, то прибегли к силе; 21 сентября 1942 года в

рейхскомиссариате была официально введена обязательная трудовая повинность для молодых мужчин и женщин⁷⁴, но в действительности принудительный набор на работы применялся задолго до этого. В ответ на неизбежные уклонения от повинности германские власти пустились на самые низкие ухищрения: захватывали молящихся в церквях или приглашали людей на театральные представления, а там всех арестовывали. Сила и жестокие наказания — такие как сожжение деревень, из которых бежали потенциальные рабочие, — стали обычным делом⁷⁵. Рабочих везли в Германию в неотапливаемых вагонах для скота, за дверями с колючей проволокой. Хуже того, людей для отправки отбирали без какой-либо системы⁷⁶. Иногда забирали матерей маленьких детей, забирали сыновей и мужей, которые были единственной опорой для своих семейств⁷⁷.

Страх перед таким обращением, возможно, был единственной наиболее важной причиной народного недовольства немцами. Помимо страха материальных лишений идея принудительной отправки в отдаленную и неизвестную страну возродила генетический страх поколений перед ссылкой в Сибирь⁷⁸. Масштаб упомянутой программы был настолько велик, что она коснулась каждого семейства, став всеобщим злом. Только за первые десять месяцев немецкой оккупации⁷⁹ из Киева было отправлено в Германию 38 тысяч человек (более 10 процентов населения города). В южных генеральбецирках число угнанных было, похоже, меньше⁸⁰, но в житомирском бецирке к середине 1943 года — 170 тысяч (приблизительно 6 процентов населения) и еще 30 тысяч человек было отправлено позже⁸¹. К началу августа 1943 года каждый из сорока жителей Украины был угнан в Германию на принудительные работы⁸², а к концу оккупации число украинских рабочих в Германии составляло 1 миллион 500 тысяч⁸³.

Страдания, вызванные описанными выше действиями немцев, не повлияли напрямую на деятельность националистических элементов, как повлияли немецкие притеснения в области образования, религии, культуры и притеснения местной администрации. Косвенно, однако, это

сыграло огромную роль в развитии националистических движений на востоке Украины в период немецкой оккупации. С одной стороны, все мысли и действия людей были подчинены вопросам самосохранения. Постоянная борьба за выживание привела к тому, что энергии и внимания для решения политических вопросов, включая национализм, просто не оставалось. С другой стороны, явная невозможность ни на каких условиях прийти к соглашению с германскими властями привела многих к поиску политического движения, которое обещало избавление. Многие, конечно, вернулись к идее коммунизма, надеясь, что опыт «почти поражения» приведет к модификации политики Москвы. Другие единственное рациональное решение видели в опоре на националистические партии.

Ослабевшие после шести месяцев репрессий, с сентября 1941 по февраль 1942 года, обе группировки ОУН пытались не упустить свой шанс. Из двух этих фракций бандеровская приняла, похоже, самое легкое, но далеко не простое для осуществления решение, поверхностность которого характерна для этой группировки и объясняется несколькими факторами. Члены ОУН-Б были почти все молоды, и их движение делало слабый акцент на систематической идеологической работе. Когда они переместились в Восточную Украину, то уже имели в багаже массу лозунгов и романтических клятв⁸⁴, которые либо привлекали к себе, либо отталкивали местное население. Во втором случае бандеровцы часто обращались к резким осуждениям или даже к силе. Благодаря этой тактике они стали чуждыми большей части интеллигенции. Последняя, в свою очередь, имела тенденцию либо формировать собственные группировки, либо примыкать к мельниковцам. Поэтому сторонники Бандеры если и находили какую-то поддержку, то только в менее образованных слоях населения — среди рабочих и крестьян⁸⁵. Таким образом они получили возможность узнать запросы масс. Так как их северные силы были разогнаны, бандеровцам пришлось сосредоточить свои усилия на юге Украины, где интеллигенция, имеющая националистический потенциал, была слаба.

На протяжении периода, с конца 1941 года и до отступления немцев с Восточной Украины осенью 1943 года, руководство ОУН-Б продолжало подчеркивать «волютаристские» элементы программы (подпольные публикации того периода полны дискуссией о роли подпольных движений, природе терроризма как политической тактики и роли будущей украинской армии). В то же время уже в апреле 1942 года лозунг «Слава Украине, слава героям» был дополнен лозунгом, предложенным левым крылом бандеровского второго съезда, — «Свобода народам и личности»⁸⁶. Кроме того, совещание лидеров в том же месяце решило выступить против объявленной немцами «земельной реформы»⁸⁷.

Соответственно, подпольная печать отмечала, что роспуск колхозов, отвечавший интересам украинских националистов, пока что имеет место только на бумаге. Одна газета утверждала не без проницательности, что программа — лишь средство заставить крестьянина работать на пределе своих сил. В той же статье националистам был дан совет расширить работу, охватывая все сферы жизни, и не совершать ошибки УВО, признававшей только военные средства борьбы. Примечательно, что был дан пример из истории коммунистической партии: «правильная» линия подобна линии большевиков, которые выбрали универсальный подход к вопросам революции, в то время как «Народная воля» (в России конца XIX века) потерпела неудачу, потому что полагалась лишь на терроризм⁸⁸.

В конечном счете, однако, главное направление идеологии не могло быть изменено в то время. Лидеры (те, что были на воле) находились в Галиции и на Волыни, в среде сравнительно свободной от советского подобия внимания к социальным и экономическим вопросам. Те члены организации, которые принадлежали к подполью на востоке, и завербованные ими новички были другими, но имели слишком мало влияния, находились в изоляции и не могли изменить характер организации. Такая перемена могла произойти при условии, что западные украинцы установили бы тесный контакт с новыми силами советского мира.

Для активистов ОУН-М на востоке Украины начальный процесс приспособления к новой обстановке был

намного труднее, что обуславливалось возрастом и укоренившейся в них идеологией. Кроме того, большинство новичков на востоке Украины пришли в организацию из среды интеллигенции. Хотя на них и повлияли советские условия, они никоим образом не представляли собой срез советского общества, а являлись специфической группой, которая ставила национальное сознание выше социального и в конечном счете вызвала определенные изменения в идеологии ОУН-М. Некоторые члены организации, как было отмечено в случае с Любченко, стали более неистовыми националистами, чем их наставники. Некоторые из них сохранили свою «чистоту» до конца рассматриваемого периода и далее. Так, одна из брошюр, автор которой восточнукраинский профессор, принадлежавший к подполью ОУН-М, была выпущена к концу германской оккупации Восточной Украины и указывала на расистский характер «единства крови» в доктрине Сциборского. Но даже эта брошюра противопоставляла доктрину фашизму на том основании, что теория Сциборского демократична и дает максимум возможностей каждому, требуя при этом от каждого максимальной отдачи. В социальных вопросах поддерживалась идея смешанной экономики государственного капитализма, кооперативы и частный капитал, но отвергалась концепция классовой борьбы и выдвигалось требование отмены колхозов⁸⁹.

Некоторые из членов ОУН-М, которым довелось увидеть Украину в 1941 году, намеревались не останавливаться на соединении своей концепции национализма с социалистической системой, к которой массы на востоке Украины привыкли. 24—25 мая 1942 года на конференции лидеров ОУН-М, проводившейся под городом Кременцом, имели место выступления, содержащие резкую критику германской политики колониализма. Организация провела 14—15 августа 1942 года в Киеве Всеукраинский конгресс украинских незалежников. Он свел вместе не только членов ОУН из многих частей Восточной Украины, но и членов других националистических организаций, вне зависимости от того, находились ли они в согласии со старой идеологией ОУН или нет. Таким образом,

опыт постоянно увеличивался⁹⁰. Лидеры наподобие Кандыбы сочли, что новообращенные националисты, которые присоединились к движению на волне энтузиазма, были по сути своей реалистами, которые хотели дел, а не слов⁹¹. После того как группа Мельника больше не могла представлять себя делегатом немецких властей, ее авторитет предполагалось восстановить с помощью программы, которая осуждала бы германские репрессии. Кандыба убедился в необходимости защищать идею государственного контроля над промышленностью и торговлей. Кроме того, сторонники Мельника решили, вопреки собственной предвзятости, что единственный способ предотвратить отчуждение восточнукраинской молодежи состоял в том, чтобы отказаться от осуждения колхозов в пользу программы, которая оставляла бы крестьянам выбор — сохранить или отменить коллективное хозяйство⁹².

Необходимость для фракций ОУН серьезного пересмотра идеологии ради того, чтобы привлечь людей из Восточной Украины, указывает на серьезные различия в психологии между жителями этого региона и жителями Западной Украины, сформировавшиеся в течение предшествующих двадцати лет. Тот факт, что столь существенная часть организаторов партии, включая старшее поколение ОУН-М, смогла перестроиться, позволяет сделать вывод: идеология интегрального национализма не так уж глубоко укоренилась в сознании западноукраинцев и эмигрантов, но как только они столкнулись с восточнукраинскими условиями, а также невозможностью действовать в этих условиях — концепция расширила собственные рамки. Это не означает, конечно, что националистическая цель была отброшена теми, кто изменил тезисы пропаганды; достижение украинской независимости осталось для них главной ценностью. Они поняли, что для основной массы населения Восточной Украины независимость может быть представлена как средство достижения других целей, но не как конечная цель. Обретение независимости как части национальной жизни, а не сути ее, было само по себе отрицанием основ интегрального национализма. Имманентную гибкость украинских националистических воззрений подтверждает тот факт, что они подверглись подобным из-

менениям в несколько более позднее время под воздействием изменившихся обстоятельств на западе Украины. Чтобы понимать эти обстоятельства, необходимо исследовать один из наиболее интересных аспектов украинского национализма во Второй мировой войне — националистическое партизанское движение.

Примечания

¹ Интервью 65.

² *Леонтій Форостівський*. Київ під ворожими окупаціями. Буэнос-Айрес: Микола Денюсюк, 1952. С. 21—23.

³ *Краківські вісті*. 1941. 16 октября. С. 2; 1942. 25 февраля. С. 4; *Українська дійсність*. 1941. 1 ноября. С. 1.

⁴ *Леонтій Форостівський*. Київ під ворожими окупаціями. С. 24; PS 053.

⁵ Интервью 56, 65.

⁶ Там же. Chief of the SP and SD, Report of Einsatzgruppen and Kommandos, No. 191, April 10, 1942. С. 41. Утверждается, что Багазий при советской власти был директором «еврейской» школы в Киеве и преподавал детям Хрущева, позже стал помогать националистам.

⁷ Это видно и из публикаций того времени. Ср.: *Наступ*. 1941. 8 ноября. С. 3—5, где печатается статья, написанная ранее в Киеве Петро Олийником, в которой Багазий описывается как бизнесмен. «*Український вісник*» (1941. 26 октября. С. 6) дает зарисовку заседания начальников отделов городской администрации под председательством Багазия.

⁸ Интервью 56.

⁹ Багазий заступил на пост 1 ноября (*Наступ*. 1941. 20 декабря. С. 2).

¹⁰ Интервью 53, 65.

¹¹ *Юрій Таркович*. *Краківські вісті*. 1942. 21 января. С. 2; *Наступ*. 1941. 8 ноября. С. 3; интервью 65.

¹² См. главу 10.

¹³ Интервью 79.

¹⁴ Особенно доктор Ганс Кох и его помощник в абвере профессор Оберлендер.

¹⁵ Начальник канцелярии [Гитлера] Ламмерс, передавая Розенбергу 18 июля 1941 года приказ фюрера от 17 июля 1941 года, NG 1280 (далее NG 1280). К дискуссии об эволюции германской политики см. Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941—1945: A Study of Occupation Policies* (London: Macmillan & Co. Ltd., 1957).

¹⁶ Memorandum, Führerhauptquartier, July 16, 1941, PS 1221 (далее как PS 1221).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ PS 197. На совещании 16 июля (там же) было намечено дать Румынии лишь небольшое приращение к востоку от границы 1939 года по реке Днестр; это решение было подправлено в течение последующих шести недель.

¹⁹ 31 августа газета «Український вісник» набралась смелости открыто выступить против этого решения, поставив вопрос: «Возможно ли, чтобы украинские земли за Днестром, политые казацкой кровью, были переданы под румынское управление?» На той же странице орган УНО критиковал присоединение Галиции к генерал-губернаторству как не соответствующее «принципу национальности» (Український вісник. 1941. 31 августа. С. 3). В течение нескольких недель ряд отделений УНО в Германии направили петиции непосредственно Гитлеру с протестом против передачи украинских территорий; о петициях от групп в Пльзене, Берлине и Люксембурге см. Осс Е-4 (8), в Yiddish Scientific Institute (далее как Осс Е-4 [8]).

²⁰ NO 2650.

²¹ Chief of the SP and SD, Report of Einsatzgruppen and Kommandos, No. 133, November 14, 1941. P. 31, NO 2825 (далее как NO 2825).

²² П. Дуб. В роковини демонстрації в Базарі (споним) // За самостійність. 1946. Ноябрь. С. 8—11; см. также. ОУН у війні, інформаційна секція ОУН (УНР). 1946. Апрель. С. 69—72.

²³ Александр Ясенюк, например, остался начальником областной администрации.

²⁴ ОУН у війні. С. 72.

²⁵ Там же. С. 68.

²⁶ PS 3876.

²⁷ Краківські вісті. 1942. 15 марта. С. 5. Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete (рейхсминистерство по делам оккупированных восточных областей) сообщало (вероятно, в 1942 году), что киевская газета «Последние новости» была единственной газетой на русском языке «в сердце Украины» и хвалило ее за «умеренность», несмотря на «проявляющиеся иногда панславистские тенденции».

²⁸ Сохранилось мало публикаций ОУН-М того периода, и многие из них находятся в частных собраниях. «Український вісник» от 28 сентября 1941 г., с. 3 содержит перепечатку листовки, распространенной в Восточной Украине, в которой говорится, что Мельник — наследник Коновальца, который, в свою очередь, был наследником Петлюры, «убитого евреем Шварцвартом». О критике оуновской пропаганды в Восточной Украине того времени см.: Федір С. Єфременко (восточнукраинский эмигрант). Краківські вісті. 1941. 1 ноября. С. 2. Юрий Бойко. У сяві нашого Києва: «Українське слово» у Києві в 1941 році (Munich: Tsitsero, 1955). Это значительное собрание статей, перепечатанных из главного органа ОУН-М на востоке Украины в 1941 году, которое, вероятно, было выпущено специально, но некоторые статьи (например, «На Украине — говори по-украински», с. 111—112) весьма показательны.

²⁹ Аркадій Любченко. Щоденник (Дневник). Т. 1. Издательство М. Дмитренко. Торонто: Нові дні, 1951. С. 25.

³⁰ Интервью 59. Сам Любченко (*Любченко*. Щоденник. С. 60 и далее) столкнулся с этим, когда обстоятельства изменились и ему нужно было искать работу в Киеве.

³¹ OUN и Viini. P. 73.

³² *Л. Дніпрова*. Українське слово. Париж, 1950. 18 июня. С. 3. Chief of the SP and the SD, Reports from the Occupied Eastern Territories, No. 32, December 4, 1942. P. 5.

³³ Протокол допроса одного издателя в Киеве в начале 1943 года, который был специалистом по древней истории, автором работ «Переселение народов» и «Римское право» (CXLVa 78, Centre de Documentation Juive Contemporaine, hereafter referred to as CXLVa 78). Единственным лицом, подходящим под это описание, является Константин Штепа.

³⁴ Эти статьи были перепечатаны в газете «Українська дійність», 5 января 1942 г., с. 2.

³⁵ CXLVa 78.

³⁶ Бюлетень. № 9—10 ОУН-Б (конец 1942 г.). С. 14—15. Эту подпольную публикацию дал мне Микола Лебедь.

³⁷ Memorandum, Die neuen Ostgebiete, June 16, 1941; Розенберг — Альфреду Майеру, October 20, 1941.

³⁸ Memorandum, Die Zivilverwaltung im besetzten Osten, Reichskommissariat Ukraine.

³⁹ PS 197.

⁴⁰ Бывшая польская Волынь была передана в состав рейхскомиссариата в конце августа (*Deutsche Ukraine Zeitung*, January 24, 1942. P. 3). Более подробно германская политика обсуждается на страницах книги Дэйлина «Германский порядок в России».

⁴¹ Вермахт создал армейскую администрацию, состоявшую из Ortskommandanturen и, более мелких, Feldkommandanturen. Эти военно-административные учреждения занялись наведением порядка и приступили к работе по восстановлению экономической и социальной жизни. Наряду с ними уже существовали полицейские формирования, набранные и руководимые абвером вермахта, но состоявшие в основном из украинцев, как уже было сказано. Однако они были поставлены под контроль полицейских подразделений СС. Кроме того, Wirtschaftstab-Ost (хозяйственный штаб «Восток») создал Wirtschafts-Inspektion Süd (хозяйственная инспекция Юг) с целой сетью администраторов-экономистов, включая районных Landwirtschaftsführer (La-Führer) — сельскохозяйственные руководители, которые были ответственны за организацию экономики в соответствии с германскими потребностями. См. PS 053.

⁴² PS 702. Первоначальные организации на территориях к западу от Днепра охватывали советские области — Ровенскую, Волынскую, Каменец-Подольскую, Житомирскую, Винницкую, Киевскую, Кировоградскую, а также части Николаевской, Днепропетровской, Полтавской, Запорожской, Пинской и Брестской (Пинской области не было и нет, так как сам Пинск находится на территории Брестской области. — *Примеч. пер.*). 1 сентября 1941 года остающиеся части Днепропетровской, Полтавской и Запорожской областей были включены

ны в рейхскомиссариат. Несколько позже был образован шестой генеральбецирк «Таврия», включивший в себя южные части Запорожской и Николаевской областей (см.: Deutsche Ukraine Zeitung. 1943. 2 сентября. С. 3).

⁴³ Был, однако, консультативный орган на уровне генеральбецирка, по крайней мере, в Житомире (см.: Deutsche Ukraine Zeitung. 1942. 25 февраля. С. 2).

⁴⁴ «Украинцами» немцы называли этих чиновников, но это относилось ко всем, проживающим на украинской территории. На самом деле многие были русскими, и вермахт особенно старался набирать этнических немцев (PS 197; доклад командующего Heeresgebiet В, Abteilung VII. 1942. 10 октября. PS 051), хотя последние часто оказывались коммунистическими шпионами, намеренно оставленными советским режимом на занятой немцами территории (доклад представителя Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete при Heeresgruppe Mitte /войсковая группа «Центр»/, 10 декабря 1941 г., PS 1682; далее PS 1682). Даже когда фольксдойче были антикоммунистами, украинские националисты недолюбливали их, считая русофилами.

⁴⁵ Кох Розенбергу, 16 марта 1943 г., PS 192 (далее PS 192).

⁴⁶ Сообщение Oberkommando der Heeresgruppe В для Oberkommando des Heeres, Generalquartiermeister, Abteilung Kriegsverwaltung, 1 апреля 1943 г., PS 1130 (далее PS 1130) основано на устном докладе Oberkriegsverwaltungsrat (члена главной военной администрации) доктора Классена, присутствовавшего на собрании нацистской партии в Киеве (5 марта 1943 г.), когда Кох произнес эти слова.

⁴⁷ Увидели ли те это сообщение — вопрос, потому что оно было, по-видимому, напечатано только в одной итальянской газете и в украинской прессе (Наступ. 1941. 6 декабря. С. 1, со ссылкой на миланскую газету «Стампа» от 1 ноября 1941 г.).

⁴⁸ Нове Українське слово. 1942. 3 января (перепечатано газетой «Українська дійсність» от 1 февраля 1942 г., с. 2). Главное обвинение в адрес Багазия состояло в том, что он содержал слишком большой штат в городской администрации и платил ему слишком большие деньги (PS 192).

⁴⁹ Глава СП и СД. Доклад о событиях в СССР. 1942. 10 апреля. № 191, NO 3256 (далее NO 3256).

⁵⁰ PS 192.

⁵¹ ОУН у війні. С. 74; Т. Як. Гриб. С. 43, нелегальная брошюра ОУН-М, выпущенная, вероятно, в конце оккупации Восточной Украины.

⁵² Т. Як. Гриб. С. 43.

⁵³ Юрко Степовий. Син Закарпаття: українське революційне підпілля в Києві, 1941—1942 р. Мюнхен, 1947. С. 19.

⁵⁴ PS 192.

⁵⁵ PS 192. Переписка, захваченная у Ивана Козмыка (Петренко), закарпатского украинца, возглавлявшего сектор пропаганды ОУН-М в Киеве, перед тем как он был схвачен и расстрелян в сентябре 1942 года, свидетельствует об оппозиции ОУН-М немцам, как и

советскому режиму. Глава СП и СД. Доклады с оккупированных восточных территорий. 1942. 2 октября. № 23 и 1942. 13 ноября. № 29.

⁵⁶ См. мнение командования вермахта, приведенное в главе 6, в связи с борьбой с партизанами.

⁵⁷ Доклад инспектора вооружений по Украине в отдел вооружений Верховного командования вермахта (OKW) о положении в рейхскомиссариате «Украина» 29 ноября 1941 г., PS 2174 (далее PS 2174).

⁵⁸ *Юрій Таркович*. Краківські вісті. 1942. 21 января. С. 2.

⁵⁹ Интервью 51; Директива Верховного командования вермахта. Отдел по военнопленным (OKW, Abteilung Kriegsgefangene). 1941. 16 июня; Наступ. 1941. 12 июля. С. 2; Amt Ausland Abwehr (иностранное управление абвера) для Oberkommando der Wehrmacht (Верховное командование вермахта — OKW), приложение 15 сентября 1941 г., данные по СССР No. 338 (далее приложение по СССР No. 338); Командующий тыловым районом Ic войскового округа «Юг» (Heeresgebiet Süd), Behandlung der aus der roten Armee desertierten Ukrainer (Обращение с украинцами, дезертировавшими из Красной армии). 1941. 11 августа.

⁶⁰ Меморандум лейтенанта Оберлендера (Abwehr II, Heeresgruppe Süd), 1941. 28 ноября, USSR Exhibit No. 278 (далее как USSR Exhibit No. 278). Оберлендер указывает, что прогерманские симпатии населения уменьшились, хотя вермахт остается оккупационной властью.

⁶¹ *Herbert J. Ellison*. The Decision to Collectivize Agriculture // *American Slavic and East European Review*, XX (April, 1961). P. 189—202, приводит убедительные свидетельства того, что в советской политике коллективизации сельского хозяйства преобладали скорее политические мотивы, чем экономические.

⁶² PS 3876.

⁶³ *Deutsche Ukraine Zeitung*. 1942. 28 февраля. С. 3. Планировалась и конечная стадия — Einzelhof, или индивидуальное хозяйство, но они мало где были созданы, если вообще были.

⁶⁴ См., например, доклад орсткомендатуры Мелитополя (Ortskommandantur Melitopol). 1942. 8 июля. PS 1693 (далее PS 1693); доклад № 7 представителя рейхсминистерства по оккупированным восточным областям (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete) при войсковой группе «Центр» (Heeresgruppe Mitte) и штаба командующего тыловыми войсковыми округами «Центр» (Stab des Befehlshabers des rückwärtigen Heeresgebiets Mitte) капитана Миллера 24 марта 1942 г. в рейхсминистерство по оккупированным восточным областям, PS 1686 (далее PS 1686).

⁶⁵ Меморандум Бройтигама. 1942. 25 октября. PS 294 (далее PS 294).

⁶⁶ Донесение об обстановке, Хозинспекторат Юг (Wirtschaftinspektorat Süd Ic, апрель 1942 г., NG 1089 (далее NG 1089); Меморандум генерал-комиссара Крыма Альфреда Фрауэнфельда Гиммлеру, 10 февраля 1944 г., NO 5394 (далее NO 5394).

⁶⁷ PS 2174.

⁶⁸ Во время ужасной зимы 1941/42 года социальный отдел киевской администрации выделял лишь около 100 тысяч карбованцев (или рублей; номинально они были эквивалентны 10 тысячам рейхсмарок, или приблизительно 4 тысячам долларов) в месяц; в то время молоко стоило 20 копеек за литр, картофель около 250 копеек за центнер (если автор имеет в виду американский центнер, то он составляет не 100, а 45 килограммов. — *Примеч. пер.*) (Українська дійсність. 1942. 10 мая. С. 1). К этим денежным расходам можно, конечно, добавить продовольствие, полученное с помощью обмена. Например, одно из обвинений, выдвинутых против администрации Багазия, состояло в том, что она меняла газетную бумагу на продовольствие в маленьких городках (интервью 59).

⁶⁹ По сведениям Оберлендера (приложение по СССР, No. 278).

⁷⁰ Доклад № 7 представителя рейхсминистерства по оккупированным восточным областям (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete) при войсковом округе «В» (Heeresgruppe В) лейтенанта Тойпера 7 октября 1942 г. PS 054 (далее PS 054).

⁷¹ Краківські вісті. 1942. 6 февраля. С. 3.

⁷² PS 054.

⁷³ Доклад о настроениях за период 12 июня — 14 июля 1942 г., Auslandbriefprüfstelle, Gruppe VII (служба проверки писем из-за границы, 7-я группа), PS 302 (далее PS 302).

⁷⁴ Deutsche Ukraine Zeitung. 1942. 22 сентября. С. 3.

⁷⁵ Auslandbriefprüfstelle, (служба проверки писем из-за границы), доклад о периоде 11 сентября — 11 ноября 1942 г., PS 018 (далее PS 018).

⁷⁶ Landesbauernführer Körner. Die neue deutsche Ukraine-Politik, PS 1198 (далее PS 1198).

⁷⁷ Осс Е-4 (1); PS 054.

⁷⁸ Устное сообщение генерал-комиссара Ляйзера (Житомир) Розенбергу от 17 июня 1943 г., PS 265 (далее PS 265).

⁷⁹ Начальник СП и СС по Киеву начальнику СП и СС по Украине, 20 июля 1942 г., NO 1603 (далее NO 1603).

⁸⁰ Лишь около 1 процента населения из генеральбецирка «Николаев» к середине 1942 года (совещание Заукеля и официальных лиц рейхскомиссариата в Киеве, 12 августа 1942 года, NO 1606; далее NO 1606).

⁸¹ PS 265.

⁸² Согласно Заукелю, главе программы по остарбайтер, на совещании у Гитлера 20 августа 1943 года, NO 1831 (далее NO 1831).

⁸³ PS 1198.

⁸⁴ Одна из их клятв, обнаруженная немецкой полицией, гласила: «Клянусь своей честью, во славу павших героев, во имя святой пролитой крови, моей украинской земли и величия моей украинской родины, что я буду бороться всеми своими силами и ценой своей жизни за свободное и украинское государство. Всем сердцем, всей душой и всем своим существом я признаю, что только украинская революция может дать власть украинскому государству и народу. Я буду стоять насмерть на поле боя, чтобы построить нацио-

нальное украинское государство. Никто и ничто не может заставить меня свернуть с пути украинской национальной революции — ни трудности, ни смерть. Я выполню любой приказ своего вождя. Я клянусь Украине, что я преданно и честно выполню все обязанности, которые возложит на меня Организация украинских националистов под командованием Степана Бандеры. Я буду всеми своими силами и ценой своей жизни бороться за украинское правительство, не зависящее ни от кого, бороться за его мощь и честь. Слава Украине, слава героям!» (PS 3943).

⁸⁵ Interviews 18, 66. Начальник СП и СД (Доклады с оккупированных восточных территорий. 1942. 22 мая. № 191) отмечает, что бандеровцам приходилось полагаться на «простой люд», потому что интеллигенция сотрудничала с немцами.

⁸⁶ Бюлетень. 1942. Апрель. № 4. Подпольная публикация, представленная мне Мыколой Лебедем. Отрывки (в немецком переводе) этой публикации есть в Chief of the SP and the SD, Reports from the Occupied Eastern Territories, No. 14, July 31, 1942.

⁸⁷ *Лебедь*. УПА. С. 18.

⁸⁸ Бюлетень. № 4. С. 5—7. Другие публикации ОУН-Б конца 1942 и начала 1943 года («Вісник Української інформаційної служби», № 7—8 и «Ідея и чин», № 1, 1942 г.) демонстрируют значительный интерес к вопросам сельского хозяйства, несмотря на условия жизни и ограничения украинской культурной и образовательной деятельности. По-прежнему на виду «нациократия» Донцова, но одновременно присутствует резкая критика «москвофилов» и ОУН-М.

⁸⁹ См. подпольную брошюру, которую написал Як (Гриб), и Chief of the SP and SD, Reports of Einsatzgruppen and Kommandos, No. 185, March 25, 1942 о подпольной листовке, призывающей к борьбе за независимость от «оккупанта».

⁹⁰ ОУН у війні. С. 78.

⁹¹ Интервью 65.

⁹² Там же.

Глава 6

ОТ ПОДПОЛЬЯ К СОПРОТИВЛЕНИЮ

Для групп, открыто проивостоящих оккупационной силе, Украина в целом — в высшей степени неприветливый регион; по большей части это открытая равнина, лишенная естественных мест укрытия. Кроме горных районов Карпат в Галиции, Закарпатской Украины и Буковины, которые в течение долгого времени оставались вне зоны открытого сопротивления, трудно найти что-либо подходящее для убежищ. Такие районы почти полностью ограничены поясом лесов и болот на севере. Когда-то лесистая местность преобладала к северу от линии, идущей от пункта на границе с Польшей к юго-западу от Кременца и почти прямо на восток, через Житомир и Киев, к границе Украины и России примерно в 80 километрах к северо-западу от Сум¹. Но в течение веков основная часть этого региона была очищена от лесов для пашен; наличие многочисленных болотистых мест не дало вырубить все леса, однако чем дальше на север, тем больше лесистых областей и тем реже они перемежаются с открытой местностью. На Украине в границах, административно определенных до 1941 года, эта лесная зона редко где более 160 километров вширь, хотя длина ее составляет более 640 километров. Рейхскомиссариат «Украина», однако, включал в себя дополнительную полосу, аннексированную у Белоруссии, составившую в среднем около 64 километров в ширину и включавшую в себя куда более непроходимые болота, чем лесная зона к югу. Из этой зоны ее южная часть, частично очищенная от лесов, является ценной с сельскохозяйственной точки зрения и плотно заселена; она формирует неотъемлемую часть историче-

ских земель Украины — Волынь, Киевщину и Черниговщину. Северная часть — Полесье не имеет сельскохозяйственной ценности, но там находится основная часть деревообрабатывающей промышленности Украины.

Когда германские войска шли в 1941 году по Украине на восток, они старались двигаться по магистральным линиям, избегая трудных, болотистых областей. В течение недель, а в некоторых случаях даже месяцев, наиболее недоступные районы оставались вне зоны немецкого контроля, что позволило набрать силу партизанскому движению, которое оказывало сопротивление оккупационным властям.

Несомненно, советские официальные лица решили развернуть партизанские операции, как только масштаб катастрофы, вызванной немецким вторжением, стал очевиден, однако сложные детали их планирования все еще не полностью ясны². Во всяком случае, стремительность, с которой продвигались к Днепру немцы, показала неэффективность систематических попыток развернуть партизанское движение на Украине к западу от этой реки. К югу от обширного пояса болот и лесов, простирающихся от польской этнографической территории к сердцу Центральной России, попытки создать партизанские отряды были, как правило, неудачны, даже если для их формирования времени было больше. Первые же усилия создать отряды в этнически смешанных областях Левобережья, граничащих с Белоруссией и Россией — Черниговской и Сумской, принесли результат. Там советские официальные лица, офицеры НКВД и опытные кадры коммунистической партии вроде ветерана — первого секретаря в Чернигове Алексея Федорова сумели поддерживать непрочное постоянство советской власти в течение зимы 1941/42 года³.

Коммунистов заставляли действовать как их заинтересованность в поддержании советского статус-кво, так и страх насильственной смерти, если они попадут в руки немцев (до подобного зоологического объяснения причин партизанского движения, изложенного здесь и приведенного ниже, далеко не всякий и менее образованный американец додумался бы. — *Примеч. пер.*), поскольку по приказу Гитлера все комиссары и коммунистические функционеры подлежали расстрелу. Это же касалось и офицеров политот-

делов Советской армии^{*}. Поэтому такие люди, будучи отрезанными от своих в результате германского наступления и загнанные в труднопроходимые районы, имели мощный стимул собрать вооруженные отряды достаточно сильные, чтобы обеспечить себе временное выживание. Их первыми рекрутами были, как правило, рядовые солдаты, которые имели все основания бояться голода в лагерях военнопленных. К началу войны на Украине было размещено большое количество офицеров и солдат, многие из них не были украинцами. Например, Александр Сабуров, впоследствии выдающийся командир партизанских «рейдов» на оккупированной украинской территории, родился на Урале, но на начало войны являлся офицером НКВД в Киеве⁴.

Роль НКВД и партийных аппаратчиков, как правило не являвшихся этническими украинцами, была даже более явной в руководящих штабах, которые постепенно взяли под контроль разрозненные партизанские отряды в течение зимы и весны 1942 года. Естественно, это касается Центрального штаба партизанского движения в Москве. Но даже начальником оперативного отдела украинского штаба (поначалу тоже в Москве) был ветеран НКВД, русский из Сибири Тимофей А. Строкач⁵. Роль штабов укрепили, дав им возможность выделять многочисленные легкие самолеты для снабжения партизанских отрядов боеприпасами, снаряжением и продовольствием, для переброски специалистов-подрывников и политработников, что позволило штабам играть главную роль в политическом, а также военном руководстве — то есть поддерживать рудименты советской власти в областях, недоступных для прямого контроля Кремля.

Это не подразумевает, что после организации и развертывания партизанского движения аппаратчиками оно не получило на более поздней стадии некоторой поддержки со стороны украинского народа. Партизанские отряды, как правило намного более слабые, чем немецкие войска, не могли обойтись без помощи местных жителей в разведке, укрывательстве и диверсионной деятельности. Для этого использовались и убеждение, и принуждение. При-

* С 1918 по 1946 год Советская армия носила официальное название Красная армия.

нуждение пускалось в ход, когда было необходимо реквизировать продовольствие, снаряжение, вовлекать людей в партизанские отряды и пресекать сотрудничество с немцами. Использовались различные методы, включая убийство семей тех, кто поступал на службу в немецкую полицию или административные органы, а также убийство самих коллаборационистов⁶. Сам факт наличия партизанских сил внушал осторожным крестьянам мысль, что советская победа возможна и опасно становится на сторону врага. Убеждение, однако, было бы неэффективным, не совершай немцы столько злодеяний, особенно службы по набору остарбайтер, что побуждало тысячи людей, главным образом молодых и годных к партизанской жизни, бежать в лес⁷. Немцы не хотели проводить земельную реформу, поэтому у крестьян не было причин препятствовать возвращению советской власти, что также способствовало успеху партизанского движения. Партизаны прилагали немало усилий, чтобы привлечь крестьян на свою сторону, в некоторых случаях даже платили за реквизированное продовольствие. Согласно немецкому отчету, один отряд красных партизан распределял землю среди крестьян в районе, находившемся под его контролем⁸.

Незамедлительное развертывание движения красных партизан и мощь, отчасти поддерживаемая за счет подкреплений из неоккупированных областей страны, позволяли ему доминировать в единственном подходящем для партизанской войны регионе к востоку от Днепра. Националисты не могли организовать там партизанские отряды, поскольку не заручились предварительно существенной народной поддержкой⁹, возможность получить которую была мала оттого, что многие антигерманские элементы присоединились к коммунистическому подполью и партизанским отрядам, прежде чем националисты смогли развернуть свои организации. Кроме того, националистические отряды были слишком малы, подвергались преследованию со стороны немцев и располагались слишком далеко от своих баз в Галиции, чтобы набрать кадры для широкомасштабного партизанского движения. Потребовались месяцы борьбы, чтобы поддержать само существование подполья и выработать программу, приемлемую для масс, прежде чем националисты оказались

готовы к более или менее серьезной деятельности. К тому времени немцы везде отступали, и партизанская война против них вряд ли имела бы особую ценность*¹⁰.

ДЕЙСТВИЯ ПАРТИЗАН В СЕВЕРНОЙ УКРАИНЕ

Приведенное далее собрание карт имеет целью схематически показать развертывание партизанского движения в Северной Украине с начала советско-германской войны и до освобождения основной части региона Красной армией в конце 1943 года. Территориальное деление представляет собой генеральбецирки, с запада на восток: Волынь—Подолье, Житомир, Киев и Черниговскую область.

Условные обозначения:

Главные центры красных партизанских отрядов

Район, где деятельность красных партизанских отрядов была столь интенсивной, что нарушала германский контроль

Направление главных действий красных партизан

Главные центры украинских националистических партизанских отрядов — сторонников Боровца и Мельника

Главные центры украинских националистических партизанских отрядов — сторонников Бандеры

Район, где деятельность националистических партизанских отрядов была столь интенсивной, что подрывала установленный германский порядок

Направление главных действий националистических партизан

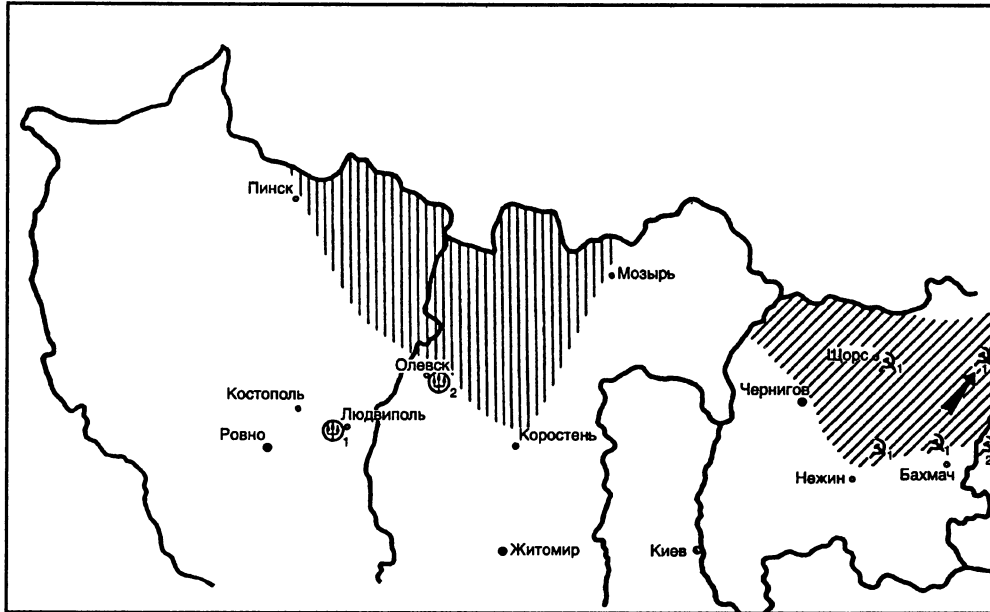

Направление главных немецких контрдействий

* Однако какова логика: нападать на отступающую Красную армию — в этом была «ценность», а атаковать отступающих немцев — «не имело бы особой ценности» (would have had little value). (*Примеч. пер.*)

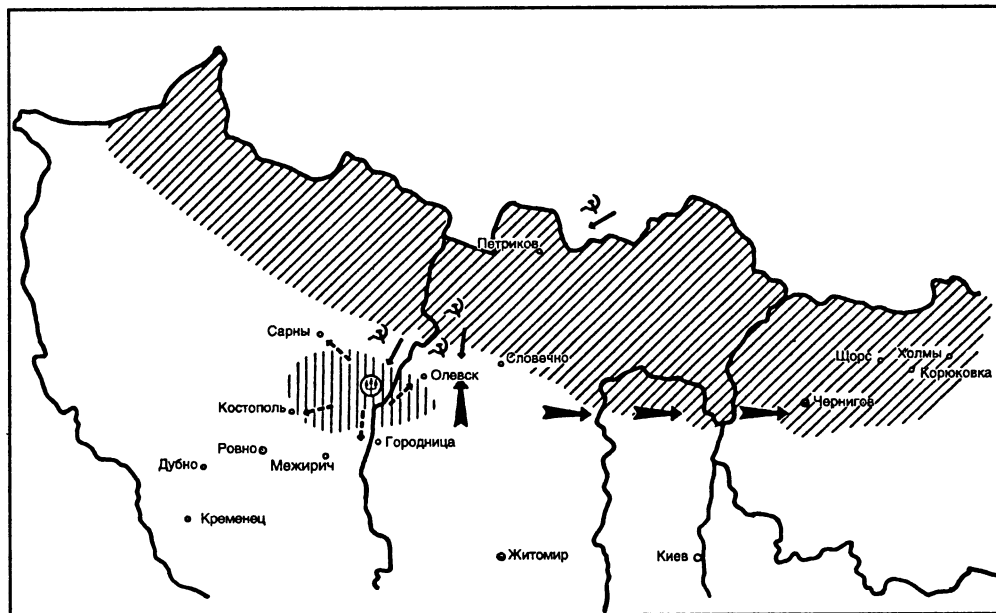
ИЮЛЬ 1941 г. — ИЮНЬ 1942 г.

Эта карта представляет собой картину развертывания партизанского движения разного рода. Представленные националистические украинские партизанские отряды были нерегулярными силами, состоявшими на службе у немцев, и использовались скорее для борьбы с красными партизанами, чем были повстанческими партизанскими силами, и район, представленный как контролируемый ими, это район, где немцы не устанавливали гражданской администрации до ноября 1941 года (Олевская республика).

- «Полесская сечь», после того как она ушла в подполье в ноябре 1941 года
1
- Штабы украинской националистической полиции «Полесская сечь» до ноября 1941 года
2
- Главные центры красных партизан зимой и весной 1942 года
1
- Главный район людского пополнения красных партизанских сил Ковпака зимой 1942 года
2

ИЮЛЬ—ДЕКАБРЬ 1942 г.

1 «Полесская сечь», после того как она ушла в подполье в ноябре 1941 года

2 Штабы украинской националистической полиции «Полесская сечь» до ноября 1941 года

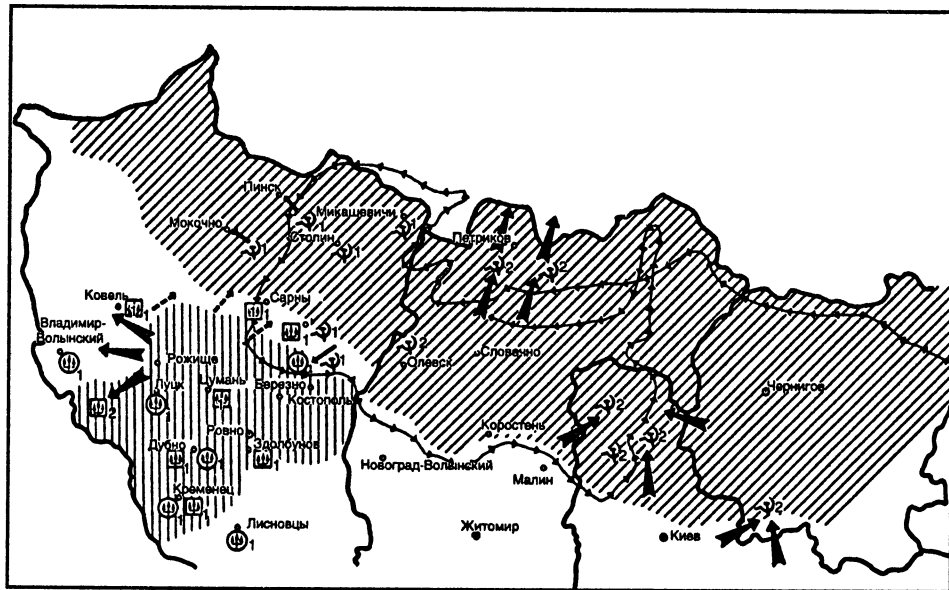

1 Главные центры красных партизан зимой и весной 1942 года

2 Главный район людского пополнения красных партизанских сил Ковпака зимой 1942 года

ЯНВАРЬ—МАЙ 1943 г.

1 Главные центры бандеровских отрядов зимой и ранней весной 1943 года

2 Распространение партизанских действий бандеровцев в апреле и мае 1943 года

1 Главные центры отрядов Бульбы и Мельника в течение периода

1 Главные центры действий красных партизан зимой и ранней весной 1943 года

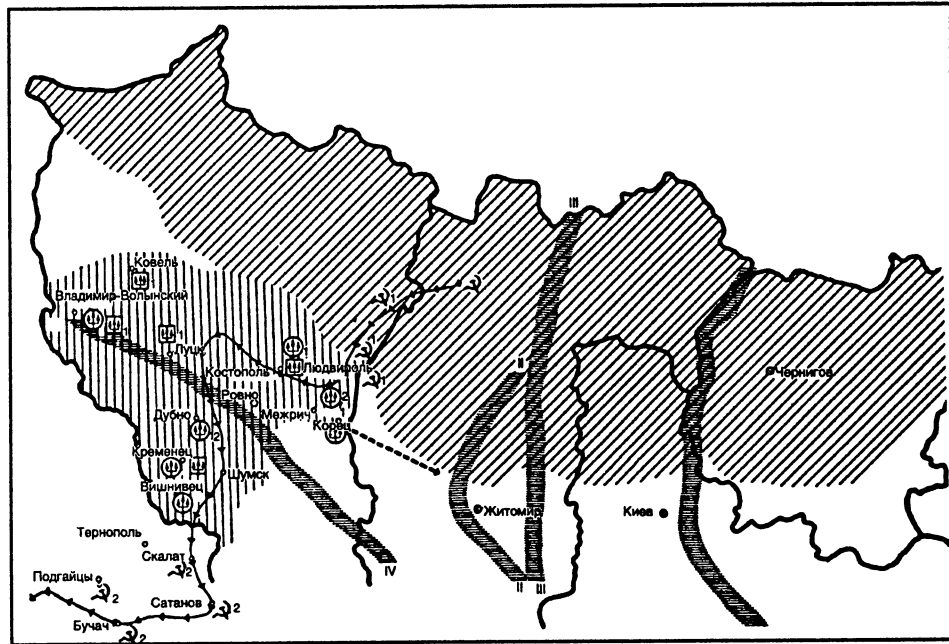

2 Другие центры деятельности в апреле и мае 1943 года

Путь отряда красных партизан Ковпака (отряд начал свой рейд в ноябре 1942 года, в декабре его выжали за северные границы рейхскомиссариата, как показано на карте, но ради упрощения все действия отряда в течение периода его вступления в Правобережную Украину показаны на этой карте)

ИЮНЬ—ДЕКАБРЬ 1943 г.

 1 Главные центры действия бандеровских партизанских отрядов, май—июль 1943 года

 2 Новые штабы бандеровских отрядов в конце лета и осенью 1943 года

 1 Главные отряды Мельника и Бульбы, май—июль 1943 года

 2 Последние укрепленные пункты отряда Бульбы перед его распадом

 1 Основные места контактов красных партизанских отрядов с националистическими, май—июль 1943 года

 Маршрут карпатского рейда Ковпака

 2 Главные пункты действий Ковпака в Галиции, июль 1943 года

 3 Район, куда остатки отряда Ковпака вернулись в сентябре 1943 года

 Приблизительные линии боев между Красной армией и вермахтом; римскими цифрами отмечены нижеследующие даты:

I — 1 октября 1943 г.

II — 12 ноября 1943 г.

III — 10 декабря 1943 г.

IV — 15 февраля 1944 г.

Волынь, которая была рядом с главной базой — Галицией и сильнее пронизана националистической идеологией, представляла собой более благоприятное поле деятельности для украинских националистических партизанских отрядов. Народ на Волыни страдал почти так же, как оккупированная немцами Восточная Украина. Однако бандеровцам, которые в основном были выходцами из Галиции, потребовалось немало подготовительной работы, чтобы приобрести реальную силу в этом регионе. И в течение более года они ограничивались подпольной пропагандой, внедрением в полицию и подготовкой тайников с оружием¹¹. На риск активного сопротивления бандеровцы не хотели идти, несмотря на наличие большого числа молодежи в их рядах и близость галицкой базы. Фракция Мельника, очевидно, не могла совершить такую попытку, даже когда ее разрыв с немцами мог бы сделать сопротивление желательным. Следовательно, единственной украинской националистической организацией, которую отдаленно можно было бы охарактеризовать как партизанскую группу, в течение первого года правления рейхскомиссариата на Волыни была «Поліська Січ» («Полесская сечь») под командованием Боровца.

Крайне трудно установить, какие действия предпринимала УПА в течение 1942 года. Не вызывает сомнений, что зимой и весной она спорадически вступала в столкновения с малыми отрядами красных партизан¹². Она существовала нелегально, вопреки немецкому приказу о ее роспуске. На этой стадии УПА под руководством Боровца тайно собирала оружие. Представляется верным и то, что некоторые члены организации имели вооруженные стычки — нападая на государственные сельскохозяйственные предприятия и освобождая заключенных — с немецкими силами безопасности в районе города Сарны, помогая крестьянам противостоять репрессивным мерам. Но Боровец утверждал, что был дружелюбен к вермахту и «не пролил ни капли немецкой крови»¹³. Следовательно, нельзя сказать, что немцы были недовольны ситуацией в этой местности — непроходимой, низким уровнем экономического развития, — которая

могла бы служить базой для красных отрядов в тылу немецкого фронта. Кроме того, как подчеркивал сам Боровец, у него никогда не было намерения вовлекать движение в крупномасштабные военные действия, а скорее сохранять маленький штаб, который мог бы черпать поддержку и пополнение среди сочувствующего полесского крестьянства¹⁴.

Роль отряда была значительна, поскольку в конце лета 1942 года советские партизаны в Полесье сочли нужным направить своего эмиссара, Александра Лукина, на переговоры о проведении совместных действий против немцев¹⁵. Переговоры можно расценивать как признак шаткости целей и идеологии этой маленькой националистической группировки. Бульба Боровец, будучи малообразованным человеком, очевидно, не решил для себя, каким курсом движение должно следовать, хотя и любил свою страну. Он продолжал поддерживать связи с УНР; при его группировке почти постоянно находились офицеры УНР в качестве консультантов по военным вопросам, в которых за недостатком лет мало кто из молодых членов группировки Боровца был сведущ. Боровец периодически связывался с Андреем Левицким — через старого члена УНР капитана Раевского, который официально исполнял обязанности районного управляющего в Ровно¹⁶.

Эти связи были слишком непостоянны, чтобы обеспечивать надежную руководящую помощь, даже если ослабленный штаб в Варшаве и мог предложить ясную линию. В то же время группа под руководством Боровца действовала как прибежище для крайне разношерстных элементов, искавших спасения от немецких преследований. Как было сказано ранее, Боровец заключил соглашение с ОУН-М, по которому ему должны были прислать множество офицеров. Но эта помощь явно запаздывала. К лету 1942 года, однако, появилось несколько человек; одним из них был житомирский журналист Антон Барановский (Баранівський), который стал представителем Мельника в штабе Боровца¹⁷. Барановский, конечно, твердо придерживался линии ОУН-М. Совершенно иную группу составляли бывшие «леваки» из партии Бандеры.

Его лидерам — Митрынге, Турмановичу, Рываку и Борису Левицкому — было назначено вместе с походными группами провозгласить акт (о независимости, как во Львове. — *Примеч. пер.*) в Киеве. Когда эти отряды были разогнаны немцами, не успев осуществить цель, молодежь избежала ареста, но была вынуждена скрываться. Вся тенденция развития ОУН-Б показывала, что члены организации больше не могут рассчитывать на одобрение их новой программы, поэтому все, кроме Рывака и Левицкого (которые укрылись в Галиции), сбежали на Волынь, где нашли защиту в «Полесской сечи»¹⁸. Там, очевидно, они привлекли своей идеологией помощника Боровца, Леонида Щербатюка, сына одного из генералов республиканской армии. При поддержке молодого Щербатюка в лесном краю, среди необразованных крестьян, была основана новая украинская партия, известная как Украинская народно-демократическая партия (Українська народна демократична партія — УНДП), программа которой декларировала, что промышленность, средства транспорта и другие крупные предприятия должны принадлежать государству, а управлять ими следует рабочим. Программа осуждала авторитарный способ правления и нарушение прав личности¹⁹.

Именно эта разномастная группировка вела переговоры с советским партизаном Лукиным осенью 1942 года. Советский и националистический отчеты о переговорах хоть и отличаются в некоторых деталях, однако оба указывают, что красный эмиссар потребовал формального подчинения националистического отряда советскому командованию, в то время как Боровец и его советники требовали, чтобы соглашение ограничивалось взаимодействием против немцев²⁰. Кроме того, советские источники открыто признают, что красные партизаны были в то время очень слабы на Волыни. Они почти целиком зависели от поддержки сильных советских партизанских отрядов в Белоруссии. Был один отряд под Ковелем, но им командовал поляк и состоял он, очевидно, скорее из поляков, чем из украинцев²¹. Поэтому вполне понятно, что советские власти хотели получить поддержку группы Боровца, пока на Волыни не было сформировано большее количество

«надежных» советских отрядов. Важно, что одним из коммунистических требований, как утверждалось, было ведение открытых действий против немцев, включая, в частности, убийство рейхскомиссара. Причины, на основании которых Боровец отклонил требования, вполне понятны, ибо полностью соответствуют тактической линии его движения. Он считает, что такие действия в то время были бы убийственны для его отряда и навлекли бы страдания на жителей Волыни²².

Когда Боровец больше не мог затягивать переговоры, Лукин вернулся в Москву; затем красные партизаны начали движение против отряда, который до этого надеялись использовать в качестве союзника. В конце лета 1942 года множество советских партизан было либо переброшено на север Волыни по воздуху, либо партизаны пересекли Припятские болота со стороны Белоруссии и превратились в реальную угрозу как для националистического отряда, так и для германской администрации. К осени весь лесной район к западу от Днепра стал полем для их действий.

С прибытием архипартизана Сидора Ковпака нервозность обстановки усилилась. Советская пропаганда многие месяцы изображала партизан на Украине людьми, движимыми местным патриотизмом, которыми руководили чуть ли не наследники Богдана Хмельницкого и других легендарных героев. Очевидно, пропагандистов вынуждали уточнять, что эти командиры — в отличие от многочисленных посторонних элементов, упомянутых выше, — были истинными украинцами. Ковпак, который стал партизанским командиром в Сумской области, представлял собой подходящий пример. Хотя его противники утверждали, будто он был цыганом — беспорядок бивака даже его почитателям позволял сравнивать партизанский лагерь с цыганским табором, — представляется вероятным, что он был украинцем по происхождению, возможно даже (как он сам утверждал), потомком запорожских казаков. Это был старый коммунист, ветеран Гражданской войны 1918—1920 годов, но весьма необразованный; его грубые простецкие манеры, казалось, вызывали любовь к нему со стороны многих украинцев, а очевидными спо-

собностями партизанского вожака он завоевал уважение к себе. В августе Ковпак вылетел из своего убежища в брянских лесах (на границе России и Украины) в Москву для встречи с самим Сталиным. Советский диктатор спросил его — согласно мемуарам Ковпака и других красных партизан, — возможно ли совершить крупный рейд по Правобережью, области к западу от Днепра. Очевидно, усилия небольших разрозненных партизанских отрядов казались незначительными, принимая во внимание масштаб военных действий; кроме того, Сталин чувствовал необходимость убедить своих прежних субъектов в реальности советской власти, послав к ним реальную силу. Ковпак согласился совершить рейд и в конце октября выступил в поход²³. Его продвижение по Черниговской области было нетрудным, поскольку там действовали крупные партизанские силы Федорова; 10 ноября мобильные силы Ковпака форсировали Днепр и вступили на территорию рейхскомиссариата. Пункт, в котором произошло форсирование Днепра, находился в крайнем отдалении от владений Эриха Коха, выше слияния Припяти и Днепра²⁴, на территории Белорусской Советской Республики. В течение первой половины зимы Ковпак держался осторожно, в пределах северной зоны Украины — в условиях труднопроходимой местности. Маловероятно, что, проводя эти действия, он размахивал советским флагом перед истинно украинским населением, хотя в конце ноября его соединение проникло в южное Полесье под Олевском, где раньше базировался штаб «Полесской сечи»²⁵. Самой крупной единичной победой отряда Ковпака в этот период был временный захват 26 ноября центрального города крайсгевита — Лельчица²⁶. После этого немцы предприняли серьезные контратаки, и люди Ковпака, похоже, перенесли два нелегких месяца, укрываясь от немцев в замерзших болотах в районе среднего течения Припяти²⁷. В феврале, однако, Ковпак пошел на юг, пройдя по краю территории Бульбы, а затем двинулся на восток, к генеральбецирку «Житомир».

В то время как красные силы наступали с северо-востока, украинское националистическое партизанское движение начинало обретать реальную силу, хотя нацио-

налисты были вынуждены уступить северо-восток Волыни более сильным красным партизанам²⁸. СС и вермахт пришли к согласию по поводу необходимости принятия жестких мер против коммунистического партизанского движения. С самого начала даже те генералы вермахта, которые лояльно относились к народу на востоке, встали на защиту самых жестких мер в отношении партизан. Например, фельдмаршал фон Рейхенау строил свою политику, опираясь на концепцию, что страх перед немцами предпочтительнее боязни партизан; он приказал, чтобы все, кто не помогает борьбе против партизан, считались врагами, а к тем, кто не препятствует или не сообщает о действиях партизан, применялись драконовские меры²⁹. Эта политика строго выполнялась осенью 1942 года³⁰. Решительные репрессии в Западной Волыни и Полесье удалили по патриотически настроенной части украинского крестьянства с меньшей силой, чем по коммунистическим сторонникам. Вследствие этого украинская полиция отказывалась участвовать в репрессиях против своих соотечественников и, в частности, в жестоких акциях по набору рабочих для отправки в Германию. Единственной альтернативой было дезертирство; осенью в лесах оказались тысячи людей: они бежали из сожженных немцами деревень, от принудительной отправки в Германию³¹. Дезертиры из полиции были обучены и многие из них подготовлены националистами для сопротивления немцам. Командование ОУН-Б в Галиции не хотело в то время терять контроль над легальными силами и идти на риск открытого сопротивления немцам; но когда оно увидело, что полицейские силы в районах, где они доминировали, так или иначе рассыпались, то решило начать крупномасштабное партизанское движение. Этот шаг был предпринят в конце ноября, а в начале 1943 года деятельность бандеровских отрядов была уже заметной³².

* Автор обосновывает активизацию бандеровцев чем угодно, только не главным: активизация началась после разгрома немцев под Сталинградом, после того как в войне обозначился перелом и бандеровцам пришлось клевать, точнее, поклевывать, своего союзника и покровителя.

Существовало два основных центра деятельности ОУН-Б. Первой включал в себя западную часть территории, которая подверглась наибольшему разорению в результате боев между красными партизанами и немцами, особенно после прохождения Ковпака на юго-восток. Эту территорию можно определить как четырехугольник между городами Ковель, Владимирец, Костополь и Луцк, хотя основные боевые действия происходили, очевидно, в восточной части этой территории³³. Это была лесная местность, где крестьянское население было настроено, похоже, не крайне националистично, но смотрело на националистов благосклонно после зверств, учиненных коммунистами и немцами, и это создавало идеальную базу для националистической деятельности.

Еще одна база была основана на самой Волыни, к юго-западу от Ровно. Действия там, однако, носили намного более ограниченный характер, чем к северу, потому что лесов там было меньше, а возможность контрударов со стороны немцев — больше. Ядро бандеровских сил в этой области, похоже, составлял отряд в сотню человек, который возглавлял командир под псевдонимом Крук. Очевидно, маленькое полицейское подразделение, вышедшее из подчинения немцам, разбило свой лагерь в лесу под Кременцом. Недалеко расположился дружелюбный отряд под командованием мельниковского офицера, который был известен под именем Хрин³⁴. Подобно упомянутому отряду под командованием Боровца, обе группировки были в действительности скорее подпольем, чем настоящими партизанскими отрядами; они совершали набеги на немецкий конвой, освобождали заключенных при перевозке, нападали на маленькие немецкие подразделения, чтобы добыть оружие. Создается впечатление, что отряд пытался сохранять видимость подчинения германским распоряжениям или, по крайней мере, отсутствие враждебности, поскольку его позиции были слишком незащищенными, чтобы он мог позволить себе роскошь открытой войны с немцами³⁵. Отряд играл в некотором роде важную роль, так как крестьянство этой местности сочувствовало националисти-

ческому делу, а он являлся звеном между штабом в Галиции и зонами более интенсивной активности к северу Украины.

В дополнение к только что упомянутым центрам ОУН-Б и мельниковскому отряду, которым командовал Хрин, имелось несколько других маленьких отрядов, рассеянных к юго-западу от линии, идущей от Ровно до Луцка и Ковеля. Маленькие отряды мельниковцев скрывались в лесах под Дубно, Луцком и Владимиром-Волинским; группа отколовшихся от ОУН-Б, известная как Фронт украинских революционистов, находилась в союзе с ними, в то время как «атаман» Воышин-Бершак возглавлял отряд «Свободных казаков» в Кременецкой области³⁶. Гораздо более значительным формированием, помимо бандеровцев, был, однако, отряд Боровца, который автоматически (в некотором роде помимо желания его лидера) увеличился, поскольку в него попадали беженцы и полицейские, не принадлежавшие к отрядам Бандеры. Кроме того, общее смятение на Воыни подталкивало ОУН-М к необходимости открытых действий. Один из руководителей мельниковцев на Воыни Олег Штуль в течение долгого времени осуществлял тайные акции сопротивления, хотя официально оставался сотрудником украинской газеты; далее он перешел на положение постоянного представителя штаба ОУН-М при отряде Бульбы³⁷. Кроме того, молодой Яценюк, живший после бегства из Житомира нелегально на Воыни больше года и взявший себе псевдоним Воынец, сформировал отряд, действовавший к юго-востоку от Боровца несколько восточнее города Корец. Это был единственный националистический партизанский отряд, основанный в пределах границ Советской Украины до 1939 года; поскольку его возглавлял человек, знакомый с советскими условиями, имевший широкие связи в Житомирской области, отряд с успехом выполнял «пропагандистские рейды» по житомирскому генеральбецирку³⁸.

Вполне естественно, что удаленность отрядов друг от друга и отсутствие единого руководства националистических партизанских сил порождало определенное бес-

покойство; первое предложение о едином командовании было, очевидно, сделано Боровцом. В середине мая 1943 года он резко отклонил предложение СД присоединиться к немецкой полиции в борьбе против бандеровских лидеров, которые лишились «всякого чувства меры и цели»; немцы получили ответ, что стремление посеять враждебность между волынцами и галичанами недопустимо³⁹. Бандеровцы направили своих людей для переговоров с Боровцом. Обе стороны согласились, что необходим вышестоящий центр, ибо из-за его отсутствия националистическое партизанское движение может выродиться в обыкновенный бандитизм. Бульба хотел создания широкого фронта с участием УНДП, УНР, ОУН-М и ОУН-Б. Сторонники Мельника согласились на его предложение, без сомнения чувствуя, что у них уже «наложено» с Боровцом. С другой стороны, бандеровцы, согласившись с главным принципом движения, выдвинули требование принятия Проводом политического руководства движением, соглашаясь признать Боровца единым командующим военными операциями. Они выдвинули в качестве довода для отклонения предложения бесполезность присоединения УНР, с лидерами которой в Варшаве можно было связываться лишь время от времени и которая не смогла бы осуществлять управление столь подвижными силами, как партизаны. Равным по важности — по крайней мере по мнению Боровца и его сторонников — было настойчивое желание последнего поддерживать «конспиративный» характер движения, чтобы штаб ячейки был укомплектован по большей части людьми, открыто занимающимися своей деятельностью. Бандеровская группа, с другой стороны, решительно стояла за открытое широкомасштабное сопротивление, которое означало бы «расконспирацию» и раскрытие имен сторонников националистического партизанского движения. К концу мая, когда никакой договоренности достигнуто не было, переговоры прервались⁴⁰.

Прекращение контактов, однако, не имело немедленных серьезных последствий, ибо вскоре произошло драматическое изменение ситуации во всем западном регионе, когда на эту территорию вступили крупные красные

партизанские силы. Повернув от бывшей польской Волины, Ковпак прошел по северной части житомирского и киевского генеральбецирков. Хотя немецкие нападения требовали от него постоянной мобильности, целая область к северу от линии Житомир—Киев была настолько насыщена красными партизанами, что уже больше никогда не возвращалась под эффективный германский контроль⁴¹. К маю, однако, собственный отряд Ковпака находился в северной болотистой местности. И тогда поступил приказ из Москвы о еще более широкой операции — по проникновению в Галицию.

Самый короткий маршрут для сил Ковпака пролегал прямо через западное Полесье и Волинь, несколько к северу от Ровно. В окрестностях Людвиполя, в сердце территории Бульбы, отряд Ковпака, однако, развернулся резко на северо-восток, пересекая район Цумани, где господствовали бандеровцы⁴². Достигнув этой местности, Ковпак повернул на юг. Его маршрут отсюда проходил бы напрямик через кременецкие базы Мельника и Бандеры, но Ковпак снова пошел в обход, на сей раз на восток, краем района близ города Кременца, и вступил в Галицию к югу от Тернополя⁴³. Весь марш через район действия националистических партизан — более 400 километров — занял у красных сил приблизительно три недели⁴⁴.

Когда ковпаковцы вступили в начале июля в Галицию, они лишь частично добились основной цели — нарушения добычи нефти под Дрогобычем⁴⁵. Но мир и спокойствие в Галиции были серьезно нарушены. В течение долгого времени ОУН-Б занималась организацией вооруженного подполья в этих краях. Когда прибытие Ковпака превратило крайнюю восточную часть региона в поле битвы, эта структура (Українська народна самооборона — название было выбрано, чтобы скрыть общность с волинской группой) вступила в открытый бой с коммунистами⁴⁶. Поскольку счет к оккупационным властям был велик, молодые бойцы начали вести спорадические стычки с немцами⁴⁷. Быстрота, с которой таял отряд Ковпака в неблагоприятной окружающей среде, характеризует состояние умов в Галиции. Когда рейд на месторож-

дения нефти не удался, группа направилась на Карпаты. Даже из отчета самого Ковпака видно, что мощные силы после появления в тех местах оказались раздробленными в течение нескольких недель. Во второй половине августа Ковпак с частью отряда в триста человек направился на север и 1 сентября оказался в болотистой местности. Заместитель Ковпака остался в Карпатах и был убит — очевидно, с большей частью отряда⁴⁸. Так как Карпаты столь же удобны для партизанских действий, как и Полесье, где группировка Ковпака даже росла, несмотря на месяцы тяжелых немецких атак, то можно предположить, что решающим фактором быстрого распада партизанской группировки было враждебное отношение к ней галицкого населения.

В конечном счете косвенным, но наиболее вредоносным результатом вторжения Ковпака стало обострение отношений между украинцами и поляками Галиции. Начало братоубийственному конфликту между двумя славянскими этническими группами, каждая из которых была настроена националистически, положило нарушение стабильности на Волыни. В принципе германские оккупационные власти выражали к полякам куда большую враждебность, чем к украинцам. Но среди первых было намного больше образованных женщин и мужчин, хорошо говорящих на немецком языке, а посему они были более полезны в качестве подчиненных в составе оккупационной администрации⁴⁹. Поскольку с начала 1943 года украинские полицейские все чаще откликались на призывы ОУН-Б переходить к партизанским действиям, немцы рекрутировали поляков на их места. Некоторые поляки, однако, так же противившиеся репрессивным мерам немцев, как и националисты украинские, уже создали повстанческие отряды в Северной Волыни. Какие-то польские отряды сотрудничали — временно, как короткое время хотел и Боровец, — с быстро растущими советскими партизанскими отрядами. И украинские повстанцы вошли в конфликт с поляками, как и с советскими партизанами. Некоторые поляки из оккупационной администрации и полиции на Волыни ответили на враждебные действия украинцев выдачей замаскировавшихся националистов

немцам. До лета 1943 года закручивающаяся спираль антагонизма привела к сравнительно небольшому числу смертей, по крайней мере среди мирных жителей⁵⁰.

В Галиции отношения между украинским большинством, которое было с начала 1941 года в относительном фаворе у немцев, и местным польским меньшинством были напряженные, но до осени 1943 года обходилось в основном без насилия. К тому времени немецкие власти, обеспокоенные потерями, причиняемыми экономике в тех регионах, где поляки играли доминирующую роль, предупреждали, что вторжение Ковпака дает возможность украинским националистам свести счеты с их польскими соседями⁵¹. Ситуацию подогревала убежденность украинских националистов в том, что польское правительство в эмиграции по требованию правительств союзников настаивало на сотрудничестве между польским националистическим подпольем и наступающими советскими партизанами и регулярными силами. Весной 1944 года германская полиция сообщала о широко распространенных нападениях на польские деревни в Галиции; в апреле 1944 года только УПА убила 645 поляков. Мотивацией этих убийств, по германским сообщениям, был приказ УПА вытеснить сельчан-поляков из Галиции — или расстреливать их, если они остаются⁵². Доктор Фриц Арльт, относительно хорошо расположенный к украинским националистам, прокомментировал ситуацию следующим образом: «Украинские национальные отряды пользуются возможностью убивать, и часто самым зверским образом, поляков, чехов и этнических немцев, живущих в сельской местности. Кроме того, эти отряды нападают на местных жителей, которые состоят на службе у немцев или симпатизируют Германии»⁵³.

Напуганный братоубийством, митрополит Шептицкий вместе с польскими епископами Галиции организовал зачтение со всех кафедр в одно и то же воскресенье пастырских писем с призывом к миру между украинцами и поляками. Не уходя от осуждения украинцев за нарушение божественной заповеди, запрещающей убийства, Шептицкий заявил, что поляки менее восприимчивы к призыву перемирия, и обвинял их штаб в Варшаве в ис-

пользовании тех же самых методов по уничтожению украинской интеллигенции в районе Хелма (убито уже 435 человек, сказал он), которые УПА использовала против польского меньшинства на востоке Галиции⁵⁴. В конечном счете вероломство советского «союзника», похоже, сыграло большую роль в перемирии между антикоммунистической Армией крайовой и УПА, чем религиозное вмешательство. Переговоры между польской Армией крайовой и Боровцом прошли в начале 1943 года, но более серьезные соглашения, кажется, были достигнуты в ноябре 1944 года⁵⁵.

При обсуждении непростого польского вопроса необходимо заглянуть вперед и задуматься, что предвосхитило события на Волыни 1943 года. Не успело соединение Ковпака оставить Волынь, как партизаны Бандеры начали подчинять себе националистическое движение сопротивления. Неудачные переговоры с Боровцом вынудили командира бандеровцев Дмитро Клячевского (в другом случае автор дает эту фамилию иначе, даем ее по первому написанию. — *Примеч. пер.*) принять название УПА в очевидной попытке унаследовать престиж, завоеванный до этого Бульбой⁵⁶. В то время партизаны Бандеры вернули себе поддержку наиболее опытного из своих командиров — Романа Шухевича, который был главным украинским организатором в «Нахтигале». После роспуска правительства Стецко эту часть вывели с фронта, вместе с «Роландом». Обе части были полностью реорганизованы, некоторые националисты арестованы, а остальных послали воевать с красными партизанами в Белоруссию⁵⁷. Когда показалось, что немцы раздавят и это антипартизанское формирование, Шухевич сбежал в Галицию и прибыл во Львов весной 1943 года. Через несколько недель он стал командиром всех партизанских сил ОУН-Б. Согласно отчету, таково было официальное решение Провода ОУН-Б⁵⁸. В германском военном сообщении утверждается, однако, что взятие на себя Шухевичем командования привело к разрыву с предыдущим главой операций ОУН-Б в Галиции Мыколой Лебедем⁵⁹. Сторонники последнего утверждают, что Лебедь с тех пор больше не отвечал за партизанские действия УПА. Этот

вопрос неоднозначен, потому что лидеры УПА, кто бы они ни были, решили, что отказ групп Боровца и Мельника принять их предложения об объединении требовал силовых акций, чтобы доказать, что националистическая партизанская борьба не выродилась в частные предприятия отдельных атаманов, как в последние дни петлюровского режима⁶⁰.

Затем, 6 июля, вскоре после рейда Ковпака через область, перед мельниковским отрядом Хрина внезапно появился вооруженный отряд Крука и потребовал, чтобы тот подчинился командованию Бандеры. Неожиданность делала сопротивление невозможным; очевидно также, что пропаганда ОУН-Б подготовила почву для переворота. Во всяком случае, большинство сражавшихся в отряде Мельника приняло ультиматум и вступило в бандеровское формирование⁶¹.

Вскоре после этого и группу Яценюка вынудили присоединиться к враждебной стороне⁶². После этих инцидентов оставшиеся мельниковские отряды и независимые формирования стали быстро таять: они либо были уничтожены коммунистическими или бандеровскими партизанами, либо присоединились к последним. В середине августа главные силы Бульбы, также значительно ослабленные — отчасти из-за постоянных боев с красными партизанами, были атакованы отрядом ОУН-Б. Два главных советника из УНР были схвачены и вынуждены присоединиться к отряду ОУН-Б. Была взята в плен и жена Бульбы⁶³. Сам он, вместе со Штулем, Митрынгой, Раевским и другими лидерами, в сопровождении горстки бойцов, был выдвинут на восток, на кишашую коммунистами территорию. Здесь в сентябре группа натолкнулась на крупный отряд красных. В завязавшемся бою Митрынга и Раевский были убиты, а Боровец и Штуль снова уцелели и смогли спастись бегством⁶⁴. Двумя месяцами позже они выбрали единственный путь, который казался им открытым: оставили Волынь и подались в Варшаву в расчете на немецкую помощь в восстановлении своих разрозненных сил⁶⁵. Щербатюк остался на Волыни командиром крошечной деморализованной группы (которая была переименована в Украинскую народную революционную армию,

чтобы отмежеваться от первоначального названия бандеровских узурпаторов)⁶⁶.

Быстрое снижение численности сил Мельника—Боровца представляется в некотором роде загадкой. Объяснение, предложенное представителями последнего, состоит в том, что они намеренно избегали вступления в братоубийственную борьбу. Отчасти это кажется достоверным. Если же смотреть на это с точки зрения сравнительной перспективы, то триумф ОУН-Б над противниками из числа националистических партизан показывает тенденцию, которая постоянно проявлялась в нерегулярных войнах XX столетия. Наиболее серьезный анализ этого явления был представлен тридцать шесть лет назад Францем Боркенау на основе изучения действий коммунистических и некоммунистических повстанцев на Балканах⁶⁷. Националистические силы сопротивления, особенно в том случае, когда представляют законное правительство, прекратившее деятельность из-за вражеской оккупации, имеют тенденцию воевать с врагом, стараясь сберечь жизни и средства сельского населения, с которым себя идентифицируют. Однако действия оккупантов (подобно немцам) по отношению к населению настолько безжалостны, что более молодые, менее уравновешенные люди приступают к самым решительным действиям. Оккупационные войска отвечают на это крайними, часто повальными репрессиями.

Нарастающее насилие может быть обуздано осторожным руководством, но только если нет конкурирующего повстанческого руководства, склонного к экстремизму и не задумывающегося, во что обойдется этот экстремизм гражданскому населению. В подобной ситуации к экстремистам присоединятся более молодые воинственные элементы крестьянского населения, укрепляя таким образом их силу. На Балканах такую альтернативу составляли старые коммунисты, по приказам из Москвы наносившие удары по врагу без оглядки на репрессии. Как отмечалось ранее в этой главе, подобная экстремистская тактика, используемая красными партизанами в Полесье и на Волинии — а позже и в Галиции, — явилась главным фактором, подталкивавшим украинских националистов к открытым

боевым действиям. Боровец и ОУН-М реагировали подобно четникам и ЭДЭС на Балканах, не спеша соперничать «безрассудством» с коммунистами. Но ситуация на Волини была осложнена наличием третьей стороны — ОУН-Б, экстремистская идеология интегрального национализма которой, как и опыт ее лидеров, ограниченный сопротивлением подполья, диктовали игнорировать репрессии. Объяснимо, что умеренные националисты, оказавшиеся между двумя экстремистскими партизанскими движениями, вероятно, не могли победить, несмотря на их потенциал⁶⁸.

Утверждение сторонников проигравшей стороны, что первые нападения случились неожиданно и привели к полной капитуляции, подразумевает, что дело не в продуманном уклонении от междоусобной борьбы. В то время как сторонники Бандеры были хорошо организованы, способны к внезапным, подготовленным акциям, другие националистические силы страдали от отсутствия организации и компетентного руководства. Взять того же Боровца, который был недостаточно подготовлен, чтобы вести кампанию, требующую как политического, так и военного опыта, и не мог добиться грамотных указаний от единого консультативного органа. Кроме того, динамизм и наступательный порыв бандеровской стороны, похоже, обеспечили ей народную поддержку; несмотря на сравнительный недостаток военных способностей, Крук, как считают, был популярнее Хрина. Несомненно, его программа массового восстания, хотя и сомнительной мудрости, привлекала своей решительностью активную часть населения. Примечательно, что почти все члены других партизанских групп после того, как были вынуждены присоединиться к движению ОУН-Б, не искали уже благоприятной возможности дезертировать. Украинцы вообще часто оказывались в неприятной ситуации выбора

* Четники — сербская националистическая военизированная организация, во время Второй мировой войны боролась с коммунистическим Сопротивлением. ЭДЭС — греческая правая военизированная организация того периода приблизительно такого же толка.

наименьшего зла, которым бесспорно было в данном случае бандеровское движение, многие сторонники которого отличались своей безжалостностью. Главной заботой являлась борьба с иностранными оккупантами⁶⁹. Третьим фактором было географическое расположение противостоящих сил. Группа под командованием Боровца заняла выгодную территорию, но позиции оказались открыты для удара красных партизан, шедших с северо-востока. Вероятно, Бульба страдал от их нападений не меньше, чем страдал подчиняясь партизанам Бандеры. Последний занимал более защищенную территорию на севере Волыни и располагал весьма надежной линией связи с главной базой в Галиции. Наконец, галицкий источник пополнения людской силы и руководителей был значительнее любого внешнего источника, доступного конкурирующим группам, что дало ОУН-Б решающее преимущество, которое было усилено предшествовавшим проникновением бандеровцев в полицейские силы Волыни.

К осени 1943 года бандеровская группа контролировала сельские районы Волыни и юго-западного Полесья⁷⁰. Немцы, конечно, удерживали города и с трудом обеспечивали движение по основным дорогам, но большой район к востоку от Ровно был настолько подчинен повстанцам, что они приступили к строительству «госаппарата», лагерей военной подготовки, больниц и школьной системы⁷¹. Общее число людей, вовлеченных в движение — включая медицинский, административный и учебный персонал, а также бойцов, — составляло десятки тысяч. Это кажется вполне вероятным, принимая во внимание утверждения националистов, что в УПА было 100 тысяч членов; например, один вполне достоверный источник описывает деревню, в которой упомянутый персонал составлял 2 тысячи человек. Но вероятно, немецкая оценка в 40 тысяч (на конец 1943 года) более точна⁷². Это число составляет, согласно националистическим источникам, и множество неукраинских элементов — еврейские врачи и дезертиры из немецких полицейских формирований, набранных из военнопленных и представлявших многие национальности Советского Союза⁷³. Большой слабостью движения был, однако, не-

достаток в подготовленных офицерах. В течение долгого времени бандеровские партизаны были вынуждены использовать в качестве начальника штаба пожилого офицера УНР — из полицейского полка в Ровно⁷⁴. Любой новый офицер из отрядов Бульбы, даже немолодой, рассматривался как сокровище, и новые хозяева давали ему важный пост⁷⁵. Равным образом весьма приветствовались и советские офицеры, бежавшие из лагерей военнопленных или дезертировавшие из Красной армии. Недостаток в обученных военных кадрах весьма ограничивал ценность партизанских отрядов как боевых сил.

Слабость повстанческой структуры стала очевидной в феврале 1944 года, когда Советская армия дошла до Волыни и вывинулась на линию Луцк—Ровно. Безусловно, не имея должного командования и значительного вооружения, партизаны не могли оказать сопротивления силе, которую не мог остановить и вермахт, и УПА была вынуждена уйти в подполье, пока линия боев проходила по этой территории. В ее планы не входили бои с частями Советской армии, лишь нападения на войска НКВД и другие репрессивные органы, после того как наиболее регулярные советские войсковые формирования уйдут из области⁷⁶. Попытки УПА возобновить активность были затруднены тем, что советские службы безопасности были гораздо эффективнее немцев в организации сети осведомителей. Теперь предостережения Бульбы против «расконспирации» стали ясны, так как те организации и отдельные лица, которые осенью работали открыто, больше не могли скрыть от местной агентуры свою принадлежность к националистам⁷⁷.

Множество людей, которые жили при советской системе, поначалу имели в УПА раздражающее влияние. Бандеровцы, которые проводили политику однопартийного руководства, и до поры до времени успешно, были полны решимости продолжать ее и препятствовать росту восточноукраинской оппозиции, которая, они считали, была заражена коммунистическим воспитанием. Они располагали СБ, или службой безопасности, выкованной за несколько лет до этого Лебедем, но, очевидно, к концу 1943 года уже не находившейся под его руководством. Хотя

нельзя определить с уверенностью масштабы чисток, направленных против «ненадежных элементов» (прежде всего восточных украинцев, а также некоторых бывших мельниковских партизан, очевидно не являвшихся эмигрантами из рядов УНР), маловероятно, что они были значительны настолько, чтобы вызвать крайнее недовольство элементов, не принадлежавших к ОУН-Б⁷⁸, разросшимся партизанским движением. В то же время восточнукраинские элементы явно имели значительное влияние — или неотразимые аргументы, — чтобы обеспечить приемлемость своих программ, рассчитанных на поддержку бывших советских граждан⁷⁹.

Как было указано в предыдущей главе, идеология бандеровской фракции ОУН начала меняться весной 1942 года. Главным фактором перемен явились воздействие восточнукраинских условий и отношение к членам «походных групп» ОУН-Б*. В то время как эта часть бандеровской группировки была слишком мала и невлиятельна, чтобы вызвать фундаментальные изменения в программе группировки, кое-какие новые веяния ясно ощущаются в подпольных изданиях уже 1942 года⁸⁰. Одно издание (очевидно, вышедшее в самом начале 1943 года) уделило особое внимание обману немцев и невыполнению ими аграрной программы и выступило против сведения украинского образования к четырем классам школы⁸¹. Воспевание «героизма» и акцент на интегральный национализм Дмитро Донцова (нациократию) тем не менее присутствуют⁸². Некоторый отход от крайнего этноцентризма, который характеризовал бандеровскую фракцию, был целесообразен, но следующий отрывок показывает, что истинной толерантности не было: «Независимо от отрицательного отношения к евреям как орудию московитско-большевистского империализма, мы считаем нецелесообразным на данном этапе между-

* Автор опять-таки игнорирует фактор, который вряд ли мог не повлиять, и решительным образом, на настроения — а далее и идеологию — в националистической среде — крушение мифа о непобедимости германских покровителей после поражения немцев под Москвой.

народной ситуации принимать участие в антиеврейских действиях, так как не хотим стать пешкой в чужой игре и не желаем отвлекать внимание масс от главных врагов»⁸³.

Несколько позже другое подпольное издание выступило с осуждением германского расизма, который доводил антропологический бред до абсурда⁸⁴. Весной 1943 года ОУН-Б в одной из листовок сделала допущение, неизвестное до того периода, что некоторые русские не против независимой Украины, поскольку родились на Украине и чувствуют себя более привязанными к ней, чем к Москве⁸⁵. Но в этой же листовке подчеркивалась необходимость поддержания чистоты украинского языка, борьбы с «украинско-русским жаргоном», на котором говорят в Харькове, и выражалось сожаление, что только «интеллигенция» обладает национальной сознательностью. Эти «сознательные элементы», считалось, стремились утвердить украинский язык исключительно в прессе, школах и театре⁸⁶. И вот в феврале 1945 года немецкая полиция обнаружила листовку УПА, сравнивавшую украинскую антипатию к гитлеризму с украинской ненавистью к «еврейско-большевистской диктатуре»⁸⁷. В немецких сообщениях выражалось удивление по поводу того, что, несмотря на некоторые умеренные тенденции, пропаганда УПА не адресовалась русским⁸⁸.

С лета 1943 года опыт партизан становился все более важным. Стремление ОУН-Б доминировать в националистическом партизанском движении и добиться более или менее добровольного сотрудничества негалицкого населения вынудило ее руководство уделять больше внимания пожеланиям этих элементов. Несколько позже восточные украинцы, вошедшие в УПА, где доминировала ОУН-Б, стали достаточно влиятельны, чтобы их взгляды учитывались при пересмотре идеологии. Военная ориентация руководства УПА — наиболее показателен пример Шухевича — делала его, вероятно, более восприимчивым к новым идеологическим веяниям, чем фанатичное галицкое

* И снова обратите внимание на появление «антипатии», когда до конца войны осталось два месяца!

подполье, представленное людьми типа Ивана Климова (убитого гестаповцами в конце 1942 года). В то же время Шухевич и его подручные обладали гораздо большим влиянием, чем командиры «походных групп», которые в более ранний период поддерживали контакты с восточными украинцами.

Казалось, организация руководством УПА «Конференции угнетенных народов Восточной Европы и Азии» (на западе Украины в конце ноября 1943 года) предполагала отказ от этноцентризма. Но лишь представители меньших советских национальностей, как сообщалось, вступали в диалог с украинскими националистическими организаторами конференции. Последние не желали становиться на одну ступень с «движениями сопротивления» меньших наций, настаивая (согласно германским отчетам) на том, чтобы украинцы, как представители крупной нации, рассматривались как движение «национального освобождения»⁸⁹.

Однако несколькими месяцами ранее (август 1943 года) «Третий чрезвычайный большой конгресс ОУН»^{*} показал, что новые идеологические влияния, особенно в экономических вопросах, являются доминирующими. Очевидно, из-за нежелания многих молодых восточных украинцев перехода сельскохозяйственных земель в частные руки конгресс не принял никаких обязательств на этот счет, а пропаганда УПА стремилась показать, что выбор в вопросе о землепользовании оставляется за крестьянами. Конгресс выступил за то, чтобы крупная торговля и промышленность оставались национализированными на условиях участия рабочих в управлении. Интенсификация сдельщины по-советски (стахановство) была отклонена в пользу добровольной сверхурочной работы; было заявлено, что должны гарантироваться свобода выбора работы, участие в доходах и свободные профсоюзы. Женщинам было обещано равенство в правах с мужчинами, но освобождение от таких вредных работ, как труд в шахтах. Провозглашались гарантии бесплатного здравоохранения, пенсий по старости, поддержки семьи и бесплат-

* Здесь, разумеется, перевод названия с английского.

ного образования всех уровней. Все это указывало на внимание ОУН-Б к вопросам социального обеспечения, что должно было заинтересовать восточных украинцев. Вопросы политических прав рассматривались отнюдь не с таким вниманием. Некоторые пункты программы касались прав национальных меньшинств, общих гарантий свободы религии, слова и печати и выступали против официального статуса для какой-либо доктрины. С другой стороны, этноцентристские и авторитарные элементы прежней доктрины ОУН-Б, похоже, проявились в приверженности «героическому духу», «общественной сплоченности, дружбе и дисциплине»⁹⁰. Подпольные издания в конце 1943 и начале 1944 года продолжали листать славные страницы украинской истории, подчеркивать необходимость распространения и использования украинского языка и требовать твердой дисциплины.

Смесь социального эгалитаризма и романтической авторитарности, которые характеризовали новую идеологию ОУН-Б, наиболее отчетливо просматривается в материалах последнего крупного совещания (не считая проведенных эмигрантами), информация о котором доступна и достоверна. Совещание было проведено в Восточной Галиции в начале июля 1944 года, за несколько недель до того, как область была вновь занята советскими войсками⁹¹. Хотя весьма вероятно, что именно руководители ОУН-Б, которые в то время фактически контролировали УПА, организовывали созыв совещания, предыдущие претензии этой фракции управлять всеми украинскими националистами были, по крайней мере, отложены. Значительное число восточных украинцев из партизанских отрядов присутствовали на совещании и, по-видимому, имели возможность выразить взгляды, расходившиеся с позицией бандеровской фракции. Кроме того, был сформирован новый орган, известный как Украинская главная освободительная рада, который был объявлен открытым для всех партий, осознавших идею украинской национальной независимости. «Универсал», как было названо обращение, выпущенное новым органом, подчеркивал следующие моменты: «Представители украинских революционных освободительных сил и разных политических

групп со всех украинских земель, которые признали, что платформа независимости должна быть единственной в освободительной борьбе украинского народа за независимое украинское государство, охватывающее все украинские земли, объединились в Украинской главной освободительной раде».

Украинская главная освободительная рада — это высший и единственный правящий орган украинского народа на время его революционной борьбы до формирования правительства независимого украинского государства, охватывающего все украинские земли.

Сопроводительная резолюция, названная «Временное устройство УГВР», дает интересные разгадки к толкованию предыстории и перспектив новой организации, хотя в целом аппарат, который был предусмотрен, едва ли мог иметь шансы на какое-либо реальное существование в условиях партизанского сопротивления. Резолюция объявляла высшей законодательной властью украинского освободительного движения Верховное собрание* УГВР. Этот орган должен был состоять из двадцати пяти человек, включая, очевидно, представителей «различных политических групп», создавших УГВР⁹².

Исполнительной властью наделялся генеральный секретариат, который должен был состоять из председателя и генеральных секретарей внутренних дел, иностранных дел, военных дел (командующий вооруженными силами) и финансовых и экономических дел. Дополнительные секретари могли быть названы в будущем. Хотя генеральный секретариат должен был действовать «коллегиально», решая вопросы с помощью голосования, председатель фактически получал неограниченную власть. Он избирался бы Верховным собранием, и только оно могло бы снять его с поста. Председателю давались широкие полномочия в вопросе назначений, подлежавших лишь подтверждению со стороны более высокой власти. Он назначал остальных членов генерального секретариата и

* Опять же, названия подобных эфемерных или вообще никогда не существовавших органов мы передаем здесь в переводе с английского, поскольку не удалось получить оригинального названия.

предлагал их снятие; он также назначал дипломатических представителей УГВР. Знаменательно, что его полномочия охватывали и законодательную власть, поскольку он мог назначать новых членов Верховного собрания.

Номинально президиум из восьми человек и его президент были выше генерального секретариата. Президиум являлся временным законодательным советом, органом, который «действует между сессиями Верховного собрания». Он должен был «предлагать решения по вопросам политической стратегии, тактики и практической деятельности всех органов УГВР и информировать их о дополнительных декретах и предложениях». В остальном он имел прежде всего церемониальные и процедурные функции; например, о президенте говорилось, что он «стоит во главе УГВР и представляет ее на внешней арене». В обязанности президента входило утверждение должностных лиц, предложенных председателем, за исключением новых членов Верховного собрания, которых избирал бы президиум по предложению председателя.

Многие функции и название президиума напоминали Президиум Верховного Совета СССР, созданный на основе конституции 1936 года (автор, вопреки традициям англоязычной политической литературы, дает здесь слово «конституция» со строчной буквы, то есть это тот случай, когда вступает в силу «политическая» орфография. — *Примеч. пер.*). Весьма вероятно, что эти черты были привнесены представителями Восточной Украины, исходившими из своего знания советской системы. Положение о Контрольной коллегии, которая должна была бы надзирать за «финансово-экономической деятельностью всех органов УГВР, в частности за финансово-экономической политикой генерального секретариата», также предполагает влияние советской конституционной системы, которая до 1940 года включала в себя Комиссию советского контроля.

В отличие от советских конституционных положений, но не от советской практики, индивидуальным должностным лицам давались большие полномочия. Полномочия председателя уже упоминались. Другие члены правительства имели сопоставимую, хоть и меньшую власть.

Президент наделялся большой властью по сравнению с советским президентом (очевидно, имеется в виду Председатель Президиума Верховного Совета СССР. — *Примеч. пер.*), деятельность которого ограничивалась церемониальными функциями. Генеральному контролеру тоже разрешалось назначать двух членов Контрольной коллегии, в то время как верховный судья назначал двух судей. Эти положения показывают, что *Führerprinzip* — «организационная модель, действующая сверху вниз»⁹³, была отнюдь не забыта националистическими лидерами.

Если построение УГВР отражало конституционные принципы, с которыми ее члены познакомились благодаря связи с нацистской и советской системами, их социально-политические принципы, провозглашенные в это же время, представляли собой в значительной мере их реакцию на эти режимы. Поскольку эти принципы являются кульминацией развития украинской националистической идеологии в сторону экономического и социального благосостояния и обеспечения индивидуальных прав, стоит привести их более или менее развернуто:

обеспечение демократических процедур для достижения политического развития украинского государства через народную генеральную ассамблею;

обеспечение свободы мысли, мировоззрения и веры;

обеспечение развития украинской национальной культуры;

обеспечение справедливого общественного порядка в украинском государстве, свободном от классово-эксплуатации и подавления;

обеспечение правления закона на практике и равенства всех граждан перед законом в украинском государстве;

обеспечение гражданских прав для всех национальных меньшинств на Украине;

обеспечение равных прав и возможностей на образование для всех граждан;

обеспечение свободной инициативы в созидательной экономической деятельности, регулируемой в соответствии с требованиями и нуждами всей нации;

обеспечение свободной формы разумного использования земли, с определением минимальных и максимальных границ индивидуального пользования землей;

обобществление главных природных ресурсов страны: земли, лесов, вод, полезных ископаемых; в то же время пригодная для возделывания земля должна войти в созидательную крестьянскую экономику на правах постоянной собственности;

государственная собственность на тяжелую промышленность и транспорт; передача права свободной экстенсивной кооперативной деятельности мелких производителей ассоциациям кооперативов в легкой и пищевой промышленности;

обеспечение свободной торговли в установленных законом рамках;

обеспечение свободного развития промысловой деятельности и права на создание индивидуальных промысловых хозяйств и предприятий;

обеспечение права на свободную работу для работников физического и умственного труда и обеспечение защиты интересов рабочих по социальному законодательству.

Хотя вышеприведенная выдержка указывает на значительный интерес к конкретным проблемам, следует подчеркнуть, что множество пороков практического плана продолжали препятствовать формированию вразумительной националистической политической теории. Куда большая часть «Универсала» была отведена романтизированной истории и эмоциональным призывам к действию, чем ясно очерченным предложениям. Формулировки других резолюций УГВР часто неясны, а их положения не состыковываются. Эти неясности, возможно, иногда допускались намеренно, в тактических целях, но во многих случаях, особенно в разработке положений о структуре правительства, недостатки, похоже, объясняются слабой подготовкой в вопросах права и логики и отсутствием реального интереса к конституционным вопросам. Кроме того, очевидно, что члены УГВР несерьезно подошли к вопросу о том, на какой базе выстраивать реальные решения

крупных проблем — таких как аграрная. Вместо тщательно разработанных программ выдвигались универсальные принципы, которые на самом деле указывали путь к новым целям, но не указывали, как их достичь.

Самое главное, национализм оставался ядром идеологии. Вот что говорилось во вступительном абзаце идейно-программных принципов: «Защита жизни нации, национального единства и культуры является первой и самой высокой целью каждого здорового национального организма. Национальное суверенное государство — главная гарантия сохранения жизни и нормального развития нации и благосостояния ее граждан. Поэтому украинская нация должна в настоящее время посвятить все свои силы обретению и укреплению своего собственного государства».

Представляется очевидным, что очень многие, по крайней мере в среде руководства УГВР — подобно лидерам ОУН на востоке Украины за несколько месяцев до этого, — были лишь отчасти убеждены в важности новой программы политических, социальных и экономических целей. Они, однако, пришли к мысли, что многие восточные украинцы, к этому времени ошутимо представленные в партизанском движении, не примут никакой идеологии, лишенной такой программы. Следовательно, националистические лидеры были полны решимости снискать народную поддержку национализму, представляя его как вернейший путь к политической свободе и социальному благоденствию. Независимо от мотиваций западноукраинских лидеров, ясно, что контакты в 1944 году с восточными украинцами привели к серьезным изменениям в идеологии у доминирующей националистической группы.

С военной точки зрения действия украинских националистических партизан имели слабое значение. Даже с политической точки зрения сомнительно, что они достигли чего-нибудь значимого, поскольку к тому времени, когда немцы были склонны идти на уступки, наступление Красной армии угрожало их власти. «Расконспирация» УПА, несомненно, навлекла значительные беды на волынецов, так как националистические элементы раскры-

лись перед советскими властями. Однако следует заметить, что националистическое партизанское движение предотвратило распространение красного партизанского движения на Волыни и продемонстрировало, что ни в этой области, ни в Галиции не было симпатий к советским партизанским отрядам. К тому же тот факт, что украинцы почти единственные среди восточноевропейских наций оказались способны вести вооруженную борьбу, пусть в ограниченной степени и в течение сравнительно короткого периода, как против германских, так и против советских сил, стал психологическим стимулом для националистических настроений.

Примечания

¹ См.: *Енциклопедія українознавства*, изд. Володимир Кубійович и Зенон Кузеля. Мюнхен: Наукове товариство ім. Шевченка, 1949. С. 106.

² После первого издания этой книги больше информации, касающейся советского партизанского движения, стало доступно. Посему представляется достаточным привести здесь очень краткую справку об этнических элементах и отношении к украинским националистам. Существует более полный анализ, основанный на германских и советских источниках. См. работу, проделанную War Documentation Project, которую я выпускал — «*Soviet Partisans in World War II*» (Madison: University of Wisconsin Press, 1964).

³ См. его мемуары — «Подпольный обком действует» (М.: Военное издательство Вооруженных Сил Союза ССР, 1950) и многих последующих изданий на русском, украинском и английском языках.

⁴ *Анатолій Шиян*. Партизанский край. Киев: Українське державне видавництво, 1946. С. 19, 32. Критикуя первое издание книги «Украинский национализм», советский обозреватель утверждает, что большинство советских партизан на Украине были местными жителями — украинцами и белорусами, однако приведенные им цифры относятся к концу 1943 и 1944 году, ко времени притока местных рекрутов из крестьян. Полковник Дорошенко. О фальсификации истории партизанского движения в буржуазной печати // Военно-исторический журнал. 1960. № 7. С. 103.

⁵ См., в частности, допрос адъютанта Строкача — Александра Рузанова капитаном вермахта Вильфридом Штрик-Штрикфельдтом, переданный рейхсфюреру СС, личный штаб, Tagebuch No. 114, October 19, 1943. Пропагандистские версии того времени появлялись в *Der Deutsche in Transistrien*, 28 ноября 1943 г., с. 2, и в *Краківські вісті*, 23 октября 1943 г., с. 3.

⁶ Доклад гебитскомиссара Штойделя в Казатине, 8 декабря — 28 ноября 1943 г., PS 1702 (далее PS 1702); PS 3943, 12 февраля 1943 г.

⁷ Тем, кто подчинялся приказу явиться для отправки в Германию, угрожали, в то время как сам приказ являлся пропуском для вступления в партизанский отряд (Осс Е-4 [1]).

⁸ PS 1685; PS 051.

⁹ Несколько маленьких отрядов было. См., например, описание зоны в Черниговской области, которая, как планировалось, должна была быть в начале 1943 года районом господства красных партизан: Перша українська партизанка // Вперед. 1950. Январь. С. 13—14. Історія Української РСР. Київ: Видавництво Академії Наук РСР, 1958. С. 553. В работе указывается, что имелись националистические «псевдопартизанские отряды» в Черниговской и Кировоградской областях.

¹⁰ Как отмечается ниже, в Галиции националисты не сталкивались с большим трудом подобный трудностей, но для многих жителей Галиции избавление от советской тирании было настолько желанным, что мысль о конфликте с «освободителями» казалась нелепой; см.: *Микола Лебедь*. УПА: Українська повстанська армія. Пресове бюро УГВР. Українська головна визвольна рада. 1946. С. 17. В работе автор намекает на недостаток поддержки. Кроме того, спокойствие в области и сравнительная свобода передвижения националистических элементов сделала Галицию ценной базой для ведения организационной работы и набора людей в националистические ряды, и это спокойствие они долго не решались нарушать насильственными действиями. См. также Oberkommando des Heeres, Fremde Heere Ost, December 23, 1943.

¹¹ PS 3943, 22 мая 1942 г. Второе совещание ОУН-Б, апрель 1942 г., отклонило «рассеивание энергии» на партизанскую деятельность. Идея и чин. 1942. № 1. Другой источник ОУН-Б того времени приписывает Сталину усилия расколоть Украину партизанской войной, а также польскому эмигрантскому лидеру Сикорскому: Вісник Української інформаційної служби. 1942. № 7—8. Очевидно, это листовка, описанная в документе Chief of the SP and SD, Reports from the Occupied Eastern Territories, No. 25, October 16, 1942. С. Новицкий в «У змаганнях за волю волинської землі» (Літопис. Т. V. С. 165) отмечает: «Организация украинских националистов, которую возглавлял тогда Максим Рубан (Микола Лебедь), «контролювала» в течение 1942 года самые низкие административные уровни на Волини.

¹² По крайней мере, все критики, как и сторонники УПА, соглашались с этой точкой зрения.

¹³ Chief of the SP and SD, Reports from the Occupied Eastern Territories, No. 55, May 21, 1943 (Літопис. Т. VI. С. 75 и далее); Oberkommando der Wehrmacht, Fremde Heere Ost, 19. Mai 1943 (Літопис. Т. VI. С. 74); PS 3943, May 22, 1942.

¹⁴ *Тарас Боровец*. Збройна боротьба України. 1927—1950. С. 10—11.

¹⁵ *Дмитрий Медведев*. Сильные духом. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1951. С. 83; *Тарас Боровец*. Два

хрести // Українські вісті. 1948. 7 январа; Тарас Боровец. Армія без держави: Спогади. Виннипег: «Волинь», 1981. С. 216—222.

¹⁶ Олександр Гриценко (Тарас Боровец). Армія без держави // Українські вісті. 1950. 29 декабрия. С. 2.

¹⁷ Гриценко. Українські вісті. 1951. 1 январа. С. 4; ОУН у війні, інформаційна секція ОУН (УНР). 1946. Апрель.

¹⁸ Інтерв'ю 43; інтерв'ю с Михайло Турмановичем, 20 январа 1970 г.

¹⁹ Гриценко. Українські вісті. 1941. 14 январа. С. 2. Автор утверждає, что «провозглашение» УНДП произошло в июне 1943 года; другие источники указывают 1942 год, хотя точно известно, что идеология группы сформировалась до 1943 года. См.: Борис Левицкий. Историчне значення розламу в ОУН // Вперед. 1950. № 2 (11). С. 6.

²⁰ Медведев. Сильные духом. С. 85—86; Боровец. Два хрести.

²¹ Г. Линьков. Война в тылу врага. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 384.

²² Боровец. Два хрести.

²³ Сідор Ковпак. Від Путівля до Карпат / Литературная редакция Є. Герасимов. Київ: Українське державне видавництво, 1946. С. 3 и далее. Ср.: П. Вершигора. Люди с чистой совестью. М.: Советский писатель, 1951. С. 39, 49, 181, 412.

²⁴ Ковпак. Від Путівля до Карпат. С. 85—87 и карта в конце книги. Очевидно, значительная часть красных партизан была перебросена примерно в это же время в западные районы по воздуху.

²⁵ Там же. С. 89; это соответствует отчету о переносе действий красных партизан в треугольник Столин—Сарны—Олевск в PS 3943, February 12, 1943.

²⁶ Рейхскомиссар Украины в министерство по делам оккупированных восточных территорий (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete), December 10, 1942, CXLV 488, in Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLV 488).

²⁷ Доклад верховного фюрера СС и полиции по Южной России, Украине и северо-востоку (Höherer SS und Polizeiführer Russland-Süd, Ukraine und Nordost). 1942. 26 декабря. NO 1128 (далее NO 1128). По словам одного из партизанских командиров в Белоруссии, Ковпак создал аэродром на одном из замерзших озер. С помощью советских партизан в Белоруссии он оборонял этот аэродром, пока немцы наконец не разбили лед с воздуха (Линьков. Война в тылу врага. С. 386).

²⁸ Ср.: Линьков. Война в тылу врага. С. 375.

²⁹ Directive Verhalten der Truppe im Ostraum, October 10, 1941, USSR Exhibit 12 (далее USSR Exhibit 12). См. также меморандум, который составил начальник Верховного командования вермахта фельдмаршал Кейтель, где говорится, что войска безопасности (очевидно, СС и СД. — Примеч. пер.) в тыловых районах будут эффективны, только если им будет позволено применять драконовские меры, не прибегая к юридическим процедурам, чтобы убедить население, что сопротивление будет иметь для него ужасные последствия.

³⁰ Насколько решительными были эти меры на практике, показывает сожжение среди зимы девяти деревень в Петриковском

районе, хотя сам гебитскомиссар утверждал, что их жители не были виновны в помощи партизанам (Осс Е-4/1). Основная кампания по «умиротворению» была проведена на Волыни в сентябре и начале октября 1942 года (НО 1128); ср. Лебедь, УПА. С. 24, о резне националистических сторонников из-за коммунистической провокации.

³¹ *Лебедь*. УПА. С. 26.

³² Там же. С. 24. См. также статью, написанную в подполье УПА в 1947 году (вновь напечатана; см.: Літопись. Т. III. С. 118), где указано, что повстанческий отряд в Полесье был сформирован в октябре 1942 года, чтобы противостоять террору оккупационных войск Гитлера и красных партизан. Размах немецких репрессий и то, что народное возмущение угрожало вылиться в симпатию к коммунистам, привело ОУН-Б к тому, чтобы начать действовать прежде, чем она планировала (интервью 76). 16 октября 1942 года начальник СП и СД (сообщения с оккупированных восточных территорий, № 25) приводит содержание листовки ОУН-Б, убеждающей всех украинцев воздержаться от партизанской деятельности, будь то большевистская или польская: «ни Сталин, ни Сикорский». Но последовавшее позже сообщение (№ 29 от 13 ноября 1942 г.) упоминает другую листовку ОУН-Б, в районе Сарны—Костополь, где говорится о «партизанской борьбе против германского и советского империализма».

³³ Лебедь в «УПА» (с. 24—25; PS 3943, 1943. 19 марта) приписывает (вероятно, ошибочно, поскольку немцы не имели полной информации о природе националистических отрядов) нападения к востоку от дороги Ровно—Луцк отряду Бульбы. Западная часть этого района частично находилась под контролем крупных польских полицейских сил, которые начали действовать вместо разбегавшейся украинской полиции.

³⁴ Подробный отчет находится в рукописи D, которая определяет численность отряда Хрина (в котором служил автор рукописного документа) в 140 человек весной 1943 года, в 500 — в начале июня и в 200 — когда появился Ковпак. Очевидно, отряд Крука был до июня, когда стал вырываться вперед, меньше.

³⁵ Природа этих отрядов — дело весьма спорное. Ср., в частности: *О. Штуль* (Шуляк). В ім'я правди: до історії повстаного руху в Україні. Роттердам, 1947. С. 18; *Олег Лисяк*. Волинський батальон // Вісті братства кол. І. УД УНА. 1951. Март. С. 2; *П. Вершигора*. Люди с чистой совестью. С. 400.

³⁶ *Штуль*. В ім'я правди. С. 25; MS D; интервью 60. Ср. Начальник СП и СД, доклады Einsatzgruppen и Kommandos, No. 187, 1942. 30 марта. Утверждается, что «Свободные казаки» тяготели к ОУН-Б.

³⁷ Интервью 12.

³⁸ Там же; *Штуль*. В ім'я правди. С. 27.

³⁹ Переводы переписки между Боровцом и доктором Пютцем, начальником СД на Волыни и в Полесье. Вероятно, к моменту написания мемуаров, с. 33, Боровец («Армія без держави») уже убедился, что католицизм галичан отчуждал их от волынцев и восточных украинцев.

⁴⁰ Ср.: *Лебедь*. УПА. С. 41—43; *Штуль*. В ім'я правди. С. 20 и далее; *Боровец*. Зборойна боротьба. С. 12; *Боровец*. Армія. С. 50 и далее.

⁴¹ PS 265.

⁴² *Ковпак*. Від Путівля до Карпат, карта; MS D.

⁴³ Там же. Следует упомянуть, что, хотя изменение в маршруте было заметным, отклонение составило лишь около 30 километров. Один из источников утверждает, что Ковпак направил своих эмиссаров в Кременец, чтобы предложить совместные действия или по крайней мере нейтралитет. Но националисты отказались, хотя самый большой отряд (Хрин) насчитывал лишь двести человек и был не способен атаковать отряд Ковпака численностью в две тысячи (MS D). (*Примеч. пер.*: такое объяснение больше похоже на правду; в упомянутой «Истории Украины» львовского производства на с. 308 говорится, что «в результате переговоров повстанцы пропустили партизан через контролируемую ими территорию»; той же версии придерживаются почти все в тех местах.)

⁴⁴ Хотя отряд оставил болота 12 июня, он, очевидно, не вступал на территорию западного Полесья до двадцатых чисел, а углубился в Галицию к 9 июля (*Ковпак*. Від Путівля до Карпат. С. 109 и карта).

⁴⁵ Целью было разрушение месторождений нефти вокруг Дрогобыча, второго по величине месторождения нефти контролируемого немцами. (*Ковпак*. Від Путівля до Карпат. С. 107). Представляется достоверным утверждение украинских источников, что цель рейда состояла в том, чтобы нарушить спокойствие в Галиции, и главное — помешать вербовке галицкой молодежи в немецкие войска. Вероятно, последнее было вторичным для советских лидеров, которые едва ли считали, что необходимо вмешательство партизан, чтобы предотвратить вступление бывших подданных в «фашистские» войска.

⁴⁶ *Лебедь*. УПА. С. 49. Ср. Fremde Luftwaffen Ost, Militärpolitischer Bericht Ost, No. 1/45, January 22, 1945 и SS Obersturmbannführer Witiska (Slovakia) to Reichssicherheitshauptamt, January 24, 1945.

⁴⁷ Там же. Сообщение «Доктора Фредерика» в Auswärtiges Amt, September 19, 1943. CXLVa 60, in Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLV 60). Ср. гл. 7, примеч. 27.

⁴⁸ *Ковпак*. Від Путівля до Карпат. С. 124.

⁴⁹ *Боровец*. Армія. С. 245. Германская воинская часть оценила языковые трудности как препятствие, подрывающее уверенность в лояльности украинской вспомогательной полиции. Oberfeldkommandantur 603, Abteilung Ia, Monatsbericht, July 16 — August 15, 1943, с. 5. Позже в подпольной украинской публикации указывалось, что поляки в Галиции поступают на самые низкие должности в германские службы, чтобы мстить за украинские «карательные действия». XXIV Panzer Korps, Ic, June 5, 1941. В освещении польско-украинских конфликтов я почти полностью полагался на германские сообщения, особенно военных служб, предназначенные для внутреннего пользования, поэтому относительно реалистичные. Украинские националистические послевоенные источники в этом вопросе обычно немногословны. Как отмечено в главе 7 (сноска 29), послевоенные публикации в Польше более многочисленны; я не компетентен оце-

нить степень, с которой такие материалы согласовываются с переменной официальной линией.

⁵⁰ Oberfeldkommandantur 603, Anlage 6; Abwehrstelle Ukraine, Tagebuch 16668, сообщение по «Украинскому национальному движению» (15 сентября 1943) о том, что массовые аресты украинцев на Волыни инспирированы польскими кругами.

⁵¹ Oberfeldkommandantur 603, Ia, Anlage 1 zu OFK 365, No. 6020/43, «Auszug aus dem Lagebericht einer Kreishauptmannschaft des Distrikten Galiziens», October—November 1943; Panzer Armeeoberkommando 4, Ia, Kriegstagebuch, May 3, 1944..

⁵² Heeresgruppe Nordukraine, Monatsbericht, April, 1944, transmitted by Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete. Ср. с докладом о военнопленных в XXIV Panzer Korps Iib — No. 4019, August, 1944.

⁵³ Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete, Chef des Führungsstabes Politik (signed «Arlt»), November 17, 1944.

⁵⁴ Frédéric — доклад в Auswärtiges Amt (CXLVa 60) и T 454, Reel 24.

⁵⁵ Боровец. P. 240; от Fremde Heere Ost to Heeresgruppe Süd, Ic, December 23, 1943; командир полиции безопасности и службы безопасности (Словакия), Tagebuch No. 92/44, November 21, 1944.

⁵⁶ См. главу 3, примеч. 79.

⁵⁷ Любомир Ортинський. Дружини українських націоналістів (ДУН) // Вісті братства кол. вояків І. УД УНА. 1952. Іюнь—іюль. С. 6; Леbedь. УПА. С. 22; командир Abwehrabteilung II (Lahousen) — офицеру связи сухопутных войск и штаба сухопутных войск, 16 января 1942 г.

⁵⁸ Interview 76.

⁵⁹ Fremde Heere Ost, November 1, 1944, «Die national-ukrainische Widerstandsbewegung UPA», Anlage 2. В примечании редакторов Літопис (т. VI, с. 98) говорится, что Леbedь оставался де-факто командующим ОУН-Б «с июля 1941 года, то есть со времени ареста Степана Бандеры, до третьего внеочередного съезда (21—25 августа 1943 года)».

⁶⁰ Леbedь. УПА. С. 41—43.

⁶¹ Штуль. В ім'я правди. С. 25; MS D; І. Гірняк. Це було 6 липня 1943 року // Українське слово. Париж. 1951. 1 іюля. С. 3. Все три источника утверждают, что многочисленные сторонники Мельника были расстреляны оуновцами-Б.

⁶² Штуль. В ім'я правди. С. 27.

⁶³ Там же; Боровец. Армія без держави // Українські вісті. 1951. 14 января. С. 4.

⁶⁴ Интервью 50, 72.

⁶⁵ Леbedь, «УПА», с. 41—43, признает общий характер атак на бульбистов, хотя особо указывает на просчеты в организации и «бескровную» натуру насильственных акций ОУН-Б. См. также VO Ausl. Ic, «Ukrainischer Bandenführer Taras Bulba», Führer Hauptquartier, November 22, 1943 (Літопис. Т. VI. С. 97—98).

⁶⁶ Боровец. Збройною боротьба.

⁶⁷ Franz Borkenau. European Communism. New York; Harper, 1953. Я никогда не встречался с Боркенау и не видел его книги до первого

издания «Украинского национализма». Действительно, первая версия работы (моя диссертация доктора философии) появилась до книги Боркенау. Следовательно, сходство наших анализов, базирующихся на совершенно разных случаях, подчеркивает правдоподобие общей интерпретации.

⁶⁸ В мемуарах (Армія без держави. С. 257) Боровец подчеркивает, что, в отличие от ОУН-Б, отказался от массовой мобилизации населения в свое формирование, хотя молодые сторонники подталкивали его к этому; старшие офицеры, как и он, не желали братоубийства.

⁶⁹ Эти чувства нашли свое выражение в письме Яценюка Боровцу, где он объясняет, что поддался принуждению ОУН-Б только потому, что это давало возможность продолжать сражаться против советских и немецких войск (интервью 50).

⁷⁰ Осс Е-4 (1).

⁷¹ *Лебедь*. УПА. С. 29—30. Для подтверждения существования такой школы см.: *Павло Вершигора*. Рейд на Сан и Вислу. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. С. 168.

⁷² Осс Е-4 (1).

⁷³ Для подтверждения присутствия неукраинцев в партизанских отрядах ОУН-Б см.: *Вершигора*. Рейд. С. 262 и далее. Бандеровцы, внедрившиеся в местные администрации, стали использовать евреев в качестве переводчиков на Волини, потому что мало кто из украинцев достаточно бегло говорил на немецком. *Михайло Лебедь*. Часи немецької окупації в Матіївськiм районі на Волині // *Літопис*. Т. V. С. 201. Женщины разных национальностей старались помочь друг другу избежать германских репрессий. *Софія Степанік*. Українські жінки в німецьких тюрмах Кремянця і Рівного // *Літопис*. Т. V. С. 232 и далее. В. Подляк (На нове життя // *Літопис*. Т. IV. С. 170—174) приводит воспоминания сионистского (так в тексте. — *Примеч. пер.*) врача Кима из Львова, который служил и погиб в подразделении УПА на Карпатах.

⁷⁴ MS D.

⁷⁵ Например, полковник Трейко и полковник Литвиненко, главный советник от Андрея Левицкого при Боровце; MS D.

⁷⁶ *Лебедь*. УПА. С. 59. О любопытном подтверждении этого сообщения УПА см.: *Василь Бегма*. Заклятые враги украинского народа // *Правда Украины*. 1944. 13 ноября. С. 2. Бегма, который был в то время первым секретарем Ровенского областного комитета коммунистической партии, привел приказ Энея (псевдоним командира одной из крупных частей УПА), в котором говорилось, что его партизаны должны пропустить части Красной армии, а затем атаковать изолированные группы военного персонала, НКВД и полиции.

⁷⁷ *Штуль*. В імя правди. С. 32.

⁷⁸ Там же. С. 30; MS D.

⁷⁹ См. сообщение о пресс-конференции М. Стиранки (УГВР — Украинская главная освободительная рада) в газете «Українські вісті», 11 октября 1947 г., с. 3.

⁸⁰ Большинство этих публикаций стали доступными мне благодаря любезности Льва Шанковского при втором издании этой работы. Я должен отметить, что Лев Шанковский в своей книге «Похідні групи ОУН» (Мюнхен: «Український Самостійник», 1958), используя тот же самый тип материала, приписывает этим «походным группам» значительно больше влияния».

⁸¹ Вісник. № 9. С. 4—5.

⁸² Идея и чин. год 1-й, 1941. 1 ноября. № 1.

⁸³ Там же (из «неполных решений» второй конференции ОУН-Б, проведенной в начале 1942 года).

⁸⁴ Идея и чин. год 2-й. № 2. С. 23.

⁸⁵ Вісник. 1943. Весна. № 11.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Штаб СС в Словакии, III В Во/Ак. Lf. No. 1066, February 17, 1945, сообщение о листовке УПА «Борьба украинского народа против оккупантов».

⁸⁸ Fremde Heere Ost, 5 ноября 1944 г., основано на допросе советского подполковника. Но см. Peter Potichnyi and Yevhen Shtendera (eds.), Political Thought of the Ukrainian Underground, 1943—1951 (Edmonton, Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1966) — это редкий анализ времен войны по украинско-русским отношениям. Our Tactics with Regard to the Russian People. D. Shakhai (украинская версия в Літопис. Т. VIII. С. 203—252).

⁸⁹ Armee Leitstelle III Ost für Frontaufklärung, September 12, 1944, «Versuch einer politischen Einigung der nationalen Bestrebungen kleiner Volksgruppen»; Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete (Arlt), November 17, 1944, «Das Wesen und Ziel der UPA».

⁹⁰ За самостійну Україну, год 3-й, 1943. № 8; английский перевод см. Potichnyi and Shtendera (eds.), Political Thought of the Ukrainian Underground. С. 333—353, с дополнительными вводными материалами. По существу, тот же текст резолюций был лишь переведен на немецкий в командовании вермахта по Украине, Ис, 28 декабря 1943 года.

⁹¹ Материалы этого совещания особенно важны не только потому, что отражают кульминацию в развитии националистической идеологии, а и потому, что это наиболее полные и бесспорно наиболее подлинные из материалов совещания ОУН-Б. С начала 1960-х доступные в Гуверовской библиотеке по вопросам войны, революции и мира, теперь они есть и в современном немецком переводе в собрании Арльта рейхсминистерства по делам оккупированных восточных областей. Оригинальную украинскую версию см.: Літопис. Т. VII. С. 27—41.

⁹² Первоначальный состав не был определен — вероятно, чтобы не привлекать внимания к тому, что эта ассамблея была самозванной. Это один из многочисленных пунктов, в которых обращения УГВР, очевидно нарочито, затуманены. С другой стороны, неоднократная путаница — то УГВР, то Верховное собрание — отражает неумелую работу над проектами документов.

⁹³ Franz Neumann, *Behemoth* (London: Victor Gollancz Ltd., 1943), p. 74.

Глава 7

ПОИСКИ СПАСЕНИЯ

В то самое время, когда партизанская активность на Волыни достигла своего пика, сотрудничество украинских националистических элементов с немцами подходило к концу. Может показаться странным, но на стадии завершения сотрудничество между столь несоизмеримыми силами было теснее, чем в течение неудавшегося «медового месяца» 1941 года. Разгадка явного парадокса кроется в украинском психологическом восприятии — в данном случае это более подходящее выражение, чем «отношение», — создания национальных вооруженных сил и в германской политике обеспечения военного коллаборационизма в Восточной Европе.

Мало кто из политических движений этого столетия настолько сильно увлекся идеей строительства национальных вооруженных сил, как украинское националистическое движение. Наваждение объяснимо, когда речь идет об оуновцах с их идеологией, придающей огромное значение факторам воли, силы, действия. В то время как у старшего поколения оуновцев наблюдалась тенденция оформить националистическое движение по военным шаблонам с акцентом на порядок и дисциплину, в более молодых оуновцах чувствовалась склонность отбросить все ограничения и запреты и дать волю прямому насилию. Но как для тех, так и для других армия, олицетворявшая собой силу в чистом виде, была идеалом. Ненационалистические круги типа УНР и легальные партии в Галиции также считали военную организацию исключительно важной.

Если вспомнить, что в 1919—1921 годах националистическое движение и на востоке и на западе Украины было жестоко подавлено более организованной силой, то корни этих устремлений станут понятны. В годы революции отсутствие прочного ядра в виде обученных воинских сил, подобных тем, что имели поляки, большевики и белые, нанесло значительный урон украинскому делу. Во время Второй мировой войны лидеры националистов были готовы восполнить пробел путем огромных материальных жертв своего народа.

Украинские надежды на формирование в 1941 году войск под германской эгидой потерпели крах из-за презрения нацистов к народам востока. Несколько позже, даже после того как организованные националистические силы подавлялись, возродились ожидания, что вермахт настоит на создании украинской армии. Эти украинские чаяния были не совсем беспочвенны, ибо горький опыт зимних боев под Москвой и Харьковом и нарастающая красная партизанская угроза убедили многих высших командующих германской армией в том, что, если они хотят победить советскую систему, следует обеспечить помощь со стороны прежних субъектов Кремля. Главным в этой группе был генерал фон Шенкендорф, который еще в марте 1942 года предложил создать национальное «русское правительство», зависимое от Германии, которое бы действовало как сборный пункт вооруженных сил, составленных из местных жителей¹. При помощи офицеров, руководствовавшихся отнюдь не симпатиями к чаяниям восточноевропейских народов, а возможностью воспользоваться многообещающей помощью, из военнопленных были набраны *Hilfswillige* или *Niwis* и *Ostlegionen** — формирования для участия во вспомогательных армейских операциях и борьбы с партизанами. Поздней зимой 1941/42 года некоторые из этих формирований использовались как независимые подразделения на линии фронта. Успех эксперимента побудил круги вермахта к более широкому использованию бывших советских военнослужащих².

* «Вспомогательные добровольцы» и «восточные легионы».

Немцы предпочитали вербовать людей с Кавказа и из Средней Азии, но привлекались и славяне. Основными славянскими формированиями были, похоже, казачьи сотни, разнородные в языковом и этническом отношении, поскольку само название обращалось одновременно как к традициям украинцев, так и к традициям русскоязычных казаков Дона и Кубани. Новость о задействовании разлетелась быстро, и к маю украинские круги аж во Львове были убеждены, что немцы использовали «украинские» вооруженные силы на фронте на Керченском перешейке и что они скоро будут использовать украинские войска в полной мере³. Ближе к зоне боевых действий сведения были поточнее; украинские газеты Киева и Мариуполя сообщали, что несколько украинских подразделений воювали на Крымском фронте, и даже упомянули имя одного командующего, сообщалось, что идет подготовка 150 тысяч украинских солдат⁴.

На пути осуществления амбициозных планов вермахта встало серьезное препятствие. Нежелание Гитлера давать оружие «неполноценным» и «ненадежным» славянам имело глубокие корни. В августе 1942 года он вмешался лично, чтобы свести военное использование добровольцев из советских республик лишь до уровня мелких антипартизанских формирований⁵. Офицеры же вермахта не оставляли своих далеко идущих планов формирования армии из бывших советских солдат для помощи в борьбе со Сталиным, но были вынуждены действовать осторожно. Осенью 1942 года их усилия сосредоточились вокруг Андрея Власова, известного человека из второго эшелона советских генералов, который за несколько месяцев до этого был захвачен в плен. Германские офицеры планировали сделать его главным представителем всех антикоммунистических элементов Советского Союза. Какое-то время им удавалось обеспечивать поддержку Власову даже в ост-министерии, хотя Розенберг никогда полностью не доверял ему, поскольку знал, что Власов, русский, никогда не поддержит планов Розенберга о разделе Советского государства.

В течение зимы 1942/43 года Розенберг и армия чувствовали, хотя и ошибочно, что есть шанс постепенно

добиться санкции Гитлера на ограниченную программу квазиавтономии для народов оккупированной части СССР, что гарантировало бы активную поддержку с их стороны в войне против их прежних правителей. Сотрудничая с вермахтом ради укрепления пошатнувшегося престижа, Розенберг одновременно искал союзников и в СС. Его контакты тамгодились в марте 1943 года при разработке плана формирования «украинского национального представительства», которое, по замыслу Розенберга, очевидно, имело бы двойную цель — обеспечить серьезную украинскую поддержку германским военным усилиям и не допустить, чтобы роль Власова стала слишком значительна. Вероятно, с помощью бригадефюрера СС Олендорфа доктор Кинкелин, один из высоких чинов остминистериума, составил список из четырех киевских должностных лиц. Специально постарались, чтобы это были «чистые украинцы» со связями с крестьянством. Однако достаточно примечательно, что все четверо, похоже, благосклонно относились к русофильским элементам в киевской муниципальной власти⁶. Вопрос о том, как такой «национальный комитет» был бы воспринят националистически настроенными украинцами, является риторическим, поскольку весь план так и остался на бумаге. То ли реализации проекта помешали препятствия эсэсовцев, которым нужен был орган, способный уменьшить партизанскую угрозу, но они продолжали презирать всех славян, то ли имело место прямое вмешательство Гитлера, трудно сказать⁷. Во всяком случае, к лету 1943 года проект был заброшен вместе с еще более грандиозными планами насчет политической деятельности Власова.

Однако украинцы, которые смотрели с подозрением на усиление влияния Власова, обнаружили, что их надежды на создание национальной армии нашла неожиданную поддержку⁸. Хотя в СС продолжали выступать против использования славян в борьбе с коммунизмом, офицеры СС, весьма влиятельные в генерал-губернаторстве, убедили окружение Гимmlера разрешить крупномасштабную вербовку галицких украинцев в войска ваффен СС. Лояльность населения Галиции, которая сде-

лала область до вторжения Ковпака одной из наиболее мирных среди оккупированных Германией, была мощным аргументом в пользу уступок западноукраинцам. Те европейцы, которых классифицировали как «нордических», уже были рекрутированы в специальные войсковые соединения под началом Гимmlера. Этот новый поворот в политике СС, произошедший в то время, когда высшие круги СС заигрывали с идеей поддержки украинского национального представительства, позволил «неполноценным» славянам уверенно вступить в разряд элитных войск⁹.

Создание дивизии СС «Галычина» сопровождалось введением всякого рода ограничений. Слово «украинская» было исключено из обозначения. Открытая ссылка на «политическое» значение формирования строго запрещалась¹⁰. Тем не менее создание дивизии было поддержано большинством ведущих деятелей в Галиции. Ее создание было официально объявлено 4 мая 1943 года, когда президент Украинского центрального комитета Кубийович выпустил воззвание, призывая к поддержке¹¹. В то время как полковник Сушко не проявлял в связи с этим особой активности¹², генерал Курманович выступал в поддержку созданной дивизии по львовскому радио¹³. Другие сторонники Мельника, подобно Мыхайле Хроновяту, играли ведущую роль в развертывании дивизии, а поддерживавшая ОУН-М пресса придала этому событию большую гласность¹⁴. Позиция враждебной националистической группы была менее ясной. Будучи незаконной, ОУН-Б не могла принять открытое участие в создании воинского формирования, даже если бы очень хотела. С самого начала войны сторонники Бандеры всегда утверждали, что они против такого рода сотрудничества с немцами, и осудили другие националистические группы за поддержку этого начинания. Ясно, что ОУН-Б официально не одобряла проект в 1943 году. В листовках УПА того времени содержатся резкие выступления против вербовки украинцев в дивизию, как и в некоторых подпольных публикациях с середины 1944 года. Но другие свидетельства говорят, что, по крайней мере к тому времени, бандеровцы и УПА на практике не пре-

пятствовали развертыванию дивизии. Хотя листовка УПА конца 1944 года и сообщала, что солдат в «Галычину» вербовали силой, одно германское секретное донесение указывает: добровольцы упорно утверждают, что вербовались в дивизию по приказу УПА. Они приписывали УПА план по привлечению половины галицкой молодежи в УПА, с тем чтобы другая половина прошла немецкую военную подготовку в дивизии¹⁵. Шухевич, говорят, считал это уникальной возможностью для украинской молодежи получить военную подготовку. Это соответствовало бы его хорошо известной склонности удовлетворить военно-технические потребности националистического движения, и это более вероятно, потому что именно в то время его усилия по укреплению УПА были серьезно затруднены недостатком в молодых офицерских кадрах. Чтобы получить кадры для будущих операций и воспрепятствовать подчинению нового формирования оппозиционно настроенным к ОУН-Б силам, он велел значительному числу его сторонников вступить в «Галычину», где они и заняли видное положение; другие бандеровцы, привлеченные возможностью активного действия, вступали в дивизию по собственной инициативе.

Дивизия «Галычина», однако, никогда не оказывалась под контролем какой-либо украинской партии в той мере, как было ранее с организованными немцами украинскими военными формированиями. Главным организатором и украинским офицером самого высокого ранга в дивизии (штаб состоял из немцев) был Дмитро Палиив, ранее лидер одной из маленьких легальных политических партий в Польше¹⁶. С ним были связаны многие члены УНДО подобно Любомыру Макарушке¹⁷, а старые офицеры УНР, такие как генералы Петрив¹⁸ и Омельянович-Павленко¹⁹, оказали моральную поддержку.

Почти всеобщая поддержка, оказанная созданию дивизии СС, сама организация которой была затеяна прежде всего для того, чтобы подавить украинский национализм, усилилась весной 1943 года ввиду желаемых для украинских националистов перспектив развития обстановки. Националисты ненавидели нацистов и мало на-

деялись на реальную помощь с их стороны, но еще больше они ненавидели и боялись коммунистов. Вероятность германской победы, и без того казавшаяся не очень высокой после провала попытки взять Москву, сделалась весьма незначительной после сталинградской зимы. Многие украинские лидеры надеялись на длительную борьбу, в которой обе тоталитарные державы будут настолько ослаблены, что откажутся от господства в Восточной Европе. Они думали, что Великобритания и Соединенные Штаты либо в соответствии с положениями Атлантической хартии, либо с учетом элементарных принципов баланса сил предотвратят полное подчинение этого региона Советскому Союзу, что настанет время безвластия в регионе подобно тому, как это было в 1918 году, и в этих условиях нация, обладающая организованной военной силой, сможет утвердить себя. Некоторые считали, что УПА могла бы осуществить эти чаяния, но многие понимали, что ввиду низкой военной значимости УПА националистическое движение должно воспользоваться шансом сформировать настоящую армию под германским покровительством, которую потом можно было бы использовать самостоятельно, даже против тех, кто финансировал ее формирование²⁰.

Как это ни парадоксально, сотрудничество с СС в создании нового воинского формирования проходило на фоне растущей убежденности в поражении Германии и желания сделать ставку на англо-американских союзников. Очевидно, эта широко распространенная тенденция сильнее всего проявлялась в ОУН-Б. Сам Бандера уверял высокопоставленного офицера СС Готтлоба Бергера, что Англия и Соединенные Штаты выиграют войну²¹. В октябре 1944 года такие уверения можно было считать смелыми, но уже вряд ли их назвали бы пророческими. Однако еще в июле 1942 года немецкая полиция, полагаясь на сообщения из Румынии, заподозрила бандеровцев в контактах с британской секретной службой через богатого украинца Якова Маголина, проживавшего в Лондоне. В 1944 году сообщалось о более существенной связи между УГВР и Британией через Швейцарию. К тому времени чувство отчаяния помогало распространению диких слу-

хов вроде наличия в Иране армии из 250 тысяч канадских украинцев, которая сбрасывает парашютные десанты в Припятских болотах²². Словно в странном зеркале отразились преувеличенные надежды, что третья сила позволит националистам избежать выбора между катящимися в пропасть нацистами и еще более страшным советским тоталитаризмом, — надежды, сходные с чаяниями националистов Юго-Восточной Азии, которые рассчитывали, что антиколониальное советское вмешательство спасет их от возвращения европейского колониального правления после жестокого японского. Германская разведывательная сводка по УПА даже указывала, что некоторые из националистических деятелей надеялись обрести свободу по модели, которую, по их представлениям, Япония предоставила Филиппинам²³. В обеих столь отдаленных географических областях националисты предполагали расчистить дорогу для предпочтительной третьей альтернативы через временное сотрудничество с регулярными войсками проигрывающей войну оккупирующей державы. Японские же и немецкие офицеры-оккупанты надеялись отмыться от прислуживания тоталитарному режиму, помогая местным националистам и покупая таким образом «пропуск» к наименее нежелательному победителю. Для украинских националистов предпочтительной вооруженной силой был, конечно, вермахт. С помощью сил, уцелевших после его разгрома, сильное националистическое военное присутствие могло бы поддерживать порядок и сдерживать советские войска до прихода западной помощи. В этом фантастическом сценарии дивизия «Галычина», уже опекаемая эсэсовцами, представляла отчаянный шанс, что переходный альянс с немцами будет принят западными демократами.

Некоторые благоприятные условия, которых от немцев добились националистические лидеры, позволили им поддержать дивизию «Галычина». Согласно докладам националистов, дивизия должна была использоваться только против советских войск, но ни в коем случае не против западных союзников; таким образом, по их разумению, они смогли бы прийти к соглашению с последними, когда

для этого представится возможность. Как бы там ни было, немцы официально согласились на такие условия, формально они соблюдались — хотя, как будет отмечено ниже, дивизия позже воевала и с теми силами, которые в действительности не находились под советским контролем. Более существенным было то, что политико-идеологическая обработка солдат находилась в руках не нацистских идеологов, а самих националистов. Кроме того, в отличие от обычной практики эсэсовских формирований, каждому подразделению разрешалось иметь священника²⁴.

Эти соображения сыграли значительную роль в обеспечении поддержки формированию дивизии «Галычина» и со стороны автокефальной православной церкви²⁵, и Украинской католической церкви. Митрополит Шептицкий поначалу приветствовал германскую армию как освободителя от коммунистической тирании. Скоро он обнаружил, что офицеры вермахта, с которыми он с самого начала установил сердечные отношения, не были реальными представителями германской власти. Ужасные эксцессы со стороны полиции безопасности, особенно уничтожение тысяч евреев, вызвали резкую перемену в позиции Шептицкого. Он был особенно встревожен тем, что эта полиция использовала украинскую в этих убийствах, и, как говорят, направил прямое требование Гиммлеру прекратить эту практику. Во всяком случае, секретное сообщение в германский МИД дает почти убедительное доказательство того, что митрополит был решительно против антиеврейских акций нацистов и к концу 1943 года пришел к тому, что стал считать нацизм даже большим злом, чем коммунизм²⁶. И тем не менее он лично одобрил создание дивизии «Галычина» и направил одного из своих священников — доктора Лабу — в качестве главного капеллана дивизии²⁷. Епископ Иосиф Слипый* провел богослужение в соборе Святого Георгия во Львове во время торжеств по случаю создания дивизии²⁸.

* После смерти Шептицкого (1944) Слипый стал митрополитом униатов.

Разрешение немцами института капелланов и отсутствие нацистской идеологической обработки солдат способствовали тому, что дивизия «Галычина» стала приемлемой для церкви. Однако главная причина, побудившая митрополита поддержать создание дивизии, была подобна той, которой руководствовались остальные националистические лидеры. Митрополит чувствовал, что немецкое поражение — вопрос времени и небольшая военная поддержка, которую дивизия сможет оказать пошатнувшемуся вермахту, не может быть решающей, к тому же существование националистических войск определенной силы будет иметь неопределимое значение в обстановке хаоса, который последует за немецким крахом и даже может быть необходимым для сохранения жизни значительной части украинского населения Галиции. Основное беспокойство Шептицкого было вызвано поляками-экстремистами, которые убивали своих противников среди украинцев, так же как ОУН-Б занималась резней поляков на Волыни и в Галиции²⁹.

Больше двенадцати месяцев ушло на набор и организацию дивизии. Молодых людей, откликнувшихся на призыв завербоваться, оказалось настолько много, что установленная квота была перекрыта многократно, и десятки тысяч добровольцев не были приняты в дивизию³⁰. Тем не менее командиры — офицеры СС, похоже, ставили под сомнение лояльность своих подчиненных и не решались использовать их в деле. Тем временем завоеванные нацистами обширные украинские земли переходили в руки Советской армии. В марте 1943 года советские войска взяли Харьков, однако сдали его в мае. После повторного взятия Харькова, в сентябре 1943 года, они оказались у ворот Киева. Там они задержались на месяц, но в течение оставшейся осени и зимы 1943/44 года вернули себе фактически всю Советскую Украину в границах до 1939 года плюс большую часть Волыни.

Настоящее сражение за Галицию началось только летом 1944 года. В этот момент командование СС, наконец, решило задействовать в бою новую украинскую дивизию.

Фронт протянулся от точки к востоку от Ковеля до Карпат южнее Тернополя. Ключевым местом был городок Броды на шоссе из Ровно во Львов. Здесь в конце июня дивизию СС «Галычина» поставили помогать прикрывать галицкую столицу. В течение трех недель она отражала яростные атаки советских войск и противостояла операциям по окружению, но к 20 июля дивизия как боевая часть потеряла эффективность. Часть дивизии (двадцать семь процентов личного состава) отступила с немецкими войсками к Карпатам, а многие из оставшихся убежали, чтобы присоединиться к УПА или вновь пробраться к немцам³¹.

После победы под Бродами Советская армия быстро заняла Восточную Галицию, Буковину и Закарпатскую Украину. К осени, по существу, все украинские земли снова оказались под контролем Москвы. На сей раз репрессии, проводимые коммунистическими правителями, были еще жестче и откровеннее, чем пятью годами раньше. Украинская католическая церковь подверглась безжалостным гонениям. Митрополит Слипый, вступивший в сан после смерти Шептицкого в конце 1944 года, был арестован и депортирован с Украины. Было отправлено в ссылку и большинство иерархов Украинской католической церкви, как и сотни представителей ее духовенства. Православные священники, подчиненные московскому патриарху, получили помощь того меньшинства католического духовенства, которое отказалось от подчинения Риму и участвовало в формировании новой иерархии Русской православной церкви в Галиции. Та же самая политика проводилась в Закарпатской Украине³².

Беженцы из этого района сообщали, что были приняты очень строгие меры против населения в целом. Мужчины в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет, как говорили, в массовом порядке призывались в Красную армию без учета их состояния здоровья³³. После призыва над ними ставили специальных политруков, давали в руки устаревшее оружие и посылали в бой после восьмидневной подготовки³⁴. Кроме того, возобновилась коллективизация сельского хозяйства и советизация всех сторон жизни.

Большие усилия, судя по всему, затрачены были на преодоление национализма западноукраинцев, который коммунисты считали угрозой своему режиму. За несколько месяцев до того, как советские войска вновь заняли Галицию, Хрущев, первый секретарь Коммунистической партии Украины, обращаясь к шестой сессии Верховного Совета Украинской ССР, осудил националистов в самых резких выражениях. Главный выпад был направлен против националистических партизан: «Если спросить украинско-немецких националистов, сколько немецких оккупантов они уничтожили, сколько немецких частей они разбили, сколько мостов взорвали, чтобы помешать агрессорам перебрасывать оружие для порабощения и уничтожения украинского народа, они не смогут ответить»³⁵.

Его речь определила направление советской пропаганды, которая объявила сторонников Бандеры, Мельника и Бульбы немецкими агентами, противопоставив им «истинных патриотов советской родины»³⁶. Была сделана очевидная попытка вбить клин между крестьянством — рабочим классом, с одной стороны, и интеллигенцией — с другой. Первые были объявлены обманутыми опасной доктриной, которую распространяла интеллигенция³⁷. Советские пропагандисты обещали, что западноукраинской интеллигенции, не имевшей «преимуществ» воспитания в советской школе, а учившейся в «буржуазных» учебных заведениях, прививших ей «буржуазную идеологию», в результате чего она стала пособником «украинско-немецких националистических бандитов», будет уделено «особое внимание»³⁸. Как это бывало с социальными элементами, подвергшимися яростным нападкам советских правителей, значительная часть интеллигенции была, вероятно, «ликвидирована как класс».

В то же время предлагался некоторый выход националистическим чувствам, с уклоном на классовое сознание, когда подчеркивались героические подвиги некоторых украинских командиров красных партизанских отрядов на Львовщине³⁹. Однако эта тема звучала относительно тихо — вероятно потому, что не хватало украинских образцов для прославления. Гораздо более существенным

в конечном итоге было молчаливое согласие советской власти на выдворение польского меньшинства из Восточной Галиции. Принудительный «обмен населением», обговоренный с польским правительством, контролируемым коммунистами, был закончен к началу 1945 года. Так как эта мера осуществлялась открыто, она была явно рассчитана на то, чтобы удовлетворить украинские чаяния об «этнически чистой» Восточной Галиции⁴⁰.

В Закарпатской Украине, где красные партизаны, очевидно, получили подлинную поддержку как освободители от антиукраинского венгерского режима, обращение к национальным чувствам использовалось гораздо шире. Были опубликованы целые списки партизанских вожаков, включая по крайней мере одного священника. Кроме того, кто-то из партизан, как заявлялось, говорил «на чистом украинском языке», и все имели украинские фамилии⁴¹. Вслед за пропагандой последовала обычная практика формирования Народного комитета, который обратился с просьбой о присоединении провинции к Советскому Союзу⁴². Даже после того как война закончилась и Советская Украина закрепила новое приобретение, появилась статья, которую называли бы «расистской», если бы она не была написана коммунистом. В статье указывалось, что в некоторых деревнях Закарпатской Украины говорят только по-венгерски, хотя на их «чисто украинский» характер указывают фамилии жителей и их «славянская внешность»⁴³.

К счастью, в большинстве своем западноукраинская националистическая интеллигенция не осталась наслаждаться благами советского «перевоспитания». Один из странных парадоксов немецко-украинских отношений времен войны состоял, однако, в том, что в тот самый период, когда Германия больше всего нуждалась в поддержке украинцев и когда их помощь привела к созданию дивизии «Галычина», на националистических лидеров обрушилась новая волна репрессий. Это случилось осенью 1943 года; непосредственные причины нельзя с точностью определить, но кажется, это было в основном ре-

зультатом тенденции немцев добиваться максимальных результатов, используя силу и обман, что так портило их отношения с восточными народами. Одним из первых украинских лидеров, кто стал жертвой таких методов, был Боровец. За месяц до того как Боровец поехал в Варшаву с целью получить помощь в восстановлении своего партизанского отряда, немцы решили, что надо бы провести переговоры с лидерами националистических партизан, чтобы определить, что они собой представляют, и арестовать их во время переговоров, если это окажется необходимым⁴⁴. Неизвестно, была ли какая-либо прямая связь между этим планом и судьбой, постигшей Боровца, но процедура, использованная применительно к нему, была сходной с упомянутой. После того как вермахт начал беседы с Бульбой, внезапно появилась полиция, арестовала его и его помощника Олега Штуля, а затем поместила их в концлагерь Заксенхаузен вместе с Бандерой и его помощниками⁴⁵.

К этой группе вскоре присоединились ведущие члены ОУН-М. После падения Муссолини представитель украинских националистов в Италии Евген Онатский написал статью, критикующую фашизм как форму правления, на основании того, что он является прибежищем привилегированного класса. Статья была целиком напечатана в газете «Український висник» и привлекла к себе внимание немецкой полиции, которая арестовала 29 сентября 1943 года Онатского, но не переправляла его в Заксенхаузен из римской тюрьмы Реджина Коэли до 12 декабря⁴⁶. Во время этого заключения основным предметом его допросов были связи Мельника и Коновальца с украинцами, проживающими в странах союзной коалиции⁴⁷. Очевидно, такие связи, по крайней мере в форме инспирации антигерманских материалов в союзнической прессе, и контакты с украинскими организациями вне германской орбиты послужили одной из причин ареста 26 января 1944 года самого Мельника вместе со специалистом Провода по иностранным делам Дмытро Андриевским⁴⁸. Серьезным поводом для ареста руководителей ОУН-М явились антигерманские подпольные публикации ОУН-М в Восточной Украине и публикации, обна-

руженные в квартире Кандыбы во Львове⁴⁹. Кандыба и многие другие члены ОУН-М были арестованы примерно в то же время, а «Наступ» запретили. Три члена Провода были убиты в течение предыдущих четырнадцати месяцев, так что из руководства оставались на свободе только пожилые генералы Капустянский и Курманович⁵⁰.

Большинство руководителей ОУН находились в заключении в судьбоносные месяцы, когда Западная Украина переходила под власть коммунистов. К октябрю они были освобождены⁵¹, но почти все украинские земли уже перешли под контроль коммунистов. В руках немцев оставались, однако, около двух миллионов человек украинского происхождения — тысячи беженцев, более миллиона оstarбайтер, несколько сотен тысяч военнопленных и около четверти миллиона в составе вспомогательных частей⁵². Последние в большинстве своем были разбросаны по разным мелким осттруппен, которые насчитывали в целом около 700 тысяч человек⁵³.

Нацистское руководство хотело использовать этот значительный людской потенциал для укрепления разваливающейся обороны. Основная часть этих усилий сосредоточивалась вокруг Власова, которому в конечном итоге дали сравнительную свободу в организации антисоветского политического центра и военных формирований в размере до дивизии. Власов получил поддержку Гимmlера и ряда других высоких чинов СС, которые теперь были готовы хвататься за любую возможность, чтобы спастись от поражения. Одновременно другие нацистские круги, включая офицеров СС, как и чиновников «восточного министерства», пытались сформировать украинский центральный политический орган.

Основной германской задачей после ухода из Западной Украины было установление там связи с националистическими партизанами⁵⁴. В начале 1944 года офицеры вермахта, возможно лишь потому, что уже сталкивались с проблемой красных партизан перед отступлением с востока Украины, оценили значение партизан, действующих за линией фронта в советском тылу. Германское командование не только предусмотрело общее соглашение о сотрудничестве с украинскими националистическими пар-

тизанами, но и разрешило местным командирам вермахта вступать в тактические союзы, если дело не касалось политических вопросов⁵⁵. Немцы сознавали ограниченность возможностей националистических партизан лучше, чем они сами: если учесть недостаток в офицерах, имеющих опыт тактического командования большими соединениями, то мечты УПА об «организации фронта» против наступающих советских войск выглядели несбыточными. Даже типовое крупное формирование, развернутое на Волыни и использовавшееся в течение кампании УПА против Ковпака в Галиции в 1943 году, пришлось заменить на формирования в размере роты (сотня). Основной план УПА состоял в уходе в наиболее труднодоступные места Карпат на границе между Галицией и находившимся под венграми Закарпатьем⁵⁶.

У командования УПА тоже была потребность в немецкой помощи. Уже в апреле 1944 года Охрим (Дмытро Клячневский, в то время командующий УПА в Галиции) направил письмо с предложением обеспечивать немцев информацией о расположении советских войск. Безусловно, предложение связывалось с получением боеприпасов (которые немцы были готовы направить по воздуху) и освобождением Бандеры (об этом думали в Берлине)⁵⁷. Осторожные немцы стремились, однако, получить независимое подтверждение силы и намерений националистических партизан. Для этого было задействовано несколько разведывательных групп. По-видимому, наиболее значительной была группа под командованием капитана Кирна, которая пробыла в советском тылу целый месяц. Сообщения о сотрудничестве с УПА и ее силе были благоприятны, несмотря на постоянные немецкие предупреждения о «завышенных украинских требованиях». Центральный штаб армейской разведки, Fremde Heere Ost, подсчитал, что 95 процентов всех подразделений УПА находились к сентябрю 1944 года в тылу советских войск, отвлекая на себя две или три советские кавалерийские дивизии и пятнадцать—двадцать полков НКВД. Некоторые сбегавшие из распадавшихся немецких вспомогательных частей образовывали партизанские отряды, примыкавшие к власовцам; но Кирн обнаружил, что УПА была го-

раздо лучшее организована в Восточной Галиции, а многие ее дела ошибочно приписывались власовцам⁵⁸.

Первоначальные действия советских реокупационных сил, вероятно, были выгодны УПА. Советские усилия выловить всех подозреваемых в сотрудничестве с УПА подорвали способность националистического подполья к сопротивлению, но на какое-то время эта советская тактика заставила подозреваемых, сочувствовали ли они первоначально УПА или нет, присоединиться к ней в лесных схронах. Спорадическое воссоздание колхозов и военный призыв, который угрожал всем здоровым украинцам, привели дополнительных рекрутов в лагерь националистических партизан. Постепенно советские власти ввели более эффективные, но крайне жестокие меры. Деревни, которые давали приют националистам, сжигались. В одном случае десять женщин-крестьянок и их дети были закрыты в горящем доме, чтобы заставить мужчин этих семей выйти из леса (так в тексте, хотя так можно отомстить или наказать, но никак не успеть принудить к сдаче. — *Примеч. пер.*). В другом случае советские агенты обманули крестьян трех деревень, под видом немцев получив у них информацию, после чего советские власти сослали все население⁵⁹. По мере того как 1944 год шел к завершению, все шире распространялась политика выселения жителей деревень с целью создать «мертвую» зону, в которой не будет приюта, источников снабжения и информации для соседних лесных баз националистов.

Как и везде, жестокая политика искоренения крестьянства — вода, в которой партизаны плавают, как рыбы, говоря языком маоистской метафоры, — оказалась эффективной. Сначала УПА боролась с советскими частями, проводившими выселение, не позволяя при этом крестьянам поставлять свою продукцию властям. Постепенно УПА все чаще и чаще стала избегать вооруженных столкновений, используя вместо этого маленькие отряды, чтобы убивать советских офицеров и гражданских

* Здесь нечто новое в исторической науке: источник — материалы допроса в гестапо.

должностных лиц. Один свидетель информировал немецкую разведку, что в националистической засаде осенью 1944 года во Львове был убит советский генерал⁶⁰. По мере того как способность националистов противостоять советским войскам шла на убыль, их действия сосредоточивались какое-то время в предместьях больших городов вроде Львова и вдоль транспортных путей, а также на восточном краю Карпатских гор. В немецком сообщении, очевидно последнем, касавшемся УПА, от 1 апреля 1945 года отмечалось значительное ослабление силы УПА из-за эвакуации деревень⁶¹. И все же националистические партизаны, благодаря их диверсионной и разведывательной деятельности, о которой было сказано, оставались потенциально полезными для немцев вплоть до окончательного поражения Германии. Немцы продолжали возлагать серьезные надежды на длительное сотрудничество с УПА, уступавшие по силе лишь желанию развернуть основные регулярные военные формирования из набранных украинцев — знак уважения немцев к националистическим чаяниям на заключительном этапе Второй мировой войны.

Доктор Фриц Арльт, офицер ваффен СС, игравший видную роль в поддержании связей с украинцами на территории генерал-губернаторства в 1939—1941 годах, был центральной фигурой при формировании Украинского национального комитета. Очевидно, и Мельник и Бандера, находясь в тюрьме, отказались обсуждать такие предложения⁶². После того как Бандеру выпустили 27 сентября 1944 года, он вскоре предложил Арльту, чтобы тот обратился к доктору Горбовому, члену ОУН-Б, игравшему ведущую роль в организации Украинского национального комитета в Кракове в июне 1941 года. Арльт, однако, не сумел достичь с ним взаимопонимания и связался Мельником, который был освобожден 17 октября. Мельник, по-видимому, сумел добиться согласия между всеми важными руководителями националистов, включая Бандеру, Левицкого и Скоропадского, на основе немецких предложений, но Арльт и его сотрудники не могли принять требования, которые выдвигали националисты⁶³.

Не сумев убедить главных украинских националистических лидеров, чтобы те взяли на себя инициативу формирования Национального комитета на условиях, приемлемых для нацистских правителей, Арльт обратился к элементам, которые менее активно занимались политикой в течение войны. Первые два украинских лидера, которым предложили пост председателя Национального комитета — генерал Петрив и профессор Мазепа, — отказались принять предложение ввиду опасностей, которые навлекал на них такой пост в связи с почти верным поражением Германии. Наконец, однако, генерал Павло Шандрук, офицер УНР и близкий соратник Андрея Левицкого, принял предложение с благословения последнего, а также Бандеры и Мельника⁶⁴. По мнению Шандрука и его помощников, признание Украинского национально-го комитета немцами было необходимо не только для того, чтобы избежать подчинения всех украинцев на территории Германии Власову, что помешало бы им вступить в независимые переговоры с союзниками, но и потому, что наличие множества оstarбайтер и заключенных требовало, чтобы их соотечественники смогли им помочь. Для Шандрука и его партнеров потеря престижа в результате сотрудничества с бесславной умирающей властью была недостаточным аргументом, способным перевесить эти соображения⁶⁵.

В то же время Власов и его окружение активно стремились обеспечить участие в его движении украинских представителей, которые приняли бы его претензии на лидерство и согласились отложить любое решение относительно независимости Украины до того времени, пока советские правители не будут свергнуты. Большинство украинцев, к которым обращались власовцы, отказались идти на сотрудничество, убежденные, что если какой-либо группировке типа Власова, в которой преобладали русские, когда-либо удастся заменить коммунистов в Кремле, то возникнут условия, при которых будет невозможным свободное волеизъявление украинцев по вопросу о союзе с Россией. Однако Власову удалось добиться от определенного числа видных украинцев поддержки Комитета освобождения народов России (КОНР). Коми-

тет собрался в Праге 14 ноября 1944 года. Примечательно, что практически все присутствующие были из одного и того же места — из Киева⁶⁶. Похоже, отчасти это объяснялось тем, что некоторые весьма уважаемые киевские лидеры вроде профессора Федора Богатырчука были убеждены в необходимости продолжения единения с Россией и благодаря своему влиянию убедили друзей поддержать новое формирование⁶⁷. Несомненно, что реакция в Киеве на ошибки националистов и в некотором роде необычное социальное и культурное прошлое столицы сыграли свою роль.

Украинские националистические группы сразу яростно отреагировали на обращение КОНР, в котором утверждалось, что комитет выражает чаяния всех народов Советского Союза. Через четыре дня после того, как было выпущено обращение, десять национальных групп (русской среди них не было) обратились к Розенбергу, требуя поддержать их. Возможно, потому, что пока еще не существовало официально признанного Украинского национального комитета, Мельник подписал петицию «от украинских национальных политических групп»⁶⁸. После изложения истории борьбы их наций за независимость от Москвы и утверждения, что только русские не проявили никакого рвения в борьбе с большевизмом, националистические лидеры особенно подчеркнули, что рассчитывают на признательность со стороны немцев: «Поэтому неудивительно, что эти (нерусские) народы с величайшей радостью приветствовали начало германско-русской войны. Они встали на сторону германской армии с первого дня войны, помогали как могли и с сердечной дружбой приветствовали войска. Сражаясь плечом к плечу вместе с германскими солдатами, они доказали свою преданность национальной идее»⁶⁹.

При этом подписавшие протест не побоялись критически отозваться о германской политике. Они утверждали: из-за того, что борьба народов Советского Союза за независимость не была признана, Сталин дал прошедшей весной самостоятельное дипломатическое представительство так называемым «советским республикам», тем самым представив дело так, будто он уделяет большее

внимание национальным чаяниям, чем немцы. Лишив Власова возможности говорить от имени их наций, они категорически потребовали, усилив требования заявлением, что отказываются «принимать ответственность за реакцию соотечественников на акцию Власова», чтобы немцы пошли на следующие уступки:

1. Запретить любые притязания генерала Власова на руководство нашими народами.

2. Признать право, вступающее в силу немедленно, наших народов на независимые государства и объявить о признании наших национальных представительных органов.

3. Организовать наши национальные войсковые формирования под объединенным командованием национальных командиров, подчиненных германскому вермахту в оперативных вопросах, для борьбы против большевизма, и передать политическое руководство в рамках этих формирований нашим национальным представительным органам⁷⁰.

Возможно, Розенберг не передавал этот документ Гитлеру из-за бескомпромиссной терминологии, в которой тот был составлен, но точно известно, что в день его получения он направил решительный протест фюреру против власовского комитета⁷¹.

То ли потому, что никакая фракция в германском руководстве не могла гарантировать явного одобрения Гитлера, то ли потому, что наиболее влиятельные нацистские лидеры до последней минуты полагались на привычную тактику «разделяй и властвуй», никакого определенного выбора между Власовым и украинскими лидерами сделано так и не было. Последним было позволено продолжать организационную работу среди своих соотечественников. В то же самое время Власов был волен вовлекать в свое движение тех украинцев, кого мог убедить в необходимости подобного шага.

Украиноязычная пресса была оставлена под контролем националистов. Богдан Кравцив, убежденный националист, остался редактором основной газеты для остарбай-

тер и других рабочих в Германии — «Голос», в то время как ведущий восточнукраинский журналист Георгий Музиченко ушел из редакции вскоре после того, как присоединился к власовскому информационному бюро⁷². Двумя другими газетами — «Український доброволець» (военная) и «За Україну» — руководили националистически настроенные редакторы, которые могли выступать со скрытыми нападками на Власова⁷³.

Несомненно, Власов получил некоторое преимущества и сумел завербовать для своей Российской освободительной армии (РОА) военнопленных различных национальностей Советского Союза. Даже согласно украинским националистическим источникам, только половина военнопленных украинского происхождения были полностью «национально мыслящими», а многие даже не умели говорить по-украински⁷⁴. Кроме того, Власов сумел включить в свой штаб ряд офицеров-украинцев, имевших в Советской армии высокие звания, включая командующего 1-й дивизией РОА генерала Буняченко. В целом части РОА, находившиеся на различных стадиях интеграции в это формирование, насчитывали к январю 1945 года 300 тысяч человек, из которых от 35 до 40 процентов были украинцами⁷⁵.

Очевидно, принуждение или прямые угрозы не применялись, чтобы обеспечить приверженность гражданских лиц власовскому КОНР⁷⁶. Однако украинские националистические источники утверждают, что явное германское покровительство, оказываемое Власову, было мощным стимулом для того, чтобы деморализованные и физически ослабленные заключенные лагерей принимали его призыв вступить в РОА, что позволяло выйти из заключения. Они утверждают, что многие части, сформированные вермахтом во время его отступления из узников лагерей или из вспомогательных подразделений, бросали РОА и даже без немецкого разрешения присоединялись к националистическим украинским силам⁷⁷. В некоторой степени это подтверждает один немецкий офицер, наиболее близко связанный с восточными воинскими формированиями, который утверждает, что имелись трудности с подчинением укра-

инских или смешанных украинско-русских частей, которые были под немецким командованием, русским офицерам из РОА, хотя вообще-то немцы не имели никаких возражений против полноты командной власти Власова⁷⁸.

В дополнение к борьбе за влияние в группах, которые были подчинены генералу Власову, имелась совершенно отдельная военная организация для украинцев. Речь идет не только о дивизии «Галычина», преобразованной в 1-ю украинскую дивизию; началось формирование 2-й дивизии — из восточных украинцев. Эти и многие другие части, общей численностью приблизительно в 75 тысяч человек, были затем названы Украинским освободительным войском (Українське визвольне войско — УВВ). Номинальным главнокомандующим был генерал Шандрук, но каждой частью фактически командовал немецкий офицер. В самом конце войны, однако, командующий 1-й украинской дивизией уступил свое место Шандруку. Эта часть, едва пройдя повторную подготовку после потерь под Бродами, была направлена вышестоящим командованием СС на подавление восстания словацких воинских частей. Очевидно, что и германское, и украинское дивизионное командование считали — и неверно, — что восстание было инициировано русскими, а посему подлежит жестокому подавлению. Тремя месяцами позже, в январе 1945 года, часть была перебросена на юго-восток Австрии и в Северную Словению для борьбы с партизанами Тито и наступающими советскими войсками. Там она оставалась до сдачи британским войскам, продвигавшимся из Италии⁷⁹.

Заключительные месяцы войны не принесли никаких существенных изменений в отношениях украинских националистов с Власовым и немцами. После нескольких месяцев тюрьмы был освобожден Боровец и направлен на формирование парашютной части, которую собирались сбрасывать за линией фронта, чтобы помогать националистическим партизанам⁸⁰. Украинским частям (УВВ) позволили иметь символические различия типа трезубца вместо Андреевского креста РОА, традиционного российского символа. Но большинство вспомога-

тельных частей, где преобладали этнические украинцы, не удавалось подчинить УВВ. Попытки найти модус вивенди между группами, номинально возглавляемыми Шандруком и Власовым, оказались неудачными, несмотря на личную встречу генералов. Напротив, украинцы пошли дальше, организовав собственный Национальный комитет. Шандрук стал президентом, а заместителями — Володымыр Кубийовыч и Александр Семененко, харьковский голова при оккупации. Таким образом, были представлены «старая эмиграция» (место рождения Шандрука — Лубны), Западная Украина, и Советская Украина⁸¹. Однако, не считая смягчения немцев по отношению к украинским остарбайтер, эта группа мало чего сумела добиться. В последние безнадежные для Германии недели организация была официально признана и ей было позволено выпустить — 17 марта 1945 года — в Веймаре обращение от имени Украинского национального комитета. Ослабление немецкой власти позволило комитету потребовать создания независимого украинского государства, не прикрываясь даже упоминанием об альянсе с немцами. Из документов следует, что главной практической целью была защита интересов украинских беженцев, рабочих и солдат в Германии⁸².

Обращение требовало, чтобы украинские солдаты объединились в Украинскую национальную армию. В той ситуации это лишь означало, что 1-я дивизия ставилась под командование генерала Шандрука⁸³. Большую практическую значимость имел тот факт, что Шандрук и другие украинские лидеры могли войти в контакт с союзническим военным командованием даже до того, как сдалась 1-я украинская дивизия. С ее персоналом обращались, конечно, как с военнопленными, но командующие смогли убедить западные власти, что часть была составлена полностью из жителей Галиции, которые, будучи западными украинцами, никогда не были де-юре гражданами Советского Союза в глазах западных держав. Следовательно, они были избавлены от бедственной судьбы, которая постигла столь многих, кто сопротивлялся советскому режиму и был передан советским репатриационным властям⁸⁴.

Трудно оценить результаты военного коллаборационизма с немцами украинских националистических движений. В случае с деятельностью националистических партизан поставленные цели не были достигнуты, ибо украинские прогнозы относительно международной ситуации не сбылись. Вместо баланса сил на Востоке, который заставил бы принимать в расчет даже слабые вооруженные силы, имела место полная победа советской стороны. Украинский контингент был не способен предотвратить завоевание украинской этнографической территории Советским Союзом. Ценность его заключается в том, что он дал возможность множеству молодых людей убежать на Запад. Более существенным, возможно, для будущего националистического движения является то, что воинские части и их политический комитет стали сборным пунктом для украинцев, которые иначе примкнули бы к власовскому движению как единственной доступной антисоветской организации.

Примечания

¹ PS 1685.

² PS 1686.

³ Сообщение из Львова о событиях недели, начавшейся 22 мая 1942 года, содержащееся в отчете главного отдела (Hauptabteilung) пропаганды в Кракове от 30 мая 1942 года, Осс Е-2 (2), в Yiddish Scientific Institute — далее Осс Е-2 (2). См. также отрывок из «Вільне слово» (Дрогобыч), 15 января 1942 года, в «Наступе», 15 февраля 1942 года, с. 4.

⁴ «Наступ» (15 февраля 1942 года, с. 4), цитируя «Нове українське слово» от 14 января 1942 года; «Краківські вісті» (30 апреля 1942 года, с. 3), цитируя газету «Маріюпільська газета», № 32.

⁵ Директива № 46 в Верховное командование вермахта по борьбе с партизанами из штаб-квартиры фюрера, 18 августа 1942 года, PS 477 (далее PS 477).

⁶ Это были Вадим Майковский, Федор Бабак, Владимир Лабутский и Георгий Кандиев. Временный список членов Украинского национального комитета — см. доктор Кинкелин, CXLVa 77, в Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLVa 77).

⁷ Решение последнего ограничить операции Власова было принято приблизительно в это же время. См. Fischer. Vlasov and Hitler // Journal of Modern History. 1951. XXIII. С. 64.

⁸ Український Вісник. 1943. 30 мая. С. 3.

⁹ См. генерал-губернатор Вехтер Гиммлеру, 30 июля 1943 года, и ответ Гиммлера от 11 августа 1943 года (там же). Гиммлер осуждал «славянскую неблагодарность» галицкой интеллигенции. Однако в письме к Вехтеру от 28 марта 1943 года Гиммлер согласился с тем, что к добровольцам из галицкой молодежи следует относиться так же, как и к немецким солдатам.

¹⁰ Интервью 70. Письмо (владелец — доктор Любомир Макарушка) от Бауэра Шенку и Бизанцу — должностным лицам в генерал-губернаторстве, датированное 18 августа 1943 года, в котором указывается, что следует рекомендовать Макарушке не приписывать политического значения «военному совету», сформированному в связи с организацией дивизии.

¹¹ Это воззвание было напечатано в газете «Краківські вісті» 6 мая 1943 года, с. 1. В нем напоминалось о героических подвигах Украинской галицкой армии и студентов, которые защищали Киев под Крутами; в то же время оно призывало принимать реальные меры, отстаивая национальные интересы, и подчеркивало большевистскую угрозу, гласило, что вопрос стоит так: «теперь или никогда».

¹² Очевидно, из уязвленного самолюбия, потому что ему не дали ведущей роли (интервью 36).

¹³ Наступ. 1943. 16 мая. С. 2.

¹⁴ Там же. Наступ. 1943. 23 мая. С. 6 и Наступ. 1943. 30 мая. С. 3.

¹⁵ Командир СП и СД (Словакия), 27 декабря 1944 года; фронтовое разведподразделение 324, приданное венгерской 1-й армии, («Сообщение агента Хирша о развитии украинского вопроса»), 1 сентября 1944 года. В дополнение к материалам того времени, содержащимся в этих сообщениях, — «Идея и чин», II, № 3 (приблизительно апрель 1943 г.) и «Бюлетень» (III, № 11. 1943), кажется, демонстрируют, что по крайней мере галицкий штаб ОУН-Б боролся с созданием дивизии на ранней стадии организации.

¹⁶ Интервью 36, 58.

¹⁷ Интервью 70; Наступ. 1943. 16 мая. С. 2.

¹⁸ Краківські вісті. 1943. 19 июня. С. 1.

¹⁹ *Мирослав Мартинець*. Ген.-полк. М. Омелянович-Павленко // Вісті братства кол. вояків Першої УД УНА. 1952. Август—сентябрь. 1.

²⁰ См., в частности: *Никон Наливайко*. Легіони в національних війнах // Народна воля. 1949. 27 октября. С. 2; 1949. 3 ноября. С. 3; *Іван Гриньох*. Дивізія Галичина і українське підпілля, в «Броди». С. 52 и далее; и подпольное издание «За самостійну Україну», № 9, 10 декабря 1943 г., которое приводит официальную позицию «третьего чрезвычайного большого конгресса ОУН-Б» о роли украинских сил в случае поражения Германии. Сторонники Бандеры заявили, что западные союзники (особенно Британия) хотят продления войны на Восточном фронте, так как ослабление Германии и Советского Союза дало бы им свободу действий на континенте. Далее бандеровцы указывали, что Москва, дискредитированная в глазах восточных наций, не может сохранять империалистическую власть — обстоя-

тельство, которое дает Украине возможность стать естественным лидером этих народов. Примечательно, что в отчете об этой конференции говорилось о призыве к борьбе против Германии и прославлялась УПА и в то же время неоднократно подчеркивалась необходимость иметь собственные вооруженные силы — без указания на то, что они должны быть повстанческими. Никакого осуждения дивизии «Галычина» не было.

²¹ Бергер Гиммлеру, 6 октября 1944 г.

²² Недатированный меморандум (судя по его содержанию, он относится к периоду после августа 1944 года) от «надежного информатора»: «Über die gegenwärtige Bandenlage und die politische Stimmung in der Ukraine», Fremde Heere Ost files; Chief of the SP and SD, Reports from the Occupied Eastern Territories, No. 12, July 17, 1942.

²³ Amt Ausland Abwehr, Abwehrabteilung III/Walli III. О сравнительной ситуации в Индонезии см.: *George M. Kahin. Nationalism and Revolution in Indonesia* (Ithaca: Cornell University Press, 1952). См. также мемуары Хайке — о надеждах Вехтера в начале 1945 года выступить в качестве посредника между дивизией «Галычина» и западными союзниками.

²⁴ Интервью 46, 58, 63. Успех украинцев в обеспечении дивизии «Галычина» министрантами сопровождался резким ростом влияния церкви в УПА, которое привело к преодолению остатков антиклерикализма среди националистической молодежи. Католические службы на Пасху и по другим церковным праздникам стали особенностью партизанской жизни в Галиции и проводились регулярно. Немецкий перевод украинского материала отмечает, что богослов Игорь заменил предыдущего политического лидера секции пропаганды Мирона в штабе Прокопа. Такие изменения, похоже, отвечали желаниям большого числа галицких крестьян. XXIV. Panzer Korps, Ic, June 5, 1944.

²⁵ Сын Мстислава (Скрипника), викарного епископа Киева, присоединился к дивизии «Галычина»; см. сообщение неназванного должностного лица из «восточного министерства» Розенбергу от 30 июня 1944 г., CXLVa 66, в Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLVa 66).

²⁶ CXLVa 60. Этот документ был подан как секретное сообщение, подписанное псевдонимом доктор Фредерик, в германское министерство иностранных дел довольно известным французским студентом, находившимся в Восточной Европе, который стал активным коллаборационистом немцев. Будучи во Львове в конце лета 1943 года, этот человек беседовал со многими украинцами, включая митрополита Шептицкого. Сообщение, как представляется, точно отражает позицию митрополита и в значительной мере подтверждает сведения таких людей, как Степан Баран. Информация, приведенная в этом и следующем абзаце, основана также на материалах Ілько Борщака «Un Prélat Ukrainien: Le Métropolitain Cheptyckyj (1865—1944)» (Paris: Editions Franco-Ukrainiennes, 1946). С. 55—56, и на интервью 63.

²⁷ Обергруппенфюрер СС Бергер — Гиммлеру, 26 июля 1943 г., НН 263, в Гуверовской библиотеке. То же досье содержит проповедь

отца Лабы, в которой он призывает население Галиции помогать «Гитлеру и немецкому народу» уничтожить большевизм. В сопроводительном письме Бергера другому чину СС, Брандту (22 июля 1943 г.), отмечается, что проповеди Лабы содержат «опасные выражения», и далее говорится: «но мы скоро удалим этот зуб». Собственное отношение Гимmlера видно из утверждения Брандта, что его начальник хотел бы использовать влияние духовенства в дивизии, но если священники начнут свою агитацию, то их выкинут оттуда, а сам митрополит понесет свою долю ответственности. В длинной, но высоко полемической работе «Дорогой позора и предательства» (Киев: «Науково думка», 1970) советский украинец Сергей Т. Даниленко приводит (с. 250—256) несколько предположительно германских документов, относящихся к периоду с 24 марта по 20 апреля 1944 года, показывающих, что отец Грындох под псевдонимом Герасимов действовал в качестве агента Шептицкого при координации действий УПА и немцев против советских войск.

²⁸ Наступ. 1943. 16 мая. С. 2.

²⁹ См. главу 6 с краткими сведениями об украинско-польских насильственных акциях. В Польше начиная с 1945 года появилось много литературы по украинско-польским отношениям военного времени. Предмет слишком периферийный для основной темы этой книги, чтобы подвергать его глубокому исследованию. Кроме того, ни мое понимание польского языка, ни путаные изменения в политических ограничениях на освещение польской истории не позволяют мне как следует работать с польскими источниками. Лучший инструмент в этом вопросе — детализированный индекс центра современной международной документации (Centre de Documentation Internationale Contemporaine), расположенного теперь в библиотеке университета Париж-Нантерра. Приблизительно тридцать статей, которые можно найти там, касаются украинско-польских отношений; главным образом это краткие военные воспоминания о стычках с УПА.

³⁰ Интервью 44. Уже в мае 1943 года Бергер сообщал Гимmlеру, что 50 тысяч из 80 тысяч добровольцев были приняты предварительно, но что только 25 тысяч из них, как ожидалось, в конечном счете будут приняты — главным образом из-за ограничения в росте — минимум 165 сантиметров. Если бы эти ограничения были сняты, людей хватило бы и на вторую дивизию.

³¹ См. мемуары Хайке; многочисленные статьи о боях под Бродами; «Вісті братства кол. вояків І. УД УНА» — с подробным описанием этих боев и действиях других украинских вооруженных формирований, воевавших на стороне вермахта. См. Wehrmacht Frontaufklärungstrupp 324 (разведгруппа вермахта, приданная венгерской 1-й армии), сообщение Хирша от 1 сентября. 1944 г.

³² См.: Баран. Митрополит. С. 137 и далее; Mykola D. Chubaty «Russian Church Policy in the Ukraine», «Ukrainian Quarterly» I (Autumn, 1945). P. 51—53. См. также далее главу 8 и John A. Armstrong «The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus» (New York: Frederick A. Praeger, 1959), Chapters 8 and 9.

³³ Военный корреспондент СС Олег Лисяк. Краківські вісті. 1944. 2 декабря. С. 3; командир спецгруппы Н СП и СД (Словакия), Tagebuch No. 101/44, 29 ноября 1944 г.

³⁴ *Олег Лисяк*. Krakauer Zeitung. 1944. 30 ноября. С. 6.

³⁵ *Дмитро Мануїльський*. Україно-німецькі націоналісти на службі у фашистській Німеччині: Доповідь 6-го січня 1945 року на нараді учителів західних областей України. Київ: Українське Державне Видавництво, 1945. С. 21.

³⁶ *Ол. Касіменко*. Українсько-німецькі націоналісти — лютши вороги українського народу // Радянська Україна. 1944. 10 декабря. С. 2.

³⁷ Там же.

³⁸ Ідейно-політичне виховання інтелігенції // Радянська Україна. 1944. 12 декабря. С. 1.

³⁹ Правда України. 1945. 26 июля. С. 3.

⁴⁰ Такой мотив приписывался советским действиям германским посольством в Словакии. Сообщение от 14 февраля 1945 г. в МИД Германии.

⁴¹ Радянська Україна. 1944. 14 декабря. С. 2.

⁴² Там же.

⁴³ Правда України. 1945. 28 июля. С. 3.

⁴⁴ Меморандум Тауберта. Осс Е-4 (1).

⁴⁵ Інтерв'ю 12, 29, 72; *Тарас Боровец*. Зборойна боротьба України (1917—1950). 1951. С. 12.

⁴⁶ *Євген Онатський*. У бабилонському полоні (спомини). Буэнос-Айрес, 1948. С. 15.

⁴⁷ Там же. С. 59.

⁴⁸ Інтерв'ю 52, 67; ОУН у війні, інформаційна секція ОУН (УНР). 1946. Апрель.

⁴⁹ ОУН у війні. С. 103.

⁵⁰ Кандыба и Чермеринский заменили убитых Сенька и Сциборского, но Чермеринский был убит немцами во время расправы над группой «Українське слово» в Киеве. Барановский был убит бандеровцами в Галиции в мае 1943 года. Несколько месяцев спустя был убит и Сушко. Доклад Fremde Heere Ost от 1 ноября 1944 года, Anlage (приложение) 2, «Führende Persönlichkeiten der ukrainischen Freiheitsbewegung» («Ведущие деятели украинского освободительного движения») обвиняет ОУН-Б и относит смерть Сушко к концу 1943 года (Т 78, Reel 562). Другие свидетельства также указывают на бандеровцев, но, возможно, Сушко был убит коммунистами или агентами германской полиции, недовольными его поведением.

⁵¹ Бандера, Мельник, Боровец и все их основные сторонники были освобождены, за исключением Кандыбы и Гаврусевича, которые умерли в тюрьме.

⁵² Розенберг писал Борману 7 сентября 1944 года (NO 2997) о миллионе «легионеров и добровольцев», одном миллионе военнопленных и двух миллионах восточных рабочих. Можно с уверенностью допустить, что по крайней мере третья часть военнопленных были украинцами (см. далее примеч. 74). Число в два миллиона

остарбайтер кажется весьма приуменьшенным ввиду общего количества в полтора миллиона человек, вывезенных только с Украины (см. главу 5). Издание «Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза» (Киев: Издательство политической литературы Украины, 1975. Т. III. С. 153) приводит число 2 244 000 «угнанных в немецкое рабство», но это число, вероятно, включает в себя большую часть тех, кто не выезжал за пределы украинской территории. Наверняка значительное большинство рабочих из Советского Союза было вывезено с Украины, поскольку она имела самый высокий процент населения, находившегося под германской оккупацией в течение длительного времени. Тауберт в своем меморандуме (см.: *В. Двинов*. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 110) оценил пропорцию украинских «восточных рабочих» по отношению к общему числу в 60 процентов. Число военного персонала представляется несколько завышенным, но не вызывает сомнений, что украинцы представляли по крайней мере четверть этой категории (интервью 22 приводит число 220 000 украинцев, входивших в состав немецких вооруженных сил). Беженцы, включенные ни в одну из этих категорий, были немногочисленны. См. Dallin, *German Rule in Russia*. С. 452.

⁵³ NO 1068.

⁵⁴ Намерения Арльта и «восточного министерства» показаны Бергером в меморандуме (см.: *В. Двинов*. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 109—111). Хотя работа Двинова в высшей степени тенденциозна, этот документ представляется подлинным.

⁵⁵ Германские документы в архиве УХВР, Літопис. Т. VI. С. 152—155; XIII Army Corps, 12 февраля 1944 г.; Abwehrkommando 105, Tagebuch No. 86/44, 5 июня 1944 г.; Армее Oberkommando XIII Ic, 21 января 1944 г.

⁵⁶ Командующий СП и СД в Словакии. Сообщения с территории по ту сторону советской линии фронта. 1 марта 1945; высший начальник СС и полиции в генерал-губернаторстве, Ic, 17 мая 1944 г.

⁵⁷ «An das Oberkommando der deutschen Armee in Galizien» (перевод, переданный из Heeresgruppe Nordukraine — войсковая группа Северная Украина, Abteilung Ic, 18 апреля 1944 г.

⁵⁸ Frontaufklärungskommando 202, Heeresgruppe A — фронтовое разведподразделение 202, войсковая группа А (подписал Кирн), 27 ноября 1944 г.

⁵⁹ Fremde Heere Ost (III f), перевод допроса советского подполковника Шевелова, «Die Partisanenbewegung in der Ukraine», 5 ноября 1944 г.; АОК 17, Ic, «Lage— und Stimmungsbericht», 25 ноября 1944 г.; Начальник СП и СД по Словакии, 24 января 1945 г., передавая содержание листовки УПА, «Вісті з краю»; Frontaufklärungskommando 202, Heeresgruppe Mitte — фронтовое разведподразделение 202, войсковая группа «Центр», 1 марта 1945 г. (архив УГВР, Літопис. Т. VII. С. 192); Frontaufklärungstrupp 324 — фронтовое разведподразделение 324 — при 1-й венгерской армии, сообщение Хирша, 1 сентября 1944 г.; Leitstelle 1 Ost für Frontaufklärung (Rü/T) — армейский ко-

мандный пункт I «Восток» разведки фронта — Tagebuch No. 1062/45, 19 января 1945 г.; Fremde Luftwaffen Ost — иностранные ВВС «Восток», № 1332—1345, 22 января 1945 г., «Ukrainische Bewegung» — «Украинское движение», 22 января 1945 г.

⁶⁰ Frontaufklärungskommando 202, Heeresgruppe Mitte — фронтовое разведподразделение 202, войсковая группа «Центр», 1 марта 1945 г.; Reichssicherheit Hauptamt Militär — Главное имперское военное управление безопасности — No. 23576/345 «Die Tätigkeit der UPA in Januar 1945». March 7, 1945.

⁶¹ Там же; Frontaufklärungskommando 202, Heeresgruppe Mitte. April 1, 1945.

⁶² ОУН у війні. С. 106; интервью 51. Отчеты Мельника и Бандеры сходны — за исключением того, что каждая сторона утверждает, что это она убедила другую сторону не формировать комитет для сотрудничества с немцами.

⁶³ Арльт Розенбергу, 21 ноября 1944 г., NO 3039 (далее NO 3039); очевидно, требования соответствуют тем, что содержатся в петиции, приведенной на с. 200. Более подробно по этому делу см. *Dallin: German Rule in Russia*. С. 620—625. См. также: Бергер Гиммлеру и Розенбергу, 6 октября, 1944 г., о беседе Бергера с Бандерой — «способный, горячий», «фанатичный славянин», «полезный, но опасный», который твердо отказался сотрудничать с Власовым.

⁶⁴ Интервью 9, 22. Один осведомитель (интервью 24) утверждает, что, хотя сторонники Бандеры никогда не выразили бы официального одобрения, они чувствовали, что Шандрук сделал высоко полезное патриотическое дело. Согласно Шандруку — *Arms of Valor* (New York: Robert Speller & Sons, 1959. С. 200, 231) позже отношение Мельника к этому изменилось. См. командир Einsatzgruppe SP und SD, Slovakien, Tagebuch 95/44g., November 29, 1944, который утверждает, что, хотя Бандера не будет сотрудничать с Власовым лично, он разрешит Ярославу Стецко войти в Национальный комитет.

⁶⁵ Интервью 22.

⁶⁶ Среди них были Федор Богатырчук и Георгий Музиченко, подписавшие пражское обращение, Константин Штепа и Евген Архипенко, главный редактор крестьянской газеты «Український хлібороб», и четыре должностных лица киевской администрации, которых Кинкелин рекомендовал в 1943 году в члены Украинского национального комитета. Очевидно, Форостивский, голова, сотрудничал с группой, по крайней мере какое-то время.

⁶⁷ Интервью 19.

⁶⁸ Текст протеста содержится в NO 2998.

⁶⁹ Там же. (Или — если на разных страницах — текст протеста содержится в NO 2998.)

⁷⁰ Там же.

⁷¹ NO 1815.

⁷² Краківські вісті. 1944. 8 декабря. С. 3. Несколькими неделями раньше власовцы совершили попытку прибрать к рукам эти и другие украинские газеты в Германии. См. № 3039.

⁷³ В газете «За Україну» от 18.01.45 (с. 2) был дан перевод статьи из газеты СС Das Schwarze Korps с резкой критикой русских эмигрантов.

⁷⁴ М. Лесь. «Чому я був «власовцем»?» (вісті братства кол. вояків 1. УД УНА. 1952. Октябрь—ноябрь. С. 3) заявляє, що 50 процентів українських військовоплених були «національно мислящими», 40 процентів близькі до цього; 10 процентів — ні. В повідомленні того часу (Краківські вісті. 1941. 23 жовтня. С. 2) говориться, що багато з листів, направлених українськими військовопленими в газету «Нова доба», яку німці створили для них, були написані по-російськи, однак підкреслюється, що вони були надіслані в українську, а не російську, газету «Клич», в якій публікувалися матеріали, явно призначені і для української аудиторії. Інші свідчення того часу не дозволяють відповісти на питання, скільки військовоплених говорили по-українськи. Один джерело стверджує, що 80 процентів військовоплених були «національно мислящими» і що російські військовопленні беззлібно сприймали «сепаратизм» українців, оскільки останні, хоча і хотіли незалежного державства, завжди жили мирно з російськими і іншими національними меншінами на Україні (Краківські вісті. 1941. 5 грудня. С. 2).

⁷⁵ Не маючий підписи список частин, складених з представників східних народів, з січня 1945 р., NO 5800 (далі NO 5800). Процент українців см.: Лесь. Чому я був «власовцем»? С. 3.

⁷⁶ Інтерв'ю 45.

⁷⁷ А. Ковач, в «Українська визвольна боротьба і «власовщина» (Germany, 1948, с. 51) вказує, що 65 процентів курсантів офіцерської школи РОА в Дабенсдорфі були українського походження.

⁷⁸ Interview 15; MS C.

⁷⁹ Детально см. Heike, The Ukrainian Division, с. 84—135, і книгу Шандрука. У генерала Шандрука була в його розпорядженні мимеографічна копія наказу від німецького генерала Фрайтага про передачу Шандруку командування 1-ї української дивізією, але тільки 27 квітня 1945 року. См. також: Олег Лисяк. Волинський батальйон // Вісті братства кол. вояків 1. УД УНА. 1951. Март. С. 2. Ця частина, сформована з мельниківців, була в кінцевому підсумку включена в 1-ю українську дивізію.

⁸⁰ Боровець. Збройна боротьба. С. 15; інтерв'ю 37.

⁸¹ Інтерв'ю 9, 22.

⁸² З віддрукованої копії, яку мені передав генерал Шандрук.

⁸³ Інтерв'ю 22 і наказ генерала Фрайтага, згаданий вище.

⁸⁴ Мемуари Хайке; інтерв'ю 22; Julius Epstein «Operation Keelhaul»: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present (Oid Greenwich: Devin Adair Co., 1973). См. також гл. 8.

Глава 8

НАЦИОНАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ

Основными пропагандистами украинского национализма в оккупированной Украине были политические группировки, которые являлись, однако, не единственными носителями концепции украинской самобытности. Религиозные организации также играли важную роль. Об отношении грекокатолической церкви к националистическим партиям уже говорилось. В отличие от политических партий, большинство которых, по крайней мере, претендовали на то, что представляют всю украинскую нацию, деятельность грекокатолической церкви была почти полностью ограничена пределами Галиции, так как огромная масса восточных украинских христиан были приверженцами православной веры.

В православных странах религия и национальная общность всегда были тесно связаны. Большинство восточных и южных славянских народов идентифицируют свою церковь со своим национальным существованием. Некоторые из черт, подчеркивающих самобытность этих народов, формировали и основу разногласий среди православных славян. Одна из таких особенностей — отсутствие высшей религиозной власти в православной церкви. Каждое церковное образование, существующее на определенной территории в определенный период, имеет четкую иерархию, обычно управляемую советом епископов и часто возглавляемую патриархом или митрополитом. Однако во главе всего православия нет фигуры, подобной папе римскому. Православная церковь, подобно Римско-католической, признает власть экуменического

совета, но такой совет не проводился на востоке целое тысячелетие.

Трудность заключается в следующем: как определить контингент верующих или «территорию» каждой группы? Немало проблем в истории православной церкви связано с этим, поскольку из-за отсутствия центральной духовной власти невозможно прийти к окончательному решению. На практике задача решалась благодаря другой характерной особенности православной церкви — ее тесной зависимости от светской власти. Исторически православная церковь была типично официальной церковью; союз церкви и государства — это не только юридическое выражение, но и жизненная реальность в истории Восточной Европы. Фактический объем власти каждого церковного образования обычно совпадал с границами государства, в котором оно находилось. Вершиной совпадения государственной и религиозной власти было учреждение, или попытка учреждения, новой иерархической власти всякий раз, когда в государственном суверенитете происходили изменения. Кроме того, когда националистические движения на православных землях становились сильными, они часто выступали с требованием создания отдельной церковной организации вследствие возросшего понимания своей национальной самобытности и в качестве подготовки к самостоятельной государственности.

До 1917 года почти все православные восточные славяне были объединены в одном государстве — Российской империи с одной церковью — Русской православной. Начиная с XVII века эта церковь была лишена единого патриарха или примаса и была связана со светской властью, и в значительной мере эта власть управляла ею через имперское должностное лицо — прокуратора Святейшего синода. Октябрьская революция разрушила формальные связи между этими исторически переплетенными институтами. Возрастающая сила украинского национального самосознания создала потребность государственной независимости. И именно в соответствии с историей православия это требование должно было сопровождаться параллельным движением за учреждение церковной орга-

низации, независимой от Москвы, ибо несомненный престиж церковной власти пошатнулся после отделения Русской православной церкви от государства. Те, кто видел украинское будущее отдельным от будущего России, не воспринимали церковь как символ единства восточных славян.

Если бы верх взяла группа, желающая продолжения существования Российского государства (в форме империи или конституционной демократии), вероятно, церковное единство было бы восстановлено, так как русская церковь, лишившись после Февральской революции множества привилегий, хотела повысить престиж путем восстановления Московского патриархата. Однако, появившись независимое украинское государство, способное продержаться в течение нескольких лет, очень вероятно, что получила бы признание самостоятельная украинская иерархия. После победы большевиков большое число священнослужителей низкого ранга откололись от русской иерархии на Украине. Из-за того, что не удалось найти епископа, которого можно было бы возвести в сан епископа диссидентской группы, украинская церковь позволила самим священникам рукоположить отца Лыпкивського в качестве прелата их организации. Таким образом была создана новая православная церковь, которая быстро охватила значительное большинство организованных православных верующих на Украине; к 1923 году она имела не менее 3000 приходов и тридцати пяти епископов, которых возглавлял Лыпкивський, известный тогда как митрополит Василий (Васыль)¹. Несмотря на очевидные успехи, Украинская афтокефальная церковь, как она называлась, столкнулась с двумя серьезными проблемами. Во-первых, она не была признана никакой другой православной церковью из-за метода посвящения новых епископов, который во всем православном мире был расценен как неканонический, нарушающий основополагающий принцип апостольской преемственности. С точки зрения традиционного верующего, епископы новой церкви были нелегитимны; следовательно, священники, назначенные ими (но не те, что пришли в автокефальную церковь после назначения законно посвященным

в сан епископом), были наделены полномочиями неканонически. Во-вторых, и это имело более серьезное значение, феноменальный рост новой церкви был возможен только из-за сравнительно снисходительного отношения к ней коммунистических властей, которые в то время более антагонистично были настроены по отношению к русской церкви, чем к диссидентским образованиям. Когда советская власть возобновила ограничение украинской национальной деятельности, видя в ней потенциальную угрозу единству СССР, автокефальная церковь также подверглась гонениям. Вся ее иерархия и великое множество духовенства было казнено или выслано в 1929—1930 годах².

Между церковью и государством в православном мире всегда существовала тесная связь. Попытки создать отдельную иерархию в Польше после того, как Российская империя рухнула и значительная часть православных верующих оказалась под властью Польши, кажутся естественными. Лидером был Дионисий, русский епископ, который, получив признание патриарха Константинополя, стал митрополитом Варшавы и главой Польской автокефальной православной церкви³. В дополнение к белорусскому архиепископу Пинска, было четыре епископа на Волыни: архиепископ Алексей с пребыванием в известной Почаевской лавре (монастыре) и его викарии: Поликарп, епископ Луцкий, Антоний (Марценко), епископ Камень-Каширский, и Симон, епископ Острицкий. Эти епископы были украинскими, но подчинялись Дионисию⁴.

Когда Советский Союз получил в сентябре 1939 года Волынь, его желание сделать из Русской православной церкви вспомогательный орган советского правительства усилилось. Специальный помощник патриарха Московского Сергия Николай, экзарх Западной Украины, был направлен координировать деятельность церкви недавно занятой области, где деятельность церковной организации поддерживалась правительством. Существующие епископы не были низложены, за исключением Алексан-

дра, епископа Пинского. Последнего физически не трогали, но его церковная юрисдикция, уже в Белорусской Советской Республике, была поделена между епископом Брестским и епископом Пинским, присланным из Москвы⁵.

Хотя вряд ли Алексей или его сторонники (включая Поликарпа) были довольны подчинением их области Москве, они, похоже, не стали противоречить православной традиции подчинения светской власти, даже когда та не симпатизирует православной религии. Советское правительство, хотя и не подавляло православную церковь, наложило на нее серьезные ограничения и обременительные финансовые обязательства, как и на грекокатолическую церковь в Галиции. В результате многие священники сбежали или взялись за светские профессии. Чтобы удовлетворить потребность в священнослужителях, Алексей, как считали, посвятил в сан большое число новых священников, многие из которых были людьми, не подходящими к исполнению церковных обязанностей из-за своего прошлого или из-за недостаточного опыта⁶. Так церковь была до некоторой степени ослаблена и деморализована. В то же время, однако, просоветская московская церковь пыталась расширить свое влияние в области, где начиная с XVII столетия было мало православных верующих, посвятив в сан епископа Львовского под именем Пантелеймона священника Рудыка, который был уроженцем Галиции, но всегда стоял за союз области с Россией⁷.

На неприятие советского контроля православными епископами Западной Украины — как теми, кто исполнял свои обязанности на Волыни до 1939 года, так и теми, кто получил статус благодаря инспирированным Москвой мерам по реорганизации украинской церкви, — указывает тот факт, что они не эвакуировались с Красной армией, когда немцы вторглись в их регион. Единственным исключением был экзарх Николай, который вскоре принял активное участие в подогревании патриотических и религиозных чувств народов СССР для обеспечения поддержки советского режима. В качестве митрополита Киевского и Галицкого он выступил с мно-

гочисленными заявлениями против немцев и украинских националистов⁸.

Когда германские войска продвинулись за границы Польши, установленные до 1939 года, и вступили на территорию, находившуюся под советской властью в течение двадцати лет, они обнаружили там множество православных священнослужителей. Например, только в Житомирской области их было сто человек, а две маленькие церкви оставались открытыми при советской власти и в Киеве⁹. Были также архиепископы Антоний (Абашидзе) в Киеве — слишком, однако, старый и немощный, чтобы оказывать существенное влияние, — Анатолий в Одессе, Феофил в Харькове и епископ Дамаскин в Каменец-Подольском¹⁰.

Как только ситуация в западноукраинских землях несколько стабилизировалась, Алексей и его сторонники созвали встречу всех украинских епископов областей, освобожденных от советского режима. Эта встреча, известная как «собор волынских епископов», состоялась в Почаевской лавре в середине августа 1941 года, и 18 августа на соборе была объявлена реорганизация автономной православной церкви на Украине¹¹. Было объявлено, что подчинение патриарху Московскому временно отменяется — на то время, пока его контролируют коммунисты, но была признана номинальная каноническая приверженность украинской церкви патриарху. Были рукоположены два новых епископа с целью реорганизации церковной жизни¹².

Процесс реорганизации уже шел, по крайней мере в Житомирской области. Все оставшиеся священники были зарегистрированы, и их статус проверен двумя архимандритами (один был послан Алексием, другой — знаменитой Киево-Печерской лаврой)¹³. Огромное большинство оставшегося духовенства было рукоположено в сан еще в рамках прежней канонически признанной русской церкви, поскольку советские преследования сократили автокефальные ряды. Часть священников должна была пройти перепосвящение в сан от епископов волынского собора, прежде чем получить назначения в приходы. Требование отречения от автокефально-

го посвящения, которое осуществил покойный глава Лыпкивський, было встречено с глубоким недовольством, тем более что многие из священников, рукоположенных в сан Алексием, не являлись образцом приверженности священническому служению¹⁴.

Вряд ли ослабленные сторонники автокефалии — лыпкивцы, как их называли, — могли сопротивляться. Однако у них был мощный союзник. В течение того периода, когда советская власть подчиняла волынскую церковь, украинское влияние в православной духовной жизни в генерал-губернаторстве весьма возросло, особенно в хелмском регионе. Для восстановления сильных позиций православной церкви Дионисий в октябре 1940 года рукоположил профессора Ивана Огиенко, который давно был известен в религиозных кругах как историк церкви и филолог, в сан архиепископа Хелмского Иллариона¹⁵. Двумя месяцами позже он рукоположил епископа Палладия ради немногочисленного православного населения в районе проживания лемков¹⁶. Оба были яркими националистами. Илларион, в частности, давно выступал за отделение украинской церкви от Москвы¹⁷.

Александра, архиепископа Пинского, на волынский собор не приглашали из-за того, что он был белорусом¹⁸. Однако его преемник, Вениамин, назначенный Москвой, не только присутствовал, но и был секретарем собора. Причиной назначения Вениамина было неприятие Александром коммунистов, поэтому такое урегулирование вызвало недовольство. Неясным было положение Дионисия, который до советской оккупации был главнейшим из волынских епископов¹⁹. Если взятие Волыни советскими войсками было нелегитимным, то можно предположить, что полномочия Дионисия были лишь временно приостановлены. Однако после окончания советской оккупации Алексей взялся за реорганизацию всей украинской церкви, основываясь на допущении, что воссоединение с Москвой было законно обставленным, хотя публично придерживался позиции, что единения не было из-за длительного советского контроля над церковью в Москве. Несомненно, под влиянием таких соображений Поликарп, епископ Луцкий, отказался присутствовать на

соборе под предлогом «трудностей со средствами сообщения», хотя его резиденция находилась менее чем в пятидесяти милях от Почаевской лавры²⁰. Вскоре Дионисий назначил Поликарпа викарием города Владимира-Волынского и близлежащего Гороховского района; в то время, очевидно, никто в открытую не выступал против Алексия как главы православной церкви на Волыни²¹.

В течение осени 1941 года влияние оппозиционных Алексию сил постепенно усиливалось. Кроме трений, обусловленных назначениями священников-лыпкивцев, рост недовольства можно объяснить тем, что епископы группы Алексия были в основном российского происхождения или известны в прошлом своей приверженностью московской церкви. Согласие на продолжение подчинения Москве, сколь теоретической такая связь ни была бы при создавшихся условиях, вызывало, конечно, негодование украинских националистических элементов. Кроме того, многие из националистов, особенно интеллигенция, настоятельно желали замены старославянской литургии службой на живом украинском языке, в то время как волынский собор предусмотрел лишь чтение некоторых молитв на этом языке²². Пока разногласия усиливались, видные светские православные вроде Степана Скрипника, издателя газеты «Волынь» в Ровно, объединялись в защиту автокефальной группировки²³. 28 ноября Поликарп окончательно порвал с Алексием, объявив группировку архиепископа «анархической», и отказался признавать его церковное верховенство²⁴. Вскоре после этого Алексей объявил себя митрополитом Украины — в соответствии с решением второго собора волынских епископов²⁵.

В то время как православная церковь на Украине раскалывалась на две враждующие фракции, глава грекокатолической церкви стремился добиться духовного союза всех украинцев. Об обособленном развитии грекокатолической церкви вкратце уже было сказано. То, что первоначально рассматривалось как инструмент усиления влияния поляков в западноукраинских землях, давно переросло в истинно национальную церковь — независимую от какой бы то ни было ино-

странной светской власти, хотя ее деятельность была в значительной степени ограничена пределами одной провинции Украины. Так как грекокатолическая церковь Украины обладала обрядом отличным от обряда церковей соседних католических стран, в которых был принят латинский, факт принадлежности к ней делал жителей Галиции обособленной национальной целостностью. Как было сказано, митрополит Андрей Шептицкий давно был энергичным сторонником украинских националистических движений, хотя и пытался отвести их от ультранационализма, несовместимого с христианством. Его влияние было, естественно, наиболее велико среди его собственных единоверцев, но простиралось также и на украинцев православного вероисповедания. Поэтому митрополит Шептицкий чувствовал, что советское отступление дает возможность всем украинцам объединиться в единой национальной церкви в рамках универсальной церкви, в которую он верил. 21 октября 1941 года он отправил архиепископу Иллариону письмо, в котором поздравлял того с назначением епископом; Шептицкий объяснил, что ранее он не мог сделать этого из-за отсутствия связи между областями, находившимися под советским и германским контролем. Вместе с сердечными поздравлениями митрополит выразил надежду, что Илларион сыграет ведущую роль в очищении украинской церкви от неканонического влияния московитов, принесенного Петром Великим, и что этот процесс подготовит единение всех украинских церковей²⁶. Двумя месяцами позже он адресовал письмо подобного содержания всем «православным иерархам на Украине и в украинских землях»²⁷.

Ответы были учтивые, но не ободряющие. Илларион ответил в сердечном, даже смиренном тоне, но не преминул отметить, что в то время как литургия Украинской православной церкви действительно пострадала от российского проникновения, литургия грекокатолической церкви проникнута латинскими элементами и нуждается в очистке от иностранных влияний²⁸. Алексей ответил на второе письмо в дружественном тоне, но сказал, что унификация если и произойдет, то только через измене-

ние в человеческой природе, возможно к концу мира и разнообразию имеет свои преимущества для поиска добра²⁹. Все еще не лишенный надежды, Шептицкий обратился в открытом письме от 3 марта 1942 года за поддержкой к украинской православной интеллигенции, которая, как он отметил, имеет большое влияние в своей церкви³⁰. И эта попытка оказалась безуспешной. Вероятно, единственное, чего он добился, так это подтолкнул автокефальную церковь в генерал-губернаторстве дать решительный ответ на его предложения: на соборе епископов в Варшаве в мае 1942 года было заявлено что пожелания Шептицкого легко могли бы быть выполнены, если только все греко-католики присоединятся к автокефальной церкви³¹.

Неудача митрополита, несомненно, объяснялась прежде всего расколом, разделяющим православных и католиков: первые считают подчинение власти папы отказом от традиции христианской церкви, которую, по их убеждению, они поддерживают. Серьезная дополнительная причина отклонения предложений Шептицкого зимой и весной 1942 года заключалась в следующем: жесты примирения с Римом были бы расценены многими из светских православных как предательство, что, весьма вероятно, ослабило бы церковь, принимающую участие в таких мерах. Это было существенное соображение, ибо к середине зимы конфликт между сторонниками Алексея и Поликарпа перерос в активную борьбу за верховенство.

24 декабря 1941 года, после того как второй собор волыньских епископов дал Алексею сан митрополита, Дионисий назначил Поликарпа администратором всей Волыни. Шестью неделями позже архиепископ Александр, который, напомним, не был приглашен на собор автокефальной церкви, присоединился к Польской автокефальной церкви в созыве нового собора в Пинске³². Хотя Александр не был украинцем по происхождению, он имел полное право, согласно православным нормам, участвовать в делах украинской церкви, так как его архиепископская епархия была включена теперь в территорию Украины, как было определено границами рейхс-

комиссариата. Весьма кстати прихлась его поддержка для группы церковных иерархов, оппозиционно настроенных к Алексию, и они без труда признали его полномочия по созыву собора. Поскольку другой инстанцией при созыве собора был Дионисий, учредительная ассамблея новой украинской церкви была сформирована неукраинскими прелатами. Но инициаторами являлись убежденные украинские националисты Поликарп и Илларион. С ними был и Палладий, третий украинский епископ Польской православной автокефальной церкви. Вместе они и решили создать новое церковное формирование, которое станет известно как Украинская автокефальная православная церковь, которая должна была объединиться как можно быстрее с остатками церкви под тем же названием, которую основал Лыпкивський³³. Несколько позже Дамаскиң Каменең-Подольский отверг Алексию и перешел к новой группировке³⁴. Позиция украинских националистов укрепилась, когда в феврале были посвящены в епископы два волынских священника — Абрамович и Губа, которые вошли в иерархию как Никанор и Игорь³⁵.

Хотя основная причина учреждения новой церкви и ее быстрого роста за счет церкви, возглавляемой Алексием, заключалась в националистических украинских настроениях, которые требовали существования чисто национальной церкви, лишенной любой связи, как бы надуманно это ни выглядело, с Россией, немецкая политика также играла определенную роль в расколе православной общины. В основе своей нацистская политика была проникнута сильной ненавистью к религии. Базовый принцип отбора германских кадров для работы на востоке: «Все христианское мировоззрение делает человека неспособным к работе на востоке, ибо сообщество церковных песнопений ставится выше потребностей рейха»³⁶. Но, несмотря на явное неприятие церкви, даже Розенберг и его ведомство с их фанатичным антиклерикализмом допускали компромиссы ради обеспечения тактических выгод, хотя считали, что католическое христианство было главной религиозной угрозой на востоке. Верхи католической церкви давно надеялись, что пред-

ставится возможность донести доктрины католицизма до народов Советского Союза. После начала войны они пытались направить на Украину множество священников, включая несколько обученных в украинском колледже в Риме, миссионерами. «Восточное министерство» решительно выступило против этих попыток, и, если не считать нескольких священников, которым удалось проникнуть на Украину капелланами в составе итальянских войск, усилия Ватикана ни к чему не привели³⁷. Точно так же были пресечены попытки польских католиков развернуть деятельность на востоке Украины среди верующих Волыни³⁸.

Деятельности православной церкви немцы не собирались чинить явные препятствия, если она была украинской по характеру. Более того, планировалось разрешать любые другие чисто украинские секты. Немцы надеялись, что множество религиозных образований ослабит православную церковь как таковую, ибо «разложение и культурная отсталость духовенства готовили почву для большевизма»³⁹. Когда, однако, была учреждена Украинская автокефальная православная церковь как чисто национальная церковь, она показала остервененному вспомогательным орудием укрепления украинского национализма и вбивания клина между украинцами и русскими. Посему сочли, что автокефальную церковь под руководством Поликарпа следует признать и обеспечить ей позиции явного превосходства по отношению к автономной церкви, возглавляемой Алексием⁴⁰.

Как часто бывало, политика, сформулированная в министерстве Розенберга, не дала практических результатов на Украине. Рейхскомиссариат решил следовать диаметрально противоположному курсу. Так, в июне 1942 года он провозгласил свободу конфессий, но приказал всем религиозным организациям действовать в пределах своего генеральбецирка⁴¹. В частности, позднее было принято решение распустить руководящие органы и автономной, и автокефальной церквей — соборы, возглавляемые соответственно Алексием и Поликарпом⁴².

Одной из причин ограничения церковной деятельности было создание автокефальной церковью новой иерархии. В мае в Киеве собрался второй собор епископов автокефальной церкви и возвел в сан ни много ни мало целых семь епископов. В основном это были волынские священники, но двое — из светских, игравших главенствующую роль в формировании нового органа, — Степан Скрипник, ставший епископом Переяславским под именем Мстислав, и киевский профессор Гаевский, который стал епископом Сильвестром⁴³. Были приложены все силы к тому, чтобы заручиться поддержкой уцелевших лыпкивцев, и это с успехом удалось, очевидно, потому, что не требовалось новое рукоположение, хотя поначалу существовали трения между новым и старым автокефальными органами⁴⁴. После новых возведений в сан число высших священнослужителей возросло до четырнадцати: стало два архиепископа (Поликарп и Александр, а Илларион продолжал оставаться в польской церкви, то есть в генерал-губернаторстве) и двенадцать епископов с достаточно большим числом священников под их началом на пять сотен приходо⁴⁵. Церковная деятельность и единство уже начинали настораживать тех немцев, которые боялись любого независимого центра украинской жизни. Например, генерал-комиссар Николаева в письме Эриху Коху выражал недовольство, что автокефальная церковь, сильная на севере этого района, становится «национальной церковью», и отмечал, что за всеми священниками ведется пристальное наблюдение⁴⁶. Сам Кох испытывал сильную неприязнь к Мстиславу, который у него именовался как «Скрипник, известный украинский политик из Киева»; при этом Кох утверждал, что епископ пытается сравнить вермахт и чиновников рейхскомиссариата⁴⁷.

В результате возникшего недоверия рейхскомиссариат отказался поддерживать автокефальную церковь в ущерб автономной церкви. Из-за бегства националистически настроенных украинцев автономная церковь все больше становилась конфессией русофильских элементов или по крайней мере тех, которые стояли за равенство между

русскими и украинцами в культурной и политической жизни. Чиновники рейхскомиссариата начали склоняться к поддержке автономной церкви, видя в ней противовес националистическим силам. Поначалу рейхскомиссар решил, что следует поддерживать равновесие сил двух церквей⁴⁸. Позднее окружение рейхскомиссара стало использовать автономную церковь как средство ослабления автокефальной церкви, когда та стала набирать силу. Временами использовалась и тактика укрепления автокефальной церкви, но общей тенденцией стала, похоже, та, которую проявил штатдкомиссар Киева, который открыто обнаружил первичность интересов прорусской церкви для германских официальных лиц, передав ей на публичной церемонии главный кафедральный собор Киева — Святого Владимира⁴⁹.

В вопросе объединения двух православных церквей рейхскомиссариат руководствовался принципом — делать все, чтобы ослабить силы, которые могут выйти из-под контроля. В мае казалось, что подчинение автокефальной группы Алексею не позволит ей набирать силу; правда, политика подчинения носила экспериментальный характер, потому что единая церковь, независимо от ее отношения к национальному вопросу, была нежелательна для автократической нацистской группы⁵⁰. К октябрю, когда автокефальная церковь стала настолько сильной, что Алексей был вынужден согласиться с объединением на выгодных ей условиях, немцы вмешались, чтобы сорвать попытки примирения⁵¹. Переговоры между Алексием, с одной стороны, и Поликарпом, Мстиславом и Никанором, с другой, продвинулись настолько, что 8 октября 1942 года был подписан акт об объединении. Был сформирован новый синод епископов, состоящий из Поликарпа и Алексея как митрополитов, Мстислава в качестве секретаря, Александра, Симона (автономного епископа) и Никанора. Таким образом автокефальная церковь получила явное большинство в правящем органе. Места епископов предполагалось перераспределить так, чтобы обеспечить ими всех введенных в сан до того времени обеими группировками⁵².

Однако германское вмешательство в сочетании с противодействием некоторых епископов-автономистов во главе с Пантелеймоном вынудило Алексея отозвать свою подпись⁵³.

Из сказанного кто-то может сделать вывод, что должна была существовать тесная связь между автокефальной церковью, которая за нескольких месяцев сделалась церковью большинства верующих националистов и националистических партий. В некоторой степени это так, ибо многие националисты, которые под страхом смерти боялись заниматься какой-либо националистической деятельностью, потянулись к церкви. Многие ведущие члены автокефальной церкви были связаны с УНР; и гетманцы проявляли большой интерес к развитию событий в церковной сфере в духе консервативных традиционалистских принципов. В частности, Мстислав, член иерархии автокефальной церкви, который больше других занимался и интересовался политическими делами, являлся давним приверженцем УНР⁵⁴.

По-настоящему же активными партиями на востоке Украины, как указывалось выше, были две фракции ОУН, поэтому церковные лидеры стремились ассоциироваться с другими группировками, что было определенным препятствием для тесного сотрудничества. Кроме того, влиятельные элементы в обеих фракциях ОУН были против религии в принципе. Это идеологическое предубеждение против использования церкви для национального самовыражения объясняется опытом, приобретенным националистами в Восточной Украине. Церкви — и автономная, и автокефальная — без труда привлекали верующих, потому что были миллионы людей, истосковавшихся по религии за годы коммунистических гонений. Но это были люди в основной своей массе из низших, наименее образованных классов общества, прежде всего из крестьянства⁵⁵. Поскольку же внимание группировок ОУН — как будет показано — было сосредоточено на интеллигенции, они почти не брали в расчет аспекты националистических настроений, которые превалировали только в деревне. Что еще важнее, молодое поколение везде, даже в сельских

районах, было враждебно или по меньшей мере безразлично к религии. Обе оуновские группы стремились заручиться поддержкой молодежи; вскоре они увидели, что любая близкая связь с церковью расценивалась значительной частью молодежи как «реакционность». Поэтому они забросили или ограничили свои контакты с церковью, чтобы не ставить под угрозу свои позиции в молодежной среде⁵⁶.

Только что отмеченные факторы мешали искреннему сотрудничеству между церковью и националистическими политическими движениями, было много случаев, когда две националистические тенденции развивались параллельно. Особенно это заметно было в Киеве, где Пантелеймону, самому откровенно прорусскому из автономных епископов и самому твердому врагу украинской национальной независимости, противостоял Мстислав, самый деятельный националист из числа автокефальных епископов. В Киеве националистически настроенные украинцы избегали любых контактов с автономной церковью; в этом их поддерживали многие видные деятели городской администрации, среди них был и голова — Форостивський, который сам был священником при Лыпкивськом. Антинационалистические элементы из окружения Штепы и Богатырчука без восторга относились к возглавляемой Пантелеймоном церкви и, похоже, поддерживали добрые отношения с автокефальным клиром на минимально необходимом уровне, но в целом различие между политическими группами строго соответствовало конфессиональным различиям⁵⁷.

Особенно это было заметно в Днепропетровске, где автономным епископом стал твердый сторонник возрождения Российской империи Димитрий. Националистические элементы решительно выступали против его политики и попыток возродить помпезность старой Русской православной церкви⁵⁸. С другой стороны, влиятельные русские националисты вместе с русофильской городской администрацией и прессой энергично поддерживали Димитрия, что в нескольких случаях вылилось в настоящий вандализм по отношению к соперничающим церквям.

Глава автокефальной церкви Геннадий поддерживал хорошие отношения с мельниковцами и бандеровцами в этом городе на Днепре. Геннадий помогал бандеровским подпольщикам ускользать от немцев, один из его главных помощников состоял в ОУН-М, а факультет университета, находившийся под влиянием мельниковской группировки, вел курсы по подготовке будущих священнослужителей этой церкви⁵⁹.

Необходимо подчеркнуть размах — и пределы — сотрудничества между националистами и автокефальной церковью, так как имели место два инцидента, которые были многими восприняты как доказательство настолько тесной связи автокефальной церкви с некоторыми самыми непримиримыми представителями ОУН, что это противоречило христианским принципам. Первый инцидент касался главы автономной церкви Алексия. Рано утром 7 мая 1945 года прелат выехал из своего монастыря в Кременце⁶⁰ на немецкой машине с небольшим конвоем. Похоже, именно немцы настояли, чтобы человек такого ранга воспользовался их услугами, потому что на дорогах Волыни в то время существовала опасность нападения красных партизанских или националистических отрядов, а также бандитов, прикрывавшихся их именем. В восемь часов, когда маленький конвой проезжал через лес, он был внезапно атакован подразделением из партизанского отряда Хрина. После шквального огня все ехавшие в автомобиле архиепископа были убиты, машину захватили партизаны, которые были шокированы, обнаружив тело видного священнослужителя в машине, где, как они думали, находятся лишь германские официальные лица. Однако атаковавшие избавились от угрызений совести — после того как были обнаружены бумаги, доказывающие тесное сотрудничество архиепископа с германской полицией⁶¹.

Если полагаться на данное описание событий, то представляется в высшей степени вероятным, что убийство было неумышленным, непреднамеренным и, следовательно, не указывает на какой-либо план националистов помочь автокефальной церкви. Более того, источник,

не связанный с церковными разногласиями, утверждает, что Алексей возглавлял умеренное течение в автономной церкви⁶². Как указывалось, он пытался добиться объединения — и был в дружеских отношениях по крайней мере с одним из иерархов автокефальной церкви, что служит опровержением обвинения, будто Алексей был в услужении германской полиции, а также, как утверждают националистические авторы, НКВД⁶³. Алексей был личностью определенного масштаба, как показывает написанное им⁶⁴, уважение, которым он пользовался даже среди своих оппонентов, не позволяет поверить таким обвинениям, даже если его примиренческие стремления недостаточны, чтобы опровергнуть утверждение, будто он поощрял разрушение церкви ради Германии и Советского Союза. Весь инцидент был, по всей вероятности, трагической случайностью, использованной впоследствии в пропаганде враждующих группировок.

Второй инцидент, связанный с убийством автономного епископа, не столь однозначен. Поздним летом 1943 года Эммануил, епископ автономистов во Владимире-Волынском, был схвачен отрядом УПА, находившимся под командованием ОУН-Б, отведен в их лесной штаб и там после «суда» казнен как предатель и шпион. Обвинения, подобные тем, что выдвигали против Алексея, были выдвинуты и против его коллеги, и, кроме того, Эммануил, как считается, сознался в том, что был агентом немецкой полиции и выдавал подпольщиков⁶⁵. Правда ли это, определить нельзя, но некоторые факты ставят под сомнение такие утверждения. Против Алексея и против Эммануила были выдвинуты одни и те же обвинения, и то, что первый был, похоже, невиновен, некоторым образом служит защитой для второго. Эммануила сочли предателем потому, что он первоначально был посвящен в епископы Белой Церкви автокефальной церковью, и его последующий переход в автономную церковь из-за сомнительной каноничности националистического религиозного образования нанес, должно быть, болезненный удар по украинским националистическим чувствам⁶⁶. Он также выступал с пу-

бличными заявлениями, призывая всех верующих воздержаться от помощи националистическим партизанам; хотя почти всех на Волыни, кто занимал видное положение в обществе (включая члена ОУН — редактора газеты «Волынь»), принуждали делать такие заявления, Эммануил был энергичнее и искреннее других в этой ситуации⁶⁷. С другой стороны, нет действительно заслуживающих доверия свидетельств того, что он занимался шпионажем или другой бесспорно постыдной деятельностью, и те, кто знали его близко, склонны ставить под сомнение эти обвинения⁶⁸. Напрашивается вывод, что его смерть была следствием фанатического и безжалостного духа, который доминировал в ОУН-Б на Волыни в то время.

С другой стороны, нет никаких свидетельств причастности автокефальной церкви к его убийству, и внешние обстоятельства указывают на то, что решение было принято самими партизанами. Позиция Эммануила была особенно неприятна для УПА из-за контраста с позицией наиболее активного автокефального прелата на Волыни епископа Платония Ровенского, который активно помогал подполью и, как говорят, даже наведывался в лагерь УПА в Дермане, чтобы предложить свою поддержку⁶⁹. Следует, однако, отметить, что Платоний имел сравнительно небольшое влияние в иерархии автокефальной церкви. Типичным было поведение Поликарпа — другого волынского епископа, — который энергично протестовал против атак немцев на духовенство и против их жестокого отношения к населению⁷⁰, но никогда не оказывал открытой поддержки повстанцам. В этой политике подчинения светской силе, даже порочной, Поликарп следовал, согласно его собственному утверждению, традиции православия⁷¹.

Через несколько месяцев после этих трагических эпизодов почти весь восток Украины был отвоеван Красной армией. Значительное большинство православных епископов, и автокефальной и автономной групп, не стали дожидаться возмездия за противодействие советским планам использовать православие как оружие пропаган-

ды и спаслись бегством в генерал-губернаторство. Здесь к епископам отнеслись со значительно большей учтивостью, чем в рейхскомиссариате⁷². Кроме того, «восточное министерство» сочло, наконец, возможным начать создание национальной церкви. Проект, разработанный министерством Розенберга, призывал к объединению двух конкурирующих ветвей. Этот союз был бы якобы компромиссным, но, подобно неудавшемуся соглашению, подписанному Алексием, более благоприятным для автокефальной группировки. Должностные лица «восточного министерства», ведавшие переговорами, явно склонялись к поддержке Мстислава и Иллариона, но относились несколько прохладнее к Поликарпу⁷³. С другой стороны, Пантелеймон, реальный руководитель автономной группировки, был для них «русским» и упрямым; они предложили ему оставить Украину и занять освободившееся место в Риге⁷⁴. Тяготение автокефальных к объединению, при котором будут какое-то время «русские епископы для русского меньшинства», которых позже поглотит «украинская церковь», очевидно, предусматривало понижение в сане автономных епископов или по крайней мере тех, кто упорно благоволил русским культурным и этническим элементам, однако «восточное министерство», очевидно, не выступало против этого⁷⁵.

Планы националистической церкви были разрушены из-за отказа автономных епископов принять роль, предписанную им «восточным министерством», и бессилия этого ведомства проводить в жизнь свои пожелания. Вместо объединения с другими епископами с Украины оставшиеся автономные иерархи присоединились к Русской православной церкви в эмиграции, представленной Карловицким синодом. По крайней мере два из них сделали так к началу октября 1944 года, а остальные скоро последовали их примеру⁷⁶. Совпадение этих действий с присоединением некоторых видных украинцев к Комитету освобождения народов России говорит, что те же самые немецкие круги, которые поощряли власовское движение, возможно, поддержали и решение церковной груп-

пы. Такой шаг доказывает, что автономная церковь была тесно связана с теми элементами, которые желали продолжения распространения и доминирования русской культуры на Украине и поддержания политических связей с Россией.

Организация, тактика и специфические цели автокефальной церкви были отличны от целей националистических партий во время войны. Само понятие независимой украинской церкви служило для того, чтобы развить чувство украинской национальной самобытности, но, поскольку автокефальное духовенство было, как правило, распространителем национализма, никакое рассмотрение националистических движений на православном востоке Украины при германской оккупации, которое не примет во внимание роль автокефальной церкви, не будет полным. Так как соперничающая автономная церковь стремилась поддерживать связи с Москвой, это подчеркивает особенность ее влияния, отличного от влияния националистической церкви. Действия двух конкурирующих церквей будут часто упоминаться в следующих главах книги, когда речь пойдет о Восточной Украине.

Примечания

¹ *John S. Reshetar. The Ukrainian Nationalism and the Orthodox Church. American Slavic and East European Review. X (February, 1951). P. 43—45.* основополагающая работа по религиозной истории Украины — *Friedrich Heyer Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945 (Köln-Braunsfeld: Verlagsgesellschaft Rudolf Müller, 1953).* Находясь во время войны в вермахте, Хайер имел многочисленные личные контакты с церковными иерархами и, очевидно, получал всякого рода документы, связанные с церковными делами. Его отчет подобен приводимому ниже, но Хайер приписывает несколько большую важность автономной церкви. Хотя Хайер уделяет много внимания чисто церковным делам, которые я не пытаюсь описывать подробно, многочисленные детали, касающиеся масштабов реорганизации религиозной жизни и реакции населения, присутствующие в отчете, весьма ценны.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 48; *Степан Баран. Краківські вісті. 1941. 28 октября. С. 1.*

⁴ УАПЦ (Украинская автокефальная православная церковь), автор — «А.В.» («Православный Белорус», 1951 г., на mimeографе), с. 2; см.: С. Баран. *Краківські вісті*. 1941. 28 октября. С. 1. Был еще епископ Тимофей (Шретер) в монастыре на территории генерал-губернаторства, но он не играл никакой роли в последовавших тренингах.

⁵ *Краківські вісті*. 1941. 27 декабря. С. 3. Епископ Брестский (Вениамин) был монахом Почаевской лавры (*Heyer. Die Orthodoxe Kirche*. P. 168). Александр ушел с поста, чтобы не ездить в Москву на встречу с Сергием; Антоний также, очевидно, ушел с поста. Подробности о разногласиях разных священнослужителей с Москвой см., в частности, у Хайера.

⁶ *Краківські вісті*. 1941. 12 августа. С. 2; Баран. *Краківські вісті*. 1941. 28 октября. С. 1.

⁷ УАПЦ. С. 2; *Краківські вісті*. 1941. 12 августа. С. 2.

⁸ Случилось так, что Николай в момент начала войны находился в Москве (*Heyer. Die Orthodoxe Kirche*. P. 169). Имеется целый ряд сообщений православных священников, особенно киевских, которые действовали в качестве советских агентов. Один из документов военного времени, написанных Николаем, был даже распространен за пределами Советского Союза, а именно: Nikolai, Metropolitan of Kiev and Galicia (ed.), *The Russian Orthodox Church and the War against Fascism* (Moscow: The Patriarchate of Moscow, 1943). Позднее Николай занимал пост митрополита Крутицкого, имеющий отношение к московскому монастырю, номинальным главой которого был Николай. Официально он отошел от дел в 1961 году, но ходили слухи, что даже он был недостаточно податлив для советского режима. Он умер в 1961 году.

⁹ PS 053.

¹⁰ *Українська дійсність*. 1941. 15 октября. С. 4. Эрих Кох, очевидно, был против того, что Антоний возглавит украинскую церковь (*Heyer. Die Orthodoxe Kirche*. P. 172).

¹¹ *Українська дійсність*. 1941. 15 ноября. С. 3.

¹² УАПЦ, с. 3, называет восемь человек назначенных в это время. Источники того времени называют только двух, и представляется вероятным, что другие были посвящены несколько позже, видимо, главным образом, на соборе в декабре. Ср.: *Краківські вісті*. 1941. 27 декабря. С. 3, и *Українська дійсність*. 1941. 20 января. С. 1. Heyer (*Die Orthodoxe Kirche*, с. 176) называет только трех новых епископов, выбранных в это время. Автономных епископов было, очевидно, шестнадцать (Там же. С. 182).

¹³ Федір Єфременко. *Краківські вісті*. 1941. 24 октября. С. 4; архимандрит из Киева, Леонтий Филиппович, был посвящен в епископы (как Леонтий) на августовском соборе.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Краківські вісті*. 1940. 24 ноября. С. 1.

¹⁶ Там же. 1941. 12 февраля. С. 3. Палладий стал епископом Краковским; этот ход рассматривался некоторыми как незаконное

вторжение православной церкви в грекокатолический сектор украинской территории. Ср. Микола Андрузяк в «Наступе», 1940 г., 12 октября, с. 4. Но возможно, что грекокатолические круги под влиянием митрополита Шептицкого одобрили этот ход (см.: *Heyer. Die Orthodoxe Kirche*. С. 163—164); Хайер называет датой посвящения Палладия 9 февраля 1941 года.

¹⁷ *Степан Баран*. Краківські вісті. 1942. 17 января. С. 3.

¹⁸ УАПЦ. С. 3; Українська дійсність. 1941. 15 ноября. С. 3.

¹⁹ «Краківські вісті», 27 декабря 1941 г., с. 3, выражает возмущение по поводу положения автокефальных епископов в генерал-губернаторстве. Не ясно, действительно ли Александр был в оппозиции к коммунистам или просто избегал сотрудничества с ними (*Heyer. Die Orthodoxe Kirche*. С. 168).

²⁰ УАПЦ. С. 3; Українська дійсність. 1941. 15 ноября. С. 3.

²¹ Українська дійсність. 1941. 15 ноября. С. 3. Чтобы успокоить Алексия, собор назвал его епископом Каменец-Подольским (Там же).

²² Українська дійсність. 1941. 15 ноября. С. 3.

²³ Ср. Скрипник, статья в газете «Вольнь», перепечатана в «Львівські вісті», 11—12 января 1942 г., с. 5, статья из кременецкой газеты «Крем'янецький вісник», процитированной в газете «Українська дійсність», 15 октября 1941 г., с. 4.

²⁴ Львівські вісті. 1942. 11—12 января. С. 5 (цитируется статья Скрипника).

²⁵ Краківські вісті. 1941 г. 27 декабря. С. 3. Собирались дополнительные синоды под руководством Алексия (*Heyer. Die Orthodoxe Kirche*. Р. 176—177).

²⁶ Текст письма см.: *Степан Баран*. Митрополит Андрей Шептицький. Мюнхен: Вернигора Українське видавниче товариство, 1947. С. 123—124.

²⁷ Там же. С. 127—128.

²⁸ Там же. С. 124—127.

²⁹ Там же. С. 128—130; Краківські вісті. 1942. 15 февраля. С. 3.

³⁰ Краківські вісті. 1942. 5 апреля. С. 3; *Баран*. Митрополит. С. 130—131.

³¹ *Баран*. Митрополит. С. 132.

³² Краківські вісті. 1942. 22 марта. С. 4. Отчет Хайера (*Die Orthodoxe Kirche*. Р. 174 ff.), основанный главным образом на источниках, близких к автономистам, как предоставляется, приписывает главную ответственность за первоначальный раскол в церкви автокефальной группировке.

³³ Там же.

³⁴ Краківські вісті. 1942. 22 марта С. 4. Очевидно, Дамаскин позже вернулся в автономную церковь. Ср. *Heyer, Die Orthodoxe Kirche*. С. 188.

³⁵ Там же; и Краківські вісті. 1942. 28 февраля. С. 1.

³⁶ Меморандум по вопросу о персонале для востока, из архивов Розенберга, 9 июля 1941 г., PS 1040 (далее PS 1040).

³⁷ Директива Альфреда Майера Die Frage der konfessionellen Verbände, 29 июля 1941 г., PS 1047 (далее PS 1047). О подготовке миссионеров грекокатолического обряда для работы на территории СССР после его завоевания немцами см. также: *Aldo Valori. La Campagna di Russia*. Рим: Grafica Nazionale Editrice, 1951. Т. I. С. 244.

³⁸ PS 053.

³⁹ PS 1047.

⁴⁰ Проект директивы Розенберга рейхскомиссару «Остланда и Украины» от 13 мая 1942 г., CXLVa 15, см. в Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLVa 15). Не знаю, была ли эта директива когда-либо действительно направлена, но она наверняка выражает мнение преобладающей группы в «восточном министерстве» — в противоположность позиции окружения Коха.

⁴¹ Доклад неизвестного чиновника «восточного министерства» Розенбергу от 30 июня 1944 г., CXLVa 66, см. в Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLVa 66).

⁴² Директива рейхскомиссариата «Украина» (подписанная Даргелем, начальником политической секции) генерал-комиссару, 1 октября 1942 г., CXLVa 20, см. в Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLVa 20).

⁴³ Краківські вісті. 1942. 28 мая. С. 2; Наступ. 1942. 12 июля. С. 2.

⁴⁴ Краківські вісті. 1942. 8 мая. С. 3; *Дмитро Дорошенко. Українська дійсність*. 1942. 10 ноября. С.1.

⁴⁵ *Таркович*. Краківські вісті. 1942. 1 июля. С. 4, основываясь на информации, полученной от епископа Мстислава. Очевидно, вдобавок к епископам, которых я указал как приверженцев автокефальной церкви, был посвящен в епископы новый член иерархии — Коренистов, он стал епископом Брестским и помощником Александра, епископа Пинского. Дорошенко в «Українська дійсність», 10 ноября 1942 г., с. 1, также говорит о четырнадцати членах иерархии УАЦ. Ср. Neyer (Die Orthodoxe Kirche. С. 181), который приводит пятнадцать имен, включая Георгия (Коренистова) Брестского.

⁴⁶ Апрель 1942. CXLVa 474, в Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLVa 474).

⁴⁷ PS 192.

⁴⁸ CXLV, 20.

⁴⁹ Волинь. 1943. 2 мая. С. 4.

⁵⁰ 4 мая 1942 года на совещании в Ровно официальный представитель рейхскомиссариата озвучил пожелание германских властей, чтобы две церкви объединились, но заявил при этом, что немцы будут придерживаться нейтралитета, чтобы обеспечить объединение (Краківські вісті. 1942. 14 июня. С. 3).

⁵¹ Приведенная выше (CXLVa 20) директива рейхскомиссариата «Украина» генерал-комиссару предусматривала, что следует противостоять всем попыткам объединения. Neyer, Die Orthodoxe Kirche, с. 184, называет Поликарпа и Симона архиепископами, Александра — митрополитом.

⁵² Наступ. 1942. 15 ноября. С. 2; Українська дійсність. 1942. 10 декабря. С. 2.

⁵³ Українська дійсність. 1942. 10 декабря. С. 2. Chief of the SP and SD, Reports from the Occupied Eastern Territories, No. 34, December 18, 1942.

⁵⁴ Интервью 69.

⁵⁵ Более подробно об отношении социальных классов и возрастных групп к религии см. в главе 9.

⁵⁶ Интервью 18, 65, 76. Как указывается выше в главе 6 и главе 7, к 1944 году оуновские партизаны и примыкавшие к ним группы проявляли больше религиозности, но это было явление в основном галицкое.

⁵⁷ Интервью 19. Chief of the SP and SD, Reports of Einsatzgruppen and Kommandos, No. 191, May 10, 1942. С. 41. Речь идет о декабре 1941 года, попытках лидеров ОУН-М в Киеве оказать влияние на нового епископа Пантелеймона.

⁵⁸ Интервью 18 подтверждает свидетельства, приведенные в «Наступе» (1942. 22 августа), что около 30 церквей в районе Днепропетровска присоединились к УПА, когда было объявлено имя архиепископа Днепропетровска.

⁵⁹ Краківські вісті. 1942. 19 мая. С. 2; интервью 18.

⁶⁰ UAPTс. P. 5.

⁶¹ Українська дійсність. 1943. 1 июня. С. 2; Баран. Митрополит. С. 12.2; интервью 12. Ср. Сергей Т. Даниленко «Дорогою ганьби і зради» (Киев: Науково думка, 1970), с. 277, где заявляется о существовании гестаповско-автокефально-бандеровского заговора и даже выдвигается еще одна версия, где фигурируют униаты.

⁶² CXLVa 66.

⁶³ Микола Селезь. Як діють сталінські агентури // Вперед. 1949. Май. С. 11.

⁶⁴ См. его письмо Шептицкому (Баран. Митрополит. С. 128—130).

⁶⁵ Селезь. Як діють сталінські агентури. С. 11; интервью 63.

⁶⁶ Там же; UAPTс. С. 5.

⁶⁷ Ср. его обращение к украинскому населению, «Волинь», 8 августа 1943 г., с. 3.

⁶⁸ Интервью 38.

⁶⁹ UAPTс. С. 10; интервью 18.

⁷⁰ CXLVa 66. См. также резкий, но вежливый протест Иллариона по поводу расстрела автокефальных священников в генерал-губернаторстве за контакты с бежавшими военнопленными весной 1942 года — задолго до того, как началась широкая националистическая партизанская деятельность.

⁷¹ CXLVa 66.

⁷² Там же. См. также Chief of the SP and SD Einsatzgruppen, IIIc «Conveyance of Orthodox Dishops into the Reich». September 20, 1944.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Номинальным лидером автономной церкви, избранным в качестве наследника Алексия, был Дамаскин Каменец-

Подольский, который, похоже, к этому времени вернулся к автономной пастве (ср.: Волинь. 1943. 1 июля. С. 3).

⁷⁵ CXLVa 66. Хотя этот проект не мог быть осуществлен, «восточное министерство» продолжало благоволить, насколько позволяли возможности, украинской националистической группировке как в религиозных, так и в политических делах. Ср. Меморандум Розенфельдера (специалист министерства) для начальника Führungsstabes Politik, декабрь 1944 г., касающийся планов усиления влияния автокефальной церкви среди восточных рабочих за счет позиций Русской православной церкви, CXLVa 76, в Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLVa 76).

⁷⁶ Розенфельдер начальнику Führungsstabes Politik, октябрь 1944 г. CXLVa 74, в Centre de Documentation Juive Contemporaine (далее CXLVa 76); UAPTс. С. 6. По крайней мере один автокефальный и три автономных епископа остались, когда Советская армия вновь заняла Восточную Украину. Двум из прежних автономных епископов, Антонию (Марченко) и Гиобу (Кресовичу), очевидно, разрешили осуществлять функции епископов при советской власти. Ср. Wassilij Alexeev, *Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941—1963: Materials for the History of the Russian Orthodox Church in the USSR* (New York: Research Program on the YSSR, 1954), с. 134 и далее (мимеография с текстом на русском языке).

Глава 9

СИЛА НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Хотя церковь в некоторой мере представляла собой институциональный орган, с помощью которого могли быть выражены национальные настроения, ее вклад в продвижение политических доктрин был ограничен. Организационные каналы представлялись особенно важными для националистических движений, которые хотели добиться широкомасштабных успехов на оккупированном востоке Украины. Подпольные группы создавали собственную сеть контактов при минимуме направляющего влияния центра. Однако ресурсы под их прямым управлением были минимальны, а регион огромен: его население в 1941—1943 годах, даже после оттока и перемещения людей во время войны, составляло тридцать миллионов жителей. Подпольные публикации могли издаваться только на mimeо-графах или маленьких ручных прессах и циркулировали от одного доверенного лица к другому. Такая пропаганда могла, однако, охватить лишь несколько тысяч человек. Как организации подпольного характера, националистические группы поневоле имели крайне малое число членов. Например, группа ОУН-Б в районе Краматорска в Донбассе названа одним из националистических лидеров этого района «крупной» ячейкой¹. Опять же общее число активных членов ОУН-М в Киеве к концу 1942 года никогда не превышало тридцати². Верно то, что в главных городах после первых месяцев 1942 года члены ОУН исчислялись десятками, однако общее число таких активистов в Восточной Украине составляло только несколько сотен.

Численность заговорщической организации, однако, не обязательно является критерием ее эффективности. Проникая на ключевые посты в общественных учреждениях, члены националистических партий имели возможность оказывать влияние, недостаточное для числа их сторонников. Кроме того, даже когда серьезные партии, подобно двум фракциям ОУН, были не способны проникнуть в институциональные каналы, это делали порой местные националистические группы, перед которыми и ставилась такая задача. Никакая оценка силы национализма на востоке Украины в течение 1941—1943 годов не была бы полной без рассмотрения вопроса о проникновении националистов внутрь институциональных рамок. При таком рассмотрении важно действовать с большой осторожностью, так как приверженцам украинских националистических групп легко задним числом приписать повышенную значимость своему влиянию в годы оккупации. Основным критерием подхода была проверка имен людей, названий мест и дат, присутствующих в каждом отрывке повествования (в виде напечатанных мемуаров или устного свидетельства), на основе многочисленных, но поверхностных материалов украинской прессы военных времен. Также использовались доступные подпольные публикации военных лет и германские сообщения. Таким способом можно судить по крайней мере о степени реального знакомства рассказчика с местностью, которую он описывает, понять же правомерность его оценки лиц и событий можно, если умеешь читать между строк, так как большинство публикаций, хоть и напечатано легально, но написано эзоповым языком военного времени.

Основной целью националистов в их кампании по привлечению поддержки восточнoукраинских масс было внедрение в административные аппараты, существовавшие на местном уровне во всех оккупированных немцами областях. Общий стиль правления, установленного нацистским режимом на оккупированных восточных территориях, и политика ответственных должностных лиц уже были описаны. Жестокость проводимой политики делала

невозможной открытую деятельность оуновских групп, и несвоевременное понимание этого привело к уничтожению многих приверженцев оуновцев. Однако о степени выживаемости административных чиновников уже было сказано, и что было верно для Киева, было в меньшей степени верным и для многих менее крупных центров Украины. Несмотря на решительные старания Эриха Коха и его когорты поставить все аспекты жизни под контроль, размер украинской территории и численность населения препятствовали достижению полного успеха. Например, в администрации генеральбецирка «Николаев» было только пять сотен немцев, которые должны были управлять населением в 1 миллион 920 тысяч человек на территории почти в 44 тысячи квадратных километров³.

Ограниченность контроля можно объяснить нехваткой германского административного персонала и наличием языкового барьера. Было уже сказано о том, насколько вермахт зависел от националистов, работавших переводчиками. Поскольку мало кто из чиновников рейхскомиссариата знал славянские языки и все же они, как правило, отказывались от услуг эмигрантов или западноукраинцев, приходилось опираться на местных переводчиков в качестве посредников. Можно предположить, что набирались надежные лица, часто этнические немцы. Эти физические ограничения, однако, заставляли немецких чиновников делать все возможное, чтобы удерживать «командные высоты» административного контроля в своих руках: в сфере экономики, вооруженных сил и средств коммуникации; другие общественные дела немцы поручали администраторам, привлеченным из местного населения, и могли лишь время от времени вмешиваться, чтобы наказать за реальные или надуманные нарушения их директив. Они могли сталкивать одну группу с другой и таким образом направлять развитие движений, которые грозили выйти из-под германского контроля. Они могли подчинить все аспекты жизни, используя пресс страха и материальных лишений. Но, испытывая недостаток в сторонниках, которые проникали бы в мельчайшие группы общества, они не могли в полной мере осуществлять программу идеологической обработки населения и практиче-

ски не могли препятствовать тем, кто контактировал с населением, приносить идеологический оттенок в характер их действий.

Ограниченные физические возможности немецких властей заставили немцев в значительной степени отдать местный административный аппарат на востоке Украины местным жителям, которые преобладали в администрации сельских районов, но об их действиях, связанных с национализмом, известно мало, чему будет дано объяснение в следующей главе. Городская администрация более строго контролировалась немцами, но их численность не позволяла осуществлять полный контроль. Несмотря на то что население скоро осознало, что местная администрация имеет лишь подобие власти, понятие всемогущества государственного контроля настолько укоренилось в сознании населения, что даже внешние признаки власти националистов позволили им приобрести некоторую поддержку. Повсюду на оккупированной Украине, за исключением этнически смешанного Донбасса, администрация говорила лишь на немецком и украинском. Хотя известно, что чиновники, которые в административной деятельности пользовались предписанными языками, часто переходили на русский, как только выходили из своих кабинетов, а иногда даже писали сообщения и распоряжения на этом языке⁴ — с переводом на украинский, — знание русского считалось престижным. То же самое можно сказать о широком распространении национальных символов, которые запрещались при советской власти, например сочетание голубого и желтого цветов; оно появилось на униформе полиции, в качестве знамен, украшавших административные здания, даже на трамваях. С другой стороны, удаление этих символов русофильскими элементами администрации имело столь же символический отрицательный эффект; официальным языком, однако, всегда оставался украинский⁵.

Определенным доказательством влияния, которое оказал украинский национализм на население, является статистика, полученная из переписей населения, проведенных различными городскими службами в конце 1941 и в начале 1942 года⁶, при которых каждый гражданин имел

право определять собственную национальность. Отмечался огромный процентный прирост лиц, объявивших о своей украинской национальности при сравнении с данными советской переписи 1926 года, проводившейся подобным образом. Резкие различия процентных данных во многих городах объясняются факторами, которых мы коснемся в одной из следующих глав. Кроме того, почти не подлежит сомнению, что давление — начиная со страха перед укомплектованной националистами полицией (которая, по крайней мере, в Житомире проводила перепись) до желания получить материальные выгоды, сохранявшиеся лишь для украинцев, — было существенным фактором. Несомненно, однако, что большое число тех, кто заявил о своей украинской национальности в 1941—1942 годах, сделали это из желания примкнуть к победителям — к национальной группе, которая, как они думали, окажется в будущем в фаворе. Националистический голова Киева Леонтий Форостивський, при администрации которого проводилась перепись в столице, легко признает значение этого фактора.

Муниципальная администрация играла значительную роль в поддержке националистической деятельности и материально. Фонды, находившиеся в распоряжении администрации, были далеко не мизерными. Так, харьковский городской годовой бюджет составлял сумму равную приблизительно восьми миллионам долларов⁷. Число муниципальных служащих было также значительным. В Киеве, когда головой был Багазий, иждивенцами центральной муниципальной власти был персонал в 20 тысяч человек⁸. Немцы сочли число настолько чрезмерным, что оно фигурировало в обвинениях против Багазиев, но через несколько месяцев после его ареста число нанятых городской администрацией, — очевидно, только в чисто административных секторах, исключая образовательный сектор и сектор производственных и коммерческих предприятий, — составляло все еще 1138 человек и еще 1065 работали в районах⁹. Даже меньшее число административных работников весьма существенно для города, все население которого сократилось к тому времени до 350 тысяч человек, причем процент трудоспособных людей был крайне мал.

Свыше четверти состава административного корпуса составляла элита интеллигенции — люди, имевшие высшее образование, в то время как еще 35 процентов представляли, вероятно, советскую «интеллигенцию», поскольку имели среднее образование¹⁰, что важно, когда речь идет о политических настроениях. Городская администрация с приложением в виде школ и прессы служила, таким образом, прибежищем интеллектуального класса, который вследствие военных передраг лишился привычной экономической роли. Следовательно, ориентация структуры, в которой эти люди нашли себе место, могла играть существенную роль в настроениях этой группы.

По крайней мере две головы восточнукраинских городов¹¹, помимо Багазия, лишились жизни из-за слишком горячей преданности националистическому делу. Даже когда люди такого ранга не были в конфликте с оккупантами, они знали, что из-за своего положения являются мишенью для коммунистов — секретных агентов или возвратившейся Красной армии. То, что значительная группа чиновников, хоть и испытывая страх, верна националистическому делу — признак того, что на востоке Украины существовал значительный резерв лидеров для националистического движения.

Хотя городская администрация в целом была и символом украинской националистической власти, и орудием продвижения националистического дела, отдельные ее подразделения имели не всегда одно и то же значение. Их значимость в большей мере объяснялась тем, что административные отделы, наделенные весьма важными функциями, часто действовали с разной степенью независимости от центральной муниципальной администрации.

На практике объем власти любого важного чиновника зависел больше от его собственного характера и его отношений с германскими властями, чем от какого бы то ни было формального распределения власти. Это проявлялось особенно остро в больших городах, где в дополнение к штадткомиссару, стоявшему над местным городским головой, имелись еще германские чиновники, отвечавшие за каждый из отделов администрации. В таких случаях начальники отделов, которые были в хороших отношени-

ях с немецким начальством, имели, похоже, возможность проводить довольно независимый от городского головы курс, то же самое можно сказать про наиболее твердых или умных чиновников, которые хотели применять свои полномочия даже без особой немецкой поддержки. Поэтому иногда случалось, что один или более отделов местной администрации становились оплотом националистической деятельности, в то время как городом в целом руководили противники украинской независимости.

При советской власти местная администрация имела отделы финансов, экономический, местной торговли, здравоохранения, народного образования, социального обеспечения и кадров, а также общий отдел, плановый комитет, а иногда отделы местной промышленности и сельского хозяйства. В городской администрации при немецкой оккупации, очевидно, произвели некоторое укрупнение и слияние отделов, но в целом советская структура была мало изменена, если не считать ликвидацию планового подразделения. С другой стороны, было добавлено несколько новых отделов для осуществления функций, которые при советской власти исполнялись более высокими административными инстанциями, но которые немцы хотели контролировать в городах. Одним из таких отделов являлся отдел пропаганды, о котором будет сказано несколько позже. Другим был юридический отдел, который заведовал судами низших инстанций¹². Он имел, однако, малое или нулевое значение для националистической деятельности. Намного более существенными в этом отношении были полицейские отделы. Некоторые их действия, связанные с национализмом, уже упоминались. Немцы, конечно, прилагали большие усилия, чтобы полностью контролировать этот сектор власти, единственный в местной администрации, который мог оказать вооруженное сопротивление их правлению. Так как полицейские силы были все время в руках чинов из немецкой СП — полиции безопасности, которые часто придерживались только номинального подчинения штадткомиссару, то украинский руководитель этого отдела был независим от городского головы. Кроме того, поскольку имелось несколько германских полицейских органов — обычная полиция безопас-

ности, тайная полиция, железнодорожная полиция, — действовавших на той же территории, объединенных высшим руководством, но имевших разных украинских субначальников, работавших под немцами, вероятность какой-то конкуренции или антагонистических влияний существовала. Несмотря на особые усилия рейхскомиссариата искоренить всех оуновцев из полиции, ОУН была в состоянии в течение многих месяцев удерживать свои позиции в нескольких городах. Например, городская администрация Винницы и Днепропетровска была в руках прорусских элементов, оппозиционно настроенных по отношению к украинскому национализму, но шефом полиции в первом городе¹³ и исполняющим обязанности начальника тайной полиции в последнем¹⁴ были сторонники ОУН. Германская полиция, очевидно, не могла контролировать каждый шаг своих подчиненных, так что такая поддержка в полиции имела большую ценность для националистических групп.

Во время киевской волны репрессий в декабре 1941 года был арестован доктор Кандыба, но его сторонники, управлявшие полицией в том районе, позволили руководителю ОУН-М на востоке Украины выйти на свободу и продолжать свою деятельность свыше двух лет¹⁵. Кроме того, националисты, работавшие в полиции, помешали контролировать эти группы секретным коммунистическим агентам, которые с успехом внедрились в полицию в ряде населенных пунктов на юге Украины и на некоторое время в самом Киеве благодаря тому, что немцам было удобно сохранить советскую милицию¹⁶. Ценность проникновения националистов в полицию была нейтрализована ненавистью населения, вызванной их сотрудничеством с немцами. Кроме того, недобрая слава полиции иногда росла в результате акций самих националистов, использовавших полицию как орудие терроризирования неукраинцев¹⁷.

Существовали службы менее важные, чем полицейские отделы, однако имевшие огромное значение, занимавшиеся здравоохранением и социальным обеспечением. Уже отмечались жесткие ограничения, налагаемые немцами на местную администрацию за попытки поддержать голода-

ющих сограждан. Однако она могла продолжать свою деятельность, что было важно с практической точки зрения и позволяло принимать посильное участие в обеспечении населения продовольствием. Несомненно, немцы были рады оставить эту трудную и неблагодарную работу местному руководству. Работа по социальному обеспечению частично возлагалась на отделы муниципалитетов, частично этим занимались добровольцы. Дублирование вызвало политические конфликты в этой сфере деятельности. В Киеве начальником отдела соцобеспечения был профессор Гаевский¹⁸ до посвящения в автокефальные епископы, и даже после его отставки отдел, похоже, остался в руках националистов, которые продолжали проявлять заботу о людях, оказавшихся в бедственном положении, несмотря на нехватку ресурсов в этом секторе, о которой упоминалось в предыдущей главе¹⁹. В то же время Украинский Красный Крест, который был сформирован как орган городского правительства и активно действовал, чтобы смягчить ужасные условия в лагерях военнопленных, был распущен немцами. По-видимому, эта акция объяснялась тем, что националисты время от времени использовали его в качестве прикрытия своих действий. Руководитель Красного Креста, профессор Богатырчук, вначале откликнулся на приглашение сотрудничать с ОУН-М, однако позже он почувствовал отвращение к организации в связи с эксцессами оуновцев в Киеве и стал поддерживать русофильские элементы²⁰. Его организация, преобразованная во Всеукраинский комитет помощи (Всеукраинський комитет допомоги) могла даже накануне ухода немцев снабжать едой 36 тысяч человек (детей и других нетрудоспособных)²¹ — шестую часть населения города; его огромная популярность²² помогла ему найти поддержку при создании коалиции с антисоветскими русскими. С другой стороны, в Днепропетровске, где городская администрация была в основном в руках прорусских элементов, украинцы с подачи организатора из ОУН-М создали организацию Красного Креста, которая действовала как центр националистических сил.

Националисты были более успешны в кооперативной деятельности. Поскольку в составе администрации каж-

дого города имелся отдел торговли, кооперативы, как квазиобщественные формирования, были важны как проводники местной инициативы. Кооперативное движение не было продуктом коммунистической системы, было популярно на востоке и западе Украины и играло важную роль перед Первой мировой войной, когда уже имело националистическую окраску²³. В нэповский период советской власти и до конца двадцатых кооперативы располагали значительной степенью независимости и служили, по крайней мере в Харьковской области, центром притяжения националистических элементов, которые работали с республиканским правительством²⁴. В периоды пятилеток городские кооперативы восполняли пробелы государственной системы торговли, а какие-то из них принимали участие в государственных коммерческих операциях²⁵.

Когда пришли немцы, выжившие руководители прежних независимых кооперативов снова смогли проявить себя. Уже зимой 1941/42 года в Киевской области было организовано 643 кооператива, включая 48 районных продовольственных обществ, которые занимались закупкой, переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции²⁶; в Харькове существовало 150 кооперативов, которые поддерживали прямые контакты с поставщиками в деревне²⁷. В дополнение к многочисленным кооперативам, занимавшимся реализацией товаров, в Киеве было создано 28 производственных кооперативов в таких сферах, как транспорт, печать, галантерея²⁸. Был воссоздан Украинбанк (Всеукраинский кооперативный банк), основанный в 1922 году для финансирования всех типов кооперативов, но инкорпорированный в 1936 году в советский центральный Торгбанк²⁹.

Кроме того, существовала более важная связь с националистическими движениями. Была сделана попытка организовывать, с одобрения немцев, центральный орган продуктовых кооперативов, известный как Всеукраинское кооперативное общество (Всеукраїнська кооперативна спілка), который координировал деятельность местных организаций, издавал бюллетень и восстановил музей истории кооперативного развития — институт весьма значимый для поддержания националистических

настроений³⁰. Под руководством старого офицера украинской армии профессора Перевертуна, тесно сотрудничавшего с ОУН-М, он развернул активную деятельность в Киевской области, уделяя особое внимание подготовке дефицитных кадров работников кооперативов нижнего звена³¹. Помимо косвенного разжигания националистических настроений помощь этого учреждения националистическому делу включала в себя устройство на работу лиц, которых немцы увольняли из муниципальной администрации³². В начале 1943 года, однако, такие действия закончились расстрелом директора³³.

Подобно кооперативному движению, народное образование долгое время было краеугольным камнем украинского национализма, более важным во многих отношениях, чем прямое политическое действие. В конфликте между коммунистами-националистами на Украине и сталинскими централистами именно наркомы образования, вроде Шумского и Скрипника, вели борьбу за украинизацию культурной жизни. Следовательно, вполне объяснимо, что украинцы-националисты при немецкой оккупации собирались управлять муниципальными отделами образования.

Главная цель рейхскомиссара и его прислужников, однако, состояла в том, чтобы предотвратить развитие культурного украинского класса, обратить людей в расу покорных крестьян. План Розенберга создать университет в Киеве был отброшен, а стандартное обучение подразумевало четыре года³⁴. Это резкое ограничение образовательных возможностей было воспринято с глубокой обидой. Но, поскольку была реальная нехватка учебных материалов, книг и учителей, украинцы надеялись, что такое ограничение не является постоянной политикой, надеялись на это, даже когда закрывались гимназии, которые были открыты при армейской администрации усилиями местного населения³⁵.

В какой-то степени запрет на среднее и высшее образование был обойден благодаря прорехам в установленных немцами правилах, что позволило вновь открыть технические школы. Острая нехватка ремесленников и профессионально обученных лиц, обусловленная уничтожением

еврейского населения, заставила даже одержимых жаждой власти нацистов признать необходимость обучения украинцев таким специальностям. Было разрешено открыть большое количество средних технических школ, сельскохозяйственных школ и даже институтов высшего образования — например медицинских. Население восприняло эти меры следующим образом: в Киевский медицинский институт в 1943 году поступило 2 тысячи человек при численности населения города только в 300 тысяч, а в Херсоне, пятом по числу жителей городе, в медицинских школах учился 541 студент³⁶. Медицинские институты были также вновь открыты в Сталине, Днепропетровске, Виннице и, возможно, в других городах, хотя сомнительно, чтобы любой из них был центром молодежной националистической организации, каким стал под руководством ОУН-М факультет в Киеве³⁷.

Описанная в предшествующем абзаце образовательная структура была ориентирована на подростков и юношество и могла использоваться для непосредственного распространения националистических идей. Конечно, частично по этой причине немцы ограничили образование столь узкими рамками. Но и эти ограничения не были главным препятствием в предоставлении образования лицам с потенциалом граждан националистического типа, поскольку они пополняли число остарбайтер. Программа набора рабочих в Германию вымывала из начальных школ учителей, а учеников, которые были слишком малы для принудительных работ, косили голод и болезни. Если задача культивирования националистического сознания предполагала долгосрочную перспективу, то четырехлетняя начальная школа являлась подходящим фундаментом ее существования³⁸.

В области образования националистическим лидерам требовалось решить двойную задачу: они должны были создать прочную базу для развития независимой Украины, обеспечив преподавание на украинском языке, чтобы подрастающее поколение владело им в совершенстве; им также нужно было заменить коммунистическую идеологию позитивной националистической концепцией. Первая задача была относительно не сложна, хоть и далеко не

проста в практическом решении. В соответствии с политикой поощрения внеполитических аспектов украинского национального образования немцы распорядились, чтобы преподавание шло только на украинском языке. Националистические директора с энтузиазмом восприняли нововведение, но иногда было трудно воплощать его в жизнь, потому что даже учителя, которые были в душе националистами, не всегда могли вести уроки на украинском³⁹.

Намного труднее было сделать националистическую идеологию в школах доминирующей. При националистической идеологической обработке в школах усилия, как обычно, были сосредоточены на изучении истории⁴⁰, это было особенно важно, так как оправдание украинского движения независимости в значительной степени основано на концепции истории, которой следует гордиться, отличной от истории Московии. И вполне естественно, что ни один советский учебник не подходил ни для укрепления украинского самосознания на уроках истории, ни для выкорчевывания плодов коммунистического воспитания. До некоторой степени пробел был восполнен учебниками, изданными за год до начала войны Украинским центральным комитетом в Кракове⁴¹. Некоторые тексты были отпечатаны отделом культуры киевской городской администрации. Некоторые активисты ОУН-М предприняли дилетантские попытки напечатать небольшим тиражом новую версию украинской истории с их предисловием⁴². Ввиду отсутствия финансовых средств и дефицита времени пробел в печатных материалах не мог быть восполнен, поэтому многое зависело от привлечения в школы нужных учителей. Конечно, невозможно определить, в какой степени многие тысячи учителей придерживались националистических взглядов, но множество местных формулировок националистических понятий, которые следовало прививать в школах, свидетельствуют о силе националистических настроений. Глава мариупольской школьной системы предлагал уделять особое внимание изучению родного языка, культивировать любовь к родине и уважение к старшим; группа молодых активистов в Кривом Роге считала, что идеологическим стержнем об-

разования следует сделать идеалы казачества, кодекс Запорожской Сечи, который должен был вести к духовному, моральному и физическому возрождению⁴³.

Серьезные усилия были сконцентрированы и на развитии системы добровольного образования для взрослых. Группы «Просвиты» были основаны националистической интеллигенцией Восточной Украины за много лет до революции. После долгих лет подавления коммунистическим режимом они были восстановлены, чтобы вести работу по развитию национальной культуры и осознанию национальной самобытности. Эти две цели могли быть объединены, потому что все националистически настроенные украинцы понимали необходимость прививать любовь к местным народным искусствам и традициям, подчеркивать их своеобразную природу. Эта попытка имела как культурное, так и политическое значение, поскольку не только советский режим (и до 1941 года, и после отвоевания Украины, как, например, в Харькове)⁴⁴, но и немецкая полиция подвергала гонениям общества «Просвиты», и на территории рейхскомиссариата они могли в разные периоды вести только подпольную деятельность. Тяга к национальному самовыражению разделялась столь многими, что немцы осознали необходимость дать выход этим чувствам, поэтому «Просвиту» в целом разрешили, оставив ее под пристальным наблюдением⁴⁵. Вместе с церковью (и несколькими местными обществами, не использовавшими имя «Просвиты», но имевшими те же функции) «Просвита» была одной из немногих организаций националистического характера, которые напрямую не контролировались немцами.

Работу групп «Просвиты», организованную по-разному в разных районах, можно разделить на четыре общих направления. Главную роль везде играла музыкальная деятельность, особенно в ходу были хоровые группы, что служило мощным интеллектуальным и эмоциональным стимулом националистического чувства, так как большинство песен были украинскими. Кроме того, получали поддержку группы бандуристов (бандура — это исконно украинский маленький, похожий на лютню струнный инструмент), создавались оркестры бандуристов. В больших

центрах «Просвита» побуждала профессиональные музыкальные организации, консерватории и оперные театры ставить спектакли, взывающие к националистическому чувству. Например, вновь были открыты оперные театры в Киеве и Харькове, в репертуар которых входило значительное число украинских произведений («Тарас Бульба», «Наталка-Полтавка» и др.). Шли также традиционные западные оперы — такие как «Мадам Баттерфляй» и «Корневильские колокола». Однако подобно другим формам национального самовыражения оперные спектакли вызвали ненависть нацистов, как любая независимая деятельность. Поначалу лучшие места в киевской опере резервировались для немцев, а затем, в декабре 1942 года, спектакли вообще были прекращены, что вызвало негодование всех слоев общества⁴⁶.

Через несколько дней после отступления Красной армии стали появляться, как правило с помощью «Просвиты», театральные группы, причем даже в меньших городах Восточной Украины. Например, не прошло и месяца со дня немецкой оккупации, как театр начал действовать в Житомире⁴⁷. Даже в Чернигове и Симферополе (в Крыму), где наблюдалось мало признаков националистической активности, вскоре открылись театры⁴⁸. Поскольку актеры представляли собой в основном любителей, желавших выразить националистические чувства, спектакли были националистическими (очевидно, в большей степени, чем оперы, исполняемые в основном профессиональными артистами и имевшие «всесоюзный», то есть русский, характер, по крайней мере по духу)⁴⁹. Некоторые представления были настолько проникнуты националистической идеологией, что подверглись немецкой цензуре. Автор одной из наиболее популярных пьес Константин Гупало был арестован за националистическую деятельность⁵⁰.

«Просвита» и связанные с ней группы поддерживали разнообразные образовательные акции. Ценность лекций заключалась не столько в их содержании, сколько в том, что читались они на украинском языке; из-за острой нехватки даже периодической литературы библиотеки и читальные залы были важны как средства распространения печатного слова; националистическая культурная работа

велась в школах; проводились исследования и обсуждения национальной истории и этнографии. Более энергичные и менее ограниченные общества, подобно «Просвите» в Харькове, действовали активнее. Харьковская группа сделала Дом народной культуры центром большинства националистических организаций в городе и подошла к преобразованию в неофициальное правительство⁵¹. Кроме того, под руководством энергичного профессора В.В. Дубровского она занималась экономической и благотворительной деятельностью — например публикацией книг и оказанием материальной помощи нуждающимся учителям и студентам⁵². О масштабах деятельности «Просвиты» в Харькове можно судить по ее численности (около тысячи человек), а один из организованных ею концертов посетило 4 тысячи человек⁵³.

В большинстве мест «Просвита» и другие культурные акции, похоже, действовали независимо от националистических активистов с Западной Украины. В определенной мере идеология националистов, особенно ОУН-Б, порождала пренебрежение к столь постепенным и лишенным эффекта методам развития националистических сил⁵⁴. Безусловно, в таких центрах, как Киев и Житомир, в которых были сильны позиции ОУН-М, существовало сотрудничество между данной организацией и местными основателями «Просвиты», но националистическая партия не располагала людьми, чтобы самой вести культурную работу, и, очевидно, считала, что «Просвита» не подходит для тактики подпольной работы, которую пришлось вести после начала немецких репрессий⁵⁵. С другой стороны, чрезвычайно важная харьковская «Просвита» была организована почти исключительно местными жителями, которые во многих случаях были связаны с «Просвитой» досоветских дней и которые не были связаны с ОУН-М⁵⁶, а настроены скорее враждебно к ней. Это вновь доказывает, что на востоке Украины сохранились лидеры, способные брать на себя руководство важными аспектами национальной жизни. То, что руководство в значительной степени интересовали и менее агрессивные аспекты национального развития, служит иллюстрацией известной пропасти между национализмом на востоке и западе Украины.

Средства, задействованные в образовательных системах и в культурных обществах для распространения национальной идеологии, важны главным образом при ведении устной пропаганды. Коммуникативный тип «лицом к лицу» эффективно использовался на протяжении многих лет в восточных славянских странах, «устная агитация» служила укреплению коммунистического режима. Поэтому население привыкло к этому типу пропаганды. Кроме того, это особенно подходило для работы националистических групп, которые стремились распространять идеи, не желательные для немецких властей. Немцы могли запретить представление или разогнать общество, арестовать или расстрелять руководителя, но из-за малого персонала, незнания языка и отсутствия широко развитой надежной местной агентуры они не могли подслушивать все и вся и помешать умному учителю или работнику культуры внушать политические идеи аудитории. Так как националистических пропагандистов было мало, они были плохо организованы и их уровень знаний был недостаточным, чтобы справиться с глобальной задачей идеологической обработки тридцатимиллионного населения, то весьма важно было получить доступ к средствам массовой коммуникации, контролируемым отделами пропаганды муниципальной администрации.

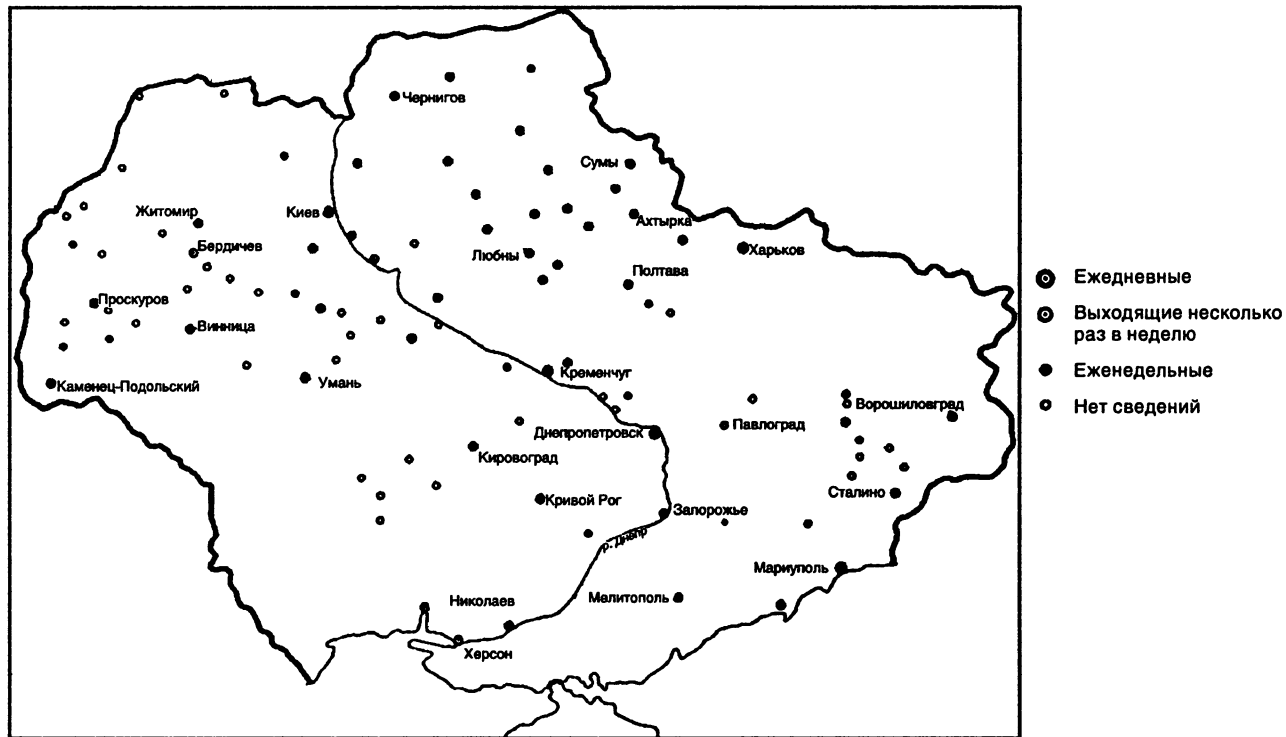
Основная деятельность отдела пропаганды любой украинской муниципальной администрации при немецкой оккупации сосредоточивалась вокруг местной газеты, а другие медиаресурсы типа радио и кино полностью контролировались немцами. Стоит особого упоминания журналистская деятельность на востоке Украины, ибо без этого невозможно дать полную картину о националистической деятельности в этом регионе. Газет не только стало много, но они были символом авторитетного мнения для людей, привыкших рассматривать заявления в советской прессе как политические откровения, не подлежащие сомнению⁵⁷.

Как бы ни опасались германские власти существования украинской печати, им было абсолютно необходимо разрешать ее и поддерживать ради собственных целей. При администрации вермахта, особенно в первые дни, проводилась довольно мягкая политика, на что указывает существование идеологически независимой газеты «Укра-

инське слово» в Житомире и Киеве. Общий свод правил запрещал применять термин «Украина», обозначающий государство, но не территориальное понятие, требовал позиционировать Германию как «защитника» Украины, но не как «союзника», и рассматривать вермахт как «спасителя», но не как «оккупанта»⁵⁸. При армейском контроле газеты стали выходить в десятках городов, включая все важные города востока Украины, хотя по крайней мере в одном из них (Полтаве) создание газеты было значительно задержано из-за нежелания кого-либо из офицеров нести ответственность за цензуру⁵⁹. Одной из причин такого либерализма вермахта было желание воздействовать на многочисленных дезертиров, которые, убоявшись подчинения немецким властям, могли бы присоединиться к красным партизанам. Поэтому газеты были созданы и в болотистых и лесистых районах, даже в маленьких городах вроде Овруча, Олевска и Щорса. Сектор пропаганды самого вермахта играл главную роль в создании газет и даже предложил редакциям в Житомире, Киеве, Полтаве и Харькове услуги знающего и сравнительно независимого журналиста из Галиции Петра Сагайдачного.

Однако, как было ранее отмечено, ведущую роль в создании газет в Житомире и Киеве сыграла ОУН-М, как и в ряде более мелких городов. В Харькове, Днепропетровске и Кривом Роге, однако, инициативу брали на себя люди, работавшие журналистами при советской власти. В Кривом Роге Михаил Пронченко, писатель и поэт, который был заключен в тюрьму советским режимом, но позже работал в местной коммунистической газете, после ухода Красной армии на базе прежней газеты при помощи других молодых людей начал издавать газету под названием «Дзвін»⁶⁰. В Харькове бывший сотрудник редакции газеты «Соціалістична Харківщина» сразу предложил немцам издавать газету под названием «Новый час»⁶¹. Прошло несколько недель, прежде чем газета стала выходить. Она получила название «Нова Україна», и в редакции работало много мельниковцев. Главный редактор и большинство его подчиненных были, однако, местными лицами, не связанными с ОУН. В ряде населенных пунктов помогали местным создавать газеты и бандеровские активисты.

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, ИМЕВШИЕ УКРАИНСКИЕ ГАЗЕТЫ В 1941—1943 гг.

После того как рейхскомиссариат установил контроль над большей частью Восточной Украины, он изменил политику; откровенно националистические органы печати были закрыты, их редакции расстреляны. Даже официальная политика рейхскомиссариата, которую одобрял остминистерииум, предусматривала, что все вопросы, касающиеся газет на местном языке, должны быть переданы отделу по вопросам прессы и пропаганды рейхскомиссариата. Газеты должны были выдавать минимум новостей, предотвращая информационный голод населения, а основывать их разрешалось в районах, где были «политически приемлемые» журналисты и адекватные механизмы цензуры⁶². Однако, как показывает даже эта директива, украинская пресса была нужна, чтобы доводить до сведения населения приказы, опровергать слухи и рекламировать немногие положительные проявления немецкого администрирования. Так как среди немецкого персонала мало кто умел писать по-украински, приходилось привлекать местных жителей, хотя просьбы о создании газет часто отвергались, когда немцы понимали, что бремя цензуры, которое им придется нести, перевешивает возможные достоинства пропаганды или администрирования.

Хотя газета являлась органом националистического влияния, ее возможности распространять националистическую идеологию были ограничены. Имелось несколько ежедневных газет, но огромное большинство выходило куда реже, как показывает следующая таблица восточно-украинских газет⁶³:

Газеты, выходившие:	
ежедневно	5
три раза в неделю	18
два раза в неделю	25
еженедельно	9
нет сведений	41
<hr/>	
Итого	98

Кроме того, ни одна не выходила более чем на четырех полосах, а огромное большинство — лишь на одной полосе (напечатанной на обратной стороне советских плака-

тов и т. п.). Эти ограничения объяснялись прежде всего острым дефицитом бумаги, особенно на юге. «Нова Украина» в Харькове была вынуждена уменьшить ежедневный тираж с 50 тысяч до 25 тысяч⁶⁴; поначалу ежедневная, «Мариупильска газета» стала выходить три раза в неделю; одну газету в генеральбецирке «Таврида» пришлось выпускать по одному экземпляру каждого номера для каждой общины в области, а не для отдельных лиц⁶⁵.

Если бы редактор мог полностью использовать возможности газеты, он вряд ли представил бы весь широкий диапазон политических мнений. Большая часть, обычно первая полоса, была отведена «новостям», главным образом военным, или материалам, доказывающим превосходство арийской нации над остальными⁶⁶, блок материалов состоял из объявлений и распоряжений германской администрации. Редакторы часто были обязаны подписывать статьи, подготовленные германскими пропагандистами, подчеркивавшими какие-нибудь (обычно фиктивные) радости работы в Германии, или статьи, посвященные быстрой реализации программы распределения земли. Было также значительное число статей наставительного порядка, которые «учили» украинцев, например, технике ведения сельского хозяйства, в чем, по мнению немцев, украинцы отставали от европейцев; эти статьи часто являлись переводами немецкой прессы. Разрешалось ставить некоторое количество материалов, описывающих деятельность украинских органов — местных администраций, церкви, культурные мероприятия; такого рода статьи вычитывались цензорами с целью исключить возможную политическую пропаганду. Количество статей по истории, литературе и другим аспектам культуры было ограниченным.

Эти ограничения напоминают смирительную рубашку, надетую на редактора. Почти все, кто активно занимался журналистикой в то время, признают, что имелись несколько точек, в которых эта рубашка сильно вытягивалась, и это оправдывало усилия использовать газету как средство выхода националистических чувств. Немногие литературные статьи разрешались, в то время как лишённые открытого политического содержания газетные ста-

ты могли использоваться в некоторой степени для того, чтобы подчеркнуть темы, основополагающие для формирования национальной гордости — например о благородстве украинской литературы, самостоятельном развитии украинской и российской историй, о ценности украинских народных обычаев. Статьи, направленные против коммунистов или евреев, могли содержать скрытые выпады против Москвы и русских; иногда степень ксенофобии таких статей была чудовищно высока. Даже заметки, посвященные украинской деятельности, приветствовались националистами, так как предлагали вниманию публики обзор национальной жизни, запрещенный при советской власти. Значительное число таких статей оказалось выбрано для перепечатки в относительно свободной западноукраинской и эмигрантской печати (хотя, конечно, статьи, написанные в тех условиях, были далеко не репрезентативными), поэтому барьер цензуры был преодолим: обеспечить достаточное количество бдительных и надежных цензоров для такого числа печатных органов было сложно.

Газеты, хоть и в ограниченной степени, могли использоваться для националистической пропаганды, но, поскольку они редактировались националистами, население относилось с неприязнью к националистическому делу, считая печатные издания орудием немцев. Коммунистическая пропаганда — и бандеровская, после того как активистов ОУН-Б изгнали с редакторских постов, — неплохо сыграла на этом. Самые смелые редакторы-националисты пытались нивелировать обвинение в обслуживании немецких интересов, делая выпады против немцев, используя эзопов язык, которому субъекты советской империи были вынуждены учиться. Так, один редактор, когда ему было приказано написать статью, прославляющую программу «Остарбайтер», описал роскошные вагоны-рестораны в поездах, идущих в Германию; мало кто из украинцев, видевших, что людей отправляют на работы в жалких вагонах для перевозки скота, не уловил иронии⁶⁷. Но немногие редакторы использовали столь опасную тактику.

Единственные газеты, которыми управляли прорусские элементы (кроме русскоязычных газет), были «Нове

украинське слово», «Днепропетровська газета» и, возможно, еще одна или две газеты на украинском языке в Донбассе. Множество газет в этом регионе и несколько газет на юго-западе Украины находились под влиянием бандеровских агентов, хотя редактировались местными людьми и поддерживали видимость независимости от немецкого контроля. Важными газетами в Виннице и Проскурове руководили редакторы из ОУН-М, которым, однако, приходилось проявлять крайнюю осторожность, чтобы избежать ареста. Некоторые газеты, подобно тем, что издавались в районе к северо-западу от Полтавы и возглавлял которые молодой житель Миргорода Михайло Воскобийник, делали все, что могли, для распространения националистических идей, хотя другие газеты в том же самом районе были под пятой немцев⁶⁸.

Можно с уверенностью утверждать, что большинство редакторов хотели бы печатать материалы на националистические темы и делали это, пока не начались репрессии. Угроза репрессий побудила большинство редакторов отказаться от независимой журналистики и по-рабски обслуживать в печати интересы немцев. Некоторые руководители газет ссылались на наследие репрессивного советского режима, ибо западные украинцы в подобной ситуации старались быть инициативнее, даже подвергаясь большому риску⁶⁹. Это, вероятно, объяснялось и тем, что редакторам не хватало журналистского опыта, поскольку многие из них ранее были учителями или имели другие профессии. Журналистов, прежде работавших в советской печати, подозревали в готовности создавать антигерманские материалы, что заставляло их проявлять особенную осторожность⁷⁰. В целом восточные украинцы, когда были лишены националистической поддержки, представляли собой слабых журналистов. За исключением некоторых⁷¹, они не соответствовали западноукраинским стандартам или стандартам ветеранов республиканского периода наподобие Мыколы Стасюка («Мариупильська газета»). Как будет показано дальше, административные кадры также, как правило, привлекались из среды интеллигенции (вузовской или учительской) и не имели достаточной подготовки, чтобы решать поставленные перед

ними задачи. Они демонстрировали преданность делу независимости и национализма, поскольку советский режим одобрял инициативу местных административных органов, если дело не касалось политических вопросов, в то время как газетные редакции были обязаны публиковать материалы в духе политики коммунистической партии и находились под неусыпным контролем. Многие инициативные люди, должно быть, считали, что лучше заниматься далеким от политики делом, чем становиться рупором репрессивного режима. Более полная характеристика восточнукраинского интеллектуала будет представлена в следующей главе.

Примечания

¹ Интервью 66.

² Интервью 65.

³ *Deutsche Bug-Zeitung*, December 2, 1942; Волинь. 1943. 25 февраля. С. 4.

⁴ *Краківські вісті*. 1942. 25 февраля. С. 3.

⁵ После того как была арестована группа «Українське слово», отделу культуры киевской городской администрации было приказано убрать все трезубцы и украинские флаги; см.: *Юрко Степовий*. Син Закарпаття: Українське революційне підпілля в Києві, 1941—1942. Мюнхен, 1947. С. 11. В Днепропетровске последовали санкции против городской администрации; в верхней части первой полосы городской газеты «Вільна Україна» был снят трезубец, а сама газета стала называться «Днепропетровська газета» (интервью 77).

⁶ *Леонтій Форостівський*. Київ під ворожими окупаціями. Буэнос-Айрес: Mykola Denysiuk, 1952. С. 50.

⁷ Газета «Львівські вісті» (23—24 мая 1943 г., с. 2) цитирует городского голову Семененко, который сообщает, что бюджет в течение последнего квартала 1942 года составлял 50 миллионов карбованцев (10 к. = 1 RM = \$ 40).

⁸ PS 192.

⁹ *Українська дійсність*. 1942. 10 мая. С. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ В Каменец-Подольском и Полтаве.

¹² О юридической системе в рейхскомиссариате см. *Nicholas Laskovskyi «Practicing Law in the Occupied Ukraine»*. *American Slavic and East European Review*, XI (апрель 1952). С. 124 и далее.

¹³ Интервью 1.

¹⁴ Интервью 1, 18.

¹⁵ Л. Дніпрова, статья в газете «Українське слово» (Париж), 1950 г., 18 июня, с. 3.

¹⁶ Интервью 1, 18.

¹⁷ Известно, что украинская полиция в Киеве, когда ей было приказано набрать заложников после взрывов, организованных коммунистическими агентами в Киеве осенью 1941 года, хватала только русских, десятки из которых были тогда расстреляны (интервью 19, 59). Однако немецкий приказ предписывал, что в качестве заложников нужно брать именно русских (приказ, который издал Befehlshaber des Rückwärtigen Heeresgebiets Süd, 1941. 16 августа. NOKW 1691; далее NOKW 1691).

¹⁸ Українська дійсність. 1942. 10 мая. С. 1.

¹⁹ Там же.

²⁰ Интервью 19, 71.

²¹ Нове українське слово. 1943. 19 сентября. С. 4—5; см. также: Волинь. 1943. 28 января. С. 3.

²² *Таркович*. Краківські вісті. 1942. 8 февраля. С. 4.

²³ Детальный обзор сложной кооперативной системы, развернутой на Украине до 1917 года, см. Eugene M. Kayden and Alexis N. Antsiferov, *The Cooperative Movement in Russia During the War* (New Haven: Yale University Press, 1929), том *Economic and Social History of the World War*, ed. James T. Shotwell, Russian Series, compiled for the Carnegie Endowment for International Peace, Division on Economics and History. Кооперативы были гораздо успешнее на Украине, чем в большинстве других густо населенных пунктов Российской империи (Там же. С. 40, 41, 266—269, 357), и служили как развитию образования, так и экономики. Харьков был главным кооперативным центром на Украине, следует добавить, в значительной степени независимым от российских центров.

²⁴ Интервью 73.

²⁵ Alexander Baikov, *The Development of the Soviet Economic System* (New York: Cambridge University Press, 1946), p. 253; Arthur C. Arnold, *Banks, Credit, and Money in Soviet Russia* (New York: Columbia University Press, 1937), p. 477.

²⁶ Краківські вісті. 1942. 4 февраля. С. 3.

²⁷ Там же. 24 февраля. С. 2.

²⁸ Там же. 5 февраля. С. 2.

²⁹ Там же. 10 февраля. С. 4. Ср. Baikov, *Development of the Soviet Economic System*, p. 86, и Arnold, *Banks... in Soviet Russia*, p. 477, о предыстории этого банка.

³⁰ Краківські вісті. 1942. 4 февраля. С. 3. См. также Otto Bräutigam, *Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges* (Tübingen: Studien des Instituts für Besatzungsfragen, No. 3, январь 1954, на mimeографе).

³¹ *Deutsche Ukraine Zeitung*. 1942. 11 июля. С. 3.

³² ОУН у війні, інформаційна секція ОУН (УНР). 1946. Апрель. С. 75.

³³ Там же; *Енциклопедія українознавства*. Володымыр Кубийович и Зенон Кузеля. Мюнхен: Наукове товариство ім. Шевченка, 1949. С. 585.

³⁴ Розенберг Гитлеру, 1942, 11 августа. PS 42 (далее PS 42); PS 1198.

³⁵ Например, в Бердичеве (Наступ. 1941. 20 сентября. С. 3, цитируется «Нова Доба» [Бердичев] за 1 сентября), Житомире (*Єфременко. Краківські вісті*. 1941. 1 ноября) и Белой Церкви (*Natsionalist*, 1941. 20 декабря. Р. 2).

³⁶ Осс Е-4 (1); *Українська дійсність*. 1942. 10 октября. С. 1.

³⁷ См. главу 5.

³⁸ В одном Киеве было пятьдесят начальных школ, которые посещали 17 000 учеников (*Краківські вісті*. 1942. 11 апреля. С. 2).

³⁹ *Таркович*. *Краківські вісті*. 1942. 12 июля. С. 4; *М. Приходько*. *Краківські вісті*. 1942. 12 июля. С. 3—4; *Краківські вісті*. 1943. 27 января. С. 4, цитируется Д. Ніценко, «Нова Україна» (Харьков).

⁴⁰ *Приходько*. *Краківські вісті*. 1942. 5 июня. С. 3—4.

⁴¹ *Дружинник*. *Краківські вісті*. 1941. 10 октября. С. 2.

⁴² *Зиновій Матла*. Південна похідна група. Munich: Tsitsero, 1952. С. 28.

⁴³ *Краківські вісті*. 1942. 29 сентября. С. 2; 1941. 15 ноября. С. 2, и 1941. 18 ноября. С. 3 (ссылка на статью в газете «Дзвін», Кривой Рог, сентябрь 1941 г.).

⁴⁴ Ср. *Наступ*. 1943. 26 сентября. С. 3 (перепечатка из газеты «Вінницькі вісті», 29 августа 1943 г.) об уничтожении «Просвиты» и его персонала в Харькове в течение временного занятия Харькова в феврале—марте 1943 года.

⁴⁵ MS E; PS 3943, 22 мая 1942 г.

⁴⁶ Допрос Штепы, CXLVa 78.

⁴⁷ *Українська дійсність*. 1941. 15 сентября. С. 1 (из газеты «Українське слово» [Житомир]. 1941. 3 августа).

⁴⁸ *Краківські вісті*. 1941. 3 августа. С. 4 (на основе интервью с Федором Пипой, черниговским редактором).

⁴⁹ Ср.: *Таркович*. *Краківські вісті*. 1942. 15 июля. С. 3.

⁵⁰ Его пьеса «Триумф прокуратора Дальшия» представляла собой драму, посвященную украинскому националистическому движению при советской власти (ОУН у війні. С. 74).

⁵¹ Ср. Середнополецкий, *Краківські вісті*. 1942. 24 февраля. С. 2, об организации, работавших в Доме национальной (выше у автора — народной. — *Примеч. пер.*) культуры. Эрих Кох в своем письме Розенбергу от 16 марта 1943 г. (PS 192) жаловался, что вермахт разрешил харьковской «Просвите» стать своего рода национальным правительством, а ее роль в политике и культуре подтверждается интервью 73.

⁵² *Наступ*. 1943. 26 сентября. С. 3, на основе интервью с ведущим членом харьковской «Просвиты» профессором П. Петренко; *Вінницькі вісті*. 1943. 29 августа.

⁵³ *Краківські вісті*. 1943. 10 февраля. С. 2.

⁵⁴ См., например, Євген Стахів (Є. Павлюк) «Боротьба українського народу на східно-українських землях, 1941—1944: Спомини очевидця і учасника» («Календар Провидіння на 1947 рік. Стоваришення українських католиків в Америці» — Philadelphia: Amerika), с. 40. В работе указывается, что членам ОУН-Б было необходимо отойти от «Просвиты», любительских групп и т. д., так как они (после

образования рейхскомиссариата) были лишь орудием немцев и националистическое участие в них давало бы козыри в руки коммунистической пропаганды, которая представляла ОУН как германскую агентуру. Однако подпольный «Бюллетень» (№ 4, цитировавшийся выше) призывал ОУН-Б к более деятельному участию во всех областях украинской жизни и критиковал тех, кто осуждает деятельность, не имевшую строго террористического, революционного характера: «Просвитанство». Ср. Лев Шанковський. «Похідні групи ОУН» (Мюнхен: Видавництво «Український самостійник», 1958), с. 135. Автор заявляет, что члены ОУН-Б избегали «Просвиты» только потому, что считали, будто работа в ней не позволяет находиться в подполье.

⁵⁵ Интервью 61.

⁵⁶ Интервью 57, 73.

⁵⁷ Доступной информации, касающейся работы газет, больше по сравнению с другими политически существенными аспектам деятельности на востоке Украины. О военном времени писали в основном журналисты, естественно, что они уделяли значительное внимание этой сфере деятельности. Кроме того, западноукраинские газеты, изданные в течение того же периода и являющиеся основным источником материалов по Восточной Украине, также весьма интересовались журналистской деятельностью. Вряд ли реальное значение этих газет было столь же велико, сколь и уделяемое им внимание. Однако через газеты распространялись идеи национализма и отражались национальные настроения.

⁵⁸ PS 053.

⁵⁹ USSR Exhibit 278; Начальник СП и СД. В сообщениях от Einsatzgruppen и Kommandos, 4 февраля 1942 г., с. 8, подчеркивается, что промельниковские элементы преобладают в провинциальных газетах, даже используют типографское оборудование для печати нелегальных брошюр.

⁶⁰ Краківські вісті. 1941. 15 ноября. С. 3; интервью 7.

⁶¹ Аркадій Любченко. Щоденник. Т. I. М. Дмитренко. Торонто: Нові Дні, 1951. С. 7—9.

⁶² PS 702.

⁶³ Данные набраны из многочисленных источников. Вероятно, газеты, о которых нет сведений, выходили редко.

⁶⁴ Краківські вісті. 1942. 21 августа. С. 3.

⁶⁵ PS 1693.

⁶⁶ За исключением нескольких выпусков киевских «Українське слово» и «Нове українське слово», экземпляры этих восточноукраинских газет исчезли, так что их полный анализ провести невозможно. Их исчезновение объясняется поспешной эвакуацией с Украины германских войск, опасениями людей, бежавших на Запад, что немецкая газета может навлечь на них беды, попадись они с ней представителям советской власти, и прежде всего отчаянной нуждой в бумаге любого рода для обычных домашних нужд. Обширная, но никак не полная подборка была собрана Институтом изучения украинского освободительного движения в Праге, а также не-

которыми эмигрантскими газетами. Первое собрание, однако, осталось после окончания войны в чехословацкой столице и в конечном итоге попало к советским властям после коммунистического переворота (интервью 30). Материал этой главы почти полностью основан на послевоенной информации, полученной из многочисленных описаний восточнукраинских газет и перепечаток статей из них западноукраинской эмигрантской прессой.

⁶⁷ Интервью 3.

⁶⁸ Интервью 47.

⁶⁹ Это было признано одним восточнукраинцем в газете «Український вісник» в статье, где он остро критикует сотрудников редакций, которые продолжают в журналистике советскую традицию раболепного подчинения власти настолько, что в некоторых случаях сами немцы вынуждены убеждать их проявлять большую инициативу (22 марта 1945 г., с. 1).

⁷⁰ Одной из причин увольнения Пронченко с поста редактора газеты «Дзвін» было обвинение в том, что он написал антигитлеровскую статью, напечатанную в советской газете (*Юрій Семенко. Пам'яті Михаїла Пронченка // Нові дні. 1953. Апрель. С. 10—13*). Любченко опасался, что подобное обвинение может быть выдвинуто против него, и написал, что Штепа запретил ему принимать лиц, работавших в советской печати, в газету «Нове українське слово», хотя это, возможно, было выдумано, чтобы не брать на работу националистических авторов (*Любченко. Щоденник. С. 26, 64*).

⁷¹ Это были Воскобийнык, Грыненко (Житомир) и множество авторов в Харькове, так же как упомянутые ранее основатели газет, хотя их карьеры, как правило, длились несколько недель.

Глава 10

НАЦИОНАЛИЗМ И ВОСТОЧНОУКРАИНСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Изучение роли украинских националистических групп в административной и образовательной жизни показало, что при немецкой оккупации они активно действовали в городах и играли важную роль в развитии националистических движений на востоке Украины. Высокоразвитые образовательные системы города были первоочередными целями националистических активистов, а сами города служили центрами, из которых националисты стремились направлять культурную деятельность и контролировать прессу, чтобы получить народную поддержку. Акцент на городской деятельности обусловлен историей развития национализма и на востоке и на западе Украины. Так как сельские районы были украинскими по языковым и культурным признакам, многие считали, что нет необходимости срочно культивировать там националистические настроения. Насколько разумным было данное соображение, мы увидим чуть позже.

Во время Второй мировой войны националистические группировки основную часть ресурсов направляли в восточноукраинские города, где было необходимо начинать строительство национальной жизни почти с нуля. Многие свидетельства националистических украинцев показывают, что существовало господство русского языка и традиций в городах Восточной Украины во время войны¹: огромное число горожан были русифицированными украинцами. Националистические лидеры не без оснований полагали, что не может существовать никакой надежной

базы для их программ, пока местные органы страны представляют собой островки чуждой культуры.

В городской группе населения националистические идеи были восприняты представителями одного социального слоя. Националистические движения во всем мире обычно находили поддержку среднего класса. Поскольку же не существовало никакого хоть сколько значимого восточноукраинского капиталистического среднего класса до 1920 года, а потом в советских условиях не было возможности для его возникновения, не считая какого-то количества торговцев, занимавшихся сомнительным бизнесом при НЭПе, коммерческий класс отсутствовал. Системой государственной торговли в значительной степени заправляли евреи и другие неукраинские элементы². Недостатки этой системы и неприятные воспоминания о приемах нэпманского бизнеса — «ухватил и сбежал» — создали непривлекательный образ частного бизнесмена в умах большинства восточных украинцев³. Хотя при немецкой оккупации некоторые представители городской администрации в какой-то мере поощряли частное предпринимательство, основными факторами производства и распределения, если ужасные экономические условия позволяли существовать какому-либо предпринимательству, были общественные и кооперативные предприятия. Развития среднего класса по традиционной западной модели не случилось.

Фактически на Украине, как и во многих странах, где существовали националистические движения, ведущую роль в деле национализма играли другие представители среднего класса: интеллектуалы, квалифицированные чиновники, а также студенчество. Эти четыре категории вместе с теми, кого на Западе называли клерками, технический или даже обслуживающий персонал, согласно советской классификации были объявлены «интеллигенцией» — то есть все, чья работа не требовала в большой мере физического труда⁴. Однако в лидеры националистических движений вышли интеллектуалы, у них была академическая или литературная профессия.

Это важное заявление требует некоторого доказательств, которое трудно предоставить из-за отсутствия ста-

тики, что не позволяет подобрать материал. Однако крайне высокий процент лиц с высшим или средним образованием, занятых в киевской городской и районной администрации в 1942 году⁵, является косвенным доказательством превосходства интеллектуалов, хотя следует учитывать заявления хорошо информированных участников событий того времени, что эта и другая администрация, как и редакции газет, служили прибежищем интеллектуалов, лишенных привычных занятий⁶. Кроме того, националистические группы, оуновские или местные, старались поддерживать учителей и писателей, это доказывает, что сотрудничали они с представителями именно этих слоев населения. Например, мельниковские активисты в Киеве зимой 1941/42 года прилагали особые усилия, чтобы обеспечить учителям работу в кооперативах и дать им возможность избежать принудительных работ по восстановлению мостов⁷. Сильная восточнукраинская националистическая группа в Харькове использовала «Просвиту» для организации помощи работникам просвещения⁸. Кроме того, способность националистических элементов существовать в системе образования, когда другие отделы администраций стали недоступны, показывает, что сотрудники этих секторов администрации были националистами. Нельзя делать обобщающий вывод исключительно на основе случаев, известных автору этого труда, их слишком мало, а подобрать дополнительный материал невозможно. Можно отметить, однако, что приблизительно три пятых из шестидесяти видных восточнукраинских деятелей националистического движения, чья профессиональная подготовка хорошо известна, были или преподавателями в высших учебных заведениях, или учителями, или журналистами, или авторами. Имена самых высоких деятелей можно привести в качестве примера. Все три головы оккупированного Киева были педагогами. Руководителем областной администрации в Днепропетровске, организованной с помощью ОУН-Б, был декан электротехнического факультета университета; позже сотрудник медицинского факультета этого университета играл ведущую роль в организации национального совета ОУН-М⁹. Огромное большинство харьковской группы, включая всех главных

организаторов «Просвиты», и по меньшей мере двое из «Экзекутивы» ОУН-М были университетскими профессорами, как и редакторы националистических газет в городе Сталино и Ворошиловграде (Луганске)¹⁰. Среди новых автокефальных епископов единственным восточноукраинским епископом, кто не имел клерикального прошлого, был профессор Гаевський, также из системы образования. Писатели, хоть и менее значительные, тоже играли важную роль. Аркадий Любченко, возможно, наиболее известный из всех, кто присоединился к ОУН, уже упоминался. Большинство националистических редакторов являлись опытными авторами, хотя, как в случае с поэтом Пронченко из Кривого Рога, они, похоже, более успешно проявили себя в беллетристике, чем как профессиональные репортеры или редакционные работники.

Высокий процент лидеров националистического движения составляли бывшие работники образования и писатели, что вполне объяснимо. «Национальные коммунисты» — комиссары просвещения, такие как Шумской и Скрипник, в течение предшествующих десяти лет приложили немало усилий для создания национальной культуры. Очевидно, даже неоднократные коммунистические чистки полностью не смогли помешать проникновению националистических идей в систему просвещения и образования. И Скрипника и других коммунистов того периода авторы военных лет провозгласили защитниками украинской «национальной идеи»¹¹; получил формальное признание план Скрипника создать комиссию, занимающуюся орфографией, чтобы публикации на украинском языке соответствовали определенным стандартам. Следует заметить, однако, что прямые контакты между националистическими лидерами военного времени и группой Скрипника были крайне редки. Кроме того, русофильские лидеры были также в основном интеллектуалами¹². Напрашивается вывод: интеллектуалы (в западном смысле этого слова) были наиболее недовольной социальной группой советского общества, способной к лидерству. Значительная часть тех, кто активно занимался националистической деятельностью при немецкой оккупации, имела основания для недовольства советской властью —

из-за того ли, что эти люди были лишены интеллектуальной работы, или потому, что отбыли заключение за антисоветскую деятельность. Они четко видели историческую перспективу и быстро действовали в новой ситуации.

Вторая наиболее важная группа состояла из инженеров и других технических специалистов — например, по сельскому хозяйству и химии. Несколько из них были тесно связаны с академической жизнью. Другие, похоже, в прошлом являлись управленцами советских промышленных предприятий. В большом металлургическом центре Кривом Роге молодые люди, преимущественно инженеры, занялись восстановлением городской жизни вскоре после ухода советских войск¹³. Один из них стал городским головой, активно занимался националистической деятельностью, будучи, по-видимому, связан с ОУН-Б, в результате чего был расстрелян немцами¹⁴. Наиболее активным местным деятелем ОУН-М в Киеве, возглавлявшим организацию после того, как западноукраинским и эмигрантским лидерам пришлось уехать, был инженер. Однако инженеры в основном занимались восстановлением материальных ценностей, чем политикой, и их роль в националистическом движении была не столь существенна, как роль инженеров за границей и в Галиции.

В националистическом движении преобладали интеллектуалы и технические специалисты, их деятельность имела определенный характер. Недостаток подготовленных людей препятствовал нормализации городской жизни. Хотя материальные аспекты городской жизни оставались такими, как и следовало ожидать в условиях разрушений, дефицита и установленных немцами ограничений любой самостоятельной деятельности, работа административных служб была, мягко говоря, неэффективной. И это было одной из главных причин падения режима ОУН-М в Киеве — то ли наиболее серьезные недостатки организации состояли в протекционизме и участии должностных лиц в спекуляции, то ли отсутствие связи с обществом и невыполнение приказов являлись главными недостатками. Националистический пыл, энтузиазм, владение литературным украинским не могли заменить организаторских и управленческих навыков.

Но это были именно те качества, которые интеллектуалы, лишенные возможности участвовать в общественной жизни, когда они были украинскими деятелями советской системы образования, подозревавшимися в принадлежности к группе Скрипника, и не могли приобрести. Они приложили немало усилий, чтобы украинство, язык и история, стало более популярно, но не могли эмоциональные и теоретические аспекты национализма заставить работать на практике, когда появлялась возможность действовать. Нельзя сказать, что интеллектуалы в борьбе за националистические идеи из-за угрозы германского террора проявляли меньше смелости, чем другие; многие лишились жизни, хотя, как и некоторые упоминавшиеся уже редакторы из малых городов, иные лишь послушно работали на оккупантов. Однако кажется, что люди, склонные подходить к работе в администрации без эмоций, успешнее уклонялись от выполнения немецких требований.

Поражает, что в административной работе ни на одном из ее уровней не были задействованы юристы. Скорее всего, объяснение заключается в следующем: адвокатов из некоммунистической среды на Украине было крайне мало. Согласно конфиденциальному сообщению вермахта, трудности, с которыми столкнулись немцы, когда пытались запустить судебную систему¹⁵, обусловлены отсутствием адвокатов, а одно сообщение с Украины отмечает, что из 250 адвокатов в Харьковской области при советской власти только тридцать пять не были евреями¹⁶. Несмотря на явную антисемитскую окраску данного сообщения, все же представляется достоверным, что огромное большинство профессиональной группы, которая была весьма малочисленной (в редком западном городе можно найти лишь одного адвоката на 4 тысячи населения!), в значительной степени составляли неукраинцы.

Видных украинцев юристов было мало, и никто из них не мог работать по специальности на протяжении многих лет. Александр Семененко, голова Харькова, получил образование адвоката при царском режиме и какое-то время занимался юридической практикой в ранние годы коммунистического правления. В тридцатых, однако, он был за-

ключен в тюрьму на несколько лет и сбежал от НКВД, когда германские войска заняли город¹⁷. Владимир Доленко, который вместе с профессором Дубровским был основным организатором сильной националистической группы в Харькове, также работал адвокатом при старом режиме и тоже был отстранен коммунистами от ведения практики¹⁸. Александр Яценюк, голова житомирской областной администрации, судья при Николае II, при советской власти мог проявить себя лишь как преподаватель вуза¹⁹. В его администрации было много юристов.

Украинские националистические движения страдали из-за нехватки подготовленных законоведов. Неудачная попытка создать кодифицированный набор принципов юридической или административной природы, частые произвольные действия на основе скорее партизанского порыва, чем на объективно определяемых оценках при определении позиции по какому-либо вопросу, часто проявляемая тенденция занимать крайне националистическую позицию, а затем и ужесточать ее вряд ли имело бы место при наличии более прочной юридической традиции. Возможно, администрация в Житомире и Харькове была сравнительно терпима к группам меньшинств и их деятельность не вызвала у русофильских элементов столь полного неприятия, как деятельность администрации в Киеве. Действительно, как уже говорилось, житомирская администрация в 1941 году предоставила два видных поста поляку и русскому, работавших, очевидно, в согласии с другими должностными лицами, а харьковская националистическая группа во время оккупации привлекла на свою сторону по крайней мере одного русского по происхождению из профессорско-преподавательского состава. Эти группы смогли избежать немецкого разгрома, несмотря на преследования, возможно, потому, что их действия были не столь насильственного характера, чтобы вызвать общественный протест, который служил оправданием при разгроме киевской группы.

На ответственных постах администраторов с опытом работы не хватало еще больше, чем адвокатов. Этот дефицит объясняется тем, что ранее высокие управленческие должности занимали лишь ярые коммунисты. Бывшие

советские должностные лица высокого ранга типа председателей горсоветов часто организовывали подпольные диверсии на немецких объектах или возглавляли коммунистические партизанские отряды, но огромная часть руководителей, несомненно, отступила вместе с Красной армией. Да и в любом случае высокопоставленному деятелю советского режима было бы трудно присоединиться к националистическому делу, так как его вскоре, вероятно, расстреляли бы айнзатцгрупп, в чьи задачи входило уничтожение всех комиссаров. Тем не менее стоит отметить, что ни один советский военный, партийный или государственный деятель любого ранга, насколько известно автору этого труда, никогда не присоединился к украинскому националистическому движению ни через местные группы на востоке Украины, ни через лагеря военнопленных, хотя некоторые из этих групп присоединились к власовскому движению.

Западноукраинцы не могли восполнить нехватку обученных юридических и управленческих кадров на востоке Украины. Они, кажется, не видели в этом необходимости и придавали огромное значение журналистике (западноукраинцы были эффективнее в качестве редакторов, хотя их статьи были перегружены пропагандистскими идеями — ярко выраженный недостаток, ранее проявившийся в националистических тенденциях на востоке)²⁰. Они признавали, что необходимы подготовленные офицеры для командования полицейскими частями, организаторы кооперативов, коммерсанты и другой персонал для реорганизации экономической жизни²¹. Поскольку жители Галиции, в отличие от их восточнукраинских коллег, были воспитаны под влиянием традиций римского права, привитых австрийской администрацией и католической церковью, можно было надеяться, что они восполнят собой нехватку юристов. Хотя в легальных партиях Галиции было много адвокатов, среди руководителей ОУН их было меньше, чем среди видных восточных украинцев. Кроме того, тенденции революционного романтизма и уважение к незаконным действиям неизбежно препятствовали возникновению правового мышления у членов националистических фракций. В то же время, конечно, подпольная оппозиционная работа

не позволяла западноукраинским группировкам набираться опыта административной работы; старшее поколение эмигрантов, которое могло поделиться хоть минимальным опытом такого рода, немцы держали подальше от Восточной Украины. Как, однако, показывает следующая статистическая таблица данных по эмигрантской группе в протекторате «Богемия-Моравия», возможная поддержка таких кадров не была бы значительной, даже если считать достоверным указанное число лиц, которые могли бы вернуться в Восточную Украину в 1941 году²².

ЭМИГРАНТЫ В ГЕРМАНИИ

	Американская зона (Всего 85 646 человек)	Британская зона (Всего 44 987 человек)
Крестьяне	30 процентов	44 процента
Рабочие	16	21
Ремесленники	18	14
Интеллектуалы	23	8
Разные	13	13

Michael Pap, Die Probleme der ukrainischen Staatlichkeit und der Emigration, Inaugural Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde vorgelegt der Hohen Philosophischen Fakultät der Ruperts-Carola Universität zu Heidelberg, 1948. (Машинописный текст есть в Библиотеке Конгресса).

Рабочие разной квалификации	1788
Студенты	560
Лица свободных профессий (журналисты, писатели, коммерсанты, деятели искусств и др.)	313
Учителя	252
Инженеры	343
Управленцы	178
Юристы	11

По сравнению с профессиональными различиями различия возраста и пола в националистической деятельности играли незначительную роль. Имеется мало информации о деятельности женщин. Очевидно, они больше

занимались работой, связанной с социальным обеспечением; в одном из немецких сообщений указывается, что Украинскому Красному Кресту разрешили функционировать потому, что хотели найти применение энергии женщин-интеллектуалов, которые были крайне «политизированы» при советской власти²³. Некоторые женщины проделали серьезную работу на благо националистического дела: например, поэт Олена Телига возглавляла литературное общество ОУН-М в Киеве до его разгона немцами. Исследователи националистического движения сходятся во мнении, что женщины были политически менее активны, чем мужчины. Имеется слишком мало свидетельств, чтобы делать окончательные выводы, но вполне возможно, что националистические движения пренебрегли серьезной силой, которой, конечно, нашло применение коммунистическое подполье²⁴.

Видную роль в националистической работе играла молодежь. Мельника поддерживало старшее поколение, а ОУН-Б прилагала особые усилия, чтобы привлечь более молодых людей, поэтому не было никакого «конфликта поколений» из-за приверженности двум разным фракциям. Поскольку только физически активные лица были полезны на востоке, даже мельниковские активисты были по преимуществу молодыми и поэтому легче могли найти общий язык со сверстниками. Сила организаций молодежи под началом ОУН-М в Киеве и Житомире уже была описана. Другие молодые люди, конечно, считали обе националистические группировки слишком экстремистскими и создавали свои собственные центры, а третьи развивались независимо от постороннего влияния. Так, вся административная и культурная жизнь Павлограда, городка к востоку от Днепропетровска по дороге в Донбасс, была организована группой выпускников местной гимназии²⁵. Националистические настроения молодых людей, согласно сообщениям очевидцев, являлись исключительно заслугой учителя (получившего, в свою очередь, националистическое воспитание в Харьковском университете), который преподавал им, пока не был схвачен НКВД²⁶, за несколько лет до описываемых событий.

Разделение националистической молодежи востока Украины между двумя фракциями ОУН и местными группировками повторяло политические пристрастия старшего поколения. Однако только среди представителей молодежи было значительное число активных сторонников коммунистических организаций, которые присоединились к националистическим движениям²⁷. Наиболее видным из экс-комсомольцев был сын Александра Яценюка, который после чрезвычайно успешной карьеры в житомирской областной организации ОУН-М ушел в волынские леса, где под псевдонимом Волынец стал важным националистическим партизанским командиром. С другой стороны, многие молодые люди осмеливались открыто хвалить советскую власть или принимали участие в подпольной работе, при этом отвергая украинский язык и украинские традиции²⁸.

В целом отношение к националистической политической деятельности, похоже, не было одинаковым между представителями молодого и старшего поколения, в отличие от жителей Галиции. С достаточной долей уверенности можно сказать, что большинство молодежи, присоединившейся к националистам, сделало это под влиянием родителей. Другие — сыновья кулаков, священников и интеллектуалов, подвергшихся преследованиям советской власти, — держали обиду на советские порядки из-за несчастий, обрушившихся на родителей.

Старшее поколение помнило Петлюру и националистическую активность двадцатых годов, поэтому его поддержка была выгодна националистическому движению, она в какой-то мере компенсировала обращение романтического, активного движения наподобие ОУН к молодежи и желание последней перестроить жизнь по-своему. С определенной долей скепсиса можно считать, что советский режим, возможно, стал в их глазах «старым порядком», против которого обычно восстает революционная молодежь. Благодаря определенным особенностям националистическое политическое движение стало привлекательным для молодого поколения, которое равнодушно относилось к религии. Как уже указывалось, существует универсальное мнение, что молодежь на востоке Украины

относилась прохладно, даже враждебно, к церкви²⁹. На юге протестантские и диссидентские православные группы, похоже, были несколько более популярны, но не имели прямого отношения к националистическому движению³⁰.

ОУН-Б, напомним, придавала особое значение привлечению в свои ряды молодежи, так как ее молодые агитаторы были не способны заручиться поддержкой интеллигенции³¹. Есть некоторые ограниченные свидетельства, указывающие, что националистические движения привлекали более широкие профессиональные группы молодежи, а не людей старшего возраста. О роли трудящихся известно столь мало, что определенный вывод сделать трудно. Исторически рабочий класс на востоке Украины составляли русские или русифицированные элементы. Рабочий класс был также вообще более лоялен к советской системе, чем большинство представителей других социальных групп. Даже если согласиться с утверждением украинцев, что большой приток лишенных собственности крестьян и их детей в тридцатых годах привел к украинизации городского рабочего класса, нет никаких доказательств, что эти люди стали интересоваться политикой или играли какую-либо важную роль в националистической деятельности. Вероятно, зрелые люди после ухода из деревни продолжали оставаться крестьянами по мировоззрению, а другие оказались готовы усвоить взгляды интеллигенции.

Как уже отмечалось в этом труде, частое упоминание определенных фактов не всегда является доказательством их значимости, а объясняется доступностью материалов. Поскольку во многих случаях под рукой имеются только фрагментарные свидетельства, бывает трудно сформировать определенную позицию по конкретному вопросу. Этот дисбаланс в характере и масштабе свидетельств нужно учитывать и при оценке подхода к националистической деятельности города и деревни.

В городах не было никакой определенной позитивной цели, которая могла бы конкурировать с идеями националистических движений в борьбе за поддержку населения. Ужасные лишения, немецкие репрессии, программа набора остарбайтеров, страх перед коммунистическими аген-

тами были факторами, которые имели гораздо большее значение для среднего горожанина, чем любые усилия националистических движений; но общим результатом должен был быть рост пассивности и отрешенности. Крестьянство, однако, имело определенную цель, которая для большинства казалась значительнее любых перспектив национальной независимости, желательной самой по себе³². Этой трансцендентной целью было уничтожение коллективной системы сельского хозяйства и замена ее системой, в которой индивидуальная инициатива и запросы крестьян играли бы большую роль. Ранее в общих чертах упоминалась природа аграрного вопроса и путанные попытки немцев использовать себе во благо крестьянские чаяния при сохранении старой ограничительной колхозной системы для более удобной эксплуатации крестьян. Рамки данной работы не позволяют разобрать вопрос более детально. Однако абсолютно необходимо подчеркнуть ключевую природу этой проблемы, ибо не подлежит сомнению, что любое движение, предложившее благоприятное решение аграрного вопроса, завоевало бы поддержку крестьянских масс, независимо от позиции по национальному вопросу.

Внешне ситуация в сельской местности была удовлетворительной для националистов. Верно то, что некоторые крестьянские традиции истинно национального характера подверглись эрозии при советской власти. Кустарный промысел, включая производство национальных костюмов, почти исчез из-за материальных лишений и доступности фабричных изделий³³. Внешний вид деревень также изменился, и значительная часть их своеобразия была потеряна из-за разрушений кладбищ при советской власти³⁴.

В более базовом вопросе — вопросе языка — изменения не были столь значительными, хотя, по крайней мере, в некоторых регионах в обращении появилось много «городских слов» на «всесоветском», то есть русском, языке³⁵. Интеллектуальная элита относилась к языку крестьянства с пренебрежением, как к языку «Ивана да Марьи из колхоза»³⁶. Более существенно, что крестьяне, говорившие на украинском и даже испытывавшие определенную любовь к нему как к родному языку, не всегда обладали

национальным сознанием. Украинец, посетивший одну из деревень под Таганрогом в низовьях Дона, вне границ Украинской ССР, сообщал, что все жители говорили на чистом украинском и сохранили украинские нравы и обычаи, но, когда к ним обращались как к украинцам, они утверждали, что украинцы живут к западу, через границу. Националистический репортер указал, что их речь и манеры те же, что и у населения к западу от них, но ему отвечали: «Да, они наши братья», но все же упорно отрицали, что и сами они — украинцы³⁷.

Средства для пробуждения чувства национальной принадлежности среди крестьян были довольно скудны. Наиболее важным из них, несомненно, являлась церковь. В течение нескольких месяцев после изгнания коммунистов было восстановлено много сотен приходов³⁸. Несомненно, люди старшего поколения, получившие в прошлом определенное религиозное воспитание, приветствовали возрождение церкви. Стали частыми крещения и церковные браки, храмы хорошо посещались. Так как немцы запретили использовать общественные фонды на оплату жалованья духовенства, последние зависели от щедрости прихожан или от продукции со своих собственных земель. Очевидно, прихожане обеспечивали своих пастырей достаточным натуральным доходом³⁹. В большинстве регионов развивался конфликт между автокефальным и автономным духовенством. Сначала автономное духовенство (левобережное — духовенство, рукоположенное в рамках православных обрядов, в которых использовалась церковнославянская литургия) преобладало в деревнях, но по мере того, как появлялось все больше автокефальных священнослужителей и все больше священников склонялось к богослужению на украинском языке, автокефальное священство, по-видимому, завоевывало поддержку крестьянства. Как ни странно это может показаться ввиду известного консерватизма сельских жителей, живой язык был, очевидно, более необходим для богослужения на селе, чем в городе⁴⁰, и были отмечены случаи, когда крестьяне изгоняли священника, который упорствовал в использовании церковнославянского языка⁴¹.

Возможности религии стимулировать националистические чувства были ограничены. Во-первых, многие священнослужители были простыми крестьянами до принятия сана, хотя кто-то и обучался на скорых курсах. Если такой человек обладал крепким характером и здравым смыслом, как в одной из деревень Подолья, он мог совершить многое. Согласно сообщению, священник этой деревни, пользующейся огромным уважением, до посвящения в сан был местным крестьянином. Его проповеди подчеркивали важность братской любви, трудолюбия, взаимной помощи, должного воспитания детей и самообладания⁴². В целом, однако, духовенство было неспособно затронуть души многих молодых людей, воспитанных при советской власти; в некоторых деревнях молодежь даже выступала против возобновления богослужений в церковных зданиях, предпочитая, чтобы они использовались как клубы «Просвиты»⁴³.

Одной из основных организаций, через которые в деревню проникали светские национальные концепции, была «Просвита». Насколько эффективной она была, трудно сказать из-за отсутствия детальных свидетельств, но в некоторых случаях организация, по крайней мере, обеспечивала материалы для чтения и некоторые культурные контакты националистического характера. В этом отношении были особенно важны сельские учителя. Некоторые наблюдатели считают, что они выполняли благородную работу в трудных условиях, другие же утверждают, что учителям не хватало национального самосознания и они были заражены коммунистическими идеями⁴⁴.

Большая трудность заключалась в поиске лиц, достаточно образованных и восприимчивых к националистическим концепциям, способных действовать как пропагандисты. В упомянутой выше подольской деревне, например, врач, бывший офицер УНР, играл главную роль в стимулировании националистических настроений, ему очень помогали в этом его жена — деревенский фельдшер, упомянутый выше священник, четыре учителя и адвокат. Они и были в деревне «реальной интеллигенцией» — в отличие от «полуинтеллигенции», состоявшей из старосты деревни, секретаря, двух кооперативных работников, трех

колхозных директоров, трех агрономов, четырех бухгалтеров и трех счетоводов, которые не имели «единого мировоззрения» и продолжали находиться под влиянием большевистской идеологии⁴⁵. Критика низших слоев служащих, то есть советской интеллигенции, которая являлась важным сегментом сельского населения, довольно распространена в работах националистических авторов⁴⁶. В некоторой степени это может быть обусловлено недовольством, вызванным безразличием таких служащих к националистической пропаганде, или презрением к людям, желавшим называться интеллигентами из снобизма, не имея нужного образования. Частично это, похоже, обусловлено узким мировоззрением самой низкой группы советской интеллигенции, недостатком, который делал бы трудным использование таких людей в любом политическом или социальном движении, не привязанном напрямую к привычным для них рамкам мышления.

С другой стороны, в деревнях часто встречались элементы, способные к некоторой политической деятельности. Память о Петлюре все еще была жива. Некоторые отказывались верить, что он мертв, считая историю его смерти вымыслом коммунистической пропаганды⁴⁷. В одном районе председатель сельсовета и глава одного из колхозов остались при немцах и организовывали жизнь, сотрудничая с националистическими элементами⁴⁸. А в одной из деревень человек с некоторым образованием, связанный с эмигрантским министром УНР, после выражения пылких националистических чувств в частной беседе получив предложение рекомендовать его немцам на официальный пост, пришел в ужас при мысли о мести коммунистических агентов⁴⁹, которые сдерживали действия националистов в сельских районах, где защита полицейских не была такой же сильной (особенно в кишевших партизанами районах), как в городах, и где осторожные крестьяне колебались занять определенную позицию, пока не начинали верить, что советская власть больше никогда не вернется⁵⁰.

Так как организованные националистические силы были немногочисленны, они не могли заниматься прямой или непрерывной идеологической обработкой сельского

населения без прекращения серьезной идеологической работы в городах. Они должны были полагаться прежде всего на отделения «Просвиты», сельские школы и деревенскую администрацию. Когда могли, пользовались и ресурсами печати. Фактически значительная часть газет в небольших городах была ориентирована преимущественно на сельских читателей; газеты выходили крайне недостаточными тиражами⁵¹ во многих регионах, чтобы серьезно влиять на население, даже если имели националистический уклон. Издавался и центральный еженедельный журнал для сельских жителей — «Український хлібороб» — тиражом в 70 тысяч, который редактировал Евген Аркипенко, позже присоединившийся к власовскому движению⁵². Это издание ограничивалось лишь техническими статьями по сельскому хозяйству, на его страницах отсутствовали националистические материалы, но и против дела национализма оно не работало.

Безынициативные сторонники националистических движений, имевшие возможность, благодаря служебному положению, влиять на сельское население, очевидно, не очень старались, чтобы осознание принадлежности к определенной нации крестьянства обратилось в активный национализм. Несомненно, основные усилия националистов были сосредоточены на обработке городского населения. Вероятно, ввиду серьезных ограничений, вызванных недостатком времени и националистических кадров, существованием красных партизан и немецких запретов, преодолеть инертное отношение деревни к чисто политическому движению было невозможно. Однако начальная неспособность националистических групп (по крайней мере, ОУН и других западных) уяснить себе, что земельный вопрос для крестьянства является наиважнейшим и что решение вопроса поможет националистическому делу обрести поддержку сельского населения, следует расценивать как крупнейший промах того времени. Если бы националисты с самого начала направили всю энергию на разработку программы аграрных реформ и с этих позиций обращались бы к крестьянству, это, возможно, и не привело бы к образованию какой-либо реальной организации, способной противостоять новой советской оккупации, но национа-

листы могли бы привить крестьянам концепцию украинского националистического движения как заступника интересов крестьянства, что, наряду с более туманными воспоминаниями о республиканской эре, могло бы оставить неизгладимый отпечаток в умах крестьянства.

Примечания

¹ В дополнение к многочисленным уже приведенным ремаркам такого рода относительно специфических ситуаций см.: Краківські вісті. 1942. 14 мая. С. 3; 1942. 27 ноября. С. 4; 1943. 2 марта. С. 2; Т. Лякович. Краківські вісті. 1942. 17 мая. С. 3; Ю. Таркович. Краківські вісті. 1942. 12 июля. С. 3. Может показаться удивительным, что так много убежденных приверженцев националистического движения должны были признать и даже подчеркнуть неукраинский характер культуры городов, в то время как обычно националистические движения пытаются представить как можно большую часть жителей обсуждаемого региона членами их национальной группы по происхождению и самоидентификации. Следует помнить, однако, что ОУН и некоторые другие украинские националистические группировки не были демократическими по своей идеологии; настроения большей части населения в определенный период времени не имели для них большого значения. Нежелание людей идентифицировать себя иначе, притом что жили они в регионе, который националисты считали своим по «праву» истории и крови, служило дополнительным доказательством зол, принесенных советской властью и русскими вообще, и стимулом для более напряженных усилий по «исправлению» ситуации.

² Некоторые украинцы сегодня утверждают (интервью 35), что во время войны несправедливо было назначать виновниками всех зол советской системы евреев, в большинстве случаев это являлось вынужденной данью нацистскому расизму, но они же настаивают, что на Украине процветал антисемитизм, потому что в основном евреи занимались розничным распределением товаров и в условиях крайнего дефицита использовали свое положение в личных целях. Большинство евреев занимались торговлей до революции, что объясняет их численное преимущество в государственной распределительной системе. Любая значительная группа инородцев в такой ситуации вызывала бы недовольство, если не могла удовлетворить потребности потребителей, независимо от того, имело место расхищение средств или нет.

³ Интервью 65.

⁴ О дискуссии по поводу употребления этого понятия в Советском Союзе см.: *Julian Towster. Political Power in the USSR* (New York: Oxford University Press, 1948). С. 324 и далее.

⁵ См. главу 9.

⁶ См. главу 5.

⁷ *Юрко Степовий*. Син Закарпаття: українське революційне підпілля в Києві, 1941—1942 рр. Мюнхен, 1947. С. 16. Согласно одному источнику, Красный Крест в Киеве помогал не только военнопленным, но и в особой степени интеллигенции (Краківські вісті. 1942. 4 декабря. С. 2).

⁸ Наступ. 1943. 26 сентября. С. 3, ссылка на «Вінницькі вісті», 1943 г., 29 августа.

⁹ Интервью 1 и 48.

¹⁰ Интервью 66.

¹¹ *Віктор Приходько*. Краківські вісті. 1942. 18—19 января. С. 2.

¹² Хотя два их видных лидера (Богатырчук и голова Винницы) были врачами, они вели и кафедры в вузах.

¹³ Краківські вісті. 1941. 22 ноября. С. 3.

¹⁴ *Юрій Семенко*. Пам'яті Михайла Пронченка // Нові Дні. 1953. Апрель. С. 10—13; *Евген Стахів* (Е. Павлюк). Боротьба українського народу на східно-українських землях, 1941—1944: спомини очевидця і учасника // Календар провидіння на 1947 рік. Товаришення українських католиків в Америці. Филадельфия, Америка, без обозначения даты. С. 39.

¹⁵ PS 1693.

¹⁶ Краківські вісті. 1942. 1 марта. С. 4.

¹⁷ Krakauer Zeitung. 1944. 14 мая. С. 4.

¹⁸ Интервью 73.

¹⁹ *Ефременко*. Краківські вісті. 1941. 1 ноября. С. 2; репортер заявляет, что директивы городской администрации были «точными и предметными», не насыщены «романтическими формулировками».

²⁰ *Ю. Таркович*. Краківські вісті. 1941. 6 ноября. С. 2.

²¹ Там же.

²² Из регистрационных записей украинской общины в Праге, 28 сентября 1941 г. (Краківські вісті. 1941. 4 октября. С. 3). Для сравнения можно привести данные по послевоенной эмиграции (больше западно-, чем восточноукраинской, по контрасту с межвоенной эмигрантской группой):

²³ USSR Exhibit 278.

²⁴ PS 3876.

²⁵ Краківські вісті. 1942. 4 октября. С. 3; Нова Доба (Берлин). 1942. 5 июля. С. 3; Краківські вісті. 1942. 3 июля. С. 2.

²⁶ Краківські вісті. 1942. 3 июля. С. 2.

²⁷ Краківські вісті. 1941. 23 сентября. С. 2. Основано на статье из газеты «Львівські вісті».

²⁸ *Р. Сутор*. Краківські вісті. 1942. 12 августа. С. 3.

²⁹ Ср. статьи в газете «Краківські вісті», 1941 г., 12 октября, с. 3; 1942 г., 3 октября, с. 2.

³⁰ Краківські вісті. 1942. 3 октября. С. 2; PS 1693.

³¹ См. подпольную листовку ОУН-Б из Одесской области, выше упоминавшуюся в связи с работой интеллигенции на немцев. Лев Шанковський, «Похідні групи ОУН» (Мюнхен: Видавництво «Український самостійник», 1958), с. 94—101, утверждает, что ОУН-Б

оказалась способной рекрутировать значительное число рабочей молодежи.

³² Это можно увидеть и у националистических авторов; например, Ю. Таркович обращает внимания, что первым вопросом крестьян в районе между Киевом и Черниговом был: «Когда разделят землю?» (Краківські вісті. 1942. 18—19 января. С. 3).

³³ Р. Сутор. Краківські вісті. 1942. 26 июня. С. 3.

³⁴ Краківські вісті. 1942. 15 февраля. С. 4.

³⁵ Р. Сутор. Краківські вісті. 1942. 12 августа. С. 3.

³⁶ Ю. Таркович. Краківські вісті. 1942. 12 августа. С. 3.

³⁷ Краківські вісті. 1942. 22 января. С. 3.

³⁸ См. главу 11.

³⁹ PS 1693.

⁴⁰ Сообщение учителя гимназии в Полтаве (Краківські вісті. 1942. 12 апреля. С. 3); Наступ. 1942. 26 апреля. С. 2; Ю. Таркович. Краківські вісті. 1942. 25 июня. С. 2.

⁴¹ Ю. Таркович. Краківські вісті. 1942. 25 июня. С. 2. О другой интерпретации относительного успеха автокефальной группы (в Полтавской области) см.: *Friedrich Heyer. Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln-Braunsfeld: Verlagsgesellschaft Rudolf Müller, 1953. С. 209.*

⁴² Український вісник. 1943. 4 апреля. С. 6—7.

⁴³ Ю. Таркович. Краківські вісті. 1942. 18—19 января. С. 3.

⁴⁴ Ср.: Український вісник. 1943. 4 апреля. С. 6—7; Краківські вісті. 1941. 18 ноября — о положительных откликах; и *Зиновій Матла. Південна похідна група. Munich: Tsitsero, 1952. С. 28—29* — с критикой сельских учителей.

⁴⁵ Український вісник. 1943. 4 апреля. С. 6—7.

⁴⁶ Краківські вісті. 1941. 23 сентября. С. 2. Перепечатка из газеты «Львівські вісті».

⁴⁷ Р. Сутор. Краківські вісті. 1942. 13 июня. С. 4.

⁴⁸ Там же. 31 июля. С. 3.

⁴⁹ Там же. 13 июня. С. 4.

⁵⁰ Там же. 31 июля. С. 3.

⁵¹ Д. Миронович. Краківські вісті. 1942. 9 июля. С. 4.

⁵² Волинь. 1942. 17 июня. С. 4; интервью 45.

Глава 11

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА

Националистические настроения и националистическая деятельность в городах и деревнях оккупированной Восточной Украины имели разную силу, хотя различия, связанные с географией регионов, не столь заметны. Однако они помогают идентифицировать некоторые черты украинского национализма недавнего прошлого, которые показывают его историческую роль. Поскольку классовая структура в определенной степени меняется от региона к региону, национальные настроения людей в связи с этим также различны, что заслуживает внимания. Перечисление совокупности факторов, влияющих на национализм, поможет избежать впечатления, что Восточная Украина представляет собой однородную общность.

Самый северный район — Полесье — это лесной пояс, о котором уже было сказано в связи с партизанской войной. В местах к востоку от Днепра националистическая деятельность была ничтожной, потому что быстрый рост красных партизанских отрядов сделал сельские районы, которые составляют большую часть Полесья, опасными для антисоветских элементов. Однако некоторые националистические элементы, очевидно сторонники Мельника, работавшие в тесном сотрудничестве с немцами, смогли проникнуть в район, что засвидетельствовано как советскими источниками, которые клеймили «западно-украинских националистов» в сельской администрации, так и источниками ОУН-М, которые утверждают, что у

них были контакты с редакторами в Конотопе и Чернигове, крупнейших городах региона¹.

К западу от Днепра национализм был несколько более заметен. Недолговечная Олевская республика, учрежденная в 1941 году Боровцом, создала местную администрацию, состоявшую главным образом из западноволыньских националистов². Район городка Базара дальше к востоку временно контролировался сторонниками Мельника, как было сказано³. В условиях немецких репрессий националисты не могли позволить себе направить ограниченные ресурсы на сохранение завоеваний, полученных в этих сравнительно маловажных районах. К 1943 году под воздействием быстро разраставшихся операций советских партизан националистическая деятельность в Полесье к западу от Днепра, похоже, прекращается.

К югу от Полесья идет широкая полоса лесостепи. В отличие от довольно бедной серой почвы большей части Полесья это земля исключительно подходит для интенсивного сельского хозяйства, и поэтому она в течение столетий кормила сельское население Восточной Украины, плотность заселения которого была велика.

Как в случае с Полесьем, основной разделительной линией в пределах лесостепной зоны служила река Днепр. Область к западу от реки формирует сердце того, что было известно в украинской истории как Правобережье страны. Киев и окружающая местность была приобретена (так в тексте. — *Примеч. пер.*) российским царем в XVIII столетии, но большая часть региона к западу от Днепра оставалась под польским правлением до 1792 года. Территория, ближайшая к реке, имеет отношение к казачеству, но на более западных территориях, которые были включены в исторические провинции Волынь и Подолье, независимое движение казачества развернулось только на взлете правления Богдана Хмельницкого. Это означает, что крепостничество существовало там дольше и в более жесткой форме, чем в областях к югу и востоку. В то время как крестьяне были сплошь украинцами по языку и нравам, в городах было много поляков и русских и особенно высокий процент евреев, составлявших от трети до половины городского населения. Такая концентрация евреев явилась след-

ствием исторического прошлого этих территорий. Польша относилась к евреям толерантно, в то время как цари запретили им выезжать за границу оседлости, созданную на землях, приобретенных в 1973 году и позже⁴.

Поскольку Правобережье непосредственно граничило с националистическими базами в Западной Украине, было естественно, что националисты приложили большие усилия, чтобы распространить свое влияние на этот регион. Значительные усилия были сосредоточены на Киеве и Житомире. В Виннице, самом большом городе Подолья, с другой стороны, ситуация после немецкой оккупации развивалась неблагоприятно для националистов. Когда немцы заняли город, на них произвела впечатление деятельность ректора медицинского института и его владение немецким языком, который он изучил, будучи студентом в Германии, — его назначили городским головой. Смешанного русско-украинского происхождения, новый голова считал себя украинцем, но выступал за сохранение связей с Россией. В его администрацию входили и другие пророссийские элементы, в то время как винницкую областную администрацию возглавлял этнический немец, имевший, по отзывам, русофильские настроения. Полицией и газетой управляли два сторонника ОУН-М, хотя оба были людьми крайне осторожными⁵. Винница играла лишь косвенную роль в стимулировании украинского национализма; вскрытие в июне 1943 года огромных массовых захоронений жертв расстрелов НКВД в 1937—1938 годах и во время отступления 1941 года, включая, как говорят, людей, заключенных в тюрьмы за националистическую деятельность, усилило страх перед надвигающейся угрозой советского прихода.

Если Винница была главным антинационалистическим оплотом, то Проскуров, небольшой город к северо-западу от Винницы, был штаб-квартирой ОУН-М в Подолье. Там у группы Мельника был свой городской голова и начальник полиции (украинец из Закарпатья, прошедший службу в чехословацкой армии)⁶. Мельниковцы контролировали также газету «Украинський голос» — тиражом в 13 тысяч. Говорят, что этот тираж вдвое превышал тираж газеты, выходившей в Проскурове при советской власти⁷. Дальше к востоку, в районах западнее и юго-западнее Киева, влия-

ние националистов было сильным. В то время как ОУН-М размещала свой штаб в Киеве, в ряде маленьких городов создавались газеты и местная администрация — в таких как Васильков, Белая Церковь, Тарашча, Корсунь, Смела, Черкассы и Умань. Создание Национальной рады мельниковской группировкой произвело большое впечатление на интеллектуалов малых городов. Авторы и пропагандисты ОУН-М, похоже, поддерживали регулярный контакт с ними в течение нескольких месяцев 1941 года, и очевидно, что киевская газета «Українське слово» служила образцом для многих новых редакторов⁸. Под руководством националистических педагогов были открыты школы, созданы театральные группы «Просвита», активно работали кооперативы, связанные с «Вукоспилкой». По-видимому, и городской администрацией в значительной степени руководили украинцы; муниципальная власть в Умани издала строгий приказ, запрещающий использование русского языка в любом учреждении, школе или на предприятии, находящихся под ее юрисдикцией⁹.

Влияние националистов из городов распространялось и на сельские районы в области к западу от Днепра. Например, националистические газеты, такие как «Нова Доба», издававшаяся в Бердичеве, кажется, имели сравнительно широкое хождение в сельской местности. В некоторых районах проявление национализма имело местные особенности, независимые от влияния националистических партий. Звенигородка, маленький город, расположенный на расстоянии ста шестидесяти километров к югу от Киева, стал пристанищем «Свободных казаков» — националистической организации из крестьян, которые были состоятельными людьми еще во время революции. При немецкой оккупации эта группа была воссоздана некоторыми жителями, стала издавать на mimeографе свою газету и сделалась центром местной националистической деятельности¹⁰.

Церковь, особенно в сельских районах, не во всем поддерживала украинский национализм. Автономное духо-

* Как видите, нынешним и не надо было ничего изобретать: просто позаимствовали образец у гитлеровцев и их коллаборационистов.

венство под руководством Алексея раньше других приступило к активной реорганизации религиозной жизни в этом районе. Оно создало епархии Винницы и Житомира и в течение большего периода оккупации пользовалось поддержкой влиятельного епископа Дамаскина (Малюты) Каменец-Подольского. Епархия Дамаскина включала около пяти сотен церквей со 160 священниками¹¹. Очевидно, большинство священников этой крупной церковной организации, которая была почти исключительно сосредоточена в сельских округах, не имели возражений против приверженности Дамаскина русофильской церкви. Автокефальная церковь создала собственную организацию, поставив епископа в Житомире, а также энергичного епископа Игоря на западе Волыни, в Белой Церкви. На некоторое время Игоря заменил Эммануил, но когда последний перешел в автономную церковь, он взял себе новый приход в западной Волыни — возможно, потому, что счел неприятной довольно сильную националистическую атмосферу в Белой Церкви. Автономная церковь имела очень сильную организацию, это доказывает, что настроения жителей сельских районов были не всегда восторженно националистическими даже на самых «чисто украинских» землях.

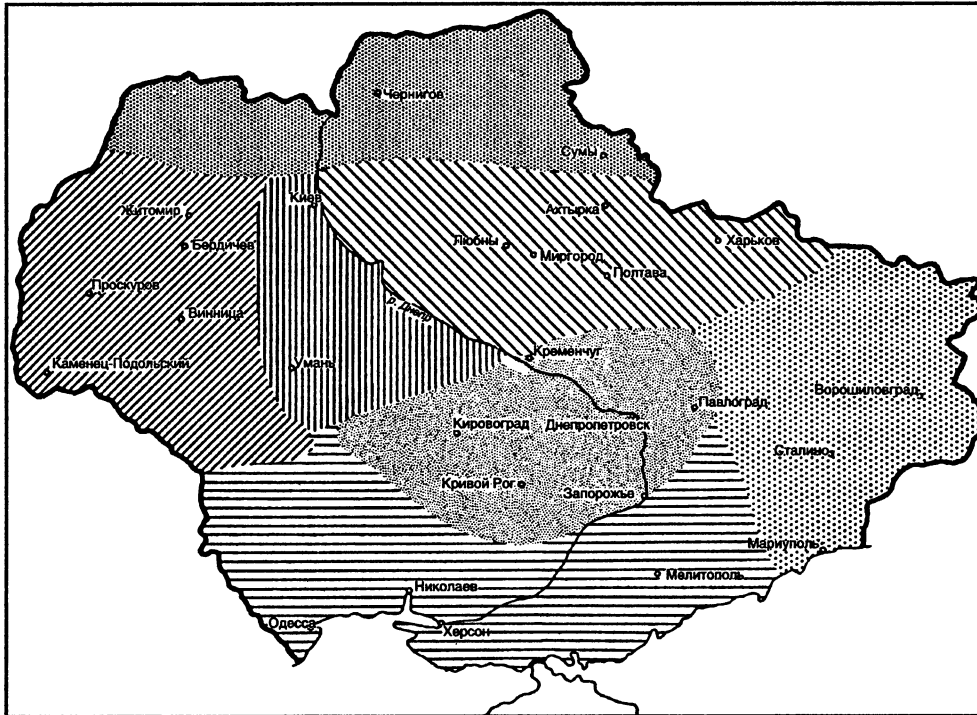
Лесостепной регион к востоку от Днепра — Левобережье — составлял вторую половину традиционно украинских земель. Западная часть находилась в течение столетий под польско-литовским правлением и перешла к Москве во второй половине XVII века вместе с Киевом. Восточная часть, приблизительно равная по площади Харьковской области, никогда не была под польским правлением, а принадлежала царям. Она служила убежищем крепостных крестьян, сбжавших от своих польско-литовских помещиков, и поэтому называлась «Слобожанщиной»*, то есть свободной землей. Однако, поскольку и западная часть Ле-

* Слободская Украина — историческая область, входившая в XVII—XIX веках в состав Российского государства (территория современных Харьковской и частей Сумской, Донецкой и Луганской областей Украины, а также Белгородской, Курской и Воронежской областей Российской Федерации). Население — украинские казаки и крестьяне, бежавшие от гнета польских панов и селившиеся слободами (отсюда название).

вобережья была захвачена Российской империей задолго до раздела Польши, ее история значительно отличалась от истории Правобережья.

Наиболее интересные проявления национализма в этом регионе на протяжении 1941—1943 годов наблюдались в Харькове, который всегда претендовал на звание второго города Украины, но никогда не был столь важен для националистов, как Киев, поэтому сила русского этнического и лингвистического элементов в этом городе вызвала мало недовольства. Кое-что о различиях в националистических движениях в Киеве и Харькове уже было сказано. Существенное различие появилось в результате того, что активисты ОУН-М добрались до Харькова только в ноябре, когда благоволение к ним немцев уже заканчивалось. Они надеялись заручиться поддержкой местных жителей. Была сформирована сильная «Экзекутива» под началом главы одного из районов города, профессора Георгия Бойко, который был предан делу национализма; в нее вошли наряду с Кононенко, главным организатором с Западной Украины, и несколько местных жителей¹². Вхождение в ОУН-М Аркадия Любченко (киевлянина известного всей Украине) добавляло вес организации. Районный голова Семененко, который позже станет городским головой, также сочувствовал мельниковцам, как и множество журналистов, включая брата редактора ежедневной газеты «Нова Украина»¹³. Однако в это же время или даже до прихода группы мельниковцев была сформирована местная организация, включавшая в себя прежде всего старых сторонников республики, которые сумели выжить при советской власти, под руководством В.В. Дубровского и Володымыра Доленко¹⁴. О прошлом этих людей, их группы и их средствах воздействия уже было сказано. Здесь следует подчеркнуть, что группа сформировалась независимо; хотя имелись некоторые симпатии к старой УНР, члены группы не поддерживали связь с эмигрантским режимом Андрея Левицкого¹⁵. Хотя движение никогда не набирало силы, сопоставимой с той, что была у группы мельниковцев в период расцвета в Киеве, оно имело умеренное влияние.

РЕГИОНЫ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ

- Полесье
- Волынь — Подолье
- район Киева
- Левобережье (леса-степь)
- Степь, промышленный район
- Южный приморский район
- Донбасс

Возможно, из-за того, что Харьков — менее украинский город, чем Киев, эти города имеют разную историю и тактику националистических движений (поздний старт националистической кампании и удар по репутации из-за того, что разгром в Киеве вынудил группу Мельника также применять сдержанную политику, хотя некоторые из ее сторонников действовали столь же отчаянно, как и в Киеве, в восточном центре складывалась совсем иная ситуация). Не было неожиданных поворотов судьбы, ни один видный украинский деятель ни тогда, ни позже не примыкал к прорусским движениям. Возможно, также голод, который был там сильнее, чем в любом другом украинском городе зимой 1941/42 года, и сравнительно толерантное поведение вермахта способствовали примирению этнических групп или, по крайней мере, лишали их энергии для открытого конфликта.

Природа националистического движения в Харькове была важна не столько потому, что город был представительным для близлежащего региона, как потому, что он оказывал на него влияние. Влияние главным образом оказывалось через организации «Просвиты», газеты и церковь. Лидер независимой националистической группы считает, что распространению ее влияния помогла прежде всего «Просвита», оно проникло на запад вплоть до Лубн и Полтавы¹⁶, и есть свидетельство того, что группа сыграла определенную роль в организации националистического движения в сторону юга, на северном Донбассе¹⁷. «Нова Україна» была также широко известна, служила примером для националистических редакторов Левобережья, которые хотели проводить как можно более независимую политику и поэтому отказывались копировать газету «Нове українське слово».

Харьковская церковь играла особую роль, что заслуживает не проходного упоминания. Когда пришли немцы, они обнаружили, что пожилой прелат архиепископ Феофил пережил советский период. Семидесяти шести лет, уроженец деревни Хоролского района в сердце Левобережной Украины, он стал священником в 1885 году¹⁸. При помощи местных священнослужителей он возглавил руководство церковной жизнью в Харькове в конце 1941 года и

претендовал на руководство во всем Левобережье в качестве митрополита Украины¹⁹. Многие — особенно в автокефальной церкви — критиковали его за то, что он был посвящен в епископы Русской православной церковью (в 1923 году), и за то, что продолжал использовать в службе церковнославянский язык²⁰. Но другие видели в нем украинского патриота, так как он был украинец родом, говорил на чистом украинском, провел службу в память о Крутах и хвалил украинскую газету²¹. Во всяком случае, диссиденты добились немногого, работая против него; только два священника-лыпкивца оставались на плаву, в то время как число священников, преданных Феофилу, составляло более сотни²². Однако архиепископ, похоже, не слишком строго контролировал своих священников и оставлял им возможность выбирать, на каком языке вести службу. То есть расхождения духовенства можно рассматривать как показатель народных настроений в Левобережье, как и в Правобережье, но реальные конфликты — политической окраски — приглушались наличием уважаемой и умеренной центральной власти.

Но к западу от Харькова конфликт проявлялся острее, чем вблизи Харькова. Полтава, второй город рассматриваемого региона, была одним из наиболее ярко выраженных украинских городов значительного размера. Она располагалась слишком далеко к востоку, чтобы быть местом крупного сосредоточения еврейского населения, так что удаленность этой группы и резкое сокращение численности русских сделали этот город более чем на 90 процентов украинским, согласно городской переписи. Там быстро образовались националистические группы; в значительной степени с помощью активистов ОУН-М, под их контроль в ноябре 1941 года попала газета, а восточноукраинец из мельниковской группы, бывший офицер республиканской армии, стал городским головой²³. Быстро оживилась культурная жизнь, открылись два украинских театра²⁴. Однако церковную организацию раздирали споры священников, вести ли службу на украинском языке или сохранить церковнославянский, на котором в основном велись службы в городских храмах²⁵. Первая группа с шестьюдесятью приходами в сельской местности присоединилась к автоке-

фальной церкви, и Игорь из Белой Церкви был назначен их епископом²⁶. Феофил, однако, продолжал требовать от них подчинения.

В 1942 году украинская редакция газеты и городской голова были расстреляны немецкой полицией, головой города стал русский, а новый украинский редактор не мог проявить себя из-за жесткого немецкого контроля²⁷. Ранее за несоблюдение немецких требований были расстреляны несколько других националистических редакторов в области²⁸. Некоторые из газет перешли под управление ничтожных людей, полностью зависимых от немецкой власти. Иногда, например, в таких важных городах, как Любны и Ахтырка, редакторы продолжали попытки стимулировать национальное чувство²⁹. Примечательно, что редактор в первом из этих городов был русским, который, после того как в результате своей проукраинской деятельности оказался на грани ареста, сумел перевестись на новый пост — в русскоязычной газете в Курской области³⁰. Наиболее активным из всей этой группы был, однако, молодой редактор миргородской газеты Михайло Воскобийнык, который вел линию независимую от националистов, напоминающую работу группы «Нова Украина»³¹.

Вообще в Левобережье при немецкой оккупации на национализм в большей степени влияли местные церковные и политические формирования, чем в области к западу от Днепра. Кроме того, здесь было замечено меньше трений между украинцами и русскими, среди которых кто-то был готов помочь возрождению украинского национализма. Вероятно, различия обусловлены тем, что оуновские группировки были подавлены в этом регионе, не успев стать достаточно влиятельными, а националистическая структура, которая была создана после, состояла из лиц, которые боялись экстремистской программы интегрального национализма. Может быть также, что история региона, не оставив в памяти людям сравнительно свежих воспоминаний о гнете польских панов и относительной независимости, при которой могла развиваться националистическая жизнь, породила атмосферу самоуверенности, при которой более радикальные составляющие националистического эгоизма были неприемлемы.

Южнее лесостепного пояса, о котором только что говорилось, находится более открытая обширная степь; в целом плотность сельского населения здесь значительно меньше, чем в вышеупомянутом регионе. Открытая равнина с ее чрезвычайно плодородной черноземной почвой и меньшее количество осадков, выпадающих в регионе, дают возможность возделывать зерновые культуры, требующие меньших затрат людской силы, в отличие от более северных районов, где практиковалось смешанное сельское хозяйство — возделывание сахарной свеклы, картофеля, зерновых культур, развитие молочного животноводства. Но причины того, что здесь было меньше крестьянского населения, скорее исторические, чем чисто экономические. Большая часть области была заселена на много поколений позже, чем более северные области, поскольку это был основной район, где оседали славянские поселенцы, двигавшиеся с севера, и воинственные крымские татары. Главным орудием колонизации было основание казацкой крепости, или сечи. В середине XVII столетия казаки приняли сюзеренитет православного царя, но только в конце XVIII века, после покорения Россией крымских татар, началось полное освоение степи. На эти новые земли, часто называемые Южной Россией, пришло много неукраинских поселенцев, главным образом русских, а также много немцев и сербов. В 1917 году Временное правительство в Петрограде твердо отвергло притязания украинской Рады на Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии — последние три относились в основном к южному степному региону, — так как считало, что они не были украинскими по сути³².

Север степного края, включая северную часть николаевского и днепропетровского генеральбецирков, был заселен преимущественно украинскими крестьянами. Наличие двух очень важных природных ресурсов — железнорудных шахт Кривого Рога и водной мощи днепровских порогов — вело к быстрой индустриализации этой области в период советских пятилеток и соответствующему росту городского населения. Согласно переписи 1939 года, пять из пятнадцати украинских городов с населением более 100 тысяч человек находились в этом ре-

гионе³³. В начале периода индустриализации, в 1926 году, среди городского населения было мало украинцев. Например, украинцы составляли менее половины населения Кировограда (тогда Зиновьевска), следующей по величине этнической группой были евреи, затем следовали русские³⁴. В Днепропетровске и Запорожье процент евреев был несколько ниже, но украинцев было даже меньше, едва ли больше чем третья часть населения³⁵.

Данные по Кировограду 1942 года едва ли достаточны, чтобы, опираясь на них, делать общие выводы³⁶. Очевидно, однако, что украинизация этих мест была намного большей, чем в среднем северном городе. Как в случае с другими данными, нет уверенности, что речь идет о реальных изменениях, хотя, вероятно, рост населения в период между войнами произошел в основном благодаря притоку украинских крестьян. Ряд обстоятельств, однако, позволяет предположить, что новые данные отчасти обусловлены изменением осознания своей национальной принадлежности многими русскими, что было вызвано не столько ожиданием, будто положение лиц, причисляющих себя к украинцам, будет прочным в новом украинском государстве, сколько искренним чувством принадлежности к Украине скорее в географическом, чем этническом понимании слова. Готовность технических специалистов, игравших ведущую роль в Кривом Роге, с энтузиазмом принять украинскую символику, уделяя особое внимание экономической реконструкции, указывает, что, возможно, сыграло роль принятие территориального основания национальной самоидентификации, в то время как поддержка русских культурных и политических тенденций группой в Днепропетровске является признаком неустойчивости этого выбора. Очевидно, ситуация выглядела приблизительно так: пока украинское государство, к которому немцы, казалось, относились благосклонно, представлялось орудием ниспровержения коммунизма и восстановления новой жизни, оно приветствовалось; когда же оно превратилось в романтическое кредо этноцентризма, то стало восприниматься как препятствие для удовлетворения практических нужд и развития спокойных человеческих отношений.

Существуют, однако, другие концепции. И первоначальный импульс, и последующий отход от националистической идеологии многих лиц в регионе был обусловлен, согласно многочисленным убедительным свидетельствам, действиями бандеровцев. Серьезное преобладание мельниковцев в Северной Украине совпало с усилением влияния более молодой фракции на юге. Отчасти это было случайным. Обе оуновские фракции планировали направить агитационные группы во все области Украины. Группа Мельника должна была идти на юг, однако ее направили на север, где историческая традиция и опыт революционного времени с большей вероятностью, по мнению людей старшего поколения, гарантировали успех³⁷. Бандеровские группы на севере были по большей части разгромлены немецкой полицией, в то время как их эмиссары на юге начали действовать загодя и успели как следует укрепить позиции к приходу в регион медленно раскачивавшихся сторонников Мельника³⁸. Хотя известный уровень противостояния сохранялся, в самых больших городах обеих частей — Киеве и Днепропетровске, — после того как группа Мельника была также запрещена немцами, на большей части территорий установился молчаливый раздел сфер влияния, который существовал в ранние месяцы³⁹.

Это обстоятельство осложняет изучение событий на юге. Хотя бандеровцы активно расписывают свои подвиги с самого начала войны, они никогда, даже в первые месяцы, не участвовали в крупномасштабных открытых военных действиях, что делает трудным сверку их заявлений с журналистскими сообщениями того времени. Например, в сообщениях немецкой полиции говорится, что в начале октября 1941 года группа из пятнадцати западноукраинцев, все или большинство которых были сторонниками Бандеры, попыталась установить контроль над администрацией и газетой в Запорожье⁴⁰. Очевидно, эти люди были расстреляны немцами; никаких более поздних сведений о националистической деятельности в Запорожье нет. Отношения между активистами ОУН-Б и местными группами активистов покрыты туманом неясности. В Кривом Роге городской голова Шерстюк, редакторы

Пронченко и Потапенко, множество других местных деятелей были убежденными националистами, но являлись ли они когда-либо сторонниками бандеровцев или были втянуты в его организацию — предмет спора между уцелевшими националистами из криворожской группы и членами ОУН-Б, знающими этот район⁴¹. Наиболее вероятно, что за начальным «медовым месяцем» сотрудничества последовала борьба, возникшая из-за того, что ОУН-Б жестко требовала от других придерживаться линии интегрального национализма⁴².

Информация, представленная в отчетах послевоенных лет, касающаяся Днепрпетровска, некоторым образом совпадает с рапортом германской полиции. Одна группа ОУН-Б пришла в город вскоре после вступления немецких войск. Регей из Галиции при помощи командира вермахта создал новую областную администрацию вместо сформированной ранее городской администрации⁴³. Очевидно, местная группа сначала равнодушно относилась к русско-украинскому вопросу, но фанатичные требования ОУН-Б и ее старания создать в противовес собственную организацию побудили местную группу сотрудничать с прорусскими элементами, немецкая полиция после разгона бандеровской группы не возражала против этого. По крайней мере один из видных деятелей присоединился к НТС — Национальному трудовому союзу (скорее всего, имеется в виду Народно-трудовой союз. — *Примеч. пер.*), российскому аналогу ОУН. Когда оуновские фракции, включая относительно важную мельниковскую группу, которая особенно активно действовала среди работников сферы образования, стали работать нелегально, они получили или восстановили некоторую поддержку, частично обусловленную работой, которую вовсю развернули русофильские элементы, особенно автономная церковь, и частично умеренностью их собственной идеологии⁴⁴.

Невозможно сделать простой вывод на основе анализа сложной ситуации. Картину еще более усложняют случаи, когда русские, живущие на Украине, принимали умеренную украинскую националистическую позицию, если

не подвергались давлению крайних националистов и ярко выраженной антирусской идеологии. Один убежденный сторонник украинской этнической националистической позиции был весьма впечатлен, обнаружив в Новомиргороде, под Кировоградом, молодого учителя и его жену, которые чувствовали себя украинцами, хотя родились в России, и которые «ненавидели большевиков так же, как и мы»⁴⁵. В другом маленьком городке этого региона (Новоукраинке) националистический активист обнаружил, что большинство учителей «все еще находятся под влиянием коммунистической идеологии», это, вероятно, подразумевало, в частности, что они не придавали большого значения «чистоте» украинской культуры⁴⁶. Похоже, многие украинцы и русские, жившие на Украине, были склонны отвергать любое этническое национальное кредо в пользу некоей идеологии, основанной на территориальной самоидентификации. Кроме того, украинский язык культивировался, особенно в приходах автокефальной церкви к северо-западу от Кировограда⁴⁷, а отдельные городки, подобно Павлограду, являлись настоящими центрами преданности всему украинскому. Даже в таком крупном центре, как Днепропетровск, городской голова и редактор газеты были националистами⁴⁸.

Крайний юг — прибрежная полоса вдоль Черного и Азовского морей, от Одессы до Осипенко (Бердянска), — был заселен еще быстрее, чем область к северу. Из всех украинских районов эта область больше всего подходила для крупномасштабного производства пшеницы при использовании малых людских ресурсов, плотность сельского населения области была мала, оно было этнически смешанным, существовали немецкие деревни и некоторые районы, где жили в основном русские. Население городов было еще более этнически смешанным, в городах покрупнее, согласно переписи 1926 года, в незначительной степени преобладали украинцы.

Изучение условий в этом регионе серьезно затруднено потому, что западная треть территории — оккупированная румынами Трансистрия. Чтобы подготовиться к аннексии Трансистрии и удовлетворить желание высоких чиновников награть и нажиться, румыны направили

туда множество своих администраторов⁴⁹. Так как довольно отсталые молдаване составляли лишь малую часть всего населения, к славянам относились терпимо. Веря, что победа Германии приведет в конечном счете к созданию независимой Украины, которая неизбежно потребует присоединения земель к западу от Днестра, румыны благоволили к русским; положение русских националистических элементов в Одессе походило на положение группы Мельника в Киеве и Житомире до прихода немцев. Русский был официальным языком наряду с румынским и немецким; был открыт русский театр, начали выходить несколько русских изданий⁵⁰. Ведущей русской организацией была группа под названием Союз русских офицеров, эмблемой которой был крест Святого Георгия, члены организации, очевидно, были убежденными монархистами⁵¹. Организация, как считают, поддерживала контакты с эмигрантскими группами в Сербии и в других странах и отказывалась от сотрудничества с власовским движением⁵². Во всяком случае, румыны одобряли их ярко выраженную антиукраинскую позицию и лозунг: «Украины никогда не было, нет и никогда не будет»⁵³.

Так как эта группа и ее румынские покровители контролировали все аспекты культурной и общественной жизни, любая открытая украинская националистическая деятельность, даже культурного рода, подавлялась. Подпольная публикация и значительное количество послевоенных свидетельств указывают, что ОУН-Б имела там сильную подпольную организацию, которая зародилась при разделении южной «походной группы» еще до начала румынской оккупации, а позже получила подкрепление из штаба в Днепропетровске⁵⁴. Члены организации, по некоторым сведениям, имели возможность выпускать подпольные издания в Одессе и держать там базовую ячейку⁵⁵. Большое внимание они уделяли оккупированным румынами сельским районам к северу от этого региона, особенно южному Подолью, где вели пропагандистскую кампанию, целью которой было заставить украинских сельских жителей сопротивляться молдаванской колонизации⁵⁶.

Восточнее находилась южная часть николаевского генеральбецирка, которая больше подходила для украин-

ской националистической деятельности. Николаевским головой был сторонник Мельника⁵⁷. Во втором по величине городе региона, Херсоне, бандеровцы создали значительную организацию, она включала помощника головы и начальника полиции, но была, очевидно, ликвидирована немецкой полицией к концу 1941 года⁵⁸. Тем не менее городской голова, очевидно этнический немец, помогал украинским интеллектуалам в организации культурной жизни через много месяцев после того, как ОУН-Б была репрессирована⁵⁹. Редактором газеты тоже был, как считают, журналист из националистов⁶⁰. Здесь и в главном городе бецирка автономная церковь действовала активно, рано создала херсонскую епархию⁶¹. Как было сказано выше, генерал-комиссар с подозрением относился к автокефальной церкви и настаивал принять определенные меры, когда влияние ее усилилось в северной части области. Позже епископ Кировограда Михаил (Хороший) должен был переехать в Николаев в сане архиепископа и был признан генерал-комиссаром⁶², но прорусская церковная группа, похоже, сохраняла прочное положение. Перепись городского населения в Херсоне продемонстрировала увеличение числа лиц, назвавших себя украинцами, что указывало: здесь, как и на севере, Украину воспринимали как территориальную единицу⁶³. Еще далее к востоку вдоль морского побережья, в генеральбецирке «Таврия» с центром в Мелитополе, наблюдались лишь незначительные проявления национализма: газеты, полиция и другие ведомства были украинскими, но, видимо, находились под пятой немцев⁶⁴.

За прибрежной полосой лежит самая восточная часть Украинской ССР — Донбасс. Эта область, в которой сельское хозяйство ориентировано на крупномасштабное производство пшеницы, как на самом юге, известна как «Рур» — или, точнее, один из «Руров» — Советского Союза. Его промышленность, которая росла в межвоенный период огромными темпами, опиралась прежде всего на богатые угольные залежи. К 1939 году число жителей пяти городов (больше 100 тысяч человек) Донбасса в три раза возросло по сравнению с предыдущей переписью. Вероятно, это увеличение было следствием существенного уве-

личения украинского этнического элемента, который прежде был весьма незначителен, в то время как сельское население в основном, хотя и не в подавляющей степени, было украинским. Что касается технических специалистов, которые составляли основную часть образованных классов, то сами украинские националисты признают, что большинство их было привлечено со всего Союза. Поэтому к националистическим движениям жители региона относились крайне равнодушно. Сыграла определенную роль и отдаленность региона от западного центра стимуляции национализма — Сталино находился почти в тысяче шестистах километрах от Львова — и отсутствие прочных исторических связей с Украиной. Не стоит забывать, что киевская группа ОУН-М была подавлена до начала националистического возрождения в регионе и новости о киевских событиях напугали некоторых украинских националистов, далеких от общественной жизни, а германские военные власти были против формального и языкового преобладания украинцев, разрешенного в других регионах⁶⁵. Наконец, по мнению активиста ОУН, украинцы были верны давней привычке отдавать приоритет русским⁶⁶.

В результате во множестве городов Донбасса, включая Славянск, Артемовск (Бахмут), Дебальцево и Снежное, русские установили культурное господство, которое не имело, однако, серьезного политического значения, тем не менее издавались русскоязычные газеты, которые, как правило, не разрешались в прежней Украинской Советской Республике⁶⁷. Было создано и множество газет на украинском языке, некоторые из них предназначались специально для сельского населения. В Сталине с помощью активистов ОУН-Б националистический редактор сумел преобразовать изначально русскую газету в украинскую, и какое-то время газеты на украинском языке и с националистической окраской издавались в Ворошиловграде и Краматорске⁶⁸. В Енакиеве итальянские войска, которые заняли город, установили правление украинской администрации, украинские должностные лица были также введены в администрацию других городов⁶⁹. Все усилия националистической организации были малоэф-

фективны потому, что регион был занят только в конце 1941 года и, за исключением короткого периода 1942 года, находился вблизи фронта. В регионе активно действовали несколько представителей ОУН-М, и значительная бандеровская сеть, которой руководил Евгений Стахив, всячески старалась поощрить националистические настроения среди местных украинцев⁷⁰.

Условия в Мариуполе разительно отличались от условий, преобладавших в большей части региона. Мариуполь административно был частью Донбасса, находившегося в Сталинской области, располагался на берегу Азовского моря, отстоял от Донецкого бассейна более чем на восемьдесят километров. В период между двумя советскими переписями население Мариуполя (как и население других городов Донбасса) выросло больше чем втрое. Даже после потерь войны его население составило 178 358, что поставило город в один ряд с самыми крупными украинскими городами⁷¹. Примечательно, что любой город Донбасса, как и весь южный регион, полностью контролировался украинцами. О хорошо развитой сети «Просвиты» и украинской образовательной системе уже говорилось. Православная церковь, как считают, проявляла активность и была ориентирована на украинский национализм, хотя здесь, как в других районах крайнего юга, важную роль играли протестанты и диссидентские православные секты⁷². Помимо этого, откровенным националистом был городской голова, выступавший за создание украинских воинских формирований⁷³. По-видимому, организатором националистического движения в городе стоял Микола Стасюк, министр поставок при Раде в 1918 году, которому удалось пережить советский период, работая служащим парка⁷⁴. Он занял пост редактора местной газеты («Мариупільська газета»), которая, хоть и испытывала нехватку бумаги, ощущавшуюся особенно остро на юге, где нет лесов, была второй по влиянию украинской газетой Левобережья (после газеты «Нова Україна»). Газета была рьяно националистической, несмотря на осторожный тон публикаций. Множество националистических журналистов помогали Стасюку в работе над газетой. Сам Стасюк, как говорят, не только продолжал легальную пронационали-

стическую деятельность, но и помогал подполью ОУН-Б, которая создала в городе региональный центр организации⁷⁵.

Трудно объяснить, почему Мариуполь по масштабу националистической деятельности настолько отличался от Донбасса в целом. Очень может быть, что нескольких человек — твердых националистов, но все же умеренных и находчивых, — достаточно, чтобы изменить ситуацию, когда огромное большинство и не способно, и не желает участвовать в политической жизни. Конечно, в городе был и сравнительно мягкий оккупационный режим; вполне может быть, что армия намеренно не препятствовала созданию центра украинской националистической деятельности здесь, так близко к фронту, к Керченскому полуострову, где шли тяжелые бои, надеясь, что украинские националистические настроения помогут разрыванию украинских боевых сил.

Украинские националисты всегда претендовали на обширные районы за пределами восточных границ Украинской ССР, считая их украинской этнической территорией. Имеется в виду южная часть Курской области, район вокруг Ростова в самом низовье Дона, Крым и долина реки Кубани. Свидетельств военного времени, касающихся Курской области, не осталось, так как там проходили постоянные боевые действия между Красной армией и немцами. В предыдущей главе цитировалось сообщение о том, что, хотя крестьяне Ростовской области и говорят на украинском языке, у них отсутствует националистическое чувство⁷⁶. Другое сообщение одного украинского националиста подтверждает это, в нем говорится, что 90 процентов детей говорят по-украински, но большинство старших разговаривают по-русски, а это показатель слабого национального самосознания⁷⁷.

В 1941 году украинцы составляли лишь малую часть населения Крыма. Притязания украинских националистов на полуостров объясняются его географической близостью к Украине и отсутствием явного численного преобладания любой другой этнической группы, хотя в

довоенном Крыму жило много русских и татар, существовали также небольшие поселения итальянцев, греков и немцев. Неудивительно, что в 1942 году центральный город Крыма Симферополь должен был иметь скорее русскую, чем украинскую, газету и что украинская деятельность ограничивалась сферой культуры и образования⁷⁸.

Процент этнических украинцев на Кубани (большая плодородная область к северо-западу от Кавказа) был достаточно высок, однако превратности исторического развития — область заселили группами, сформированными царями по типу казачьих для дальнейшей экспансии мусульманских племен, — привели к господству иного этнического элемента. Во время войны период немецкой оккупации области был недолгим. За это время было основано пять газет в основных городах, все они издавались на русском⁷⁹. Это не может свидетельствовать о численном преобладании русских, так как, по словам одного из германских чиновников, который занимался Кубанью, военная цензура находилась в руках выходца из Прибалтики, имевшего крайне прорусские настроения⁸⁰. В любом случае свидетельств украинской деятельности на Кубани не существует⁸¹.

Этническое националистическое чувство, которое включало в себя поддержку ОУН-М, крупномасштабное развитие «Просвиты», украинской культурной деятельности, украинских газет, внимание к национальной истории, осуждение и дискриминация всех неукраинских элементов, было наиболее распространено в старых северных центрах украинской жизни, особенно на северо-западе. В этих областях историческая борьба против польских панов, трудное положение нарождающейся украинской интеллигенции из-за численного преобладания евреев, русских и поляков в городах, контрастирующая сила украинской народной культуры в деревне, похоже, приводили к недовольству или, по крайней мере, к сильному чувству этноцентризма среди националистических интеллектуалов.

Юг, с другой стороны, долго считался менее украинским всеми, кто был знаком со страной. И все же, хотя

проявления украинской культурной деятельности были более редкими, а влияние оуновских групп намного меньше, большинство жителей там, независимо от их этнического происхождения, восприняли Украину как свою родину, потому что люди жили на Украине и были привязаны к ней. Как показывает ранний опыт националистических движений, настроения жителей отражают внешние изменения, произошедшие со времен имперских дней Южной России и Новороссии. Поэтому есть серьезное основание полагать, что территориальный патриотизм возник при советской власти. Верность этого вывода будет доказана в следующей главе, где приведены дополнительные свидетельства.

Примечания

- ¹ Интервью 50.
- ² Интервью 54; см. главу 4.
- ³ См. главу 5.
- ⁴ В действительности в XIX столетии в зону оседлости входила вся Украина, но в Левобережной Украине евреев было меньше.
- ⁵ Интервью 1.
- ⁶ Интервью 1, 50.
- ⁷ Наступ. 1941. 25 декабря. С. 4, перепечатка из газеты «Український голос».
- ⁸ Интервью 30.
- ⁹ Наступ. 1942. 3 мая. С. 2.
- ¹⁰ *Р. Сутор*. Краківські вісті. 1942. 31 июля. С. 3.
- ¹¹ Краківські вісті. 1942. 13 октября. С. 2.
- ¹² ООН у війні, інформаційна секція ООН (УНР). 1946. Апрель. С. 75; интервью 57.
- ¹³ Интервью 47, 73.
- ¹⁴ Енциклопедія українознавства, изд. Володымыр Кубийович и Зенон Кузеля. Мюнхен: Наукове товариство ім. Шевченка, 1949. С. 584.
- ¹⁵ Интервью 73. Chief of the SP and SD, Report of Einsatzgruppen and Kommandos. April 10, 1942, No. 191. P. 33 — здесь утверждается, что харьковская оппозиция состояла главным образом из русских националистов.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Интервью 68.
- ¹⁸ Краківські вісті. 1943. 15 мая. С. 3. Сергей Даниленко, «Дорогою ганьби і зраду» (Київ: Науково думка, 1970), с. 270—273, утверждает, что между Феофилом и советскими офицерами 16 февраля

1943 года во вновь временно занятом Харькове состоялась беседа, во время которой архиепископ сообщил, что его пытались вынудить присоединиться к Украинской автокефальной церкви, а прогерманское словацкое правительство подталкивало его обратиться в католичество.

¹⁹ Краківські вісті. 1943. 5 марта. С. 2; 1942. 6 марта. С. 3.

²⁰ Интервью 69. «Українська Дійсність», 10 февраля 1942 г., с. 4, приводит письмо к архиепископу Иллариону от бывшего ученика из Харьковской области, который, под видом вопроса о церковной реорганизации, высказывает неудовлетворенность Феофилом. Подпольная ОУН-М (Вісник. [1943]. № 11. С. 13) осуждает его как «старорежимщика» и «неделимщика» (сторонника «неделимой» России).

²¹ Краківські вісті. 1942. 5 мая. С. 4; 1943. 24 января. С. 2; 1943. 15 мая. С. 3.

²² Українська дійсність. 1942. 10 февраля. С. 4; Краківські вісті. 1943. 5 марта. С. 2. В конце концов Феофил присоединился к Украинской автокефальной православной церкви. *Friedrich Heyer. Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln-Braunsfeld: Verlagsgesellschaft Rudolf Müller, 1953. С. 178.*

²³ ОУН у війні. С. 76; интервью 42.

²⁴ Д. Миронович. Краківські вісті. 1943. 9 июля. С. 4.

²⁵ Наступ. 1942. 26 апреля. С. 2; Краківські вісті. 1942. 12 апреля. С. 3.

²⁶ Львівські вісті. 1942. 6—7 сентября. С. 2. Возможно, он никогда не жил в Полтаве, поскольку о нем позже упоминалось как о епископе Белой Церкви, а потом и как о епископе Умани. Chief of the Einsatzgruppen of the SP и SD, IIIc, 20 сентября 1944 г.

²⁷ Интервью 1, 42; ОУН у війні. С. 76.

²⁸ Интервью 47.

²⁹ Интервью 47, 50.

³⁰ Интервью 47.

³¹ Там же.

³² *John S. Reshetar. The Ukrainian Revolution, 1917—1920: A Study in Nationalism (Princeton: Princeton University Press, 1952). P. 72—73.*

³³ *Frank Lorimer. The Population of the Soviet Union: History and Prospects (Geneva: League of Nations, 1946). P. 250—253.*

³⁴ Союз Советских Социалистических Республик, Центральное статистическое управление. Recensement de la Population de l'URSS, XIII (Moscow, 1929). P. 13—14.

³⁵ Там же.

³⁶ См. приложение. Необходимо осторожно оценивать крайне большой сдвиг в Кировограде, поскольку данные по другому единственному большому городу в регионе, Днепропетровску, показали сравнительно незначительные изменения. Следует, однако, напомнить, что там была русофильская администрация. К сожалению, нет сведений относительно ориентации городской администрации в Кировограде в период переписи. Уменьшение количества русских в процентном отношении к представителям других национально-

стей в Кировограде могло произойти лишь из-за причисления лиц, прежде классифицировавших себя русскими, к украинской группе, если только не были верны маловероятные предположения, а именно, что 1) русское население действительно уменьшилось между 1926 и 1941 годами или 2) представители многочисленного еврейского населения, позже уничтоженные, записывали себя в 1926 году русскими. Сведения по Кировограду представил Степан Глид, подпольный член ОУН-Б: *Степан Глид. Фрагменти життя і мук (Спогаді з часів німецької окупації України. Лондон: Видавництво союзу українців в Великій Британії, 1955.*

³⁷ Интервью 61.

³⁸ Штаб бандеровской группы остался в Киеве, где и находился до тех пор, пока Мырон, заведовавший деятельностью группы на востоке Украины, не был убит в 1942 году (очевидно, немецким сотрудником полиции); после этого штаб ОУН-Б находился в Днепрпетровске. Ср. Chief of the SP and of the SD, Reports from the Occupied Eastern Territories, No. 18, August 28, 1942 (Літопись. Т. VI. С. 63—65).

³⁹ Интервью 1.

⁴⁰ Chief of the SP and SD, Report of Einsatzgruppen and Kommandos, No. 143, December 8, 1941. P. 5, NO 2827 (далее NO 2827). Лев Шанковський, «Похідні групи ОУН. Мюнхен: Видавництво «Український самостійник», 1958, с. 162—163, приводит детальное описание последующей деятельности ОУН-Б в районе Запорожья.

⁴¹ *Зиновій Матла. Південна похідна група. Munich: Tsitsero, 1952. С. 29—31; Євген Стахів (Є. Павлюк). Боротьба українського народу на східно-українських землях, 1941—1944: спомини очевидця і учасника // Календар провидіння на 1947 рік, Стоварищення українських католиків в Америці. Філадельфія, Америка, без обзначення дати. С. 39, 41, 45, 53; Юрій Семенко. Пам'яті Михайла Пронченка // Нові дні. 1953. Апрель. С. 10—13; інтерв'ю 7, 76.*

⁴² Это указано в статье, опубликованной в газете «Краківські вісті», 15 ноября 1941 г., с. 2, основанной, очевидно, на дискуссиях с Пронченко и Потапенко. Там содержится жалоба на то, что в газете «Дзвин» останется мало места для обзора ежедневных новостей, если необходимо будет напечатать «катехизис тризубца» — эссе о развитии национал-социализма, Новой Европы и т. д. Ср. Юрий Семенко «Пам'яті Михайла Пронченка» и Шанковський «Похідні групи ОУН», с. 145 и далее.

⁴³ Chief of the SP and SD, Report of Einsatzgruppen and Kommandos, No. 132, November 12, 1941. P. 10—11, NO 3830 (далее NO 3830). Ср. Лев Шанковський, «Похідні групи ОУН», с. 32—33, 150—151, который описывает последующую подпольную деятельность группы ОУН-Б.

⁴⁴ Интервью 1.

⁴⁵ *Р. Сутор. Краківські вісті. 1942. 2 августа. С. 3.*

⁴⁶ *Матла. Південна похідна група. С. 28.*

⁴⁷ О языке церковной службы. Ср. глава 8.

⁴⁸ Интервью 10; Украинський вісник. 1942. 14 июня. С. 7.

⁴⁹ Украинський вісник. 1943. 7 февраля. С. 1. На основе сообщения агентства Zentraleuropa.

⁵⁰ Краківські вісті. 1943. 17 апреля. С. 3; інтерв'ю 18; *Аркадій Любченко*. Щоденник. Т. I / Под ред. М. Дмитренко. Торонто: Нові дні, 1951. С. 122.

⁵¹ Выше процитированное подпольное сообщение из Одесской области.

⁵² Там же; інтерв'ю 18.

⁵³ Інтерв'ю 18.

⁵⁴ *Є. Стахів*. Боротьба. С. 45; *Мстислав З. Чубай*. Рейд організаторів ОУН від Попраду до Чорне море. Munich: Сісего, 1952. С. 48 и далее; інтерв'ю 18; выше процитированное подпольное сообщение из Одесской области.

⁵⁵ *Є. Стахів*. Боротьба. С. 45; см. также *Шанковський*, «Похідні групи ОУН», с. 215—292, и подпольный «Вісник», № 10 (весна 1943).

⁵⁶ Выше процитированное подпольное сообщение из Одесской области.

⁵⁷ Chief of the SP and SD, Report on events in the USSR, October 2, 1941. P. 3—4, NO 3137 (далее NO 3137).

⁵⁸ Chief of the SP and SD, Report of Einsatzgruppen and Kommandos, January 14, 1942. P. 30, NO 3279 (далее NO 3279). О последующей деятельности см.: *Шанковський*. Похідні групи ОУН. С. 141—143.

⁵⁹ Український вісник. 1943. 5 септєбря. С. 6.

⁶⁰ Інтерв'ю 62.

⁶¹ Українська дійсність. 1942. 20 января. С. 1. Архиепископом был Антоний (Марценко), который получил назначение в 1941 году от собора волинских епископов. До раскола между автономной и автокефальной церквями он, очевидно, сочувствовал идеям украинского национализма, поскольку его секретарь, как сообщают, был членом ОУН (NO 3279).

⁶² Deutsche Bug-Zeitung. March 6, 1943. P. 5.

⁶³ См.: *Frank Lorimer*. The Population of the Soviet Union: History and Prospects (Geneva: League of Nations, 1946).

⁶⁴ PS 1693.

⁶⁵ PS 051.

⁶⁶ Інтерв'ю 66.

⁶⁷ Краківські вісті. 1942. 23 июля. С. 3.

⁶⁸ Інтерв'ю 66.

⁶⁹ Краківські вісті. 1942. 12 марта. С. 3.

⁷⁰ *Є. Стахів*. Боротьба. С. 50; інтерв'ю 66; *Є. Стахів*. Генеза еволюції ОУН. С. 45; Український Прометей. 1955. № 44, 45, 46; *Тамара Сайдак*. Донецький кряж // Українські вісті. 1942. 3 октєбря.

⁷¹ Львівські вісті. 1942. 27 августа. С. 2; Краківські вісті. 1942. 24 июля. С. 2.

⁷² Краківські вісті. 1942. 3 октєбря. С. 2.

⁷³ Ср. главу 7.

⁷⁴ Інтерв'ю 66; Краківські вісті. 1942. 7 августа. С. 2.

⁷⁵ *Є. Стахів*. Боротьба. С. 52—54; інтерв'ю 66. Значительное число статей, перепечатанных западноукраинской и эмигрантской прессой, иллюстрируют националистический тон газеты.

⁷⁶ См. главу 10.

⁷⁷ Краківські вісті. 1942. 18 сентября. С. 2.

⁷⁸ Об украинской культурной, образовательной и религиозной деятельности в Симферополе см.: *Ярослав Савка*. Краківські вісті. 1942. 18 февраля. С. 4. Об энергичных, но малоуспешных попытках ОУН-Б организовать подполье в Крыму и на Кубани см.: *Шанковський*. Похідні групи ОУН. С. 181—192.

⁷⁹ Они приведены в «Наступе» от 10 января 1943 г., с. 2; «Краківські вісті», 1943, 14 января, с. 2, также указывают русскую газету в Краснодаре, центральном городе Кубани, и отмечают, что русский язык преобладает и в театре.

⁸⁰ Интервью 33.

⁸¹ Краснодарская газета «Кубань» опубликовала 20 декабря 1942 года статью А. Кубанского, где говорилось об оживлении украинской культурной жизни в первые годы советской власти (Наступ. 1943. 20 февраля. С. 4). В области действовало несколько активистов ОУН-Б, пришедших, очевидно, с немецкими войсками. Я видел одну листовку ОУН-Б, предназначенную для кубанского населения, с обращением: «Кубанці, потомкі запорожських козаків!»

Глава 12

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛИЗМА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Украинский национализм — всего лишь одна нить в огромной ткани Второй мировой войны. Следуя по этой запутанной нити, можно неосознанно преувеличить ее значение. Нужно постоянно напоминать себе, что активных участников националистической борьбы было прискорбно мало и они были слабы по сравнению с мощными силами, которые пытались получить контроль над Восточной Европой. За шесть лет, которые исследуются в данной работе, на Украине произошли многочисленные события, которые намного более важны для хода истории, чем те, что описаны здесь. Чтобы следовать по нити национализма, многие части ткани, которые часто создавали главную картину, лишь вкратце упоминались или вообще игнорировались. Широкие военные кампании, планы германских политиков, сеть коммунистического шпионажа и террора, сложная аграрная проблема являются лишь составляющей других трудностей военного времени на Украине.

Проблема национального самосознания, однако, более важна, потому что не является временной, в отличие от проблем, навязанных иностранными силами. Национализм глубоко проникает в психологию людей и способен вызывать подъем духа, по сравнению с которым большинство других веяний незначительны. Националистические цели могут оставить равнодушным абсолютного рационалиста, но они часто имеют глубокую эмоциональную привлекательность. В прошлом столетии мир видел множе-

ство политических программ, которые, в течение многих лет имели мало последователей, однако их число становилось огромным, когда обстоятельства позволяли этим программам затронуть эмоции «простых людей». Если движение имеет такой потенциал, неразумно игнорировать его, даже если в данный момент влияние его незначительно.

Главная цель этого труда выяснить, обладал ли украинский национализм потенциальной возможностью пробуждения таких эмоций, и определить обстоятельства, при которых она, если и была, могла бы осуществиться. Принимая во внимание данную цель, изучение развития событий в Западной Украине не имеет решающего значения. Несомненно, огромное большинство украинского населения Галиции было против немецкой и советской оккупаций и предпочло бы собственное правительство возвращению под власть поляков. Во время первых лет германской оккупации, когда условия были сравнительно сносными, Украинский центральный комитет, работая в качестве вспомогательной администрации, несомненно, имел поддержку большинства жителей. Конструктивные и организованные действия этого органа доказывают в какой-то степени, что при более благоприятных обстоятельствах устойчивая украинская административная организация могла существовать. Даже радикальные оуновские элементы, которые публично потребовали полной независимости, отказывались мешать действиям администрации в Галиции, поскольку знали, что это не найдет отклика в народе, а только лишит их безопасной оперативной базы.

Хотя существует меньше свидетельств, касающихся Закарпатской Украины и Буковины, украинские жители этих областей, несомненно, предпочли бы националистическую администрацию венгерской, румынской или советской. Ситуация на Волыни была менее ясна, поскольку там коммунистические партизаны имели возможность рекрутировать существенное число сторонников, особенно в северной части области. Широкая поддержка, оказанная различным отрядам националистических партизан, указывает, однако, что националистические настроения на

Волыни были сильны. По-видимому, умеренная, хотя и несколько нерешительная, тактика партизан Бульбы поначалу поддерживалась крестьянами, которые хотели, чтобы в лидерах были земляки, требования которых не слишком идеологизированны или радикальны. Позже грабежи немецкой администрации и общая неуверенность, царившая на Волыни, похоже, привели к тому, что многие молодые люди из крестьян склонились к более крайним действиям, предложенным бандеровцами.

Поддержка идеи радикального национализма представителями различных слоев населения — важная особенность националистических движений на западе Украины. Принимая во внимание западные демократические стандарты, уровень украинской националистической политической мысли снизился в период между двумя войнами. Поколение 1918 года мыслило понятиями государства, основанного на парламентских институтах, и заботилось прежде всего о гражданских правах и социальном благополучии граждан. В ограниченной степени эта идея выжила и в УНР, хотя ее затмили личные и фракционные амбиции. Эти идеи были восприняты в довольно примитивной форме группой сторонников Боровца, и мог бы родиться новый синтез демократии и социализма, если бы Митрынга и его фракция смогли развить свои теории. Легальными партиями в Галиции руководили представители старшего поколения националистов, придерживавшиеся демократических взглядов. Динамичной силой украинской политики того времени была, однако, ОУН.

Теория и учение националистов были очень близки к фашизму, и в некоторых вопросах, например «расовой чистоты», даже оказывались жестче первоначальных фашистских доктрин. Чтобы понять украинский интегральный национализм, необходимо, однако, исследовать обстановку, в которой он развивался. Вероятно, легче всего сказать, что в период между двумя мировыми войнами в Восточной Европе уровень политических групп снизился. Победа коммунизма в Российской империи заставила некоторые элементы обратиться к экстремистским мерам, чтобы предотвратить его дальнейшее распространение и воспользоваться в борьбе с ним его же тактикой. Мирное

урегулирование после 1918 года явилось попыткой удовлетворить национальные запросы некоторых групп, но, похоже, только усилило национализм, распространившийся в области. Западные украинцы — и восточные эмигранты, которые были связаны с националистами, — пострадали в результате всех этих событий. Отказ ультра-националистических правительств Польши, Румынии и позднее Венгрии дать возможность украинцам выразить националистические чувства вызвал острую реакцию. В течение нескольких лет коммунизм был средством выражения национального негодования, поэтому какое-то время его поддерживали многие украинцы.

Успех коммунистической тактики часто производил впечатление даже на тех, кто не сочувствовал идеям коммунизма. В этой работе уже упоминались схожие черты ОУН и коммунистической партии. В некоторой степени эти особенности, конечно, не являются исключительно коммунистическими, они были частью традиции революционных движений подобно российской «Народной воле» и различных националистических организаций в Восточной и Южной Европе. Триумф коммунизма сделал эту тактику вновь популярной, особенно среди тех, кто объявил себя самым яростным противником большевизма — фашистов. Основопологающим в новой партийной моде был тезис: цель оправдывает средства; этому принципу не только молчаливо следовали, его намеренно превозносили. Тот же принцип использовали и интегральные националисты вроде сторонников ОУН. Но вскоре этот принцип стал использоваться и против украинцев. Сначала убивали польских чиновников и представителей советской власти, потом националисты взялись друг за друга; в конце концов даже номинально аполитичные фигуры, подобно священнослужителям, попали под жернова жестокой моды. В некоторой степени, конечно, обращение к насилию объяснялось жуткими условиями времени, когда на фоне массовых убийств, развернутых нацистами и коммунистами, убийство еще нескольких человек ради достижения важных целей не имело особой важности. Общее притупление морали, готовность, даже рвение людей совершать подобные действия едва ли достигло бы та-

кого размаха, не будь они воспитаны на идеологии, которая предлагала идеалистическое оправдание насилия.

Заговорщичество, конспирация также были характерны и для коммунизма, и для фашизма. Подпольная система националистов напоминала коммунистическую и фашистскую практику: в ОУН-Б существовала элитная тайная полиция — служба безопасности. Кроме того, раскол в ОУН имел параллели с нацистской и большевистской партиями. В отличие от этих движений, однако, ОУН не была во главе государственного аппарата, поэтому ни одна из фракций не могла силой восстановить монолитный контроль. Вместо этого смертельная междоусобная борьба истощала силы националистического движения и дискредитировала его в глазах народа. Недостаток опыта ответственной политической деятельности был также вреден для нелегальной партии. Волонтаризм — акцент на действии, а не мысли, на воле, но не разуме — получил широкую поддержку; на практике волонтаризм часто подменялся эгоизмом. Номинально высокой власти, не имевшей достаточной силы, вредили людские амбиции. Те, кто меньше всего сомневались в собственной способности управлять и были готовы к наиболее крайним действиям, получили поддержку партийной молодежи, что явилось оправданием жестокости.

Это вело к потере чувства осторожности. Вероятно, опрометчивый вызов, брошенный германским властям в июне 1941 года, не имел долговременного эффекта, так как нацистские правители в любом случае не санкционировали бы украинскую автономию. «Расконспирация» партизанского движения незадолго до советской оккупации имела намного более серьезные последствия, так как привела к невосполнимой потере многих наиболее энергичных националистических бойцов, которые могли бы спастись, если бы движение твердо придерживалось прежней тактики действия маленькими отрядами, имевшими возможность в случае опасности растворяться среди крестьян. Если в ОУН-Б ответственными за эти действия были более молодые люди, то группировка Мельника — или, по крайней мере, ее передовые отряды — должна была нести основную ответственность за экстремистские

действия на востоке Украины. Отсутствие позитивной программы социальных и политических реформ на ранних стадиях проникновения националистов на восток Украины было связано с преувеличением важности «чистоты» национальной культуры и с подменой рационального планирования романтической фразеологией. На этой стадии националисты называли себя революционерами, но им не хватало четкой концепции нового социального и политического порядка, они были в лучшем случае лишь бунтарями.

ОУН не представила конструктивной программы, приспособленной к нуждам востока Украины, что создает дополнительные трудности при ответе на главный вопрос этого труда — насколько силен был национализм на востоке Украины. В значительной степени первый опыт общения восточнукраинцев с распространителями националистических учений был отрицательным. ОУН уделяла незначительное внимание проблеме гражданских прав, экономическому прогрессу и социальной реформе, кроме того, эта организация и ее экстремистские приверженцы, набранные на местах, отталкивали многих восточных украинцев своим настойчивым желанием устранить все неукраинские элементы общества. Многие восточные украинцы путали национализм с экстремистской идеей, предлагаемой ОУН.

В дополнение к замешательству, являвшемуся результатом деятельности ОУН, есть и несколько других факторов, которые затрудняют оценку степени националистических настроений на востоке Украины. Дефицит информации, невозможность прямого наблюдения или измерения являются серьезными препятствиями в работе исследователя. Постоянное давление немецкого оккупационного режима и боязнь привлечь внимание коммунистических агентов препятствовали открытому выражению националистических чувств. Кроме того, крайние трудности военного времени отодвинули национальный вопрос на второй план, поскольку, согласно многим свидетельствам, ужасы советского правления вызвали чувство сплоченности среди угнетенных лиц всех наций. Опасно пытаться оценивать относительную значимость

проблем, занимавших население в военное время, но наиболее верным представляется следующий порядок:

1. Физическое выживание — преодолеть голод и избежать смерти от рук немцев или красных партизан.
2. Экономическое благосостояние — устранить эксплуатацию правительства или отдельных лиц, особенно в сельском хозяйстве.
3. Стабильное и законное правление, включая свободу личности.
4. Равенство лиц, какая-то форма народного участия в управлении.
5. Национальное выражение в культуре и, возможно, в управлении*.

Многие будут не согласны с тем, что достижение первых трех перечисленных целей зависит от решения двух последних задач, но у среднестатистического восточного украинца любая партия, которая была чрезмерно озабочена выполнением только последних пунктов, не вызывала доверия.

Недостатки националистического движения военного времени уже упоминались в работе. Они, однако, являются лишь одной стороной медали. Другая сторона — энергия и отвага членов националистических партий, продемонстрированная в подполье и партизанских действиях на западе Украины и при распространении оуновских учений на востоке. Если какая-либо группа и была готова бороться в ситуации, близкой к безнадежной, то это была ОУН. Несколько тысяч неопытных и плохо вооруженных молодых людей не только выступили за замену гигантского коммунистического аппарата, но осмелились бросить вызов и грозной германской военной силе. В мире, в котором робость перед надвигающейся тиранией является часто правилом, такая смелость компенсирует многие недостатки.

* Потрясает тот факт, что автор не приводит в перечне — националистических, очевидно, — предпочтений такой «пунктик», как стремление к освобождению от нацистской оккупации.

ОУН — обе ее фракции — была, по сути, молода, судя по ее готовности преодолевать большие трудности и по гибкой политике партии. Хотя в националистических группировках сохранялись многие из старых элементов автократического правления, презрение к рациональному планированию и жестокость, новый уровень мышления членов этих группировок в решении социальных и экономических вопросов поразителен. Даже в условиях суровой борьбы за выживание в подполье или в партизанской войне многие члены ОУН оказались способны извлечь выгоду из контактов с восточными украинцами и пересмотрели свою программу. Требование национальной независимости по-прежнему оставалось главным в программе националистов, но были добавлены положения по аграрному вопросу, соответствующие чаяниям крестьянства, по организации промышленности на основе сохранения общественной собственности с ликвидацией централизованного управления, о гарантиях гражданских свобод и по многим другим вопросам, которые апеллировали к восточным украинцам. Бесспорно менее выгодные условия для пропаганды на поздних этапах войны помешали тому, чтобы новая программа ОУН дошла до большинства населения, но, по крайней мере, маленькие группы узнали, что программа, основанная на идеях национализма, может служить и основой нового общественного порядка.

Не только западноукраинские и эмигрантские партии транслировали идеи национализма на востоке Украины. Роль церквей, особенно автокефальной церкви, также важна. Как и для ОУН, базой автокефальной церкви была Западная Украина; церковь, однако, лучше понимала менталитет востока, который сформировался за века православия, чем галицкое политическое движение, которое доминировало в регионе. Вряд ли духовенство поддерживало все действия националистов на востоке Украины. Несомненно, влияние церкви на старшее поколение, особенно в деревне, было значительным, и в той степени, в которой религиозные деятели пробуждали чувство национального самосознания, националисты их ценили. Очень многие молодые люди, которые выросли при совет-

ской власти, относились к религии равнодушно или даже враждебно. Поэтому любая идентификация национализма с религией угрожала лишить движение многочисленных потенциальных новобранцев.

Религия проникала в наименее образованные слои общества, а национализм на востоке Украины пользовался серьезной поддержкой интеллектуалов, которые вместе с техническими специалистами играли ведущую роль в реорганизации жизни при германской оккупации. Хотя немцы позволили многим советским административным служащим низшего звена сохранить должность, поскольку эти люди были, по-видимому, управляемы, даже если и симпатизировали коммунистам, все те, кто занимал при советской власти заметный пост, от управления были отстранены. Их заменили учителя, инженеры, университетские профессора и другие специалисты, которым не хватало способностей, чтобы стать успешными организаторами новой администрации; трудно сказать, в какой мере они смогли бы успешно поддерживать порядок и обеспечивать работу необходимых служб без немецкого контроля. Конечно, трудности, с которыми они сталкивались в организации сил безопасности, боровшихся с коммунистическим проникновением, и в использовании прессы показывают, что восточные украинцы сами по себе, не имея поддержки административных структур, встали бы перед неразрешимыми проблемами. В той ситуации при ценной помощи западноукраинских организаторов в решении ключевых задач типа развертывания полицейских единиц восточноукраинская администрация справилась с обязанностями, возложенными на нее немцами.

После обескураживающего опыта общения с ОУН многие интеллектуалы стали враждебно относиться к украинскому национализму как политическому движению, а подавляющее большинство было безразлично к нему. Во многих областях, однако, интеллектуалы были вовлечены в националистическое дело и придали новый стимул движению, а в некоторых городах националисты доминировали. Приверженность национализму имеет ряд причин. В Восточной Украине национализм находил большинство своих активных сторонников среди интел-

лектуалов; многие представители старшего поколения с ностальгией вспоминали краткий период национальной независимости во время революции либо были детьми тех, кто был в гуще событий того времени. При советской власти интеллектуалов вдохновлял «национальный коммунизм» периода Скрипника, а поощрение украинской культуры стимулировало националистические настроения многих людей, получавших образование в то время. Интеллектуалы особенно пострадали в период последовавших сталинских репрессий, и многие были готовы примкнуть к любому антисоветскому движению.

Националистическое движение получило колоссальную помощь оттого, что немцы разрешили ему вести пропаганду сразу после ухода советских войск. Кроме того, даже после запрета немцами деятельности ОУН украинский язык и культура культивировались. К концу оккупации многие восточные украинцы считали, что немцы в конце концов поддержат идею украинской государственности хоть в какой-то форме, и поэтому охотно относили себя к украинцам. Некоторые украинцы предпринимали определенные действия, говорившие о желании продолжать отношения с Россией, и немцы не препятствовали этому, поскольку нуждались в противовесе националистическому движению, но открытая пропаганда такой альтернативы независимости была запрещена почти до конца оккупации. Интеллектуалы привыкли за годы советской власти действовать в соответствии не только с линией официальной политики, но и той, что, по их представлениям, будет проводиться в будущем, поэтому украинскому национализму помогла даже небольшая поддержка немцев. Многие украинские интеллектуалы, занимавшие административные посты в Киеве и в других населенных пунктах, присоединились к власовскому движению, когда оно было наконец санкционировано; это доказывает, что во время оккупации многие проявили чисто поверхностную приверженность идее украинской независимости. С другой стороны, следует заметить, что многие интеллектуалы остались убежденными националистами даже после того, как разочаровались в ОУН из-за ее эксцессов и узнали, что ор-

ганизация не имеет немецкой поддержки в той степени, о которой заявлялось.

Иногда, как в Харькове, они создавали энергичные и успешные местные националистические организации, независимые от ОУН и даже настроенные враждебно к ней. Значительное число членов этих организаций, как и восточнукраинские сторонники ОУН, доказали преданность националистическому делу, подвергаясь риску, так как немцы жестоко наказывали всех заподозренных в несанкционированной политической деятельности. Уход от политической жизни, нежелание брать на себя инициативу — все это, похоже, было следствием жизни при советской власти, но как только восточнукраинский интеллигент действительно убеждался в ценностях националистического движения, он часто становился таким же преданным последователем национализма, как и западноукраинец, хотя намного более осторожным.

Равнодушие к общественным делам было намного более распространено среди представителей менее образованных слоев населения, особенно крестьян. Если такие группы и принимали участие в каких-либо акциях, то только в тех, что напрямую затрагивали личные или узкогрупповые интересы — как, например, раздел колхозной земли. Однако многие сообщают, что общество ждало положительных программ и ликвидации вакуума в управлении, оставшегося после ухода коммунистов. Люди отвергали коммунистический режим как таковой, однако годы пропаганды и инструкций от вышестоящих приучили их к полностью сформулированной программе, которая предлагала дальнюю цель, объяснение хода событий и содержала ряд наставлений. Неразъясненные распоряжения, туманные лозунги националистов были недостаточной заменой программ советского режима. Люди ждали решения проблем, перечисленных ранее в этой главе.

Немецкие власти были не способны представить такую программу, так как нацистское руководство решило превратить Украину в эксплуатируемую колонию. Русские антикоммунистические организации оказались в невыгодном положении, после того как украинские националисты заручились поддержкой немцев, в любом случае у

них не было ни энергии, ни организаторов для серьезных действий на территории Украины. Украинский национализм имел все преимущества, чтобы действовать как гальванизирующая сила для преодоления пассивности населения, освобожденного от диктата советского правления. Получив поддержку большей части восточнукраинской интеллигенции, украинский национализм смог усилить влияние. Интеллигенция являлась единственной элитной группой, которая в своем подавляющем большинстве не желала возвращения коммунизма и имела возможность донести националистические идеи до простых людей.

Западноукраинские и эмигрантские активисты, пропагандируя национализм, опирались на этнические и культурные особенности украинцев, что находило понимание у большинства представителей восточнукраинской интеллигенции. Безусловно, восточные украинцы занимали более умеренную позицию, признавали ценность и права других культур и стремились сделать украинскую культуру доминирующей, но не единственной на Украине. Представители обеих групп говорили на украинском с детства, не прилагая усилий. Большинство людей, даже имевших определенное образование, было мало озабочено проблемой доминирования украинского языка и культуры, хотя, как показывает усиление влияния автокефальной церкви, многим, по крайней мере в сельских районах, нравилось, что службы ведутся на украинском. Кажется, однако, бытовала реальная, хотя и неопределенная, привязанность к Украине как территориальной сущности в пределах границ, установленных Украинской ССР. Это чувство иногда заставляло даже людей русского происхождения считать себя украинцами. Смутное предпочтение, отдаваемое местной администрации, похоже, явилось следствием десятилетий сверхцентрализованного давления из Москвы.

Народные массы привлекала идея территориально децентрализованного управления, в то время как интеллектуальная элита была озабочена прежде всего идеей независимости Украины, основанной на культурном своеобразии нации, что указывает на пропасть, разделявшую эти две социальные группы. Если националистическая

идея и содержала умеренный элемент культивирования украинского языка и искусств, но была подкреплена серьезной программой социальной и экономической реформ, если идею пропагандировали реалисты, хорошо знающие местную специфику, она находила значительную народную поддержку. Успех группы «Просвита» в Харькове — хороший пример популярности националистической идеи, но следует помнить, что эта группа занималась экономически привлекательной организацией кооперативов или культурной деятельностью.

Украинский национализм был единственным динамичным антикоммунистическим движением, которое при немецкой оккупации было способно продолжать широкую пропагандистскую деятельность на востоке Украины. Оно обладало преданными последователями, которые служили пропагандистами; было способно пробуждать в людях энтузиазм и желание приносить себя в жертву. Отсутствие опыта и хладнокровия дорого обошлось его сторонникам. Движение показало, однако, гибкость политики, добавив в программу социальные меры, в которых нуждалось восточнукраинское население, имевшее опыт жизни при советской власти. Оно привлекло большую часть интеллектуалов и технических специалистов, которые являлись единственной группой, способной к реорганизации жизни при немецкой оккупации, но было не способно по-настоящему увлечь идеей национализма менее образованные слои населения.

Глава 13

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В 1954 году, когда эта книга была напечатана, прошло девять лет после окончания Второй мировой войны в Европе. На Украине за эти девять лет произошло множество событий. Соединенные воедино обстоятельные свидетельства эмигрантских источников, односторонние, но детализированные обвинения сталинских органов и разнообразные слухи создали размытую картину трагических событий. Без документальных свидетельств или надежной перепроверки, однако, было невозможно представить детальный, последовательный отчет о предшествующем десятилетии существования украинского национализма в пределах Советского Союза даже в заключительные месяцы войны.

При третьем издании «Украинского национализма» автор столкнулся с противоположной проблемой. Через сорок четыре года для подавляющего большинства читателей события Второй мировой войны были важны с исторической, а не личной точки зрения*. Анализируя национализм военного времени, необходимо учесть современные события. Фрагментарные свидетельства этих событий более разнообразны и существенны, чем те, что были доступны в начале 1950-х годов. Новые материалы настолько

* Скорее всего, в этой фразе кроется объяснение многих мало-вразумительных оценок автора «войны в Европе», «неизвестной войны», «исторического эпизода», оставивший исторический след в памяти американцев куда более короткий, чем Война за независимость или Война Севера и Юга.

объемны, что потребовалась бы монография-экспертиза, не менее обширная, чем приведенная на предшествующих страницах, темой которой стал бы послевоенный национализм. К счастью, без этого можно обойтись, поскольку добросовестный вторичный анализ послевоенных свидетельств выполнит ту же задачу. Настоящая глава представляет собой скорее сжатое описание послевоенного развития украинского национализма, чем попытку серьезного исследования и оценки. Первичная цель состоит в том, чтобы показать, как опыт военного времени повлиял на последующие события.

Элемент этого опыта, который прослеживается на протяжении всего послевоенного периода, — это вооруженная борьба Украинской повстанческой армии. Можно рассматривать УПА как миф. В этом случае термин «миф» не содержит никакого намека на беллетристику; напротив, как детально показано в главе 6, миф твердо базируется на историческом факте. Для двух послевоенных поколений украинцев, особенно в Западной Украине и в эмиграции, Украинская повстанческая армия не просто часть исторической памяти, а главная составляющая веры, трансцендентной истории, которые формируют самосознание. Как рассказано в главе 1, наследие казаков остается основой мифа о происхождении всех украинцев. Для западноукраинцев интенсивный опыт сопротивления и страданий военного времени стал важнее других событий XX века, но не уменьшил их значимости, например борьбы за независимость времен Первой мировой войны.

Как эпический опыт, история УПА не только конкурирует, но и идет параллельно с мифологией советской системы. Номинально базовый миф советской системы — это победа героического пролетариата после большевистской революции. Однако для придания легитимности послевоенной элите этот отдаленный (и неоднозначный) эпизод затмили историей о «Великой Отечественной войне», который элита выдает за свою собственную «героическую эру». Такой акцент облегчил смешение советского мифа с элементами российского мифа вековой давности об окончательном «сборе» восточных славян, включая

украинцев, благодаря победе в Великой Отечественной войне. Таким образом, измененный советский миф столкнулся с послевоенным украинским националистическим мифом. Противостояние возникло из-за того, что оба мифа основывались на партизанской борьбе: с националистической стороны — УПА, с советской стороны — красные партизаны. Во время хрущевского периода (в меньшей степени — сталинского и брежневского) история красных партизан была главной темой идеологического воспитания в литературе для комсомола. Рассказы о героизме подпольщиков и партизан носят неизменно драматический характер. Элита, кроме того, умело использовала тему партизанского сопротивления, чтобы показать героизм партии, также не стоит забывать, что военная история поднимает престиж профессиональных военных. Для украинской эмиграции сопротивление УПА тоталитарным врагам на двух фронтах было более привлекательной темой, чем важное, но политически неоднозначное создание регулярных националистических войск, о чем говорится в главе 7.

Следующие страницы содержат примеры отражения этих противостоящих мифов, главным образом в советской пропаганде. Цель советского правительства состояла в том, чтобы дискредитировать в глазах восточных украинцев опыт военного времени западноукраинцев, который изменил их национальное самосознание. Далее будет показано, что советской стороне удалось в этом добиться определенных успехов. Советская пропаганда уделяет так много внимания УПА, что позволяет утверждать: как миф, она особенно угрожает официальному мифу.

УПА в течение заключительных месяцев Второй мировой войны действовала исключительно за советской линией фронта, это объясняет снижение националистической партизанской деятельности в послевоенные годы. Как отмечено в главе 7, УПА отвлекала на себя как внушительные воинские силы, так и полки НКВД. С прекращением регулярных военных действий репрессивные советские силы набрали мощь, поэтому УПА уже не могла

вступать в открытые боевые действия с советскими войсками. В немецких сообщениях задолго до этого отмечалось, что националисты разбиваются на мелкие соединения для ведения партизанской войны на Волыни и против Ковпака в Галиции. На самом деле, несмотря на упоминания «дивизий» и «армий» в пропаганде, основным националистическим боевым формированием стало подразделение размером в роту — сотня. Впоследствии новые соображения привели к сокращению численности каждого партизанского отряда. Поскольку германские оккупационные силы полагались прежде всего не на украинских осведомителей, а на фольксдойче и поляков, они часто не имели источников достоверной информации о националистических движениях. Советский режим, несмотря на его общую непопулярность, никогда полностью не терял своей притягательности для ограниченного меньшинства галицких украинцев, кое-кто из которых ранее входил в распущенную коммунистическую партию Западной Украины, других привел на сторону советской власти после 1939 года явный оппортунизм. Почти все они не имели корней в галицких деревнях, но при благоприятных обстоятельствах могли связываться с осведомителями из этих мест. Таким образом, существовала обширная, хоть и разношерстная сеть информаторов — бич любого движения сопротивления, не использующего строго конспиративные методы. Однако желание советского правительства искоренить деревни, сочувствующие националистическим партизанам, показывает, что информаторы были неадекватны. Как отмечено в главе 7, процесс лишения УПА сочувствующего крестьянского «моря», в котором повстанческая «рыба» могла бы плавать, набрал полный ход к концу 1944 года, через несколько месяцев после советской реоккупации. Интенсификация этого процесса в последующие годы составляет главный аспект реакции режима на украинский национализм.

Третий фактор, препятствовавший крупномасштабным действиям УПА, — недостаток надежной базы или внешней поддержки. Довольно скоро ни одна из областей Советской Украины — даже глухие леса или высокие Карпатские горы — не представляли собой безопасного «ты-

лового района». Без таких областей для перегруппировки и восстановления сил крупные военные действия были фактически невозможны. Доставке снабжения извне мешало отсутствие безопасной базы, что препятствовало немцам поддерживать националистических партизан. После апреля 1945 года не возникло никакой альтернативной поддержки. Советские источники утверждали, что британские и американские разведывательные службы устанавливали контакт с повстанцами — очевидно, спустя многие месяцы после окончания войны. Даже если это утверждение верно, англо-американские агенты разведки не могли обеспечить существенной материальной помощи преследуемым борцам, не имевшим даже временных безопасных баз. К 1946 году (самое позднее) УПА состояла из постоянно теснимых мужчин (и их союзниц женщин, незаменимых в качестве разведчиков и связных), полагающихся на свою изобретательность при посещении деревень для получения продуктов и информации. В периоды между боевыми действиями партизаны, как правило, старались выглядеть как простые крестьяне. Чтобы избежать репрессий, их семьи старались скрывать связь с повстанцами. Зима 1945/46 года была очень трудной для людей верных УПА. Голые деревья не могли защитить от войск МГБ, имевших самолеты, а выпавший снег позволял легко находить партизан¹. Многие националистические партизаны были вынуждены провести большую часть зимы в подземных убежищах или схронах. Советская власть неуклонно проникала в сельские районы, принося с собой беды крупномасштабной коллективизации. Отряды УПА, действовавшие в маленьких украинских поселениях на территории, которая осталась после 1945 года под Польшей (при коммунистическом правлении), находились в особенно опасном положении. В конце 1947 года командование УПА приказало им покинуть территорию под видом рабочих, переселяющихся в Донбасс, или пробиться в американскую зону оккупации в Германии и Австрии. Очевидно, значительное число галицких повстанцев в отчаянии выбрали второе². В течение 1947 года несколько сотен партизан УПА сумели пересечь всю Чехословакию и спастись.

К тому времени оставшиеся силы УПА перешли в подполье. В течение, по крайней мере, зимних месяцев это часто означало буквальное самопогребение в бункерах. Трудности, переносимые в этих влажных, плохо освещенных, еле проветриваемых дырах (по воспоминаниям оставшихся в живых), почти неопишуты. После того как МГБ стало всю использовать полицейских собак, даже запах горячей свечи мог выдать расположение бункера. Националистические партизаны страдали не только физически, бездеятельность и недостаток приводили к серьезной депрессии. Однако более крепкие националисты продолжали готовить пропагандистские материалы для распространения весной и планировали мелкие нападения на агентов полиции, интеллектуалов-«ренегатов» и организаторов колхозов. Решительность, обусловившая такую деятельность, — террористические спорадические удары малых групп, являвшиеся серьезным ответом сталинскому террору, — была спровоцирована двумя событиями. Основная причина — усиление преследования Украинской католической церкви, начавшееся с ареста архиепископа Иосифа Слипого и других членов иерархии (апрель 1945 года). Затем советская карательная машина сделала все возможное, чтобы заставить украинских католических священников и их паству перейти в православие, захватывалась церковная собственность и арестовывалось много священнослужителей³. Как отмечено в главе 7, налет антиклерикализма, характерный для ранней ОУН, исчез во время войны. К 1946 году было очевидно, что советское преследование церкви означало подавление украинских национальных традиций, особенно с тех пор как православными священниками, в значительной степени завозимыми из России, стали заменять непокорное украинское католическое духовенство. Поэтому УПА взяла на себя роль защитника как религиозной, так и национальной свободы. Контрмеры УПА были направлены в основном против тех галичан, которые помогали советскому режиму притеснять Украинскую католическую церковь. В сентябре 1948 года был убит отец Гавриил Костельник, католический священник, принявший православие и игравший видную роль в кампании обращения в православие.

Националистические источники отрицали причастность УПА к этому убийству, но легко взяли на себя ответственность за убийство Ярослава Галана, весьма видного галицкого писателя, который давно сочувствовал коммунизму. После советской реокупации Галан, специализировавшийся на антиклерикальной пропаганде, издал ряд публикаций, включая «С крестом или с ножом» и «Сумерки странных богов», в которых содержались нападки на Украинскую католическую церковь, включая почитаемого митрополита Шептицкого, и националистические организации⁴. Хотя Галан был атеистом (в некотором роде коммунистом)⁵, он, очевидно, сотрудничал со священнослужителями, перешедшими в православие, подобно Костельнику⁵. После его смерти были предприняты еще более серьезные попытки связать националистическое подполье и католическую церковь⁶. Согласно советскому источнику, на востоке Украины демонстрировался кинофильм, посвященный этой теме⁷.

Усиление жестокости советской милиции в сельских районах, вероятно, породило столь же мощную реакцию сопротивления, ибо огромное большинство оставшихся бойцов УПА вышли из галицких крестьян. Сначала репрессивные меры ограничивались размещением полицей-

* Ярослав Галан был членом Компартии Западной Украины — секции Польской Компартии. После того как решением Коминтерна (июль 1938 года) последняя была по инициативе Сталина распущена: якобы она являлась гнездом провокаторов и шпионов (а руководство вызвано в Москву и уничтожено), распущена была и КПЗУ, а после присоединения Западной Украины к СССР руководители КПЗУ были также расстреляны. В ВКП(б) Ярослав Галан не состоял. Галан не только выступал против униатов и националистов, но и разоблачал местных советских коррупционеров, чем, очевидно, был неугоден местному руководству. Незадолго до убийства органы безопасности отобрали у Галана личное оружие, хотя знали, что на него объявлена охота националистами, в связи с чем появились слухи о причастности органов безопасности к убийству Ярослава Галана. Он был зверски убит националистом в доме номер 18 по Гвардейской улице во Львове, где в его квартире (№ 10) позже был открыт мемориальный музей Ярослава Галана. Нынешние власти не преминули нанести Галану и посмертный удар: его музей, разумеется, был ликвидирован. На его месте — музей под названием «Литературный Львов первой половины XX столетия».

ских подразделений в деревнях. Позже могли депортировать все население деревни⁸. На замену коренным жителям приезжали поселенцы из отдаленных частей СССР. Таким образом, партизаны лишились надежной поддержки. Даже в районах, где западноукраинское крестьянство не было выслаано, оно находилось под властью советской администрации, что облегчало сбор информации о действиях националистов. Широко развернутая кампания по организации колхозов усилила влияние сельской администрации. Но коллективизация продвигалась медленно из-за пассивного сопротивления крестьянства и жестоких нападений УПА на пришлых председателей колхозов. Уже в октябре 1949 года Никита Хрущев докладывал, что в Западной Украине крестьяне, вступившие в колхозы, составляют 61 процент сельского населения⁹. Даже если число колхозников не было завышено, можно сделать вывод, что к этому времени большинство крестьян в главных горных районах Галиции, где оперировала УПА, не было коллективизировано, так как коллективизация близилась к завершению в больших областях Западной Украины, наименее подходящих для подпольного сопротивления.

Советский милицейский аппарат долго не мог загнать в угол главных лидеров УПА. 5 марта 1950 года Верховный командующий Шухевич был убит в деревне около Львова¹⁰. Его смерть не означала конец действий УПА, но к концу 1950 года оставшихся членов организации было так немного и за ними настолько усиленно охотились, что осталось мало достоверных сведений об их действиях.

К середине двадцатых советский режим установил эффективную монополию силы почти на всей территории тогдашнего СССР. В отдаленных районах Средней Азии группы басмачей наносили спорадические удары приблизительно до 1930 года. На европейской территории СССР, однако, действительно серьезное сопротивление советской власти не вызвала даже коллективизация, несмотря на ненависть к ней большинства крестьянства. Отчаявшиеся крестьяне, которых довели до бандитизма, скрывались в лесах Белоруссии и Западной России. Массовые бунты происходили на Украине и в других местах, но они подавлялись, прежде чем успевали стать организованными.

ми восстаниями. Более упорное сопротивление советской власти имело место в начале Второй мировой войны. Помимо сопротивления красным партизанам, которое оказывали украинские отряды и несколько русских, вроде отряда Бронислава Каминского, имело место независимое восстание мусульманских горцев на Северном Кавказе осенью 1941 года, охватившее большую территорию. Хотя об этом восстании известно относительно мало, его тщательная конспиративная подготовка, синхронность начала и эффективный характер, похоже, ставят его в ряд наиболее важных антисоветских выступлений. Однако численность восставших — несколько сотен тысяч — не позволила ему иметь серьезное значение на Северном Кавказе. Продолжая тему, можно сказать, что и в других смелых и продолжительных восстаниях против коммунистических режимов также участвовала лишь небольшая часть населения — в Тибете и Китайском Туркестане против пекинского китайского правительства или в Восточной Германии (1953) и Польше (1956). Венгерская революция 1956 года была, конечно, гораздо более важной, она затронула девять миллионов человек, была быстро создана разветвленная организация, но продолжалась революция всего несколько недель. Заметим, что более или менее эффективная антикоммунистическая деятельность украинских сил сопротивления длилась с середины 1944 до 1950 года.

Невозможно представить полный перечень причин столь длительного сопротивления УПА. Однако их можно, вероятно, свести к следующим: 1) благоприятный ландшафт — относительно непроходимая местность для крупных подразделений регулярных войск, но расположенная близко к источникам снабжения питанием; 2) почти единодушная поддержка сельского населения; 3) довольно большая национальная группа (приблизительно 3 миллиона 500 тысяч одних только украинских католиков) как основа поддержки; 4) очень мощная — действительно фанатическая — националистическая идеология; 5) высоко интегрированная, авторитарная организационная структура; 6) значительный период подготовки при благоприятных условиях; и 7) умеренное пополнение оружия извне

в момент развертывания. Возможно, один или несколько из перечисленных факторов отсутствовали.

УПА с точки зрения масштаба сопротивления достаточно эффективна, но возникает вопрос: каковы результаты ее деятельности? Несомненно, УПА в течение нескольких лет отвлекала на себя советские ресурсы, но столь же ясно, что это не подвергало опасности советскую систему и не являлось серьезным препятствием для ее материального прогресса. Следовательно, достижения УПА следует искать в области политики и психологии, однако на однозначное отношение они рассчитывать не могут. Действия УПА, особенно крупномасштабная партизанская война между 1944 и 1947 годами, ослабляли способность галичан противостоять давлению советской системы. Многие тысячи наиболее энергичных галицких молодых людей погибли (хотя УПА спасла некоторых потенциальных призывников от смерти на фронте), а значительная часть галицкого населения была сослана. Хаос, вызванный партизанским движением, разрушил социальную ткань, сломав таким образом сложившиеся нормы жизни и семейные устои, которые в иных условиях были препятствием для установления советского контроля. С другой стороны, можно говорить о том, что советская власть в любом случае полностью подчинила бы галицкое население, доказательством чего может служить проведение коллективизации и жесткое преследование церкви. УПА, возможно, ценой чрезмерных человеческих страданий оказала если и неосязаемую, но тем не менее чрезвычайно важную психологическую поддержку угнетенному населению. Она показывала, что есть альтернатива, хотя и отчаянная, подчинению тоталитарному режиму. Западноукраинское население увидело, что сопротивление потерпело крах; но многие люди должны были понять: если международные обстоятельства изменятся, результат может быть иным. Я предсказываю, что память о длительном вооруженном сопротивлении будет еще многие годы жить в сознании людей Западной Украины. Эта память стала главным компонентом основополагающего мифа о национальном самосознании в этом регионе. Западноукраинцы являются в некотором смысле людьми отор-

ванными от других из того большинства, которое находится под коммунистическим правлением. Следовательно, лишь западноукраинцы имеют право судить, стоило ли сопротивление УПА стольких жертв.

Согласно одному из основных националистических источников самой поздней истории УПА, менее 10 процентов ее операций имели место в Волынской области (под Волынью и Ровно) между серединой 1946 и серединой 1949 года¹¹. Даже если это соотношение не точно, другие свидетельства указывают, что волынские болота и леса для националистических партизан стали менее важны после ухода немцев. Несомненно, Карпатские горы больше подходили для партизанской деятельности. Низкий уровень активности националистических партизан в Буковине (Черновицкая область) имеет то же объяснение. Труднее, пожалуй, понять, почему националистические партизанские действия слабо проявлялись в Закарпатской Украине (Закарпатская область). Горная лесистая местность региона и ее близость к Венгрии, Словакии и Румынии, где в 1940-х годах коммунистический контроль был еще не полностью установлен, делали, казалось бы, Закарпатскую Украину идеальным местом для развертывания партизанских действий. Некоторые украинские источники утверждают, что действия УПА там были значительными, но ранее приведенные в главе данные указывают, что в Закарпатской Украине на протяжении 1946—1949 годов было проведено менее одного процента операций УПА. Значительное число советских работ, посвященных этой теме, также не упоминают о серьезной вооруженной оппозиции советской оккупации в области¹². Хотя советские источники нельзя воспринимать как энциклопедию украинского национализма, в них присутствуют пространные комментарии националистической деятельности в районе, расположенном к северу от Карпатского региона, Закарпатская Украина просто не упоминается в контексте темы националистического сопротивления.

Раскол населения во время войны между «мадярофилами» — теми, кто сотрудничал с венгерским режимом, — и украинскими националистами помог укреплению совет-

ского контроля в Закарпатье. Примерно в то же время произошел раскол между горячими сторонниками украинской культуры и теми, кто считал себя русскими. Представители последней группы в большинстве своем были православными, а не католиками, как украинцы. Эти разногласия обусловили снижение сплоченности сельского населения, которая, как отмечалось выше, была необходима для ведения успешной националистической повстанческой деятельности. Можно предположить, хотя вряд ли существуют свидетельства, что ОУН-М, действовавшая в Закарпатской Украине и на Буковине, отказывалась сотрудничать с УПА, в которой доминировала ОУН-Б¹³.

Однако сравнительно крепкие позиции коммунистов в Закарпатской Украине являлись более веской причиной. При чехословацкой администрации бедность сделала людей области восприимчивыми к коммунистической пропаганде, которая подпольно велась и при венгерском правлении. Как отмечено в главе 7, коммунисты в конце войны оказались способны развернуть значительное партизанское движение в Закарпатской Украине. Сеть местных коммунистов стала основой советского административного аппарата, без сомнения, с ее помощью были завербованы и информаторы в деревнях. Бывшие красные партизаны вошли в подразделения службы безопасности¹⁴. Для ведения широкоразвернутых националистических партизанских действий возникли серьезные препятствия. Вероятно, руководство УПА, адекватно оценив ситуацию, решило, что направлять значительную часть ресурсов в Закарпатскую Украину не разумно. Подобные соображения не позволяли УПА развернуть операции и на востоке Украины. В течение короткого периода во время войны, как признается в одном из послевоенных советских изданий, некоторые националистические партизаны действовали в Кировоградской и Черниговской областях; но, если не считать набегов на Житомирскую, Киевскую и Каменец-Подольскую (теперь Хмельницкая) области, националистические партизаны, похоже, не проникали в глубь Восточной Украины¹⁵.

Значение националистических действий во время войны, главным образом подпольной пропаганды на востоке

Украины, будет показано в этой главе при обсуждении диссидентства шестидесятых и семидесятых годов. Жесткие репрессии, развернутые Сталиным и прекратившиеся лишь после его смерти в марте 1953 года, не позволяют говорить о проявлениях националистического влияния. В публикациях сталинского периода неоднократно подчеркивалось, что «буржуазный национализм» был главным врагом советской власти. На Украине такие публикации выходили чаще всего, и их тон был более острым, публикации были дополнены ужасными свидетельствами подавления церковей по замыслу Сталина (Украинской автокефальной церкви и Украинской католической), принудительной коллективизации сельского хозяйства и притеснения интеллигенции. Через три года после смерти Сталина Хрущев признал, что Сталин ненавидел украинцев, которых готов был депортировать всех до единого, но «их было слишком много и не нашлось территории, где их всех можно было бы разместить»¹⁶. В атмосфере страха, созданной таким отношением и действиями, вряд ли можно было ожидать открытых проявлений национализма.

До середины 1950-х годов они могли происходить (не считая действий приходящей в упадок в подполье УПА) только в эмиграции. Но даже люди из этой среды были запуганы террором, действовавшим в СССР. В течение межвоенного периода украинские националистические политики, даже в изгнании, не теряли ощущения реальности благодаря тесным контактам с издавна проживавшим в Польше, Чехословакии и Румынии украинским населением. Особенно в первое послевоенное десятилетие жизненно важному общению препятствовал непроницаемый «железный занавес». Эмигрантские политики поначалу главным образом работали с украинцами (их, вероятно, было за миллион), оказавшимися в западных зонах оккупации в Германии и Австрии. Но «нормальная» политическая реакция в этой среде была приглушена принудительной репатриацией. Даже сегодня неясна причина этой англо-американской политики, которая оставляла, однако, лазейку: лицам, которые жили на территориях, аннексированных Советским Союзом в 1939 году или позже, разрешалось

оставаться в западных зонах. Другими словами, только украинцы, которые могли выдать себя за западноукраинцев, имели возможность избежать советского контроля:

«По условиям Ялтинских соглашений политика США подразумевает репатриацию в Советский Союз всех претендующих на советское гражданство, чьи претензии принимаются советскими властями. На практике это означает... что советские граждане, проживавшие на советской территории в границах до 1939 года, репатрируются независимо от индивидуальных пожеланий... Это противоречит политике США, способствовавшей автоматической репатриации лиц балтийских национальностей... поляков, хорватов и словенцев... и словаков»¹⁷.

Репатриация не только принесла личные трагедии, но и повлияла на будущее националистической эмиграции. Так как огромное большинство восточных украинцев было возвращено в СССР, западноукраинцы стали численно доминировать в лагерях перемещенных лиц, где эмигранты обычно жили три-четыре года после окончания войны¹⁸. Кроме того, восточные украинцы остались в лагерях только потому, что сказали лагерному начальству, будто они из Западной Украины. Даже когда репатриация прекратилась, беженцы испытывали понятное недоверие к намерениям союзнических властей. В результате восточные украинцы стали зависеть от западноукраинских соотечественников, которые легко могли их выдать. Согласно широко распространенным слухам, западноукраинские националисты использовали угрозу таких разоблачений, чтобы заставлять восточных украинцев служить националистическому делу. Известно, что иногда националисты прибегали и к насилию, чтобы контролировать администрацию лагеря и иметь монополию на пропаганду¹⁹.

В этой борьбе верх одержали сторонники Степана Бандеры, известные после войны как ОУН-Р (революционная), которые сумели привлечь на свою сторону самых молодых галичан из националистической эмиграции, что сделало их сильнее группировки Мельника (известной к тому времени как ОУН-С — солидаристы). Но у Мельника

были важные опорные центры, особенно во Франции, где Олег Штуль (когда-то советник при партизанах Боровца) был главным представителем ОУН-С по связям с печатью.

После 1946 года две силы работали на то, чтобы смягчить распри внутри националистического движения. Главным стабилизирующим фактором оказалась громадная украинская диаспора в Северной Америке. При въезде в страну украинцы, как правило, не классифицировались как определенная группа, что делает статистику по украинским иммигрантам печально неточной. Представляется, однако, что к концу войны в Соединенных Штатах проживало от полумиллиона до миллиона лиц, имевших украинские корни. В Канаде украинцев в то время было более чем раза в полтора больше, чем в Соединенных Штатах, и их число росло намного быстрее, поскольку в то время эмигранты искали постоянное пристанище. То же происходило и в относительно маленьких украинских поселениях в Австралии и Южной Америке. Политический и социальный тон быстро стали задавать канадские украинцы — не только потому, что их число постоянно увеличивалось. Сосредоточенные поселения канадских украинцев (особенно в провинциях Онтарио, Саскачеван и Альберта) позволили им достигнуть серьезного политического влияния в многонациональном доминионе.

Большинство довоенных украинских иммигрантов во всех странах — это крестьяне, спасавшиеся от бедности и воинской повинности в Австро-Венгрии и Российской империи. Многие из их потомков сохранили только остаточные связи с украинскими землячествами. Малая часть, особенно в Канаде, была вовлечена в коммунистические организации, но после Второй мировой число украинцев коммунистов сократилось²⁰. Влияние националистических организаций усилилось благодаря Дмитро Донцову, националистическому идеологу, который, по-видимому, тяготел к ОУН-Р*.

* Кажущийся парадокс: после победы над фашизмом влияние зарубежных националистов усилилось «частично» благодаря Донцову, главному идеологу и разработчику украинского фашизма.

Церковь являлась второй силой, стремившейся умерить эмигрантские разногласия. Сразу после войны Украинская католическая церковь и оставшаяся часть Украинского национально-демократического союза (УНДО) стали активно работать над этим. Поскольку позиции восточных украинцев укрепились, Украинская автокефальная православная церковь в эмиграции смогла тоже играть подобную роль.

В июне 1948 года почти все стороны, включая две ветви ОУН, признали Украинскую национальную раду, возглавляемую Андреем Левицким, законным преемником государственной власти Украинской национальной республики, учрежденной в 1917 году. Скоро, однако, стало очевидно, что участие ОУН-Р непостоянно. Удивительно, что это было наиболее умеренное крыло бандеровской фракции, возглавляемое Мыколой Лебедем и отцом Иваном Грыньохом, которые порвали и с эмигрантской группировкой государственников, и с самим Бандерой. Лебедь и Грыньох, утверждая, что находятся в прямом контакте с УПА и ее политическим крылом — УГВР, представляли УГВР в Западной Европе как альтернативный надпартийный орган. Это привлекло к ним некоторых членов УРДП (Украинской революционной демократической партии), преемника УНДП, сформированной диссидентами из ОУН-Б (главным образом восточными украинцами) среди партизан Боровца в 1942 году.

После раскола в ОУН-Р оставшиеся с Бандерой и Ярославом Стецко также откололись от Национальной рады; они держались новой «наднациональной», как и «надгосударственной», организации — антибольшевистского блока наций (АБН), украинские организаторы которого ведут его историю с Волыни времен войны, когда боевики разных наций встретились и создали политический союз. Учредителями были восточноевропейцы и даже азиаты, представители главным образом крайне правого крыла, или малые этнические группы подобно словакам. На практике заправлял в АБН Ярослав Стецко, председатель его центрального комитета.

Подобные разногласия, расколы и новые комбинации были характерны почти для всей эмигрантской политики

на протяжении веков. Но как только сиюминутные надежды и волнения военного времени отступили на задний план, такая фрагментация стала особенно вредной для украинского националистического дела. Необходимость выработки единой украинской позиции возникла в 1950 году, когда Американский комитет по освобождению народов России начал планировать создание организации, в Мюнхене, из эмигрантов — выходцев из СССР. Вскоре эта организация, чье название напоминало власовский Комитет за освобождение народов России, создала неплохо финансируемую исследовательскую организацию — Институт изучения СССР и чрезвычайно эффективную радиостанцию для вещания на Советский Союз. Комитет, номинально являвшийся частной организацией, несомненно, щедро финансировался благодаря своей активной деятельности. Лет двадцать спустя было официально признано, что главную роль в финансировании играло Центральное разведывательное управление США.

И созвучие названий, и ярко выраженная прорусская позиция некоторых ключевых фигур комитета вызвали неприязнь главных украинских политических группировок, которые отказались с ним сотрудничать даже после того, как название было изменено — вначале на Американский комитет за освобождение от большевизма, а затем на Американский комитет освобождения, что способствовало возникновению двух новых партий — Украинского движения освобождения и Союза украинских федералистов-демократов, которые хотели воспользоваться выгодами, предоставленными мюнхенским центром. Поскольку несколько лидеров этих партий в прошлом сотрудничали с Власовым, многие украинские националисты осудили партии, объявив их организацией русских эмигрантов. Главным результатом было осознание недостатка политического влияния в североамериканских столицах украинским националистическим руководством. В частности, вновь заработавший Украинский комитет конгресса (созданный в 1940 году) был поддержан — с разной степенью приверженности и энтузиазма — фактически всеми украинскими фракциями в Соединенных Штатах. Украинский комитет конгресса добился

существенного успеха, о котором говорит ряд резолюций американского конгресса и получение разрешений на возведение памятников, кроме того, он повлиял на изменение политической линии радиостанции «Освобождение» (позже радиостанция «Свобода»), в работе которой стали принимать участие не только русские.

Второй период украинского национализма в послевоенной Советской Украине начался с двух драматических событий 1953 года — смерти Сталина и перемирия в Корее, не имевшего к этому отношения. Для эмигрантских националистических партий последнее событие положило определенный конец ожиданиям, что противостояние США и СССР ослабит советскую хватку на Украине. Превеличенные надежды, связанные с «подъемом «железного занавеса», вызванные кампанией президентских выборов 1952 года, были развеяны отказом администрации Эйзенхауэра оказать силовую поддержку берлинским мятежникам, протестовавшим в июне 1953 года против советской жестокости. Уход Сталина, казалось, открывал новые перспективы для выражения национальных чаяний в СССР. Украинский партийный аппарат развернул кампанию, длившуюся всю весну, за то, чтобы к представителям всех наций в СССР относились так же, как к русским. Многие аспекты этой кампании все еще остаются в тайне. Точно можно сказать, что прямым инициатором кампании был ненавистный шеф полиции Л.П. Берия; но на Украине кампанией ведал А.И. Кириченко, первый выходец с Украины на посту первого секретаря.

Кириченко был явным союзником Никиты Хрущева, главным звеном в длинной цепи украинских аппаратчиков, с помощью которых Хрущев намеревался укрепить контроль над Коммунистической партией Советского Союза. Но Берия вскоре казнили, и намеки на национальный гнет русских быстро исчезли. Очевидно, Хрущев понял, что последние десятилетия правления Сталина настолько укрепили позиции русских в номинально ленинском режиме, что претендующий на лидерство обязан был считаться с этим. Наиболее успешные годы Хрущев

провел на Украине, возглавляя там партию. Однако он отрицал, что когда-либо хорошо говорил по-украински, тем самым косвенно отрекаясь от каких-либо украинских корней в этнически смешанной Курской области. Скоро стало очевидно — цель Хрущева заключалась в том, чтобы консолидировать Советский Союз вокруг восточнославянского ядра, в котором белорусам и украинцам отводилась роль младших партнеров русских.

В период правления Хрущева то допускались ограниченные проявления национализма, то пресекалось любое националистическое самовыражение. Как отмечалось выше, в закрытом докладе Хрущева во время партийного съезда 1956 года содержалось открытое осуждение Сталина за его ненависть к украинцам. Однако, будучи во время войны номинальным главой партизанского штаба Украины, Хрущев придерживался мифа о героизме красных партизан и соответственно желал искоренения мифа о националистических повстанцах. Кроме того, Хрущев в старости, похоже, не считал нужным использовать Русскую православную церковь для подавления других религиозных организаций на Украине. В конце пятидесятых Хрущев, очевидно, был атеистом. Украинских христиан и русских православных лишили возможности посещать Киево-Печерскую лавру, главный символ украинского христианства. Столь же искренне Хрущев пытался искоренить представление о положительной роли Сталина в руководстве страной. Хрущев в течение последних лет у власти защищал литературных деятелей, стремившихся разоблачить зло сталинской эпохи от мощной коалиции партийных идеологов, возглавляемых М.А. Сусловым. Александр Солженицын являлся убежденным русским националистом, но масштаб сталинских злодеяний был столь значителен, что осторожные защитники любой этнической группы могли помочь ей, клеймя умершего диктатора.

Украинцы не сразу смогли действовать подобным образом, вероятно, потому, что венгерская революция, произошедшая вскоре после секретного доклада Хрущева, заставила аппарат уделить больше внимания районам, граничащим с Венгрией. Тем не менее на сессии Союза

писателей Украины в январе 1957 года была сделана попытка реабилитировать писателей-диссидентов сталинской эпохи, особенно Мыколу Хвылювю, который в двадцатых годах открыто выдвинул лозунг «Прочь от Москвы». Эта попытка оказалась неудачной, но кинорежиссер Александр Довженко, который выступал за развитие украинской культуры, был реабилитирован²¹. Очевидно, что любое упоминание о националистическом сопротивлении во время войны вызвало бы негативную реакцию, да и нет свидетельств, доказывающих, что эта тема действительно интересовала авторов конца пятидесятых и начала шестидесятых годов или что они понимали ее важность. Борцы за развитие украинской культуры в Советской Украине во времена, предшествующие правлению Сталина, стали героями книг нового литературного поколения. Соблюдая достаточную осторожность, писатели могли обращаться и к главным элементам основополагающего мифа об украинском самосознании, особенно к Запорожской Сечи. Даже культивирование украинского языка — главное достижение тех, кто работал в советской системе в середине двадцатых годов, — следовало отстаивать осторожно. Русские должностные лица низкого звена на Украине вновь при Хрущеве снизили количество часов, отведенных родному языку, ссылаясь на «перегруженность» учащихся, однако партийная верхушка Украины считала необходимым издавать больше учебников на украинском языке.

Чиновники высшего ранга содействовали уменьшению русификации, что наиболее интригующе показывает история с Иваном Дзюбой. Тридцатичетырехлетний писатель, уже известный в украинских кругах, Дзюба написал книгу по вопросу русификации. По существу, его работа представляла собой идеализированное, но подробное толкование ленинской национальной политики. Дзюба утверждал, что эта политика воплощалась на Украине в двадцатых годах, но была затем полностью извращена преемниками Ленина. К декабрю 1965 года, когда Дзюба открыто обратился к украинскому Центральному комитету партии, в число этих преемников входил и Хрущев, которого четырнадцать месяцев назад сняли с поста в Мо-

скве. Тем временем по причинам, которые так и не стали известны, лишился высоких полномочий Кириченко, а Николай Подгорный, его преемник в 1963 году на посту партийного руководителя в Киеве, был выдвинут в секретариат в Москве и сыграл ведущую роль в изгнании Хрущева. В 1965 году его заменил на посту украинского партийного руководителя человек украинского, как и Подгорный, происхождения Петр Шелест, работавший в харьковском аппарате. По-видимому, сам Шелест не осудил критику Дзюбы, потому что он, как считают, направил копии работы областным партийным секретарям.

Несколькими месяцами ранее на Дзюбу обрушились неприятности, организованные украинскими партийными идеологами во главе с секретарем Центрального комитета А.Д. Скабой, который при Подгорном занимал тот же пост в Харьковской области. Это произошло весной 1965 года, когда впервые после смерти Сталина были арестованы украинские литературные деятели. Очевидно, репрессивные акции были частью более широкой кампании, проводившейся преемниками Хрущева, во главе которой стоял другой украинский аппаратчик — Леонид Брежнев. Хотя Брежнев родился на Украине, он был русским, являлся представителем днепропетровской партийной среды, далекой от национальных литературных кругов Киева и Харькова. Партийные идеологи создали миф о Брежневе, герое советского военного сопротивления германской оккупации Украины. Новый лидер, так же как и Хрущев, очернял националистическую борьбу за независимость, но клеймил Сталина реже, чем предшественник. Брежнев продолжил хрущевскую политику продвижения украинских аппаратчиков на союзные посты, но это касалось лишь узкого круга лиц, связанных главным образом с днепропетровским аппаратом.

В области идеологического контроля главным изменением, так или иначе, было укрепление позиций Суслова, который, очевидно, разработал план смещения Хрущева. Хотя Суслов явно не слишком симпатизировал украинскому национальному самовыражению, решение расправиться с видными украинскими литераторами вскоре после удаления Хрущева было, как кажется, частью по-

литики возобновления контроля над литературой, к которой Хрущев относился терпимо, так как усиление критики Сталина ему было выгодно.

В июле 1968 года Дзюба публикует работу «Интернационализм чи русификация?» в украинском националистическом издательстве «Сучастність» в Мюнхене, которая была в тот же год издана на английском в Лондоне. Дзюба (подобно Солженицыну) отрицал использование его рукописи западными издательствами, и его временно оставили на свободе.

Тем временем произошло событие благоприятное для украинской культуры: публикация двадцати шести томов труда под названием «Історія міст і сіл Української РСР». Тома стали выходить в 1964 году, но огромная работа по подбору авторов, изучению местных архивов и оценка материалов началась намного раньше. История ни одной из советских республик, возможно, ни одной страны не была изучена столь добросовестно. Несмотря на строгое соблюдение советских мифов, читатели (знающие украинский) были потрясены величию истории Украины. Кроме того, издание многотомного труда показало, что в стране произошли определенные изменения: политические преобразования не повлияли на выход серии. Треть серии не была завершена к 1972 году, тома вышли в последующие два года. Работник Украинской академии наук в статье под названием «Хроника нашей родимой земли» писал, что «вдохновением для этой публикации (приблизительно 2500 подписей) явилась просьба рабочих нашей республики. Центральный комитет Коммунистической партии Украины поддержал их инициативу»²².

Возможно, издание труда явилось причиной кадровой перестановки в марте 1968 года, когда пост Скабы передали Овчаренко. Многие исследователи считают, что инициатором отставки Скабы был Шелест. Однако можно предположить, что Шелест курсировал проект «История» наряду с другими украинскими культурными проектами. В конце шестидесятых он — и его сотрудники — работали над книгой «Україно наша радянська», которая вышла в Киеве в 1970 году. Авторы данной работы осуждали «буржуазных националистов» и восхваляли советскую систе-

му, но сам тон книги, манера подачи материала должны были вызвать подъем национальной гордости.

Через два года после подавления либеральной революции в Чехословакии по Польше прокатилась волна забастовок, что не могло не встревожить Москву, поэтому культивирование национального самосознания украинцев, второй по численности нации Советского Союза, было абсолютно недопустимо. Нельзя было позволить книге Шелеста стать «окончательным критерием интерпретации некоторых прошлых и настоящих событий» для наших ученых, пропагандистов и деятелей искусств²³. В мае 1972 года Шелест был смещен с поста первого секретаря. За полтора года до этого заменили его протеже, возглавлявшего украинский КГБ, человеком более удобным для Москвы. В промежутке произошли два зловещих события, предвещавшие падение первого секретаря: арест бельгийского подданного украинского происхождения, чьи вынужденные «признания» привели к тому, что против нескольких видных диссидентов-интеллектуалов были выдвинуты обвинения в шпионаже в пользу ОУН. А в начале 1972 года, вскоре после этого состряпанного КГБ дела, произошла серьезная чистка в среде работников культуры. Особенно пострадало руководство партийных и государственных образовательных учреждений и редакторы — то есть фигуры периферийного аппарата, которые при Шелесте защищали украинскую культуру. Давление было настолько сильным, что некоторые видные диссиденты отреклись от своих взглядов, и среди них Дзюба, который публично «поблагодарил» своих тюремщиков за указанные ошибки в обращении «Интернационализм или русификация»²⁴. Принимая во внимание слабое здоровье Дзюбы и угрозу обвинения в сговоре с эмигрантскими националистами, по-человечески можно понять, что десятилетия литературной борьбы за утверждение украинских ценностей имели столь горький финал.

Каково же было реальное значение того десятилетия для мифа об украинской самобытности? Кроме маргинальных инцидентов в Западной Украине, поддержка, даже тайная, того вида национализма, который характеризовал движение военного времени, отсутствовала. По-

пытки режима осудить украинских авторов и чиновников за контакты с иностранцами указывают на замысел: память о галицких националистах 1941—1942 годов должна была служить напоминанием об ответственности для тех, кто хотел бы оживить национальные чувства. Неистовое усилие, предпринятое, чтобы связать идеи типа «прочь от Москвы» со всеми советскими пугалами прошлого и настоящего, показывает, что в конечном счете «младшим братьям-славянам» запретят демонстрировать чувство национальной гордости. Даже украинское отделение Общества охраны памятников истории и культуры после отставки Шелеста подверглось нападкам. Потом его деятелей обвинили в «идеализации прошлого», и влияние российского отделения этого общества усилилось в беспрецедентном масштабе.

Интеллектуальные националисты шестидесятых годов иногда действовали так же, как и участники националистического движения военного времени, что никак не связано с личными контактами. И те и другие занимались подпольной деятельностью. Существовал «самвыдав» (подпольное хождение материалов, авторы которых оспаривали официальную точку зрения, — эквивалент российского «самиздата»). Интеллектуальные националисты, как и националисты военного времени, придавали особое значение сохранению чистоты украинского языка, настаивая, что русские формы разрушают язык. Чтобы подчеркнуть казацкую составную украинской истории, диссиденты шестидесятых годов выработали тот же способ, который использовали националисты тридцатых подобно Тарасу Боровцу.

Однако различия между диссидентами шестидесятых и их западноукраинскими предшественниками были весьма существенны. Группа шестидесятых приветствовала сотрудничество со всеми жителями Украины, независимо от того, на каком языке они говорят. Дзюба призывал к еврейско-украинскому сотрудничеству; Вячеслав Чорновил и генерал Петр Григоренко тесно сотрудничали с диссидентами, выступавшими за соблюдение гражданских прав в России. Несмотря на свой романтизм, диссиденты шестидесятых годов были не склонны в своих дей-

ствиях вместо разума руководствоваться «размышлениями с кровью». Украинские писатели полностью отклоняли идею насилия, считая, что радикальные меры всегда работают против тех, кто их использует. Теория ОУН и «наживной опыт» подпольной ОУН, полученный ее активистами в Восточной Украине во время Второй мировой войны, имеют те же различия; на собственной территории восточнoукраинские диссиденты шестидесятых чувствовали себя увереннее.

Неудивительно, что события на востоке Украины происходили на фоне снижения роли ОУН в эмиграции. Уменьшение влияния в 1953—1956 годах, когда Соединенные Штаты и другие западные страны не оказали вооруженной помощи мятежникам советского блока, являлось одной из причин ослабления позиций ОУН в эмиграции. Хотя националисты не могли серьезно влиять на события в Восточной Украине, они не были застрахованы от секретных атак КГБ. Наиболее серьезный удар постиг ОУН-Р, когда 15 октября 1959 года умер в своем доме близ Мюнхена Степан Бандера. Двумя годами позже за отравление Бандеры был арестован какой-то украинец; суд Федеративной Республики Германии признал этого человека виновным на основании его признаний²⁵. Руководить и ОУН-Р, и АБН стал Стецко. И все же советский режим продолжал считать эмигрантов потенциальными врагами. В конце шестидесятых несколько украинских ученых, включая доктора Р.Г. Симоненко, специализировались на изучении «буржуазного национализма» в отделе истории Академии наук Украины — под руководством А.Д. Скабы²⁶.

В Северной Америке уже существовало поколение украинцев, получивших образование в англоязычных странах, взгляды этих людей влияли на настроения в среде украинцев эмигрантов. Молодые украинские американцы и украинские канадцы стали ядром корпуса восточноевропейских специалистов. Академические публикации существенно увеличили объем доступной литературы на английском языке по интересующим украинцев вопросам (хотя классики украинской историографии оставались, главным образом, непереуведенными). Прогрессу в академической области помогали новые ин-

ституты: Гарвардский украинский исследовательский институт, Канадский институт украинских исследований университета Альберта и значительно меньшие центры в Онтарио. Украинские исследования вылились в основной поток североамериканской академической мысли, тем самым увеличив и академическую полезность, и престиж украинской культуры.

Длительная работа Украинской академии наук в Америке (УВАН) и Научного общества имени Шевченко приписывают эту заслугу старшему поколению украинцев. Однако некоторые из старых противоречий остались неизжитыми. Энергичные действия УГВР — которая ранее, безусловно, играла существенную роль в подгонке идеологии ОУН к восточнукраинским тенденциям — обратили на себя внимание общественности далекой от националистических кругов. Относительное угасание Украинского комитета конгресса (его влиятельный руководитель Лев Добрянский уехал послом Соединенных Штатов на Багамы), возможно, уменьшило способность украинцев говорить в Вашингтоне в один голос, особенно это касалось радиостанции «Свобода». Процессы против украинских иммигрантов, которых обвиняли в военных преступлениях, выход публикаций, содержащих бездоказательные клеветнические утверждения, вызвали чрезмерную оборонительную реакцию у некоторых видных представителей украинских эмигрантских общин. Такая сверхчувствительность, в свою очередь, мешала воздействовать на представительные учреждения и формировать общественное мнение за пределами украинских общин.

Примечания

¹ В начале 1946 года Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), которому подчинялись советские полицейские войска, был переименован в Министерство государственной безопасности (МГБ).

² См. «Нью-Йорк геральд трибюн» от 22 сентября 1947 года, с. 6, где сообщается о притоке людей в западные зоны, но (в крайне искаженном упоминании об истории националистического движения) говорится, что «союзнические источники» подозревают УПА в сотрудничестве с советским режимом. Советскому милицейскому

террору подверглись все украинцы, главным образом женщины в сельских районах. См., например: Террор Енкаведівських гарнізонів на українських землях // Літопис. Т. IX. С. 271—306.

³ *Пантелей Д. Індіченко*. Провал аграрной политики немецких фашистов на тимчасово окупованой Радянській Україні, 1941—1944. Неопублікована диссертация. Киевский университет, 1949. С. 242—243; ср., в частности, *Bohdan Wociurkiw The Uniate Church in the Soviet Ukraine, Canadian Slavonic Papers, V (1965)*. С. 99—107.

⁴ Історія української літератури. Т. II. Київ: Видавництво Академії Наук Української РСР, 1957. С. 804.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 794. Ср. Історія українського війська (2-е издание; Виннипег: издатель Иван Тыктор, 1953), с. 813, где датой убийства Галана называется 23 октября 1949 года; *Wociurkiw The Uniate Church*, с. 107—109.

⁷ Ср. Історія української літератури, с. 794, и *Сергей Даниленко Дорогою ганьби і зради* (Київ: «Науково думка», 1970), с. 337, о попытках Р.А. Руденко, генерального прокурора Украинской ССР, приписать убийство во время допроса действиям униатов. В 1970 году вышел другой «документальный фильм» об Украинской католической церкви. См. *A. Leonenko Since the Times History Remembers... // Людина і світ*. 1970. Іуль (выдержки из обзора советской украинской печати, XIV, ноябрь 1970. С. 21.

⁸ *Марко Боеслав*. Власні сили — динаміт і цемент нації // Літопис. Т. IV. С. 134.

⁹ Правда України. 1949. 30 октября. С. 2. См., в частности: *David R. Marples. The Soviet Collectivization of Western Ukraine, 1948—1949 Nationalities Papers, XIII (Spring, 1985)*. P. 24—44.

¹⁰ См. статью П. Симоненко в «Комуніст України», № 2, февраль 1961 г., с. 82—88, взято из «Обзора советской украинской печати». 1961. Апрель. № 4. С. 8.

¹¹ Історія українського війська. С. 806—810; ср. английскую версию Льва Шанковского в *The Ukrainian Insurgent Army in Fight for Freedom*. New York: United Committee of the Ukrainian-American Organization of New York. 1954. С. 44.

¹² Наиболее серьезная советская работа по Закарпатской Украине времен войны и послевоенного времени — *Ф. Евсеев*. Народные комитеты Закарпатской Украины: органы государственной власти (1944—1945). Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1955. Некоторую ценность имеет (в частности с. 120—125) работа В.А. Анучина «География советского Закарпатья» (Москва: Государственное издательство географической литературы, 1956). Чехословацкие должностные лица František Nemes и Vladimír Moudry в *The Soviet Seizure of Sub-Carpathian Ruthenia* (Toronto: William B. Andersson, 1955) пишут о последних месяцах войны, а Vasyl Markus в *L'Incorporation de l'Ukraine Subcarpathique a l'Ukraine Sovietique, 1944—1945* (Louvain: Centre Ukrainien d'Etudes en Belgique, 1956) представляет украинскую националистическую точку зрения. Ни в одном из этих источников не упомянута серьезная деятель-

ность УПА в Закарпатской Украине, хотя Евсеев пишет о попытках сформировать националистические партизанские отряды в области.

¹³ В свидетельстве — «Організація українських націоналістів, 1929—1954» (с. 222) заявляется: неудача националистических партизан на смежных с Буковиной Карпатах частично обусловлена трениями между ОУН-М и ОУН-Б.

¹⁴ См.: *John Armstrong. The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus* (New York: Frederick A. Praeger, 1959). P. 108—110.

¹⁵ *Історія Української РСР. Т. II. Київ: Видавництво Академії Наук РСР, 1958. С. 553.*

¹⁶ *Nikita S. Khrushchev. The Crimes of the Stalin Era: Special Report to the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union* (annotated by Boris I. Nikolayevsky) (New York: New Leader, 1956). P. 44.

¹⁷ Исполняющий обязанности Государственного секретаря Джозеф Грю помощнику личного представителя президента в Ватикане Гарольду Титтмэну-младшему, 11 июля 1945 года в США, Государственный департамент. Foreign Relations of the United States, Conference of Berlin (Potsdam), 1945, Vol. I // Washington: Government Printing Office, 1960. P. 801. См. также Congressional Record, 84th Congress, 2nd Session, Vol 102, Part 11 // Washington: Government Printing Office, 1956. P. H1884. Ср. в частности *Julius Epstein. Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation* (Old Greenwich: Devin-Adair, 1973). Некоторая дополнительная информация по этому вопросу дается: *George Fischer. The Soviet Opposition to Stalin* // Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952; *Alexander Dallin. German Rule in Russia, 1941—1945: A Study of Occupation Policies* // London: Macmillan & Co., Ltd., 1957. P. 659; и *Jürgen Thorwald. Wen sie verderben wollen: Bericht des grossen Verrats* (Stuttgart: Steingruben Verlag, 1952). P. 570 ff. Интересные детали найдены в советских работах — в «Правде Украины», 9 сентября 1945 г., с. 2, и у А. Брюханова // «Вот как это было: о работе миссии по репатриации советских граждан, воспоминания советского офицера» (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1958), с. 62—63, 83. О резкой реакции украинского националиста см.: *В. Коваль. Ми українці!* // Germany. 1948. С. 70, 88, 89.

¹⁸ В Германии и Австрии спустя два года после окончания войны было более 100 000 украинцев. Ср. *Stanislaw Paprocki* (бывший директор Польского исследовательского института национальных проблем, которого нельзя заподозрить в симпатии к украинскому национализму). *Political Organization of the Ukrainian Exiles after the Second World War in. The Eastern Quarterly*, V (January—April, 1952). P. 41—50; *Иван Рудницкий* (Кедрин), украинец, издавший труд *Ukrainian Political Scene Today* в *The Eastern Quarterly*, V, No. 4 (Autumn, 1949). P. 300—309; ценный труд написал Михаил Пап *Die Probleme der ukrainischen Staatlichkeit und der Emigration, Inaugural Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde vorgelegt der Höhen Philosophischen Fakultät der Rupert-Carola Universität zu Heidelberg*, 1948, с. 141.

¹⁹ См., в частности: *Степан Баран*. ЦПУЕ і УНДО // Українські вісті. 1949. 15 мая. С. 2. Роман Ільницький (Час. 1947. 19 октября), выступление против Барана (за его прежнюю критику бандеровской группировки).

²⁰ *Лука Паламарчук*. Українці в Канаді // Україна. 1943. Апрель—май. С. 49—51.

²¹ См. Michael Brown (ed.), *Ferment in the Ukraine: Documents by V. Chornovil, I. Kandyba, L. Lukyanenko, V. Moroz and Others* (New York: Praeger, 1971).

²² См. *American Historical Review*, LXVI (1971), с. 170—173; LXVII (1972), с. 546—547; LXVII (1973).

²³ *Concerning the Faults and Errors of One Book Editor* // *Komunist Ukerainy*, 1973. 4 апреля. С. 77—82. Полный текст в *Digest of the Soviet Ukrainian Press*, XVII (May, 1973). С. 1—6.

²⁴ *Holubenko*. Preface to Dziuba, p. xxii; Dziuba letter to editor, *Literaturna Ukraina*, November, 9. P. 4. Полный текст в *Digest of the Soviet Ukrainian Press*, XVII (December, 1973). С. 22—23.

²⁵ *New York Times*, October, 1959. P. 5; November 18, 1961; *ABN Correspondence* (November—December, 1961). С. 1—3.

²⁶ Личные наблюдения автора на XIII Международном конгрессе по историческим наукам. Москва. 1970. Август; *The General Meeting of the Divisions of the Akademy of Sciences of the Ukrainian SSR*, *Вісник Академії Наук Української РСР*, № 6 (1972. Июнь). С. 59—60. Взято из *Digest of the Soviet Ukrainian Press*, XVII, No. 2 (1973. Февраль). С. 24—25.

Оглавление

<i>Глава 1. Возникновение национализма</i>	5
<i>Глава 2. Украинцы и польская катастрофа</i>	31
<i>Глава 3. Раскол</i>	52
<i>Глава 4. Вторжение на Украину</i>	83
<i>Глава 5. Репрессии и рейхскомиссариат</i>	116
<i>Глава 6. От подполья к сопротивлению</i>	149
<i>Глава 7. Поиски спасения</i>	193
<i>Глава 8. Национализм и церковь</i>	225
<i>Глава 9. Сила националистической активности</i>	251
<i>Глава 10. Национализм и восточнoукраинская социальная структура</i>	279
<i>Глава 11. Географические вариации национализма</i>	299
<i>Глава 12. Перспективы национализма военного времени</i>	325
<i>Глава 13. После войны</i>	338

Джон Армстронг
УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
ФАКТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Ответственный корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.08.2008.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 18,08.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 2688.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.
E-mail: kursk-2005@yandex.ru www.petit.ru